

СЮРНИКЪ

СВѢДѢНІИ О КAVKAZСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

Кавказскаго Горскаго Управленія.

Възгукъ VII

ТИФЛИСЬ 1873.

*«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»*

СБОРНИКЪ

СВѢДЕНІИ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЪ СОЗВОЛЕНІЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнoкомандующаго Кавказскою Арміею

ПРИ

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ VII.

ТИФЛИСЪ.

—
1873.

Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

- I. Исследованія и матеріалы:
 - 1) Сказаніе очевидца о Шамилѣ, *Гаджи-Али* (переводъ съ арабскаго).
 - 2) Бывшее Елисейское султанство (съ картою), *И. П. Диневича*.
 - 3) Нѣсколько данныхъ для опредѣленія экономическаго быта жителей Елисейскаго наобства, Закавказскаго округа, ***.
 - 4) Присяга по обычному праву осетинъ, *Джантемира Шанаева*.
 - 5) Алаты Даргинскихъ обществъ.
 - II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:
 - 1) Изъ осетинскихъ народныхъ сказаній: а) Партовскія сказанія (два варианта о Сосрыко—О томъ, какъ великанъ поймалъ Урызмага—Парты и Сырдонъ—Гагагъ и его сыновья—Хагагъ-Барагъ), *Дж. Шанаева*; б) Сказаніе о св. Уастырджи, *Гуццра Шанаева*.
 - 2) Даргинскія сказанія о Муллѣ Насреддинѣ, *М. Аморова*.
 - III. Этнографическіе очерки:

Среди горцевъ Сѣвернаго Дагестана (изъ дневника гимназиста), *Гаджи-Мурида Аморова*.
 - IV. Приложенія:
 - 1) Преданія Адаевцевъ о святыхъ, себты Ханафіе, жившихъ и умершихъ на Мангышлакѣ; 2) Воззваніе Мухаммедъ-Сафы къ Адаевцамъ въ 1870 г.; 3) Разсказъ и стихи тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекена), 1870 г.; 4) О многочисленности и могуществѣ Уруса и 5) Киргизская пѣсня, — собр. и перев. *А. К.*
-

**ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕ-
РІАЛЫ.**

СКАЗАНИЕ ОЧЕВИДЦА О ШАМИЛѢ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Авторъ, преподнося рукопись на арабскомъ языкѣ своего «Сказанія» Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему Кавказскою Арміею, въ посвященіи ея высказалъ слѣдующее:

«Посвящая Вамъ этотъ ничтожный трудъ мой—книгу, въ которой я собралъ то, что видѣлъ и слышалъ о Шамилѣ отъ людей достовѣрныхъ, я проникнуть желаніемъ, чтобы Ваше Высочество не смѣшивали оную съ подобными сочиненіями, написанными не очевидцами, а по разсказамъ другихъ, и имѣли бы терпѣніе прочитать ее отъ начала до конца. При этомъ надѣюсь, что какъ самъ Шамиль, такъ и мюриды и даже сыновья его, подтвердятъ все сказанное мною въ этой книгѣ».

Не смотря, однако, на такой самоувѣренный тонъ Автора, высказывающійся и далѣе, во многихъ мѣстахъ самого «Сказанія»,—нельзя не замѣтить, что оно заключаетъ въ себѣ много невѣрностей, особенно въ изложеніи дѣйствій нашихъ войскъ, что отчасти извиняется незнаніемъ со стороны Автора причинъ, вызывавшихъ таковыя дѣйствія. Но и въ изложеніи фактовъ, самолично извѣстныхъ Автору, едва-ли онъ успѣлъ всюду соблюсти истину и безпристрастіе. Тѣмъ не менѣе, и при упомянутыхъ недостаткахъ, помѣщаемое ниже «Сказаніе» можетъ представить значительный интересъ для историка Кавказ-

ской войны, как материалъ для обрисовки нѣкоторыхъ сторонъ характера Шамиля и его главныхъ сподвижниковъ, а также какъ свидѣтельство того, какъ нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ понимали и понимаютъ самые факты этой войны.

Переводъ «Сказанія» съ арабскаго языка принадлежитъ Г. А. Подхалюзину.

СКАЗАНИЕ ОЧЕВИДЦА

О

ШАМИЛЬ.

Вступленіе.

Великій Русскій Императоръ есть глава семи странъ (¹). Онъ укрываетъ подъ стѣною своего крыла всѣхъ земныхъ владѣтелей; его меча и силы боится всъ народъ: никто не въ состояніи сопротивляться ему и враждовать съ нимъ; могущество его потрясаетъ троны враговъ и дворцы противниковъ; онъ подчинилъ себѣ весь свѣтъ. Это—великій океанъ, спусходительный къ виновнымъ. щедрый къ просящимъ, приближище всего міра; море благородства, великаго могущества и безчисленныхъ сокровищъ; рудникъ мужества и храбрости, источникъ благодѣяній и милостей.

(¹) По понятіямъ мусульманъ. вся земля раздѣляется на семь частей. *Прим. перев.*

Причина сочиненія этой книги.

Я—катибъ (писатель) Гаджи—Али, сынъ Абдуль—Малека—Эфенди, житель селенія Чохъ, изъ племени Нахабаша, общества Андалалъ, Дагестанской области. Родился я въ $\frac{1234}{1817}$ году 11 числа мѣсяца рамазана гиджры. Впродолженіи восьми лѣтъ учился я корану. Потомъ втеченіи 18-ти лѣтъ занимался изученіемъ арабскихъ наукъ, подъ руководствомъ ученыхъ Дагестана (*). Науки, которыя я изучалъ, слѣдующія: грамматика арабскаго языка, законовѣдѣніе, хадисъ (исторія Мухаммеда), тефсиръ (толкованіе корана), сіяръ (исторія войнъ, веденныхъ Мухаммедомъ), тавхидъ (наука объ единствѣ Божіемъ), сулюкъ или тарикать (наука о благочестіи и газаватѣ), арузъ (стихосложеніе) и нуджумъ (астрономія).

Въ 1251 году я изучалъ, подъ руководствомъ египетскаго инженера Гаджи—Юсуфа, математику и архитектуру, знаніе которыхъ необходимо каждому военному. Такимъ образомъ я достигъ того, что могъ отличать полезное отъ вреднаго и дурное отъ хорошаго. Истинное желаніе мое было вступить въ службу Русскому Императору, въ которой я засталъ отца моего при графѣ Паскевичѣ Эриванскомъ; въ 1226 году и въ 1231, онъ служилъ при баронѣ Розенѣ, при которомъ состоялъ переводчикомъ. Судьба однако-же при-

(*) Первые уроки арабскаго языка даны были мнѣ отцомъ моимъ; потомъ занимался я у Елисейскаго Казанъ—Эфенди, Гидатлинскаго Муртаза—али, Салтинскаго Хасана, Карахскаго Мухаммедъ—Тагира, Сугратлинскаго Ахмедъ—Дебира и Дженгутаевскаго Айюба.

вела меня служить Шамилю, и я служилъ ему усердно и честно. Причина этому была слѣдующая. Я находился при Елисейскомъ Даниэль-Султанѣ, а меньшей братъ мой былъ при князѣ Аргутинскомъ. Когда Шамиль явился въ Андалаль и остановился въ селеніи Чохъ, то жители пришли къ нему и старались оклеветать насъ, говоря: «сыновья Малека-Эфенди бѣжали къ русскимъ, а самъ онъ уже давно находится въ ихъ службѣ⁽³⁾; поэтому его нужно убить или арестовать.» Шамиль арестовалъ его и отправилъ въ селеніе Ансалты, для заключенія въ темницѣ, говоря: «Если ты жалеешь жить, то призови къ себѣ дѣтей своихъ; въ противномъ случаѣ, эта темница будетъ твоимъ гробомъ». Потомъ, когда Шамиль въ ¹²³⁶1839 году былъ разбитъ русскими подъ начальствомъ князя Аргутинскаго при Кюлюлю и Хозрежѣ и отступилъ изъ Кази-Кумухебаго ханства, я съ братомъ возвратился домой въ Чохъ. Не найдши старика-отца дома и получивъ свѣдѣніе, что онъ арестованъ Шамилемъ и заключенъ въ темницу въ селеніи Ансалты, мы отправились туда. Когда мы пришли въ это селеніе, Шамиль освободилъ нашего отца изъ заключенія и отпустилъ его въ Чохъ, а меня съ братомъ оставилъ при себѣ. И такъ я долженъ былъ поступить въ службу къ Шамилю и былъ усерднѣйшимъ его слугою. Но прошествіи семи лѣтъ, такъ сказать, испытанія, Шамиль сталъ ко мнѣ довѣрчивъ и поручилъ завѣдывать во всѣхъ 32-хъ наибстввахъ постройками укрѣпленій и другими работами. Я былъ инженеромъ Шамиля, начальникомъ стражи, велъ счетъ его приходу и расходу, числу низама (войска) и иногда исправлялъ должность казначеи и мирзы при немъ. Поэтому, я могъ вполне слѣдить за его дѣйствіями, видѣть его распоряженія, знать его переписку, войска, ихъ число, количество орудій и снарядовъ, его казну, дѣйствія наибовъ и положеніе народа. Я никогда не разлучался съ Шамилемъ ни въ походахъ, ни дома, и онъ, наконецъ, убѣдившись въ моей преданности, поручилъ мнѣ слѣдить за поступками и поведе-

(3) Въ это время отецъ мой, будучи преклонныхъ лѣтъ, въ чинѣ поручика, жилъ въ Чохѣ.

ніемъ его приближенныхъ и ученыхъ. Я нашелъ въ сердцахъ этихъ приближенныхъ и совѣтниковъ только зависть, клевету другъ на друга и жадность къ приобрѣтенію богатствъ какими-бы то ни было способами, вопреки правиламъ, которыхъ держался самъ Шамиль. Слѣдя за ихъ поведеніемъ, я узналъ людей, державшихъ чистосердечно сторону Шамиля и покорявшихся ему по неволѣ, людей способныхъ къ управленію Дагестаномъ и помогавшихъ имамства. Ознакомившись съ положеніемъ всѣхъ дѣлъ, я убѣдился въ непрочности власти Шамиля, въ неизбѣжномъ сокрушеніи его владычества и подпаденіи всего Дагестана подъ власть Русскаго Императора; потому что сподвижники Шамиля и его наобы крайне притѣсняли народъ и несколько не заботились о справедливости и благосостояніи въ подвѣдомственныхъ имъ населеніяхъ. Они только думали о здѣшней жизни, старались обогатиться на счетъ народа и напрасно проливали кровь мусульманъ. Ихъ несправедливость, корыстолюбіе и притѣсненіе народа достигли наконецъ крайнихъ предѣловъ.

Въ книгахъ сказано: «Государство зависитъ отъ благосостоянія городовъ». Еще въ другомъ мѣстѣ говорится: «Власть съ угнетеніемъ не продолжительна». Размышляя о послѣдствіяхъ такого управленія, я пожелалъ описать кратко то, что самъ видѣлъ съ тѣхъ-поръ, какъ я находился при Шамилѣ, а также и то, что я слышалъ отъ людей достовѣрныхъ; но не включилъ сюда народныхъ рассказовъ и толковъ, потому что часто они бываютъ ложны, какъ я и встрѣчалъ много книгъ, наполненныхъ пустыми разказами, не имѣющими никакой основательности.

Цѣль моя при составленіи этой книги была—заслужить вниманіе и благосклонность людей просвѣщенныхъ и чтобы она послужила нѣкоторымъ примѣромъ на будущее время. Начата она въ

1264	1276
1847	1859.

О Дагестанѣ вообще.

Дагестанъ населяютъ нѣсколько различныхъ племенъ, поселенія которыхъ разбросаны по неприступнымъ мѣстамъ: ущельямъ, лѣсамъ и горамъ, по скалистымъ берегамъ быстрыхъ рѣкъ, тѣснинамъ и горнымъ долинамъ. Горцы дики, какъ сама природа, окружающая ихъ, и хищны, какъ звѣри. Они добываютъ себѣ пропитаніе, тщательно обрабатывая каждый удобный клочокъ земли по склонамъ и уступамъ горъ.

Прежде они исповѣдывали разныя религіи и управлялись княземъ Сурака (*), изъ племени Руссовъ, столицею котораго было аварское селеніе Танусъ. Сурака былъ силенъ и могущественъ. Когда, въ 200 году гиджры, Абу-Муслемъ изъ Сиріи покорилъ Дагестанъ и силою оружія заставилъ горцевъ принять мухаммеданскую вѣру, Дагестанъ сдѣлался рудникомъ ученыхъ и храбрыхъ. Абу-Муслемъ, наложивъ посильную дань на дагестанскія племена, поставилъ въ каждомъ изъ нихъ хана изъ своихъ родственниковъ. Въ такомъ положеніи находился Дагестанъ долгое время. Поколѣнія и ханы смѣнялись, а съ ними измѣнялось положеніе горцевъ: они начали приходить въ упадокъ; каждый сталъ предаваться своимъ страстямъ и наклонностямъ; одни сдѣлались разбойниками, другіе ворами; стали дѣлать набѣги на Гурджистанъ, Тушь и Мосокъ (†); съ тѣмъ вмѣстѣ возникли междоусобныя брани и родовая вражда племенъ. По словамъ стариковъ, земля Дагестана сдѣлалась смѣсью крови, дракъ и раздоровъ. Эти междоусобія, войны съ пограничными странами и, наконецъ, въ послѣднее время упорная война съ русскими при Кази-Мухаммедѣ, Гамзатъ-бекѣ и Ша-

(*) Въ Дагестанѣ есть преданіе, что авары суть пришельцы съ сѣвера, изъ племени Руссовъ, что они управлялись князьями изъ рода, именуемаго Сургатъ, который властвовалъ надъ Аваріею до смерти Омаръ-хана аварскаго въ 1801 году. *Прим. пер.*

(†) Грузія, Тушетія и Ахалцихская провинція.

милѣ не прекращались до сего дня. Теперь-же корень войны, безпорядковъ и смуть пресѣченъ могуществомъ русскихъ.

Дагестанскіе ханы и ихъ избраніе.

Со времянь сирійскаго Абу-Муслемъ-хана, Дагестанъ большею частію управлялся потомками его, подъ именами хановъ и бековъ. Главнѣйшими изъ нихъ были ханы аварскіе, избраніе которыхъ было совершенно сходно съ избраніемъ русскихъ царей. На тронѣ аварскомъ не возсѣдалъ никто кромѣ хановъ изъ рода Сурака, до его пресѣченія въ мужскомъ и женскомъ колѣнѣ, какъ это извѣстно и подтверждается сохранившимися рукописями и преданіемъ. Если бы прекратился родъ аварскихъ хановъ, то на престолъ долженъ былъ быть избранъ ханъ изъ русскихъ, грузинъ или армянъ, что не могло случиться въ другихъ ханствахъ Дагестана. Избраніе прочихъ дагестанскихъ хановъ, какъ-то: шамхаловъ, хановъ цахурскихъ, казикумухскихъ, мехтулинскихъ и кайтагскихъ, было совершенно иное; потому что титулъ хана давался иногда не по праву наслѣдія, но тому, кто успѣвалъ присвоить его себѣ силою оружія, чему примѣровъ очень много. Порядокъ-же избранія аварскихъ хановъ по наслѣдству въ мужскомъ и женскомъ колѣнѣ былъ съ самаго начала до сего времени одинаковъ, безъ всякаго измѣненія.

Казі-Мухаммедъ, его дѣйствія и смерть.

Въ ¹²⁴⁴/₁₈₂₇ году, явился въ селеніи Гимры Казі-Мухаммедъ, сынъ Исмаила, человекъ ученый и храбрый. Онъ дѣйствовалъ на народъ

своимъ умомъ и знаніемъ, не проливалъ крови мусульманъ, не грабилъ ихъ имуществъ, не прельщался земными благами и не дорожилъ жизнью; однакожъ онъ имѣлъ немного послѣдователей и власть его простиралась только на нѣкоторые общества. Онъ почти безуспѣшно дѣлалъ набѣги на Дербентъ, Чечню и Назранъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Народъ рассказываетъ про него многое, но вѣрить этимъ рассказамъ трудно. тѣмъ болѣе, что я рѣшился писать только то, что самъ видѣлъ и слышалъ отъ людей достовѣрныхъ. Въ ¹²⁴⁹/₁₈₃₂ году, баронъ-Розенъ предпринялъ экспедицію въ Гимры и послалъ къ Кази-Мухаммеду черезъ Казикумухскаго Асланъ-хана пословъ: тифлискаго Сосія-бека, нухинскаго Али-Джанъбека и отца моего—чохскаго Абдулъ-Малска, съ словесными предложеніями и письмами о мирѣ. Кази-Мухаммедъ, прочитавъ письма барона Розена, послѣ двухдневныхъ совѣщаній съ находившимся въ то время въ Гимрахъ Гамзатъ-бекомъ, написалъ въ отвѣтъ слѣдующее: «что касается до того, чтобы прекратить непріязненные дѣйствія и заключить миръ, то это дѣло далекое. Мы только просимъ у васъ пропустить одну тысячу конницы въ Мекку. Это будетъ миръ». Баронъ Розенъ, прочитавши отвѣтъ Кази-Мухаммеда и увидѣвши его уклончивость, двинулся противъ него съ отрядомъ изъ Чечни и осадилъ его въ Гимрахъ. Послѣ упорнаго сраженія, Кази-Мухаммедъ былъ убитъ, а Шамиль, бывшій въ то время его мюридомъ⁽⁶⁾, раненный штыкомъ въ лѣвую сторону груди, бѣжалъ. Русскіе, взявъ большое число плѣнныхъ и добычу, возвратились въ Шуру, въ ¹²⁴⁹/₁₈₃₂ году режеба 3-го. Тѣло Кази-Мухаммеда отдано было русскими Шамхалу Тарковскому, который предалъ его землѣ въ сел. Таркахъ, что близъ г. Петровска. Кази-Мухаммедъ кончилъ

(6) Быть мюридомъ значитъ истинно вѣровать въ Бога и поклоняться ему; одинаково стараться дѣлать всѣмъ людямъ добро; не ослушиваться имама, не лгать передъ нимъ; не измѣнять ему ни въ чемъ, не брать взятокъ съ народа; не воровать, но если что нужно, то попросить; главное же—исполнять безъ замедленія всѣ приказанія имама, какъ-бы они трудны ни были.

жизнь свою на 75 году. Онъ не имѣлъ дѣтей, кромѣ одной дочери, которая умерла 10-ти лѣтъ.

Гамзатъ-бекъ и его дѣйствія.

По смерти Кази-Мухаммеда собрались сподвижники его, юрды, приближенные, ученые и другія лица, и избрали Гамзатъ-бега, сына Али-Эскендеръ-бега Гоцатлинскаго, имамомъ. Это было въ Гоцатлѣ $\frac{1231}{1834}$ года мѣсяца рамазана. Власть его сначала признали только Гоцатль, Ашилъта, Гимры, Телетль и Могогъ. Онъ былъ ученъ и уменъ; въ Дагестанѣ никто не могъ соперничать съ нимъ въ храбрости; онъ употреблялъ все усилія подчинить горцевъ своей власти и установить правильное управление. Однакожъ прочіе дагестанцы не признали его власти и объявили ему войну. Съ 300 человекъ Гамзатъ бросился на Андалалъ, и послѣ стычки, въ которой пало андалалцевъ 140 человекъ, подчинили это общество своей власти; отсюда онъ направился на Цудахаръ и Акушу, которые, послѣ битвы, въ которой пало 120 человекъ съ ихъ стороны, подчинились ему. Вслѣдъ за симъ признали власть его Гидатль, Караналъ, Тленсиръ, Тиндазъ, Бакалалъ, Титланъ, Хиндалалъ и Андалалъ. Собравъ войска отъ всѣхъ подчиненныхъ обществъ, Гамзатъ двинулся въ Аварію. Все деревни аварскія, куда ни появлялся онъ съ войскомъ, изъявляли ему свою покорность. Дошедъ до Хунзаха, въ которомъ заключилась аварская ханша Паху-бике, съ своими сыновьями Нуцалъ-ханомъ, Умма-ханомъ и Булачезъ, Гамзатъ осадилъ его. Послѣ сраженія, аварскіе ученые, съ согласія ханши, сдѣлали предложеніе Гамзатъ-беку заключить миръ. Гамзатъ потребовалъ выдачи въ заложники младшаго сына ханши, Булачъ-хана. Не имѣя никакой надежды на помощь, просимую у кази-кумухскаго Асланъ-хана, и лишившись войска, ханша принужде-

на была согласиться на требованіе Гамзатъ-бека и вручить ему Булачь-хана. По заключеніи мира, Гамзатъ-бекъ приказалъ представить къ нему Нуцаль-хана и Умма-хана, со всѣми учеными и почетными лицами Аваріи.

Зная хитрость и коварство Гамзатъ-бека и товарища его, Шамиля, Паху-бике рѣшилась послать двухъ своихъ сыновей съ горстью оставшихся при ней храбрецовъ, сказавши имъ: «О, герои! не страшитесь, будьте какъ львы и уповайте на Бога!» Гамзатъ-бекъ припалъ сыновей Паху-бике въ своей палаткѣ. Послѣ вечерней молитвы и проповѣди къ народу, Гамзатъ-бекъ и Шамиль скрылись изъ лагеря. Тотчасъ-же завязалась перестрѣлка между хунзахцами, прибывшими съ ханами, и мюридами. Нуцаль-ханъ и Нуръ-Мухаммедъ Аварскій были убиты передъ палаткой, а Умма-ханъ въ палаткѣ. Хунзахцы, полагая, что Гамзатъ-бекъ находился въ то время въ палаткѣ, испещрили ее мѣткими выстрѣлами, какъ рѣшето. Такимъ образомъ погибли въ этотъ день два аварскихъ хана и много почетныхъ лицъ и героевъ Хунзаха, трупы которыхъ были обнажены и оставлены среди лагеря. На другой день Гамзатъ-бекъ приказалъ умертвить старуху Паху-бике, убійство которой воспрещается законами. Гимринецъ Салихилау ворвался во дворъ ханши, которая въ то время читала коранъ, и, схвативъ ее за руку, ввелъ въ конюшню, гдѣ и отрубилъ ей голову шашкою. Шамиль, по приказанію Гамзатъ-бека, ограбилъ ханскій дворецъ, отправился съ Булачь-ханомъ въ Гоцатль, гдѣ, оставивъ его, возвратился самъ въ Гимры. Гамзатъ-бекъ поселился въ ханскомъ дворцѣ въ Хунзахѣ, а войска распустилъ по домамъ.

Народъ, видя несправедливые поступки Гамзатъ-бека, пересталъ за него молиться и сталъ говорить: «Гамзатъ поплатится жизнью за убійство преклонной ханши». И дѣйствительно, спустя нѣсколько времени Гамзатъ былъ изрубленъ въ куски въ мечети Османомъ, братомъ Гаджи-Мурада, и другими, въ отмщеніе за убійство хановъ. Тогда Аварія осталась безъ хана и начальника, какъ стадо безъ пастуха. Что касается до Асланъ-хана, у котораго ханша Паху-бике просила помощи, то онъ въ то время стоялъ со

всѣмъ войскомъ своимъ на Турчи-Дагѣ, откуда тайно посылалъ письма Гамзатъ-беку и хашѣ, совѣтуя первому истребить всѣхъ членовъ аварскаго ханскаго дома, а второй отнюдь не покоряться Гамзатъ-беку и не принимать отъ него никакихъ предложеній (?), потому что онъ былъ чапка (?), а она дочь Умма-хана, владѣтеля Дагестана; и вмѣстѣ съ тѣмъ обнадеживалъ ее, что онъ скоро прибудетъ къ ней на помощь со всѣмъ своимъ войскомъ.

Такимъ образомъ Аслапъ-ханъ склонилъ Гамзата къ такому низкому поступку—погубить аварскихъ хановъ, въ отмщеніе за ту вражду, которая была между нимъ и Паху-бике.

Шамиль и его имаство (?).

По умерщвленіи Гамзата, власть имама перешла къ Шамилю, сыну Мухаммеда Гимрійскаго, дагестанскому узденю, родственнику

(?) Причиною вражды былъ отказъ Паху-бике въ рукѣ дочери Аслапъ-хану. Дочь эта была выдана впоследствии за шамхала тарковскаго.

(?) Рожденный отъ неравнаго брака: отъ бека и простой.

(?) Шамиль родился въ 1216 году гуджры, т. е. въ 1799 году отъ Р. Х., отъ гимринца Мухаммеда и гимринки Баху-Мсседу. Съ шести-лѣтняго возраста Шамиль сталъ читать коранъ подъ руководствомъ ученаго дяди своего по матери, Хазура, а потомъ учился у него другимъ наукамъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, Шамиль отправился съ Кази-Мухаммедомъ въ сел. Унцукуль, гдѣ занимался сначала подъ руководствомъ ученаго Кази-Мухаммеда, потомъ Ирганійскаго Гаджи-Мухаммеда, Хунзахскаго Лачинлау и другихъ ученыхъ Дагестана. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ въ наукахъ познанія, которыя превосходилъ своихъ товарищей. Шамиль былъ благоравнымъ юношей, между тѣмъ какъ отецъ его Мухаммедъ былъ очень пристрастенъ къ горячимъ напиткамъ. Въ первые дни послѣ принятія Кази-Мухаммедомъ имаства и распространенія имъ шаріата и тариката, Шамиль не соглашался съ нимъ и не исполнялъ его приказаній, потомъ же сдѣлался крыломъ его и другомъ, и вмѣстѣ съ нимъ

кази-кумухскихъ хановъ по матери. Народъ и ученые изъ нѣкоторыхъ деревень Хицдалала (Койсубу), собравшись въ Ашильту, избрали его имамомъ. Избраніе происходило такимъ образомъ: кадїи и народъ, собравшись въ главную ашильтинскую мечеть, послали за Шамилемъ. Онъ пришелъ въ мечеть нѣшкомъ, съ 5-ю мюридами, и сѣлъ въ михрабѣ (мѣсто въ мечети, гдѣ кадїи совершаетъ общественную молитву). Тогда главный кадїи обратился къ нему съ вопросомъ: «Согласенъ-ли ты быть нашимъ имамомъ, Шамиль?» Шамиль отвѣчалъ: «Согласенъ». Послѣ этого отвѣта, кадїи сталъ молиться объ упроченїи имамства Шамиля, продленїи его жизни и дарованїи счастья и благополучїя народу, признавшему надъ собою его власть. Затѣмъ кадїи, поднявъ руки къ небу, произнесъ «фатиха», что значитъ: кончено, быть посему, и, по обычаю, погладилъ обѣими руками бороду; народъ тоже, поднявъ руки къ небу, отвѣчалъ: аминъ, аминъ, аминъ! и гладилъ бороды. Окончивъ этотъ обрядъ, кадїи, а за нимъ весь народъ и ученые, подходили къ Шамилю, цѣловали у него руку и поздравляли его, говоря: «да будетъ благословеніе твое имамство». По избранїи, Шамиль отправился домой въ Гимры, гдѣ, по обычаю, угощалъ всѣхъ почетныхъ людей и ученыхъ.

отправился въ Кюринское ханство, къ извѣстному ираглинскому ученому Мухаммеду-Эфенди, для окончательнаго изученїи шарїата. Мухаммедъ-Эфенди, передавъ имъ свои познанїя въ тарикатѣ, позволилъ имъ распространять оный въ Дагестанѣ и выдалъ дочь свою за Кази-Мухаммеда.

Первою женою Шамиля была гимринка Хадисатъ, которой давъ разводную, онъ женился на гимринкѣ Фатиматъ. Вслѣдъ за симъ онъ женился на гимринкѣ Джавгаратъ, которая, вмѣстѣ съ сыномъ отъ ней Саломъ, умерла въ Ахульго. Поселившись въ Дарги-Ведено, Шамиль женился на плѣнной армянкѣ Шуанстъ. Послѣ смерти Фатиматъ, матери сиповой его Джемалэддина, Кази-Мухаммеда и Шафи-Мухаммеда, Шамиль женился на дочери казикамухца Джемалэддипа, Зангдатъ, умершей въ селенїи Алистанджа, во время похода князя Воронцова въ Андію. Въ послѣднее время Шамиль женился еще на гимринкѣ Фатиматъ, съ которою развелся черезъ два года послѣ брака.

Шамиль былъ человекъ ученый, набожный, проникательный, храбрый, мужественный, рѣшительный и въ тоже время хороший наѣздникъ, стрѣлокъ, пловецъ, борецъ, бѣгунъ, однимъ словомъ— никто ни въ чемъ не могъ состязаться съ нимъ. Онъ хорошо изучилъ народъ и землю Дагестана въ то время, какъ находился при Гамзатъ-бекѣ. Онъ былъ способенъ на все, чтобы не задумалъ предпринять.

Въ началѣ имамства Шамиля, власть его признавалась только койсубулинцами. Черезъ 15 дней послѣ избранія, Шамиль съ 100 человекъ отправился изъ Ашильты къ горѣ Атлада (въ Койсубу), около селенія Буцра, откуда послалъ въ Гоцатль 50 человекъ, съ приказаніемъ привезти оттуда казну и сокровища аварской ханши Паху-бике, а также сына ея Булачь-хана, который оставался тамъ, всѣ вещи байтуль-мала и оружіе, отобранное Гамзатомъ у народа въ видѣ залога мира. Мюриды, взявъ въ Гоцатль 11-ти лѣтняго Булачь-хана, обучавшагося въ то время корайу, всѣ вещи байтуль-мала и оружіе, на сорока лошадяхъ, а также и скотъ собранный прежде Гамзатъ-бекомъ (кромѣ послѣдства, доставшагося ему отъ отца), привезли къ Шамилю. Онъ отправилъ всю казну въ Ашильту, а Булачь-хана оставилъ въ селеніи Харачи, что около Унцукуля, приказавъ жителямъ кормить и хранить его. Въ тотъ же день Шамиль, услышавши, что русскіе приближаются къ Гимрамъ, отправился туда съ 40 человекъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, русскіе возвратились къ Эрпелямъ, а Шамиль въ Ашильту, куда онъ приказалъ привезти Булачь-хана и бросить его въ рѣку съ моста между Унцукулемъ и Гимрами. Салахилау, убійца матери Булачь-хана, исполнилъ это гнусное приказаніе. Послѣ этого Шамиль, окруживъ себя мюридами, разъѣжалъ по селеніямъ Койсубу и вводилъ вездѣ въ дѣйствіе коранъ и шаріатъ. Постоянное пребываніе онъ имѣлъ преимущественно въ Ашильтѣ и Чиркатѣ.

Прибытіе генераловъ Клюки-фонъ-Клюгенау и Ланского съ отрядомъ въ Гочатль.

Спустя мѣсяць послѣ убійства Гамзатъ-бека и утверждѣнія Шамиля имамомъ, въ началѣ осени ¹²³¹/₁₈₃₄ года 12 джемалу-ахира, генералы Клюки-фонъ-Клюгенау и Ланской, прибывъ съ отрядомъ въ Гочатль, расположились въ садахъ этого селенія и успѣли захватить въ добычу все имущество и стада жителей онаго. Въ этомъ отрядѣ участвовали шамхаль съ братомъ, казикумухскій Асланъ-ханъ, съ двумя сыновьями, Нуцаль-ханомъ и Мухаммедъ-Мирзою и другими казикумухскими беками, мехтулинскій Ахмедъ-ханъ съ братомъ Али-Султаномъ, а также конница Андалала и Аварія и всѣ почетные лица Дагестана. Здѣсь произошло совѣщаніе между главными русскими начальниками, ханами, учеными и почетными лицами, относительно назначенія временнаго хана въ Аварію и приведенія народа къ присягѣ на вѣрность Русскому Императору, съ обязательствомъ считать врагами всѣхъ враговъ Россіи, какъ-то Шамиля и ему подобныхъ. Всѣ ханы желали получить управленіе Аварскимъ ханствомъ. На площади Умманъ-Каута произошелъ долгій споръ. Наконецъ, всталъ ученый Асланъ-ханъ казикумухскій и сказалъ: «Знайте, что престолъ Аваріи есть престолъ русскаго князя Сурака, — такъ не простирайте вашихъ видовъ на него, потому что вы не изъ его поколѣнія. Въ случаѣ-же прекращенія этого рода, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ колѣнѣ, я самый ближайшій наследникъ аварскаго престола (мать Асланъ-хана была родная сестра Умма-хана аварскаго). Такъ гдѣ-же вамъ получить тронъ аварскій?» Высшее русское начальство осталось довольно его рѣчью и согласилось назначить сына Асланъ-хана, Мухаммедъ-Мирзу, правителемъ Аваріи на мѣсто убитаго Нуцаль-хана, сына Паху-бике, впредь до совершеннолѣтія потомка Умма-хана ⁽¹⁰⁾. По-

⁽¹⁰⁾ Жена Нуцаль-хана осталась послѣ него беременною и родила сына, который отправленъ былъ въ Россію и умеръ тамъ.

томъ генераль Клюки-фонъ-Клюгенау принялъ присягу отъ 10—20 человекъ почетныхъ каждаго общества въ вѣрности. Изъ Андалала присягнуло 20 человекъ; первымъ присягнуть изъ селенія Цугура, что въ Согратиѣ, Мухаммедъ-вади. Они поклялись и подтвердили, что будутъ въ точности исполнять приказанія русскаго правительства и отнюдь не будутъ слѣдовать внушеніямъ Шамиля. Потомъ Клюки-фонъ-Клюгенау, обратившись къ присягнувшимъ, сказалъ: «кто преступитъ эти обѣщанія и клятвы и послѣдуетъ ученію Шамиля, тотъ будетъ лишень своего званія и мѣста и подвергнется всей строгости наказанія клятвопреступниковъ, хотя-бы то былъ ханъ, бекъ, вадій или другое какое-либо другое лицо». При этомъ онъ подарилъ каждому присягнувшему по три голландскихъ червонца. Присягу давалъ Нуричъ изъ селенія Тухита; переводчикомъ въ то время былъ штабсъ-капитанъ Абдулъ-Малежь. Приказавъ съечь селеніе Гоцатля, Клюгенау съ отрядомъ возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Когда пришелъ Шамиль, то присягнувшіе первые изъявили ему покорность, а нѣкоторые сдѣлались его набами. Объ этомъ я буду говорить подробно ниже.

Зиму того года Шамиль съ семействомъ и родственниками проводилъ въ Гимрахъ, Игали, Чиркатѣ и Ашильтѣ, отнуда, на-учая мюридовъ, дѣлалъ набѣги на Аварію, отбивалъ у жителей скотъ, грабилъ и жегъ деревни.

Прибытіе генераль-маіора Фези въ Аварію.

Когда Шамиль, по возвращеніи Клюки-фонъ-Клюгенау изъ Гоцатля, началъ усиливаться и наносить вредъ аварцамъ, разоряя ихъ селенія, тогда почетнѣйшіе и ученые люди отправились, съ разрѣшенія Клюки-фонъ-Клюгенау, въ Тифлисъ къ Главнокомандующему просить помощи, говоря, что Шамиль ихъ врагъ и хочетъ истребить всѣхъ ихъ, подобно тому какъ истребилъ ихъ хановъ. Баронтъ

Розень приказалъ отправиться генераль-майору Фези съ отрядомъ въ Аварію въ ¹²³²₁₈₃₃ году. Фези, прибывъ къ Карадахскому мосту, остановился тамъ съ отрядомъ и приказалъ исправить дороги; потомъ, поднявшись въ Аварію, онъ расположился въ Хуизахъ и занялся постройкою крѣпости, башенъ, укрѣпленіемъ опасныхъ мѣстъ и назначеніемъ стражи на границѣ съ враждебными обществами. По смерти казикумукскаго Асланъ-хана и его сына, Нуцаль-хана, Мухаммедъ-Мирза-ханъ оставилъ Аварію и принялъ Казикумукское ханство. На мѣсто его генераль Фези назначилъ управляющимъ Аварію Ягья-хана казикумукскаго, племянника Асланъ-хана. Ягья-Гаджи-ханъ, видя безпокойное состояніе Дагестана, просилъ уволить его, и на мѣсто его былъ назначенъ Ахмедъ-ханъ мехтулипскій, на тѣхъ-же правахъ, какъ и Мухаммедъ-Мирза-ханъ. Услышавъ о безпорядкахъ въ Телетлѣ, генераль Фези приказалъ Мухаммедъ-Мирзѣ-хану отправиться впередъ въ Телетль, а самъ съ главными силами послѣдовалъ за нимъ черезъ Голотлинскій мостъ, взявъ съ собою Ахмедъ-хана и конницу Аваріи.

Выступленіе Шамиля и Гаджи-Ташау въ Телетль на помощь Кибитъ-Мухаммеду.

Телетлинскій Кибитъ-Мухаммедъ, сынъ хана Хачулавъ-Мухаммеда, былъ человекъ бѣдный, но ученый. Онъ сопутствовалъ Гамзату и Шамилю во всѣхъ ихъ походахъ, съ завистью смотрѣлъ на ихъ власть и могущество и имѣлъ сильное желаніе достигнуть значенія въ народѣ и быть послѣ Шамиля имамомъ. Съ этою цѣлью, онъ, съ помощью хитрости, возмутилъ народъ и истребилъ телетлинскихъ бековъ (33 человекъ) въ одинъ день, сжегши ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Кибитъ-Мухаммедъ продолжалъ дѣйствовать такимъ образомъ и говорилъ, что онъ поступаетъ по шаріа-

ту. Генералъ Фези, узнавши о таковыхъ дѣйствіяхъ Кибить-Мухаммеда, выступилъ въ $\frac{1232}{1835}$ году противъ него съ отрядомъ изъ всего Дагестана, чтобы наказать его и захватить тамъ Шамиля и Ташау-Гаджи, чеченскаго ученаго друга Шамиля. Прибывъ къ Телетлю, онъ остановился на телетлинскихъ посѣвахъ и окружилъ аулъ. Послѣ сраженія, русскіе завладѣли половиною селенія. Шамиль и Кибить-Мухаммедъ заперлись въ мечети и 20-ти сакляхъ. Они ослабѣли отъ большой потери и голода, а потому, не имѣя силъ болѣе защищаться, послали секретно письма къ Мухаммеду-Мирзѣ-хану, прося его устроить миръ между ними и русскими. Мухаммедъ-Мирза-ханъ настаивалъ заключить миръ и успѣлъ обольстить генерала Фези. Миръ былъ заключенъ. Фези съ отрядомъ возвратился въ Аварію. Заложниками мира были: племянникъ Шамиля по сестрѣ, Гамзатъ, и племянникъ Кибить-Мухаммеда. Что касается до Ахмедъ-хапа, то онъ желалъ погасить возмущеніе въ Дагестанѣ прекращеніемъ рода Кибить-Мухаммеда, взятіемъ Шамиля и его товарищей и разореніемъ Телетля такъ, чтобы не осталось въ немъ камня на камень. Поэтому между Ахмедъ-ханомъ и Мухаммедъ-Мирза-ханомъ возникла непріязнь за то, что сей послѣдній обманулъ генерала Фези и склонилъ его заключить миръ и тѣмъ помогъ Шамилю и Кибить-Мухаммеду избавиться отъ неизбѣжной гибели. Изъ Телетля Шамиль и Ташау-Гаджи, со спутниками своими, направились черезъ Гидатль въ Чиркатъ.

Здѣсь нужно замѣтить, что Шамиль выступилъ на помощь Кибить-Мухаммеду въ Телетль съ тремя-стами всадниковъ. Когда онъ прибылъ въ Карату, то жители Ахваха, узнавъ объ его намѣреніи, преградили ему путь между Ахвахомъ и Асабомъ; но послѣ угрозъ пропустили. Достигнувъ до селенія Асаба, что въ Гидатлѣ, онъ встрѣченъ былъ жителями Гидатля, какъ врагъ, и послѣ перестрѣлки, принужденъ былъ бѣжать обратно съ такою поспѣшностію, что женщины ахвахскія, встрѣтивъ сподвижниковъ его, завладѣли значаками ихъ и отняли весь съѣстной запасъ. Шамиль съ трудомъ добрался до Зунуба (покосныя мѣста Караты) и укрывался въ одной пещерѣ 12 дней, съ небольшимъ числомъ спутниковъ; потомъ тай-

но ночью пробрался черезъ ахвахскія деревни до моста Гида. Гидатлинцы не позволяли ему перейти черезъ мостъ. Онъ обратился къ селен. Ратлу, перешелъ въ селеніи Кэхъ черезъ мостъ и достигнулъ Телетля черезъ возвышенности Каралалъ. Такого труда стоило Шамилу придти на помощь къ Кибитъ-Мухаммеду. На возвратномъ же пути онъ не встрѣчалъ подобныхъ препятствій. Передъ прибытіемъ въ Телетль, Шамиль послалъ съ возвышенности Каралалъ въ Андалалъ письмо слѣдующаго содержанія: «Я и вы—братья по религіи. Двѣ собаки дерутся, но когда увидятъ волка, то, забывъ свою вражду, вмѣстѣ бросаюся на него. Хотя мы враги между собою, но рускіе—волкъ нашъ, а потому прошу васъ соединиться со мною и сражаться противъ общаго врага; если же вы не поможете мнѣ, то Богъ—мой помощь». Андалалцы не приняли его просьбы и съ генераломъ Фези пошли противъ него въ Телетль.

Въ слѣдующіе три года Шамиль дѣлалъ безпрестанныя, но неуспѣшныя набѣги на окрестныя сел. Койсубу: Игали, Харачи, Харадирихъ, Мушули; въ Гумбетъ и Андію. Но аварцы, подъ начальствомъ хузахскаго Гаджи-Мурада, Кара-Книши, Химмадъ-бека, Шахъ-Ша-бека Дженгутасевскаго и другихъ, вездѣ препятствовали его успѣхамъ. Всѣ эти схватки были между одними мусульманами, безъ участія русскихъ.

Вступленіе Шамилы въ Ахульго и его укрѣпленіе.

Шамиль не извлекъ никакой пользы изъ своихъ набѣговъ. Лишившись всякой надежды на содѣйствіе и помощь дагестанцевъ, видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами, какъ русскими, такъ и вольными племенами Дагестана, не хотѣвшими подчиниться его власти, и слыша о приближеніи русскихъ, онъ избралъ Ахульго и, вошедъ въ него съ небольшимъ числомъ мюридовъ, приказалъ провести съ одной доступной стороны ровъ (Ахульго окру-

женъ съ трехъ сторонъ обрывомъ), укрѣпить его и построить для себя домъ, въ которомъ сталъ ожидать прихода русскихъ.

Въ началѣ лѣта $\frac{1236}{1839}$ года мѣсяца рабіуль-аввала, генералъ Граббе, съ отрядомъ, въ которомъ участвовали Мехтулинскій Ахмедъ-ханъ и вся конница Дагестана, прибыли въ Ахульго и осадили его. Три мѣсяца продолжалась осада: русскіе предложили Шамилю выдать въ заложники одного изъ его сыновей. Онъ согласился и вручилъ имъ малолѣтняго своего сына, Джемалэддина. Потомъ потребовали, чтобы онъ самъ пріѣхалъ въ лагерь. Шамиль опасаясь измѣны, отказался и рѣшился защищаться. Послѣ 12-ти часового штурма, русскіе завладѣли укрѣпленіемъ. Шамиль, съ семействомъ и семью приверженцами: Мухаммедомъ-Ахъ-Берды-Хунзахскимъ, гоцалинцами: Мухаммедомъ Худанать-оглы, Гамматомъ-Мухаммедъ-бекъ-оглы, Пилятомъ Мухаммедъ-оглы, чиркевцемъ Юпусомъ Мухаммедъ-оглы, Шуръ-Али Харадирихскимъ и Зираромъ-Али-оглы Шагадійскимъ, спустился по обрыву на берегъ Койсу и скрывался тамъ подлѣ скалою три дня, откуда на четвертые сутки бѣжалъ ночью въ Шубутъ. Русскіе, получивъ въ добычу всю вазну Шамиля и его имѣніе, взяли въ плѣнъ много семействъ, возвратились черезъ Чиркей въ Шуру.

Вступленіе Шамиля въ Гехи и Чечню.

По мѣрѣ того, какъ усиливались притѣсненія генерала Пулло надъ чеченцами, увеличивались и просьбы послѣднихъ къ Шамилю, чтобы онъ пришелъ освободить ихъ. Шамиль съ радостію спѣшилъ исполнить ихъ желаніе. Въ $\frac{1236}{1839}$ году, спустя 5 мѣсяцевъ послѣ бѣгства изъ Ахульго, зимою, Шамиль явился съ горстью своихъ мюридовъ въ селеніе Атахъ, что въ Гехи, жители котораго тотчасъ-же признали его имамомъ. Такимъ-же образомъ покори-

лись всѣ селенія Гехи и Чечни. Потомъ, по приглашенію, Шамиль отиравился въ Аухъ и Салатау, которые также признали его имамомъ. Шамиль, увлеченный успѣхомъ, прибылъ черезъ Чиркей со скоплицемъ чеченцевъ, салатавцевъ и чиркеевцевъ въ селеніе Ишкарты, въ надеждѣ что шамхальцы такъ-же примутъ его. Посланный противъ него небольшой отрядъ русскихъ, съ шамхаломъ и Ахмедъ-ханомъ, былъ имъ окруженъ; но на другой день во-время подошли главныя силы русскихъ, выручили шамхала и Ахмедъ-хана, и Шамиль принужденъ былъ отступить обратно черезъ Чиркей, Буртунай и Баянъ въ Дарги-Ведено, который онъ избралъ своею резиденціею. Число мугаджировъ (дезертировъ) постоянно возрастало; въ скоромъ времени Дарги стали многочисленнымъ селеніемъ. Шамиль постоянно получалъ со всѣхъ сторонъ приглашенія придти съ войскомъ и никогда не отказывался. Онъ умѣлъ снискать своими ласками и обѣщаніями расположеніе дагестанцевъ, заслужить ихъ довѣріе и привлечь на свою сторону умныхъ, ученыхъ и вліятельныхъ людей, которыхъ назначалъ своими шабамми. Такимъ образомъ ему подчинились: Чечня, Гумбетъ, Салатавія, Анци, Шубуть, Кіялалъ, Ункратль, Чамалалъ, Нуцатли, Калалалъ, Боголалъ, Гидатль, Баклюкъ, Тетлалъ и Каралалъ. И не смотря на то, что горцы народъ дикій, склонный къ грабежамъ и разбоямъ, съ боязнію смотрящій на всякое нововведеніе, они признали его своимъ имамомъ и до такой степени предалися ему, что по приказанію его жертвовали жизнію и сражались противъ своихъ отцовъ, братьевъ и дѣтей. Шамиль съ своей стороны заботился о подчиненныхъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ. Упрочивши свою власть назначеніемъ преданныхъ ему людей шабамми, Шамиль занялся приведеніемъ въ исполненіе шаріата, искорененіемъ обычаевъ, противныхъ его постановленіямъ, какъ-то: куренія табаку, употребленія горячихъ напитковъ и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Гидатлѣ, Боголалѣ, Цунтѣ, Аицухѣ, Чамалалѣ и другихъ, женщины до Шамиля не носили штановъ. Прекративъ междоусобныя брани и родовыя непріязни, Шамиль спаялъ общества въ одинъ народъ, готовый исполнять всѣ его приказанія. Горцы безпрекословно, наружно и внут-

ренно, принимали и исполняли всё его распоряженія. Шамиль былъ признателенъ къ нимъ и по заслугамъ награждалъ каждаго; онъ старался направить ихъ на истинный путь и доставить имъ пользу и удобства жизни, никогда не отступалъ отъ шаріата (исключая двухъ случаевъ); онъ велъ газавать, какъ предписываютъ горанъ и хадисъ. Слава и вліяніе его на Дагестанъ послѣ того со дня на день увеличивались въ продолженіи пяти лѣтъ, до $\frac{1262}{1845}$ года.

Нападеніе Шамиля на Казикумухское ханство и покореніе его.

Въ концѣ $\frac{1257}{1840}$ года, Шамиль, по просьбѣ казикумухцевъ, направился съ войскомъ черезъ Андію, Карату, Телетль въ Казикумухское ханство и остановился въ Ругуджѣ. Въ тотъ-же день генераль Фези прибылъ въ Чохъ. Поутру чохскіе старшины и ученые пришли къ Фези и просили его возвратиться. Фези согласился, но съ своей стороны приказалъ чохцамъ попросить Шамиля, чтобы онъ не приходилъ къ нимъ; въ противномъ случаѣ, если они позволятъ вступить ему, то всё чохскіе кушцы, находящіяся въ Тиллисѣ и другихъ мѣстахъ, будутъ арестованы и сосланы въ Сибирь, а товары ихъ, въ которыхъ и они участники, будутъ конфискованы. По возвращеніи Фези, чохцы послали къ Шамилю въ Рагуджу двухъ ученыхъ, Мухаммеда-Пирау и Ахмада Ханзадъ-оглы, просить его возвратиться назадъ и передать ему слова генерала Фези. Шамиль, какъ будто, принялъ ихъ просьбу, сказалъ посламъ, что вечеромъ возвратится въ Телетль и просилъ ихъ быть покойными. Чохскіе послы возвратились. Шамиль-же, пользуясь туманнымъ днемъ, двинулся влѣдъ за ними. Чохцы, узнавши отъ пословъ, что Шамиль возвратится къ вечеру въ Телетль, были совершенно покойны. Но вдругъ внизу послышался гимнъ мюрюдовъ «ла-илага-илля-ллагъ» и показались значки ихъ. Шамиль употребилъ такую хитрость по-

тому, что боялся сопротивленія чохцевъ. Онъ засталъ ихъ въ рас-
пложъ. Чохцы не оказали никакого сопротивленія и убѣдительно
просили Шамиля возвратиться. Шамиль согласился и сказалъ: «Я
возвращаюсь въ Ругуджу только для освобожденія вашихъ купцовъ».
Чохцы были очень благодарны. Ночью Шамиль изъ Ругуджи, освѣ-
щая путь факелами, направился черезъ мостъ Апада къ Казку-
мухскому ханству. Въ утру онъ достигъ селенія Бухны и въ тотъ-
же день послѣ перестрѣлки вошелъ съ войскомъ въ сел. Кумухъ,
убилъ тамъ дженгутаевского Ягъя-бека Будаи-оглы съ тридцатью че-
ловѣками, плѣнилъ князя Грузинскаго, Мухаммедъ-Кадія-Цугура и
нѣкоторыхъ другихъ жителей Кумуха. Взявъ въ заложники Мах-
мудъ-хана Тагиръ-бекъ-оглы, племянника Асланъ-хана, сына Гарунъ-
бека Мирзу-Зану и многихъ другихъ почетныхъ лицъ и назначивъ
наибомъ казикумухскимъ Гаджи-Ягъя-хана, сына Тагиръ-бека. Ша-
миль возвратился съ большою добычею въ Дарга.

По прибытіи въ Дарга, Шамиль занялся литьемъ орудій и
заготовленіемъ военныхъ припасовъ для войны съ русскими и му-
сульманами, не признававшими его власти, отдавъ приказаніе уби-
вать всѣхъ мятежниковъ и людей подозрительныхъ, а имѣніе ихъ
конфисковать. Огнитіемъ орудій занимались Гаджи-Джебраилъ Унцу-
кульскій и Муса Казикумухскій; первый ознакомился съ этимъ
искусствомъ въ Египтѣ, во время путешествія своего въ Мекку, а
второй былъ хорошии оружейный мастеръ и помогать ему.

Прибытіе посла египетскаго паша Ибрагима, инженеръ Юсуфа-Гаджи.

Въ ¹²³⁷₁₈₄₀ году, пріѣхалъ черезъ Чечню изъ Египта, по прось-
бѣ Шамиля, инженеръ Юсуфъ-Гаджи Юсуфъ-Зада-оглы. Онъ обла-
далъ знаніями, неизвѣстными до того времени никому въ Дагестанѣ

Онъ хорошо зналъ всё науки и въ особенности математику и архитектуру. Когда Шамиль увидѣлъ его громадные знанія, то приказалъ мнѣ учиться у него математику и архитектуру и Гаджи-Юсуфъ передалъ мнѣ свои познанія. Потомъ, по совѣту Гаджи-Юсуфа, Шамиль устроилъ низамъ (регулярное войско), раздѣливъ его на сотни и десятки, и поставилъ въ каждомъ обществѣ наиба. Юсуфъ-Гаджи занимался постройкою укрѣпленій и всячески старался содѣйствовать предпріятіямъ Шамиля по управленію и въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ власть Шамиля въ Дагестанѣ еще болѣе увеличилась и приказанія его возымѣли большую силу, чѣмъ прежде. Шамиль видѣлъ въ этомъ явную пользу и уважалъ Юсуфа, какъ виновника всѣхъ улучшеній. Однакожь приближенные и наибы, видя сильное вліяніе Юсуфа, старались оклеветать его передъ Шамилемъ. Шамиль велъ переписку съ хункеромъ (турецкимъ султаномъ) и просилъ у него помощи. Хункеръ постоянно обѣщался прислать войско и съ своей стороны просилъ Шамиля не унывать и дѣйствовать. Такъ-какъ письма хункера были писаны по-турецки, то никто, кромѣ Юсуфа, не могъ читать ихъ. Наибы воспользовались этимъ и сказали, что Юсуфъ передаетъ всё свѣдѣнія эти русскимъ. Шамиль повѣрилъ словамъ ихъ и прогнѣвался на Юсуфа, и не смотря на всё его заслуги, конфисковалъ его имѣніе и сослалъ въ селеніе Ахиа, что въ Тинди, которое горцы называли Сибирью. Три года Юсуфъ провелъ въ изгнаніи, не смотря на всё ходатайства за него. Потомъ черезъ Чарби и Чахнеръ онъ бѣжалъ въ Грозную, гдѣ былъ благосклонно принятъ. Онъ скончался въ Грозной $\frac{1272}{1835}$ года, спустя восемь мѣсяцевъ послѣ бѣгства.

Военныя дѣйствія Шамиля въ Дагестанѣ и взятіе русскихъ укрѣпленій.

Когда увеличились притѣсенія русскихъ и мусульманскихъ

начальниковъ надъ подвластными русскому правительству дагестанскими племенами, то пачали непрерывно приходить изъ Унцукуля и другихъ селеній Дагестана, въ особенности изъ Аваріи, послы и письма, призывая Шамиля освободить ихъ отъ ига русскихъ, обѣщая повиноваться ему и въ точности исполнять всё его приказанія. Въ $\frac{1260}{1843}$ г., 4-го шайбана, Шамиль выступилъ изъ Дарго съ 10-ю тысячами конницы и 3-ми орудіями своего приготовленія. По прибытіи въ Мухиту, что между Унцукулемъ и Ашильтою, онъ приказалъ наибамъ, съ частію авангарда, подняться на гору передъ Унцукулемъ и опять носѣнно спуститься назадъ, а когда унцукульцы выѣдутъ на тревогу, думая, что это набѣгъ одного какого-нибудь наиба, что и прежде часто случалось, то чтобы броситься на нихъ и наказать ихъ за дерзость. Наибы поступили, какъ приказалъ Шамиль. При появленіи авангарда на горѣ, унцукульскіе юноши выѣхали на тревогу и, полагая, что это партія какого-нибудь наиба, бросились на нихъ. Когда они подсккали на близкое разстояніе, то вся конница Шамиля бросилась на нихъ; унцукульцы обратились въ бѣгство; ихъ преслѣдовали до самой деревни, и они оставили на дорогѣ около ста тѣлъ. Потомъ Шамиль окружилъ селеніе Унцукуль. Послѣ нѣскольکو-дневной осады, русскіе, подъ начальствомъ Клюки-фонъ-Клюгенау, пришли на помощь и остановились въ сел. Харачи. Клюки-фонъ-Клюгенау приказалъ части отряда занять унцукульскіе сады и завладѣть дорогою. Сады были заняты, но завладѣть дорогою въ Унцукуль русскіе не могли. Послѣ сраженія, въ которомъ русскіе потеряли 300 человекъ убитыми и два орудія, Клюки-фонъ-Клюгенау возвратился съ отрядомъ въ Аварію. Унцукульцы и русскій гарнизонъ, истощивъ силы и не имѣя надежды на помощь, послали пристава Кибитъ-Гаджи и поручика Аносова съ солдатами (около 150) просить пощады. Шамиль сказалъ Аносову: «зачѣмъ ты сражался со мною?» Аносовъ отвѣчалъ: «Потому что ты врагъ нашего царя, а мы его слуги и должны сражаться съ врагами, сколько достанетъ силы; я не могъ выиграть побѣды, но если-бы остались спаряды, то я не пересталъ-бы сражаться съ тобой». Крѣпость и селеніе, по приказанію Шамиля, были сожжены и разрушены, такъ-что не осталось камня

на камни. Двѣ пушки, скотъ и прочее имущество унцугульцевъ и солдатъ были разграблены такъ, что не оставили даже иглы. На другой день Шамиль двинулся къ Балаканамъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, поручикъ Думпескій, съ гарнизономъ и одною пушкою, сдался военно-пѣшнымъ. Оттуда Шамиль направился въ Цатаныхъ, гдѣ стоялъ съ ротою храбрый капитанъ Дементьевъ. Неумоляемая перестрѣлка происходила съ вечера до утра; за каждою амбразурою лежало по 1000 и больше гильзъ отъ патроновъ солдатскихъ; пушки у нихъ разгорѣлись отъ частыхъ выстрѣловъ, такъ что нельзя было прикоснуться къ нимъ рукою. Войско Шамиля потеряло много убитыми и ранеными. Изъ солдатъ никто не положилъ оружія. Наконецъ, силы Шамиля завладѣли укрѣпленіемъ и двумя пушками, со всѣми снарядами. Потомъ Шамиль прибылъ съ войскомъ въ Танусъ и, остановившись въ домѣ Мухаммеда, отправилъ нѣсколько партій по селеніямъ Аваріи, откуда, по прибытіи ихъ, всѣ приверженцы русскихъ бѣжали въ Хунзахъ, гдѣ находился въ то время Кюки-фонъ-Клюгенау съ отрядомъ. Въ селеніи Акачи былъ съ ротою прапорщикъ Золотовъ,—большой трусъ. Онъ безъ всякаго сопротивленія сложилъ оружіе и явился съ ротою, одною пушкою и всѣми снарядами къ Шамилю въ Танусъ. Въ селеніи Гоцатиѣ стоялъ съ двумя ротами капитанъ Кузьменко, цвѣтъ лица котораго былъ желѣзный. Это былъ настоящій храбрець. Шамиль послалъ противъ него Кибитъ-Мухаммеда и Абдурахмана Карахскаго, съ четырьмя тысячами. Послѣ продолжительной перестрѣлки, ему предложили сдаться военно-пѣшнымъ, говоря, что прапорщикъ Золотовъ сдался и теперь находится у Шамиля и что нѣтъ никакой пользы сопротивляться такимъ силамъ съ этою горстью войска. Кузьменко не повѣрилъ и просилъ, чтобъ къ нему привели Золотова. Золотовъ былъ приведенъ и сказалъ ему: «Выходи, потому-что ты не въ силахъ сопротивляться; а если сдашься, то будетъ тебѣ большая польза». Кузьменко закричалъ на него изъ башни: «Да будешь ты проклятъ Богомъ! Ты ѣлъ хлѣбъ Царя Русскаго, носилъ его одежду, а теперь служишь его врагу. Я-же умру здѣсь!» Потомъ закричалъ ротѣ: «къ ружью!»—и завязалась перестрѣлка. Лафетъ у орудія русскихъ

былъ разбитъ; солдаты ослабѣли; укрѣпленіе было взято со всѣми запасами и орудіями. Канитанъ Кузьменко, съ оставшимися въ живыхъ 20-ю солдатами, былъ представленъ Шамилю въ Танусь. Самъ генералъ Клюки-фонъ-Клюгенау былъ осажденъ въ Хунзахѣ. Такимъ образомъ дѣла продолжались до конца мѣсяца.

Прибытіе князя Аргутинскаго и осажденіе Шамиля въ Танусь.

Князь Аргутинскій, услышавъ, что Шамиль проникъ во внутренность Аваріи и осадилъ въ Хунзахѣ Клюки-фонъ-Клюгенау, двинулся изъ Казикумуха съ русскими, аждаданцами, казигумухцами и цудахарцами и остановился въ укрѣпленіи Гергебилъ. Наибы, узнавъ о прибытіи Аргутинскаго въ Гергебилъ, немного испугались и хотѣли возвратиться съ добычею, которая была уже въ ихъ рукахъ. Шамиль, видя, что наибы струсили, пожелалъ секретно испытать ихъ. Онъ созвалъ ихъ и сказалъ: «дошло извѣстіе, что Аргуть съ большими силами остановился въ Гергебилѣ; такъ что вы считаете за лучшее: возвратиться или остановиться здѣсь, чтобы сражаться? А этотъ проклятый Аргуть—бурдюкъ обмановъ, коварный, хитрый, настоящая лисица». Наибы пришли въ испугъ и хотѣли возвратиться; но никто не рѣшался этого предложить. Кибить-Мухаммедъ сказалъ: «я предпочитаю лучше возвратиться». Шамиль разгнѣвался и сказалъ: «возвращайся ты, Кибить-Мухаммедъ! Мы знаемъ твою трусость, и ты въ подобныхъ случаяхъ говоришь, какъ женщина. Что-же касается до меня, то я не хочу возвращаться, чтобы вслѣдъ мнѣ смѣялся этотъ армянинъ и его товарищи—богоотступники! Я согласенъ скорѣе умереть, чѣмъ оставаться въ живыхъ и переносить такое посрамленіе! Вы можете возвратиться, куда хотите, а мнѣ достаточно этихъ товарищей!» И указалъ на мюридовъ. Послѣ такой рѣчи, наибы немного ободрились. Шамиль

послалъ на встрѣчу Аргутинскому наиба Нуръ-Али съ чарбинцами въ Бухната (мѣсто около Гоцатля). Послѣ упорнаго сраженія, наибъ и чарбинцы бѣжали. За нимъ Шамиль послалъ Гаджи-Мурада; онъ не въ силахъ былъ сразиться и возвратился съ войскомъ въ Танусъ. Аргутинскій подошелъ къ Танусу. Клюки-фонъ-Клюгенау тоже вышелъ изъ Хунзаха и соединился съ нимъ. Послѣ семидневной осады, Аргутинскій, не находя возможности вытѣснить Шамиля изъ Тануса, возвратился и остановился съ войскомъ подъ селеніемъ Генечукъ (въ 2-хъ верстахъ отъ Тануса). Шамиль тоже, видя безполезность пребыванія въ Танусѣ и большую потерю войска, приказалъ Гаджи-Мураду сечь аварскіе селенія и посѣвы, а жителей переселить въ Хиндалалъ. Гаджи-Мурадъ исполнилъ приказаніе имама, сжегъ аварскіе селенія и посѣвы, а жителей переселилъ въ Хиндалалъ. Шамиль возвратился въ концѣ лѣта въ Дарго, а войска распустилъ по домамъ, приказавъ имъ быть готовыми къ походу послѣ байрама, осенью. Въ этомъ походѣ горцы потеряли убитыми и ранеными около 1000 человекъ. Потеря у русскихъ убитыми не извѣстна, а въ плѣнъ взято 700 солдатъ, которые были розданы наибамъ.

Офицеровъ взялъ Шамиль съ собою въ Дарго. Въ этомъ походѣ отнято у русскихъ десять орудій со всѣми снарядами.

Походъ Шамиля на Гергебиль.

Спустя пять дней послѣ праздника, въ началѣ мѣсяца шувала $\frac{1260}{1843}$ года, Шамиль, съ 11,000 войска, выступилъ къ Гергебилю. Приблизившись къ селеніямъ Кикуны и Гергебилю, онъ приказалъ войску занять сады гергебильскіе. Подъ стѣнами укрѣпленія произошло сраженіе. Въ этомъ укрѣпленіи съ гарнизономъ стоялъ майоръ Шагановъ, котораго храбрость завлекла противиться и сражаться съ

такими силами Шамиля. Ему три раза предлагали сдаться, но онъ не принималъ предложенія; на выручку его не приходилъ никто ни изъ Шуры, ни изъ Акуши; хотя какой-то генеральъ поднялся изъ Шуры на Аймякинскія высоты, но не спускался къ укрѣпленію Гергебиллю и скоро возвратился. Войска Шамиля воодушевились этимъ, а русскіе пали духомъ. Если-бы не показывался генеральъ на возвышенности, то взять Гергебилль стоило-бы большого труда. Къ Шамилю присоединился цудахарскій кадій Асланъ, съ небольшою партиєю. Тагановъ и солдаты, сражаясь днемъ и ночью непрерывно, потеряли всякую надежду. Наибы окружили укрѣпленіе и начали осаждать, дѣлая подвижной заваль изъ дровъ. Укрѣпленіе было обезсилено, вода отведена. Гергебилль былъ взятъ штурмомъ. Потомъ войска двинулись на плоскость и остановились въ Дженгутаѣ. Гаджи-Мурадъ сжегъ ханскій дворецъ Ахмедъ-хана. Оттуда Шамиль перешолъ въ Казаници, гдѣ остановился въ домѣ шамхала и распредѣлилъ войска свои по селеніямъ Шамхальства: въ Кафырь-Кумухъ, Муслемъ-аулъ, въ Большихъ и Малыхъ Казаницахъ и Буглени. Шамхаль, съ семействомъ и нукерами, бѣжалъ въ Шуру. Шамилю покорилось Шамхальство и Даргинскій округъ и къ нему присоединился акушинскій кадій Мухаммедъ. Чтобы увеличить свои силы, Шамиль послалъ въ Чечню пословъ призвать всѣхъ всадниковъ подъ начальствомъ храбраго Шуаиба (чеченскаго ученаго). Чеченцы не замедлили придти. Тогда Шамиль сталъ совѣтоваться съ наибами о средствахъ взять укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шуру. Созвавъ всѣхъ жителей Шамхальства и сдѣлавъ имъ наставленіе, Шамиль поставилъ на мѣсто шамхала брата его, Мухаммедъ-бека, потомъ приказалъ съ каждаго двора привезти по одной арбѣ дровъ и сложить около Муслемъ-аула. Народъ старательно исполнилъ приказаніе это. Впродолженіи мѣсяца наибы дѣлали набѣги на укрѣпленіе Бурное и грабили оное. Глухой Мухаммедъ-бекъ, съ конщицею Шамхальства и нѣсколькими орудіями, разъѣзжалъ вокругъ Шуры, заводя перестрѣлки. Въ концѣ осени, черезъ 15 дней послѣ того, какъ Шамиль приказалъ свозить дрова къ Муслемъ-аулу, изъ Чечни пришли русскіе на освобожденіе Шуры и на другой день поутру двинулись на насъ. Завязалась битва между Муслемъ-ауломъ и

Казанищами. Шамиль былъ разбитъ и, бросивши одно орудіе, бѣжалъ въ Эрзили.

Потеря наша простиралась: убитыми до 150 человекъ и около 300 ранеными. Шамиль черезъ Гимры отправился въ Дарго; конница черезъ Аймяки разѣхалась по домамъ, а пѣхота и орудія черезъ Чирней, Буртунай и Баянъ прибыли въ Дарго.

Походъ генерала Лидерса къ Карадахскому мосту.

Въ $\frac{1261}{1844}$ году, Шамиль выступилъ въ Салатавію и Аухъ противъ русскихъ войскъ, гдѣ оставался 15 дней, не имѣвъ ни одной перестрѣлки съ русскими. Потомъ изъ Даргинскаго округа и Акуши пришли лазутчики, съ просьбою, чтобы Шамиль явился туда. Опъ двинулся съ 4-мя тысячами конницы и съ десятью наибями, черезъ Гимры, Харкасъ и Кутиши въ Акушу и остановился въ домѣ акушинскаго Мухаммедъ-кадія. Вслѣдъ за нимъ прибыли туда койсубулинскіе наибы: гимринскій Ибрагимъ, балаканскій Муса и инхулійскій Саидъ, со всею пѣхотою Койсубу; а также Кибитъ-Мухаммедъ, съ тремя орудіями, глухой Гаджи-Мухаммедъ чохскій и сугратлинскій кадій Мухаммедъ. Тамъ собрались все наибы Дагестана, исключая Кіялала, Уикратля, Чамалала, Тиндалала и Боголала и ихъ войскъ. Черезъ нѣсколько дней русскія войска, подъ начальствомъ генерала Лидерса и князя Аргутинскаго, выступили изъ укрѣпленія Темиръ-Хапъ-Шуры. Шамиль, услышавъ объ этомъ, созвалъ всеъ наибовъ и акушинскаго кадія Мухаммеда посовѣтоваться о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Послѣ долгихъ преній, признали за лучшее сдѣлать отступленіе. Шамиль и наибы возвратились въ Бархалибъ и Хулпобъ. Насъ преслѣдовалъ Аргутинскій и разбилъ, — и мы должны были бѣжать, потерявъ много убитыми. Шамиль, достигнувъ Цудахара, остановился въ домѣ Кади-Аслана; но оттуда при-

нужденъ былъ бѣжать тотчасъ, оставивъ въ рукахъ русскихъ три пушки и убитыми болѣе ста человекъ подъ ногами русской конницы. Добравшись съ остатками войска до Карадахскаго моста и переправившись черезъ оный, Шамиль приказалъ сломать его, сдѣлать на берегу завалы и поставить орудія. Лидерсъ началъ съ нами перестрѣлку, а Аргутинскій съ войскомъ черезъ мостъ въ Маали хотѣлъ идти въ Гоцатль. Шамиль послалъ, чтобы ауховцы поспѣшили прибыть къ нему на помощь. Черезъ 10 дней, на разсвѣтѣ, русскіе отступили. Мы преслѣдовали ихъ. Кибитъ-Мухаммедъ съ частію своею тоже бросился влѣдъ за русскими черезъ Карадахскій мостъ. Но преслѣдованіе наше было безуспѣшно: мы потеряли тогда много убитыми, въ числѣ которыхъ было нѣсколько почетныхъ лицъ (11). Народъ, видя возвращеніе русскихъ, говорилъ, что они возвратились по причинѣ смерти какого-то вельможи; но я полагалъ, что у русскихъ не достало сухарей. Въ этотъ-же день выбѣжалъ къ Шамилю Елисейскій Даниель-Султанъ. Онъ встрѣтился съ Шамилемъ у Карадахскаго моста. Шамиль приказалъ ему поселиться въ Каратѣ, а самъ, распустивъ войска по домамъ, возвратился въ Дарги-Ведено.

Походъ князя Воронцова въ Анлію.

Главнокомандующій князь Воронцовъ двинулся съ трехъ сторонъ во внутренность Дагестана. Самъ онъ шелъ черезъ Чиркей, Аргутинскій изъ Казикумуха въ Телетль и одинъ генералъ изъ Маали, — съ силами и средствами, съ какими еще никогда не предпринимался ни одинъ походъ въ Дагестанъ, говоря: я раздавлю Шамиля и его сконища и сотру съ лица земли его набовъ и войска. Шамиль, получивши свѣдѣніе, что главнокомандующій остано-

(11) Въ этотъ день былъ убитъ аварскій ученый Исмаиль-Мухаммедъ.

вился въ Буртунаѣ съ сильнымъ отрядомъ и большимъ количествомъ орудій и направляется прямо къ Дарги-Ведено, приказалъ чиркеевскому сотенному Реджебилъ-Мухаммеду умертвить всѣхъ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, находившихся во всѣхъ селеніяхъ Дагестана и Чечни. Послѣ того, черезъ нѣсколько дней, Шамиль со всѣми наибами приготовился выступить на встрѣчу главнокомандующему. Въ четвергъ мѣсяца рабіуль-аввала $\frac{1264}{1845}$ года, Шамиль выступилъ со всѣмъ войскомъ Дагестана въ селеніе Алмахъ, что въ Салатавіи. Здѣсь на совѣтъ собрались всѣ наибы Чечни и Дагестана. Шамиль сказалъ: «Главномандующій идетъ на насъ со всѣми силами Кавказа! Цѣль его должна быть или истребить насъ совершенно, или заключить съ нами миръ. Такъ знайте, что если кто-нибудь изъ васъ будетъ просить меня помириться съ русскими, то я убью того или зашью ему ротъ!» Эти слова Шамиль подтвердилъ клятвою. Наибы всѣ поклялись, что будутъ сражаться. Тогда Шамиль послалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ занять Анчизеэрскія высоты, чтобы пресѣчь русскимъ путь въ Андію и Гумбетъ. Черезъ нѣсколько дней, получивъ извѣстіе, что русскіе завладѣли Анчизеэромъ, наибы и Шамиль испугались и не знали что предпринять. Наконецъ, Шамиль рѣшился отправить противъ русскихъ войска и орудія въ укрѣпленный Буцрахъ, и тотчасъ-же изъ Алмаха возвратился въ Дарги-Ведено. По прибытіи туда, онъ приказалъ жителямъ выселиться немедленно въ Чечню или куда они сами пожелаютъ, а самъ того-же дня въ полдень отправился въ Андію и велѣлъ войску расположиться въ Буцрахъ. Русскіе поднялись на Гумбетовскія высоты и остановились тамъ. Черезъ три дня сдѣлалось холодно и выпалъ снѣгъ, который причинилъ большой вредъ войску и лошадямъ русскихъ. Отрядъ ихъ оставался тамъ около 10-ти дней. Шамиль выѣхалъ изъ Андіи осмотрѣть войско и укрѣпленіе Буцрахъ и, нашедши его невыгоднымъ, приказалъ войску разбѣститься по деревнямъ Андіи. Войско перешло въ Андію. Шамиль остановился въ домѣ андійскаго наиба Рамазана, въ селеніи Андіи. Авангардъ русской конницы устремился на Буцрахъ (изъ Буцраха видны всѣ селенія Андіи). Шамиль приказалъ сжечь всѣ селенія Андіи. Селенія

были зажжены и через полчаса русская конница напала на насъ. Войско Шамиля безъ всякой перестрѣлки разбѣжалось. Главнокомандующій остановился надъ селеніемъ Анди. Войско русское гордилось своими успѣхами, Шамиль-же и наибы были въ страхѣ и не знали что дѣлать. Черезъ два дня Шамиль получилъ изъ Чечни отъ наибовъ и ученыхъ письмо, въ которомъ они просили его возвратиться въ Дарги, говоря: «Мы и наши жены клянемся умереть за тебя и будемъ служить не такъ какъ дагестанцы, которые бѣжали, вовсе не сражаясь». Шамиль успокоился и возвратился съ мюридами и чеченцами въ Дарги-Ведено, оставивъ наибовъ въ Анди стеречь дороги во все мѣста. Главнокомандующій послѣдовалъ за нимъ въ Дарги и послѣ незначительной перестрѣлки завладѣлъ ими. Остановившись тамъ лагеремъ, главнокомандующій далъ отдыхъ войскамъ на 15 дней. Шамиль съ чеченцами скрылся въ лѣсахъ. Русскіе еще болѣе радовались. Черезъ нѣсколько дней ночью пришелъ отъ русскихъ лазутчикъ ауховецъ, и далъ знать Шамилю: «транспортъ съ провіантомъ русскихъ будетъ черезъ два дня идти черезъ Буртунай въ Андію къ Даргамъ; если ты постараешься отбить его, то русскіе отъ голода ослабѣютъ, а ты черезъ то выиграешь побѣду». Шамиль созвалъ всехъ наибовъ, передалъ имъ то, что рассказалъ ауховецъ, и, давши наставленіе, приказалъ войску сдѣлать засаду въ лѣсу. На другой день поутру показался на Андійскихъ возвышенностяхъ подъ достаточнымъ прикрытіемъ транспортъ съ провіантомъ. Замѣтивъ, что дорога пересѣчена, изъ транспорта дали изъ орудій знать, чтобы къ нимъ шли на помощь. Изъ главнаго лагеря двинулось тотчасъ-же много войскъ. Произошло большое сраженіе, подобнаго которому никогда не было въ Дагестанѣ. Русскіе были разбиты и принуждены бѣжать, потерявъ много убитыми. Шамиль завладѣлъ большею частію провіанта, двумя орудіями, большимъ количествомъ оружія и другихъ вещей. Войско и начальники русскіе испугались. Доставка провіанта и путь отступленія были невозможны. Солдаты отъ голода пришли въ изнеможеніе и страхъ. Черезъ три дня явился тотъ-же ауховецъ Махмудъ и извѣстилъ Шамиля, что главнокомандующій намѣренъ отступать черезъ

Чечню. Шамиль приказалъ чеченскимъ наибамъ занять дороги, а также велѣлъ всѣмъ наибамъ Дагестана придти на помощь. Русскіе, сжегши палатки (которыхъ было около 700), выступили изъ Дарго. Шамиль преслѣдовалъ ихъ впродолженіи трехъ дней. Русскіе понесли большой уронъ: лошади, вьюки и другія вещи и оружіе были отняты. Бѣднякъ, который прежде не имѣлъ осла, приобрѣлъ нѣсколько лошадей и одѣлся въ суконную чуху; тотъ, кто прежде и палки въ рукахъ не держалъ, добылъ хорошее оружіе. Наибы и народъ, въ особенности чеченцы, которыхъ даже жены нападали на солдатъ и обирали ихъ, торжествовали, видя неожиданные свои успѣхи, какъ будто-бы русскихъ болѣе не осталось, кромѣ тѣхъ, которые убиты. Русскій отрядъ изъ Шали возвратился, не имѣвши никакого дѣла.

Князь Аргутинскій, получивъ извѣстіе, что главнокомандующій разбитъ и возвратился съ большою потерей, отступилъ съ пѣхотою изъ Телетля на Турчи-Дагъ, а конница его возвратилась въ Кази-Кумухъ. Аргутинскій шелъ въ Телетль черезъ селенія Магаръ и Карахъ. Ему покорились: весь Каралалъ, Тленсиръ, Гидатль и Андалалъ; Даніель съ нукерами и семействомъ принужденъ былъ бѣжать на Гунибъ; Кибитъ-Мухаммедъ былъ осажденъ имъ въ Телетлѣ и, какъ лисица, искалъ норы спрятаться. Въ этомъ году, Шамиль понесъ сильную потерю; многіе главные наибы были убиты: гумбетовскій Гитингу, чеченскій Суганбъ, чеченскій Эльдаръ, делимскій Гаджи-бекъ, андійскій Мамадъ и многіе другіе ученые и почетныя лица Чечни и Дагестана.

Походъ Шамиля противъ аула Кутини.

По просьбѣ мугаджировъ изъ Джаробелоканскаго округа, Нухи и Ахтовъ, Шамиль выступилъ въ Едисуйскій округъ, во втор-

никъ мѣсяца шувала $\frac{1263}{1846}$ года, съ 12000 конницы и пѣхоты, и остановился въ сел. Хачада, что въ Каралалѣ, въ домѣ Даниель-Султана. Здѣсь произошелъ совѣтъ, на которомъ мать Даниеля, Тутубике, не соглашалась съ мнѣніемъ Шамиля и просила его возвратиться съ войскомъ, говоря: «теперь приближается зима; если выпадетъ снѣгъ, то сообщенія пресѣкнутся и можетъ погибнуть много мусульманъ». Шамиль согласился съ ея мнѣніемъ, перемѣнилъ прежнее направленіе и обратился къ сел. Цудахарь. Войска Шамиля двинулись къ Чоху, откуда онъ приказалъ Даниель-Султану идти въ Казикумухъ, а самъ направился на Цудахарь.

Послѣ сраженія, Шамиль вошелъ силою въ Цудахарь и завладѣлъ всѣми стадами и имѣніемъ цудахарцевъ. Кибить-Мухаммедъ безъ всякаго сопротивленія вошелъ въ Хаджалъ-Махи, куда прибылъ Шамиль съ войскомъ и оставался тамъ три дня. Даргинцы прислали пословъ съ письмами, прося его придти. Шамиль послалъ съ частию войска Кибить-Мухаммеда въ Кутиши, куда выступилъ самъ черезъ нѣсколько часовъ. Когда и замѣтилъ беспорядокъ въ войскѣ и сказалъ Шамилю, что боюсь, чтобы намъ не понести большого урона въ этомъ походѣ и не очернить лицъ своихъ и что лучше-бы онъ не выступалъ отсюда, а оставался-бы въ этомъ селеніи (въ Хаджалъ-Махи), то Шамиль отвѣчалъ: «что предопредѣлено, то не измѣнится». Передъ вечеромъ Шамиль съ войскомъ достигъ Хадатабъ-Кули. Въ то самое время, когда мы располагали остановиться, отрядъ русскихъ прибылъ и остановился на майданѣ Дирхубъ. Шамиль поспѣшилъ въ Кутиши и прибылъ туда въ полночь. На другой день русскіе напали на насъ. Войско Шамиля было разбито и обращено въ такое бѣгство, подобнаго которому не было ни прежде, ни послѣ. Мы понесли большую потерю, оставили одну пушку съ снарядами, платье Шамиля, его сѣкиру, всѣ пожитки, и возвратились въ селеніе Салты. Причиною этой неудачи было дурное распоряженіе Кибить-Мухаммеда, его трусость, не смотря на то, что подъ его начальствомъ было 6000 человекъ. Потомъ изъ Салтовъ, распустивъ войско по домамъ, Шамиль отправился въ Дарги-Ведено. Наша потеря

была: убитыми 140 человекъ и ранеными 200, не считая плѣнныхъ.

Причина ослабленія могущества Шамиля.

Въ концѣ того-же года ($\frac{1264}{1847}$), въ началѣ весны, Шамиль приказалъ собраться всѣмъ наибамъ, ученымъ, почетнымъ лицамъ и сотеннымъ начальникамъ Дагестана и Чечни въ сел. Балгитъ, что въ Ичкеріи. Здѣсь они признали сына Шамиля, Кази-Мухаммеда, имамомъ послѣ Шамиля и присягнули ему въ вѣрности. Народъ сталъ говорить тогда, что Шамиль передаетъ сыну своему имамство, какъ родовое наслѣдство; что онъ заботится только о себѣ, чтобы возвыситься, но ни сколько не думаетъ о Богѣ, и подозрѣвалъ его, что онъ жаждетъ богатства. Съ этого времени между учеными наибами и Шамилемъ начали происходить разъединенность и несогласія. Нѣкоторые наибы, искавшіе власти, старались придать дѣламъ Шамиля дурное толкованіе и всѣ они вообще начали копить богатства и убивать напрасно мусульманъ, не различая между дозволеннымъ и запрещеннымъ, между истинною и ложью. Они наружно только какъ-бы исполняли приказанія Шамиля, а въ сущности старались обманывать и испровергнуть его. Шамиль ихъ считалъ апостолами, а того не зная, что они измѣнники. Въ народѣ распространились притѣсненія, козни и сплетни, между-тѣмъ-какъ Шамиль объ этомъ ничего не зная. Онъ, какъ только замѣчалъ за наибами какую-нибудь несправедливость, тотчасъ смѣнялъ ихъ съ должности. Они клеветали передъ Шамилемъ другъ на друга, на нѣкоторыхъ ученыхъ и другихъ вліятельныхъ лицъ, истинно преданныхъ ему, что, будто-бы, тѣ доискиваются имамства. Шамиль вѣрилъ имъ, удалялъ приближенныхъ и смѣнялъ наибовъ. Однако-впослѣдствіи узналъ онъ коварства, низкіе поступки и зависть этихъ мнимыхъ доброжелателей и противозаконныя дѣйствія сыновей своихъ; по

это была такая болѣзнь, которую излѣчить или уничтожить не было средствъ и лѣкарствъ; оставалось только покоряться волѣ Божіей и его предопредѣленію. Съ-тѣхъ-поръ шаріатъ пашъ обратился въ низамъ, потому-что наибы толковали его каждый по-своему; дѣла приняли дурное направленіе, потому-что поступки наивовъ были соединены съ несправедливостію, и всѣ старанія Шамиля поправить дѣла были тщетны. Онъ оставался одинъ, безъ помощниковъ, и часто повторялъ слова одного арабскаго поэта: «Я вижу тысячу человѣкъ, строящихъ зданіе, которое можетъ разрушить одинъ; то что-же можетъ построить одинъ человѣкъ, когда зади его тысяча разрушителей?» И такъ, съ этого времени дѣла и предпріятія Шамиля начинаютъ быть безуспѣшны.

Я постараюсь объяснить, какимъ образомъ во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ наибы поступали по своему желанію, вопреки его приказаніямъ, и описать поступки сыновей его.

Походъ Шамиля въ Кабарду къ черкесамъ.

Мѣсяца за четыре до предположеннаго Шамилемъ похода на Кугиши, пришли къ нему съ письмами изъ Кабарды около 10-ти человѣкъ, прося, чтобы онъ пришелъ туда съ войскомъ. Въ четвергъ (обычай Шамиля былъ выступать съ войскомъ или во вторникъ, или въ четвергъ), 14-го зуль-хаджа $\frac{1263}{1846}$ года, Шамиль выступилъ съ 4-мя тысячами конницы, 5-ю тысячами пѣхоты и 7-ю орудіями. Переправившись черезъ Терекъ, онъ размѣстилъ войска по кабардинскимъ деревнямъ. Но здѣсь запасы истощились и войска впродолженіи трехъ дней не получали ничего, кромѣ одного проса. Русскіе со всѣхъ укрѣпленій устремились на насъ и хотѣли окружить. Шамиль съ войскомъ ночью тайно началъ отступать и къ утру достигнулъ Терека. Наибы, видя, что русскіе завяли

переправу черезъ Терекъ, испугались и разбѣжались съ войскомъ. При Шамилѣ, кромѣ мюридовъ, никого не осталось. Въ это время Гаджи-Мурадъ подошелъ къ нему и сказалъ: «что это дѣлають на-ибы»? Шамиль отвѣчалъ: «они ослушались и измѣнили мнѣ». Гаджи-Мурадъ сказалъ: «посмотри на мое войско!» И устремился съ конницею своею на русскихъ. Русскіе бѣжали и переправа была очищена. Шамиль переправился черезъ рѣку и такимъ образомъ спасся. Мы ничего не видѣли въ этомъ походѣ, кромѣ голода, жажды и страха. Если-бы не было тогда Гаджи-Мурада, то, кажется, погибла-бы половина войска. Посмотрите теперь на Гаджи-Мурада и наибовъ! Въ этомъ походѣ Шамиль потерялъ 165 человекъ.

Походъ князя Воронцова къ Салтамъ.

Въ $\frac{1264}{1847}$ году, 11-го шайбана, князь Воронцовъ устремился на укрѣпленіе Гергебиля и послѣ небольшой перестрѣлки, видя невозможность взять оное, возвратился на Турчи-Дагъ, гдѣ оставался два мѣсяца. Оттуда онъ съ отрядомъ спустился къ селеніямъ Кудали и Салты. Посредствомъ траншей русскіе взорвали половину Салтовъ и башню въ укрѣпленіи и погубили много народа. Мусульмане ослабѣли. Шамиль стоялъ то на горѣ Ифута, то на горѣ Мурада. Всѣ войска Шамиля, даже ученые и старики, были собраны и расположены по берегу рѣки Кара-Койсу. Шамиль поочередно посылалъ наибовъ въ Салты. Русскіе, окруживъ деревню, прекратили сообщеніе войска Шамиля съ гарнизономъ. Въ Салтахъ обнаружались между горцами голодъ и смертность. Омаръ Салтинскій, съ другими находившимися въ Салтахъ наибами: Муртаза-Али Телетлинскимъ, Мухаммедъ-ради Сугратлинскимъ, Чохскимъ Хади-Муса, Ботлихскимъ Хаджіеу, Нуръ-Мухаммедомъ Карахскимъ и Идрисомъ (который былъ убитъ при выходѣ изъ Салтовъ),—ночью оставилъ

укрѣпленіе и съ большою потеріею едва пробился сквозь ряды русскихъ. И Шамиль съ войскомъ возвратился въ Дарги-Ведено, потерявъ убитыми, ранеными и плѣнными 1700 человекъ. Идрисъ, наибъ Гергебиля, былъ убитъ. Лазутчики дали знать, что русскіе потеряли 7000 человекъ.

Походъ Шамиля въ Ахты.

По просьбѣ ахтинцевъ и ихъ мугаджировъ, Шамиль предписалъ наибамъ собрать войско и явиться въ Заибъ, что около Голотля. Въ четвергъ $\frac{1265}{1848}$ года 4-го шувала, Шамиль изъ Заиба направился въ Телетль, откуда написалъ Даніель-Султану въ Карахъ, гдѣ онъ былъ наибомъ, чтобы онъ собралъ свое войско для похода въ Ахты. Изъ Телетля Шамиль пошелъ къ Дурти-Дагу, а Даніелю приказалъ идти въ Рутуль. Даніель, поворивъ весь Рутуль, остановился въ селеніи Хозрекѣ, куда явился Шамиль и послалъ пословъ и письма въ Ахты. Изъ Ахтовъ пришелъ Мухаммедъ-Наби, эфенди ахтинскій, и сказалъ Шамилю: «Пойдемъ, имамъ, мы всѣ погорны тебѣ и желаемъ, чтобы ты пріѣхалъ». Шамиль поутру отправилъ туда съ войскомъ Даніель-Султана, а послѣ обѣда пріѣхалъ самъ. По прибытіи въ Ахты, Шамиль, собравъ ахтинцевъ и прочитавъ имъ наставленіе, сказалъ: «Вы народъ храбрый! Сколько разъ проливали вы кровь русскихъ и снимали съ нихъ одежду; но до-сихъ-поръ въ такой войнѣ вы были безъ помощника. Знайте-же, что я и весь Дагестанъ ваши помощники! Необходимо вытасить эту змѣю (русскихъ) изъ сердца вашего и удалить врага вашего изъ среды васъ». Ахтинцамъ понравилась его наставленія и чарующія слова его. Они отвѣчали: «Мы клянемся умереть передъ тобою и сражаться съ врагами». Потомъ Шамиль окружилъ Ахтинское укрѣпленіе, осадилъ его и взорвалъ порохомъ башню.

Пороховой магазинъ былъ взорванъ мѣткимъ выстрѣломъ. Шамиль не переставалъ осаждать укрѣпленіе въ продолженіи 15 дней; однакожь наибы опасались, что онъ останется здѣсь зимовать, и измѣнически говорили такимъ образомъ между собою: «Если будетъ взято укрѣпленіе, то Шамиль не возвратится эту зиму домой; а потому намъ нѣтъ нужды стараться и помогать ему». Въ это время Аргутинскій черезъ горы зашелъ въ тылъ Шамилю; но, не могли напасть, отступилъ. Горцы преслѣдовали его до вечера. Черезъ 10 дней Аргутинскій вторично явился съ большою силою со стороны Хозра. Войско Шамиля, подъ начальствомъ Даниель-Султана и Гаджи-Мурада, выступило противъ него. Около Хозровъ произошло сраженіе; горцы бѣжали, оставили много тѣлъ за завалами; многіе горцы были убиты и взяты въ плѣнъ, по-большей-части изъ жителей Тленсира и Каралала. Шамиль возвратился изъ Ахтовъ въ Дарги-Ведено. Потеря мусульманъ простиралась до 300 человекъ убитыми, ранеными и плѣнными.

Походъ князя Аргутинскаго къ Чоху и разрушеніе его.

Въ $\frac{1266}{1849}$ году, 21-го реджеба, князь Аргутинскій остановился съ отрядомъ на возвышенностяхъ Турчи-Дага; разработавъ дологи и спуски, онъ двинулся къ Чоху. Шамиль, услышавъ объ этомъ, собралъ 12,500 человекъ, и въ четвергъ 27-го реджеба, выступилъ и остановился у Чоха на площади Худубъ. Послѣ совѣщанія, онъ приказалъ наибамъ приблизиться къ Чоху и занять всѣ возвышенности и удобныя мѣста для сраженія. Въ продолженіи семи дней мы копали рвы и устроили завалы. Русскіе пришли и остановились лагеремъ у Чоха. Сдѣлавъ рвы и насыпи, установивъ орудія и занявъ всѣ важныя пункты, они начали бомбардированіе Чоха. Стѣны, построенныя искуснымъ египетскимъ инженеромъ, были разбиты, двѣ башни разрушены; не осталось камня на камнѣ,

какъ будто-бы Чохъ не существовалъ. Если-бы взглянуть въ то время на крѣпость, то казалось, будто-бы она была взята и потомъ разрушена. Шамиль приказалъ наскоро сдѣлать завалы изъ бревень и корзинъ, насыпанныхъ землею. Однакожь русскіе не заняли крѣпости, неизвѣстно почему; и черезъ 10 дней Аргутинскій возвратился съ отрядомъ на Турчи-Дагъ, а Шамиль въ Дарги-Ведено, потерявъ въ этомъ походѣ 260 человѣкъ убитыми и 340 ранеными.

Во время осады Чоха, Шамиль передъ алкораномъ поклялся наибамъ: «если Аргутинскій возьметъ Чохъ, то я съ васъ сниму чалмы». Поэтому наибы дѣйствовали усердно.

Походъ Шамиля на ауль Гамаша.

Когда Аргутинскій возвратился изъ-подъ Чоха, Шамиль и наибы обрадовались, думая, что русскіе обезсилѣли и на землѣ не осталось ни одного солдата и человѣка, который могъ-бы противиться имъ. Между-тѣмъ лазутчики постоянно приходили къ Шамилю изъ Казикумуха и просили его, чтобы онъ пришелъ съ войскомъ туда. Поэтому Шамиль, 22 зуль-каада $\frac{1266}{1849}$ года, выступилъ съ войскомъ изъ Дарго и остановился въ Хунзахъ, въ домѣ наиба Гаджи-Мурада. Ночью онъ секретно двинулся и достигъ къ утру селенія Гамаша. Послѣ сраженія, войско Шамиля вошло въ селеніе и не оставило никого изъ жителей: или убивали или плѣняли. Въ то же время со стороны Казикумуха показалась рота солдатъ и казикумухская конница подъ начальствомъ переводчика Аргутинскаго Абду-Рахмана. (Онъ былъ потомъ убитъ Гаджи-Мурадомъ подъ Гамашами). Русскіе построились у селенія. Войско Шамиля, занятое грабежомъ, услышавъ о прибытіи русскихъ и не зная числа ихъ, бросилось въ беспорядкѣ бѣжать. Шамиль, покинутый наибами, съ одними мюридами долженъ былъ оставить Гамаша. Рота и конни-

на съ ожесточеніемъ преслѣдовали бѣжавшихъ. Шамиль приказалъ наибамъ поворотиться и сразу броситься на русскихъ. Солдаты и казикумухцы, отступивъ немного, остановились и встрѣтили ихъ ружейными выстрѣлами. Изъ роты былъ захваченъ въ плѣнъ только одинъ солдатъ. Послѣ перестрѣлки, Шамиль возвратился въ селеніе Вара. Здѣсь въ совѣтѣ наибы рѣшили возвратиться домой. Шамиль приказалъ мѣ (12) написать Даніель-Султану, отправившемуся съ отрядомъ въ Гули и Хозрекъ, чтобы онъ возвратился. Я сказалъ наибамъ (ихъ было 12 въ этомъ походѣ): «неужели вы не стыдитесь вашихъ женъ, чтобы возвратиться, проигравъ такое сраженіе. Ей-Богу, если мы такъ возвратимся, то и вдовы не будутъ бояться тебя, Шамиль, и васъ, наибовъ!» Но Шамиль и наибы возвратились, не дождавшись, пока кончатся чуреки, положенные женами въ сумки на походъ. Посмотрите на 12 наибовъ и роту солдатъ! Они измѣнили Шамилю. Шамиль смѣнилъ съ наибства Сугратлинскаго Абду-ллага и Муса-Гаджіеу Чохскаго за ихъ бѣгство съ Гамашей.

Вторичный походъ Шамиля на Гамашу.

Казикумухскіе беки стали убѣдительно просить Шамиля придти къ нимъ съ войскомъ. (Командующій войсками князь Аргутинскій отправился въ то время съ отрядомъ въ Курахъ, а въ Казикумухъ оставалось немного русскихъ). Въ четвергъ 11-го зилькаада, въ $\frac{1267}{1830}$ году, Шамиль выступилъ съ 12,000 войска и остановился въ Ругуджѣ. На совѣтѣ здѣсь рѣшили послать благонадежнаго наиба съ войскомъ въ Табасаранъ, потому-что табасаранцы нѣсколько разъ также просили прихода Шамиля. Шамиль от-

(12) Въ это время я уже состоялъ при Шамилѣ въ качествѣ мурзы, (т. е. секретаря).

правиль салтинскаго наиба Омара съ 1,500 челов., а самъ съ войскомъ остановился въ Чохѣ. Гочатлинскій Саидъ бѣжалъ къ русскимъ (онъ потомъ поступилъ въ Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и потомъ обратно бѣжалъ въ горы, укравши 500 руб. сер., половину коихъ отдалъ Шамилю, за что и былъ прощенъ), и передалъ имъ, что горцы идутъ въ Табасаранъ и уже дошли до Чираха. Вслѣдствіе этого русскіе изъ Казикумуха съ конницею вышли на встрѣчу Омара и на Чирахскихъ возвышенностяхъ произошло сраженіе.

Омаръ съ 1500 чел. бѣжалъ отъ горсти русскихъ, потерявъ много убитыми и плѣнными. Когда Омаръ прибылъ къ Шамилю, то онъ смѣнилъ его съ наибства. По прибытіи Омара съ разбитымъ войскомъ, одинъ мюридъ сказалъ Шамилю: «Имамъ! Омаръ въ день сраженія не совершалъ утренней молитвы.» Омаръ отвѣчалъ: «Какъ я могъ молиться, когда это былъ страшный судъ!» Шамиль прогнѣвался на него и сказалъ: «Ты лѣнтяй и трусъ, бѣжалъ отъ роты съ 1500 челов.», и смѣнилъ его. Гаджи-Мурадъ сказалъ Шамилю: «Онъ только на словахъ храбръ, а на дѣлѣ нѣтъ». Потомъ Шамиль послалъ Гаджи-Мурада въ 500 ч. конницы въ Шамхальство. Гаджи-Мурадъ пробрался въ Буйнакъ, убилъ брата шамхала, Шагвали, взялъ въ плѣнъ его семейство, забралъ всё сокровища и отправился въ Табасаранъ, откуда былъ вытѣсненъ потомъ Аргутинскимъ. А Шамиль изъ Чоха съ 7000 человекъ, при 2-хъ орудіяхъ, поднялся на Турчи-Дагъ и послалъ войско въ сел. Гамаші. Баталіонъ подъ начальствомъ Ракуссы встрѣтилъ ихъ. Горцы и наибы бѣжали, и Шамиль не могъ удержать ихъ. Въ этомъ походѣ было 260 убитыхъ, рапеленыхъ и плѣнныхъ. Убить гидатлинскій наибъ Мухаммедъ.

Прибытіе къ Шамилю нѣсколькихъ Терскихъ казаковъ.

Въ ¹²⁶⁸₁₈₅₁ году, около 20 казаковъ, съ женами и дѣтьми и

двумя священниками, пришли въ Дарги-Ведено и просили у Шамиля земли, чтобы поселиться. Онъ указалъ имъ мѣсто, гдѣ-бы они могли построить дома и церковь. Чрезъ нѣсколько времени въ совѣтѣ Шамиля зашла о нихъ рѣчь. Одни наибы говорили, что имъ дозволяется укрываться здѣсь, а другіе отрицали. Шамиль сказалъ: «я не желаю, чтобы они здѣсь жили; ихъ нужно отослать къ ихъ церкви» (въ Гидатлѣ есть церковь, построенная грузинами въ $\frac{880}{1363}$ году гиджры; длина ея 9 аршинъ, ширина 5, высота 13 и толщина стѣнъ $1\frac{1}{4}$ арш.). Шамиль отправилъ ихъ въ Батлухъ, предписавши мѣстному наибу поселить ихъ тамъ, отвести землю для посѣва и охранять ихъ. Когда они увидѣли, что наибъ не исполняетъ относительно ихъ приказанія, то разбѣжались. Осталось ихъ человекъ шесть, и тѣхъ окрестные жители въ одну ночь умертвили. Я, услыша объ этомъ убійствѣ, сказалъ Шамилю: «Если мы оставимъ безъ вниманія это дѣло и не накажемъ виновныхъ, то тебѣ отъ народа будетъ стыдно, и Богъ прогнѣвается». Шамиль рассердился и приказалъ отыскать виновныхъ и взыскать съ нихъ; но наибъ не исполнилъ его приказанія, а только это послужило ему поводомъ изъ корыстолюбія ограбить нѣкоторыхъ бѣдняковъ. Наибъ измѣнилъ, а народъ упрекалъ Шамиля.

Прибытіе къ Шамилю изъ Герата дервина Гаджи Хайру-ллага.

Въ $\frac{1269}{1852}$ году, пришелъ изъ Герата, что въ Афганистанѣ, дервиншъ, по имени гаджи Хайру-ллагъ, чтобы только посмотреть на Шамиля и служить ему. Онъ былъ очень набоженъ. Братъ мой Даудилавъ принялъ его къ себѣ. Когда-же Шамиль удалилъ, по подозрѣнію, моего брата, то дервиншъ этотъ жилъ долгое время въ мечети безъ всякаго присмотра и питался подаяніемъ. Когда Шамилю рассказали про его печальное положеніе, то онъ приказалъ

казначей своему Хаджіеу смотрѣть за нимъ. Казначей взялъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ находился нѣсколько лѣтъ, какъ плѣнникъ, съ пожелтѣвшимъ лицомъ и истощеннымъ тѣломъ. Когда мы замѣтили жалкое положеніе его, то сказали Шамилю: «Казначей твой не смотритъ за дервишемъ и не даетъ ему пищи. Прикажи ему обратить на него вниманіе, потому-что онъ твой гость, пришедшій издалека только ради твоего имени. Сжался надъ нимъ! Онъ не проситъ у тебя денегъ. Если мы будемъ оставлять такихъ бѣдняковъ, то и Богъ оставитъ насъ». Шамиль призвалъ Хаджіеу и строго приказалъ ему лучше смотрѣть за дервишемъ и кормить его; но Хаджіеу не исполнялъ приказанія Шамиля. Когда жена Шамиля Загидатъ узнала о такомъ несчастномъ положеніи дервиша, то послала ему съ пукеромъ хлѣбъ и иную пищу и одежду и была къ нему внимательна, какъ мать къ сыну. Взгляните на положеніе этого бѣдняка, на причину его прихода, и на дальній путь, и на ослушаніе казначей Хаджіеу! Дервишь этотъ часто повторялъ: «государство Шамиля, его сокровища и самъ онъ не останутся въ такомъ положеніи, по причинѣ этого глупаго измѣнника Хаджіеу». Слова дервиша оправдались! Клянусь Богомъ, что никто болѣе не былъ такъ приверженъ къ Шамилю и не раздѣлялъ съ нимъ трудностей, какъ этотъ бѣднякъ, во всѣхъ мѣстахъ, въ особенности на Гунибѣ! Шамиль не обращалъ вниманія на слова народа, но все поручалъ сыновьямъ своимъ и казначею, думая, что они исполняютъ его приказанія, и не зналъ, что они ему измѣняютъ. Казначей измѣнялъ сначала, а подъ конецъ отдалъ казну, всѣ сокровища и книги Шамиля врагу его Кибитъ-Мухаммеду, который домогался имамства.

Походъ Шамиля на Закаталы.

Въ четвергъ 15-го зуль-каада $\frac{1269}{1852}$ года, Шамиль выступилъ съ

13,000 человекъ и нѣсколькими орудіями, чтобы соединиться съ войскомъ султана Абдуль-Меджида. (До того времени изъ Карса отъ Керимъ-Паши и Селимъ-Паши приходили послы и письма, чтобы Шамиль съ войскомъ пробрался къ нимъ). Шамиль остановился на возвышенностяхъ передъ Закаталами и послалъ сына своего Кази-Мухаммеда и Даниель-Султана съ отрядомъ на Закаталы. На встрѣчу имъ выѣхали казаки, которые, въ перестрѣлкѣ потерявъ около 40 человекъ, возвратились въ укрѣпленіе; а горцы вошли въ селеніе Закаталы, жители которыхъ безъ всякаго сопротивленія впустили ихъ. Шамиль оставался на высотахъ, откуда онъ послалъ египетскаго инженера Юсуфа-Гаджи къ сыну для укрѣпленія занятаго селенія и постройки завала. Горцы построили между селеніемъ и укрѣпленіемъ большой завалъ. Войска въ такомъ положеніи оставались нѣсколько дней. Потомъ Шамиль послалъ Даниель-Султана со всею конницею на Алазань завладѣть переправою (паромомъ). Вечеромъ Даниель-Султанъ съ конницею двинулся мимо укрѣпленія къ Алазани. Начальникъ русскихъ, Орбелиани, находившійся въ укрѣпленіи, узнавъ намѣреніе горцевъ, пресѣкъ имъ путь. Произошло сраженіе. Конница Даниель-Султана раздѣлилась на двѣ части; часть бѣжала въ селеніе Талы, а другая къ Катеху. Даниель-Султанъ провелъ ночь въ Талахъ, въ лѣсу, а Рамазанъ съ частію своею ночевалъ въ Катехѣ. На другой день поутру они соединились и направились къ Белоканамъ, гдѣ и остановились. Генералъ съ войскомъ изъ Закаталъ вышелъ противъ нихъ и разбилъ ихъ. Даниель-Султанъ бѣжалъ къ Алазани, откуда отправился онъ къ Гюллюку, Зарна, Лакиту, Амирджапо (что въ Елисуйскомъ округѣ) и оставался тамъ около трехъ дней. У войска, которое оставалось при Шамилѣ, провіантъ истощился; пошли сильные дожди, а Даниель-Султанъ не возвращался. Шамиль на Даниель-Султана сильно разсердился и съ войскомъ и Кази-Мухаммедомъ спустился въ Катехъ и тамъ провелъ ночь. На другой день Шамиль поднялся ко вновь строившемуся укрѣпленію Меседель-Херъ (Золотой прудъ) и, расположившись вокругъ него, приготовился осадить. Черезъ два дня Даниель-Султанъ возвратился и, сошедши съ лошади у палатки

Шамиля, поздоровался съ нимъ, взявши его за руку, и потомъ пошелъ въ свою палатку. Тогда Шамиль сказалъ мнѣ: «Если-бы Даниель былъ наибомъ въ этомъ походѣ, то я своеручно умертвилъ-бы его, потому-что онъ оставилъ моего неопытнаго сына съ пѣхотою передъ врагами, бросая его въ пасть льва, а самъ отправился съ конницею путешествовать по своимъ знакомымъ». Шамиль былъ недоволенъ Даниелемъ, но народъ этого не зналъ. (Въ этомъ походѣ я былъ при Шамилѣ казначеемъ). Шамиль осадилъ укрѣпленіе и пересѣкъ воду. Солдаты ослабѣли. Мы постоянно дрались съ ними у крѣпости. Вдругъ показался авангардъ князя Аргутинскаго на Закавказскихъ возвышенностяхъ, на той дорогѣ, по которой пришелъ Шамиль. Наибы испугались и собрались у палатки Шамиля, гдѣ произошелъ шумный споръ. Наступилъ вечеръ. Въ это время выбѣжалъ изъ укрѣпленія солдатъ и сказалъ: «Русскіе отъ голода и жажды умираютъ въ укрѣпленіи, и если простоятъ еще ночь, то вамъ достанется и укрѣпленіе, и все имущество, которое въ немъ». Но наибы, боясь Аргута, просили Шамиля отступить. Ночью, съ шумомъ, происходившимъ отъ быстрого отступления, мы возвратились домой. Это тоже измѣна и трусость наибовъ. Здѣсь было 25 наибовъ. Изъ нихъ убитъ наибъ Чарби-Акъ-Булатъ. Потеря наша состояла изъ 30 убитыхъ, 50 раненыхъ и 14 плѣнныхъ.

Походъ Шамиля въ Кахетію и Шильды.

Шамиль давно собирался предпринять походъ въ Грузію, склоняясь на просьбы жителей Цунтала и Тиндала, отцы которыхъ прежде были во враждѣ съ грузинами; однакожъ онъ не могъ двинуться туда, потому что русскіе отвлекали его. Въ $\frac{1270}{1853}$ году, турецкій Омаръ-Паша, достигнувъ Кутаиса, прислалъ къ Шамилю письмо, чтобы онъ со всѣми силами пришелъ соединиться съ нимъ.

Шамиль выступилъ съ 15,000 человекъ и тремя орудіями изъ Дарго и остановился въ Зунубъ-Каритля, что около Караты. Здѣсь собрались все наибы Дагестана и Чечни. Шамиль никому не объявлялъ цѣли похода. Черезъ три дня войска двинулись къ селенію Хуштада, а оттуда къ сел. Тинда и въ Цунта. Шамиль, прибывъ къ башнѣ, вострессенной на дорогѣ въ Грузію и занятой грузинами-милиціонерами, послалъ сына своего Кази-Мухаммеда съ 7-ю тысячами на плоскость Грузіи, а Даниель-Султана съ 5-ю тысячами въ Шильды; самъ-же съ остальнымъ войскомъ расположился у башни.

При восходѣ солнца Даниель съ пѣхотою вошелъ въ Шильды. Здѣсь произошло сраженіе, въ которомъ былъ убитъ наибы Цунтава, Тицидискій Гаджи-Мухаммедъ, и другіе, всего 40 человекъ, и 60 ранено.

Кази-Мухаммедъ, направившись къ Алазани съ конницею, ограбивъ нѣкоторые селенія и забравъ въ плѣнъ нѣсколько грузинъ, соединился на возвышенностяхъ передъ Шильдами съ Даниель-Султаномъ, гдѣ вмѣстѣ провели ночь. На другой день поутру они отъ Шамиля получили предписаніе переправиться съ конницею черезъ Алазань. Кази-Мухаммедъ собралъ всѣхъ наивовъ и сдѣлалъ имъ назначеніе. Оставивъ худокопныхъ и пѣшихъ, въ тѣсномъ мѣстѣ на дорогѣ въ Шильды, онъ съ остальнымъ войскомъ переправился черезъ Алазань. Кази-Мухаммедъ хотѣлъ напасть на Алаверды, но никто не зналъ туда дороги. Впереди шли цувталъцы и съ ними армянинъ Муса, который зналъ дорогу въ Циондалы. По указанію этого Мусы, войско двинулось въ Циондалы, гдѣ, ограбивъ домъ князя Чавчавадзе и взявъ въ плѣнъ княгиню и другихъ женщинъ и дѣтей, съ торжествомъ стали возвращаться. На пути, увидѣвъ, что русскіе заняли переправу черезъ Алазань, они отступили и переправились въ другомъ мѣстѣ. Подходя къ мѣсту, гдѣ была оставлена пѣхота, они замѣтили, что оно занято русскими, которые приближеніи ихъ, встрѣтили ихъ залпомъ изъ орудій. Кази-Мухаммедъ съ войскомъ бѣжалъ по дорогѣ къ Кварели и провелъ ночь въ лѣсу между Шильды и Кварели. На другой день русскіе оста-

вили дорогу и возвратились въ укрѣпленіе Кварели, а Кази-Мухаммедъ, достигнувъ до Шильды, остановился тамъ на ночлегъ. При этомъ быстромъ отступленіи мусульмане растеряли своихъ убитыхъ и раненыхъ, много скота и другихъ вещей. Въ Шильдахъ они получили свѣдѣніе, что генераль, находившійся въ Закалахъ, двинулъ на нихъ съ двухъ сторонъ войска: съ горъ и съ равнины. Если-бы они не получили этого свѣдѣнія, то напали-бы на другой день на Телавъ. Наибы испугались русскихъ и поднялись на вышешность къ Шамилю, который между-тѣмъ взялъ двѣ башни, вмѣстѣ съ начальникомъ ихъ, грузинскимъ княземъ, который сдался военно-плѣннымъ. Шамиль приказалъ вывести изъ башни всѣхъ грузинъ и помѣстилъ тамъ плѣнныхъ княгинь и дѣтей. Въ числѣ плѣнныхъ была старая французженка. Грузинскій князь просилъ меня, чтобы я попросилъ у Шамиля позволеніе угостить ихъ чаемъ и тѣмъ, что было у него. Это ему было дозволено. Шамиль хотѣлъ оставаться тамъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ; но услыша, что закатальскій генераль идетъ на него,—по просьбѣ наибова, возвратился въ Дарги, написавъ письмо къ Омеръ-Нашѣ слѣдующаго содержанія: «Я выходилъ къ вамъ съ большимъ войскомъ, но невозможно было наше соединеніе по причинѣ сраженія, бывшаго между нами и грузинскими князьями. Мы отбили у нихъ стада, имущество, жепъ и дѣтей, покорили ихъ крѣпости и съ большою добычею и торжествомъ возвратились домой. Радуйтесь я вы!» На возвратномъ пути Шамиль позволилъ грузинскому князю провѣщать плѣнныхъ княгинь; по приѣздѣ-же въ Дарги, Шамиль посадилъ его въ темницу, а плѣнницъ помѣстилъ въ своемъ дворцѣ, гдѣ и содержалъ ихъ, не стѣняя ни въ чемъ. Получивъ письмо отъ Шамиля, Генераль Вильямсъ изъ Карса отвѣчалъ такъ: «Что это за разбой между вами? Развѣ вамъ не слѣдуетъ стараться наставлять народъ на истинный путь благоразумными совѣтами? Если ты такъ поступалъ и прежде, то нѣтъ сомнѣнія, что подъ конецъ дѣло твое испортится и внослѣдствіи ты потерпишь вредъ. Такъ подумай о послѣдствіяхъ и не покушайся въ другой разъ на такіе низкіе поступки, какъ брать въ плѣнъ женщинъ, малыхъ дѣтей и слабыхъ ста-

рухъ! Ты будешь послѣ расклеваться и заслужишь презрѣніе всѣхъ королей!» Шамиль въ отвѣтъ написалъ приличное письмо и отправилъ съ тѣмъ-же посломъ, Ахмедомъ-Ага Самухійскимъ, который доставилъ письмо отъ Вильямса.

Шамиль потерялъ въ этомъ походѣ около 40 человекъ убитыми и 60 ранеными. Когда Шамиль достигъ съ плѣнниками Бежита, то получилъ извѣстіе, что князь Орбеліани сдѣлалъ набѣгъ на Буртунай и отбилъ стада, почему и послѣшилъ возвратиться въ Ведепо.

Походъ Шамиля въ Чечню послѣ нападенія на Грузію

По возвращеніи Шамиля изъ Грузіи съ большою добычею, наибы торжествовали и просили его сдѣлать еще нѣсколько подобныхъ набѣговъ. Шамиль не хотѣлъ увлекаться этимъ и говорилъ: «это радость, послѣ которой придется печалиться». Наибы думали, что весь свѣтъ находится въ ихъ власти и, не довольствуясь большою добычею и славою, упросили Шамиля, чтобы онъ собралъ наибовъ Дагестана идти въ Чечню. Въ четвергъ $\frac{1270}{1853}$ года, съ 8-ю тысячами конницы, 7-ю тысячами пѣшихъ и нѣсколькими орудіями, Шамиль выступилъ и остановился въ Хорочи. Чеченскіе лазутчики, думая, что онъ хочетъ сдѣлать набѣгъ на Казикумухъ, пришли туда и дали знать. Но на другой день Шамиль съ войскомъ двинулся на плоскость въ Чечню и остановился въ Шали. Сначала цѣль Шамиля была завладѣть селеніемъ Девлятъ-Гирей, потому-что жители его часто просили придти съ войскомъ. Однако-же Шамиль не могъ достигнуть этой цѣли, потому-что русскіе, узнавъ объ этомъ, заняли всѣ дороги. Шамиль съ пѣхотою устремился на Малчикъ. Здѣсь произошло сраженіе. Шамиль завладѣлъ половиною селенія. Потомъ, для отвлеченія русскихъ, послалъ конницу къ укрѣпленію

Ойсунгурь. Но изъ Ойсунгура выѣхала на тревогу русская конница. Конные горцы бѣжали, а за ними пѣхота должна была отступить въ безпорядкѣ. Много горцевъ легло подѣ ногами солдатъ. Они бѣжали по терновнику, все поободрали и испарапались. Шамиль раскаивался въ своемъ походѣ, когда увидѣлъ такую трусость и измѣну наибовъ. Онъ остановился въ аулѣ Маіорь-Тупъ, гдѣ провелъ три дня. Шамиль смѣнилъ тогда съ наибства начальника конницы Шагмандариль-Хаджіеу Чиркеевскаго и хотѣлъ убить его за трусость. Изъ Маіорь-Тула Шамиль послалъ сына своего Казимухаммеда съ частію конницы въ Гехи, чтобы отбить скотъ у укрьпленія Чахкаръ. Но онъ возвратился безъ успѣха. Шамиль обратно поѣхалъ въ Дарги-Ведено, потерявъ убитыми 60 человекъ и ранеными 108, раскаиваясь и печалась.

Возвращеніе сына Шамиля Джемалэддина изъ Россіи.

Въ концѣ мѣсяца реджеба $\frac{1271}{1854}$ года, возвратился изъ Россіи сынъ Шамиля Джемалэддинъ. Всѣ были обрадованы его пріѣздомъ. Но прибытіи своемъ онъ обратилъ вниманіе на состояніе и положеніе Шамиля и народа, осмотрѣлъ войска, артиллерію, устройство и порядокъ ихъ и остался недовольнымъ. Все это онъ счелъ ничтожнымъ, слабымъ (Джемалэддинъ былъ уменъ и щедръ). Потомъ разсказалъ отцу про русскаго царя, его войско и казну, и просилъ отца, чтобы онъ примирился съ нимъ. Шамиль не принявъ его словъ и даже разсердился, и затѣмъ, какъ самъ, такъ и братья, стали чуждаться его. Джемалэддинъ сдѣлался печальнымъ и раскаивался въ своемъ возвращеніи. Онъ былъ очень ученъ и свѣдущъ; но нерасположеніе отца и братьевъ не дозволили ему употреблять свои свѣдѣнія на какую-нибудь пользу для народа. После того онъ сильно простудился и получилъ кашель и грудную

болѣзнь, отъ которой и умеръ въ $\frac{1274}{1857}$ году, въ Каратѣ, гдѣ и погребенъ. Народъ говорилъ, что русскіе отравили его.

Походъ князя Орбеліани въ Старый Буртунай для постройки крѣпости.

Услышавъ, что князь Орбеліани съ отрядомъ черезъ Чиркею двинулся къ Старому Буртунаю, Шамиль, въ четвергъ, 15-го зуль-каада $\frac{1273}{1857}$ года, съ войскомъ всего Дагестана и Чечни выступилъ изъ Дарги и остановился въ селеніи Новый Буртунай. Укрѣпивъ и окопавъ ровомъ Новый Буртунай, Шамиль оставилъ тамъ войско и наибовъ, а самъ расположился около селенія Чорто, откуда неоднократно посылалъ партіи въ Аухъ и къ Чиркею. Здѣсь, въ лѣсу, произошло сраженіе; горцы были разбиты и сѣжали, потерявъ много убитыми. Наибъ Технучала Исмаиль Ботлихскій остался подъ ногами солдатъ съ отрѣзанною головою. Мустафа-Ахмедъ Кудалинскій былъ тоже убитъ. Солдатамъ досталось много оружія и платья мусульманъ. Русскіе между тѣмъ занимались постройкою башенъ, рубкою лѣса и разработкою дорогъ, причемъ происходили перестрѣлки и схватки, въ которыхъ попеременно одерживали верхъ то русскіе, то мусульмане. Последніе имѣли много потери убитыми и плѣнными. Джемалѣдинъ желалъ устроить миръ между отцомъ и русскими и хотѣлъ упросить его послать къ русскимъ уполномоченнаго для заключенія мирныхъ условій съ Салаватомъ Эндреевскимъ, который приходилъ къ Шамилю отъ князя Орбеліани, съ этою-же цѣлію; но отецъ не только не согласился съ желаніемъ Джемалѣдина, но даже не позволилъ ему поговорить съ посломъ русскимъ. Это очень сокрушило Джемалѣдина. Простоявъ такимъ образомъ около Чорто два мѣсяца, Шамиль съ тремя сыновьями возвратился въ Дарго, оставивъ по-

ловину войска для охраненія Буртуная. Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Шамиля, на разсвѣтѣ, полковникъ Ракусса подступилъ къ Новому Буртунаю. Войско и наибы, находившіеся въ немъ, разбѣжались, нисколько не сражаясь, и черезъ короткое время возвратились домой. Русскіе, завладѣвъ Новымъ Буртунаемъ, поставили тамъ свой гарнизонъ. Зимомъ русскіе пришли въ Кишень-Аухъ, для постройки укрѣпленія. Шамиль, выступивъ со всѣмъ войскомъ и остановившись въ сел. Биларь-Кирганъ, приказалъ построить между селеніемъ Новый Буртунай и сел. Джаншио заваль, для защиты коего оставилъ тамъ нѣсколько наибовъ. Храбрый князь Орбеліани пришелъ туда съ войскомъ. Произошло сраженіе. Наибы Шамиля были разбиты и бѣжали съ большою потерею. Наибъ Шамхаль съ отрѣзанною головою палъ на мѣстѣ сраженія. Здѣсь было убито около 200 чело-вѣкъ. Многіе были подавлены, падая при отступленіи другъ на дру-га. Послѣ этого во всѣхъ дѣлахъ Шамиль не имѣлъ успѣха и рас-каивался во всемъ. Народъ говорилъ, что этотъ годъ принадлежитъ князю Орбеліани, а потому нѣтъ пользы сражаться съ нимъ. Потеря въ Кишень-Аухѣ и Буртунаѣ простиралась до 300 убитыми и 450 ранеными. Убито три храбрыхъ наиба: Гитинау, наибъ Гидат-ля, Шамхаль, наибъ Тиндалала и Богалала, и Исмаиль, наибъ Техну-чала. Ни въ какомъ походѣ не было убито столько наибовъ. Съ постройкою крѣпости Буртуная, дѣла Шамиля начали клониться къ упадку. Русскіе никогда не могли-бы придти въ Ведено, если-бы не построили предварительно укрѣпленія въ Буртунаѣ. Послѣ по-стройки русскими укрѣпленія въ Буртунаѣ, Шамиля можно было уподобить овцѣ, схваченной волкомъ за шею и потерявшей всякую надежду на спасеніе.

Совѣщанія въ Чечнѣ.

Получивъ свѣдѣнія, что Евдокимовъ готовится идти на Дар-

ги-Ведено, Шамиль, осенью $\frac{1275}{1858}$ года, 16-го джумадуль-аввала, предписалъ всѣмъ наибамъ явиться съ войскомъ на общественное собраніе въ Шали, приказавъ также собраться туда всѣмъ ученымъ и другимъ почетнымъ лицамъ Чечни и Дагестана. Всѣ собрались и остановились на площади около укрѣпленія Шали. Здѣсь произошли большія совѣщанія и разсужденія относительно русскихъ. Шамиль сказалъ: «Не пугайтесь русскихъ! Я изъ Ахульго вышелъ съ 7-ю челевѣками, а теперь я вотъ какимъ сдѣлался, съ помощію васъ! Не думайте, что я васъ оставлю безъ всякой помощи и уѣду въ горы! Нѣтъ, я умру здѣсь, въ землѣ вашей. Вы такіе смѣлые и храбрые! Будьте покойны и ничего не бойтесь!» Шамиль, сынъ его и наибы подтвердили это клятвою. Потомъ Шамиль приказалъ всѣмъ наибамъ, ученымъ и сотеннымъ начальникамъ дать клятву въ томъ, что они будутъ сражаться съ русскими. Они поклялись и въ свою очередь заставили поклясться въ этомъ каждого, кто только могъ. Потомъ Шамиль сказалъ: «О, народы и общества Дагестана и Чечни! Знайте, что я вамъ говорю истину. Я не требую отъ васъ денегъ. Нѣтъ! желаніе мое, чтобы вы сражались съ русскими и не имѣли-бы съ ними никакихъ сношеній. Ей-богу, они не имѣютъ никакой другой цѣли относительно этихъ бѣдныхъ жителей Чечни и Дагестана, распуская столько денегъ и погубляя солдатъ, какъ только то, чтобы брать васъ въ солдаты, а женъ вашихъ въ матушки (русская женщина). Они отберутъ у васъ оружіе и даже не позволяютъ имѣть пожа. Всѣхъ почетныхъ вашихъ сошлютъ въ Сибирь, и вы будете, послѣ того, какъ мужики. Вы подождите немного—и увидите, что будетъ послѣ. Вы будете раскаиваться и грызть себѣ пальцы; но ничто вамъ тогда не поможетъ».

Походъ Евдокимова въ Дарги-Ведено.

Слуста мѣсяцъ послѣ возвращенія Шамиля изъ чеченскаго

собранія (13), 15-го числа реджеба $\frac{1273}{1858}$ г., Шамиль выступилъ противъ Евдокимова къ сел. Тавзанъ и приказалъ сдѣлать завалы въ оврагѣ, по которому подымается дорога къ Тавзану. Русскіе занялись рубкою лѣса и разработкою дорогъ. Въ лѣсу произошла большая перестрѣлка, въ которой русскіе много потерпѣли. Упрочивъ за собою все стороны и исправивъ дороги, въ туманный день, Евдокимовъ, съ войскомъ, съ трехъ сторонъ пришелъ въ Тавзанъ. Войска Шамиля, бросивъ безъ выстрѣла завалы, бѣжали въ сел. Алистанджа. Шамиль оставался тамъ 20 дней и приказалъ построить завалы передъ этимъ селеніемъ. Потомъ приказалъ жителямъ сел. Дарги переселиться въ Ичича. Видя, что войско его много терпитъ отъ недостатка провіанта и отъ холода, потому-что тогда выпалъ снѣгъ, Шамиль приказалъ сжечь Алистанджу и отступить къ Даргамъ. Затѣмъ велѣлъ укрѣпить Дарги, исправить завалы и приготовить въ селеніи все къ защитѣ. Ночью на горѣ показался авангардъ конницы отряда Евдокимова, а пѣхота на площади около Дарги. Это мѣсто стало какъ небо въ ясную ночь, усеянное звѣздами,—такъ много было палатокъ, лошадей, орудій и людей. Конница, сопровождаемая залпами изъ пушекъ и ружей, бросилась къ Даргамъ. Мы вышли противъ русскихъ съ конницею и орудіями и мужественно защищались, бросая въ центръ ихъ ядра и гранаты. Мы стояли твердо, такъ, что русскіе не могли разстронуть ряды наши и не нанесли намъ никакого вреда. Русскіе отступили и мы возвратились. Въ эту ночь все набы собрались въ домъ къ Шамилю и просили его, чтобы онъ вышелъ изъ Дарговъ. Шамиль согласился на ихъ убѣдительныя просьбы и, оставивъ въ Даргахъ сына своего Кази-Мухаммеда съ 3500-ми человекъ и 13-ю набами, самъ съ приближенными и нѣкоторыми набами вышелъ и остановился въ селеніи Эрсеной, въ 3½ верстахъ отъ Дарговъ. Каждый день послѣ того происходили перестрѣлки и схватки. Евдокимовъ окружилъ Дарги, однако-же не могъ взять ихъ лицомъ къ лицу, а успѣлъ въ

(13) Въ это время Евдокимовъ съ войскомъ стоялъ въ сел. Басанъ-Мирза.

этомъ только своею хитростью. Онъ, траншеями дошедши до Дарговъ, началъ бросать туда ядра, бомбы и гранаты, что очень ослабило осажденныхъ. Поутру, въ четвергъ 23-го рамазана, цѣлый день продолжалась сильная канонада изъ всѣхъ орудій по Даргамъ, такъ что залпы сливались въ одинъ протяжный гулъ, и кромѣ дыму и пыли ничего не было видно. Вечеромъ, когда осажденные приготовились къ совершенію намаза, русскіе вдругъ, какъ саранча, бросились съ крикомъ съ четырехъ сторонъ на Дарги. Мусульмане не въ силахъ были выдержать штурма и бѣжали. Тамъ осталась только горсть храбрецовъ, чтобы забрать оставшіеся пожитки, захвативъ которые, они пришли вслѣдъ за главными силами въ Харачой.

Послѣ того, какъ русскіе завладѣли Чечнею, Шамиль, потерявъ всякую надежду на возвращеніе оной, отправился съ сыномъ Казимухаммедомъ въ сел. старыя Дарги. Съ этого времени Шамиль день-отодня клонился къ упадку. Потери въ этотъ разъ простиралась до 435-ти убитыми; раненыхъ было около 205-ти человекъ.

Сборъ Шамилемъ чеченцевъ послѣ взятія Дарговъ.

По взятіи русскими Дарги-Ведено, Шамиль, не видя средствъ удержать за собой чеченцевъ, приказалъ имъ вторично собраться. Они собрались въ сел. Эрсеной. Шамиль сказалъ имъ: «Во всемъ Дагестанѣ храбрѣе васъ нѣтъ, чеченцы! Вы свѣчи религіи, опора мусульманъ. Вы были причиною возстановленія исламизма послѣ его упадка. Вы много пролили русской крови, много забрали у нихъ имѣнія, плѣнили знатныхъ ихъ. Сколько разъ вы заставляли трепетать сердца ихъ отъ страха! Знайте, что я товарищъ вашъ и постоянный вашъ кунакъ, пока буду живъ. Ей-богу, я не уйду отсюда въ горы, пока не останется ни одного дерева въ Чечнѣ». Но че-

ченцы, не видя никакой пользы отъ его рѣчи, оставили его и разбрелись по домамъ. Шамиль, потерявъ всякую надежду, возвратился съ своими приверженцами въ сел. Ичича.

Выступление Шамиля на возвышенность Килаль изъ селенія Ичича.

Шамиль приказалъ всѣмъ наибамъ укрѣпить гору Килаль и приготовить войска. Наибы провели рвы и возвели завалы. Килаль былъ укрѣпленъ. Шамиль перевезъ туда всю казну, сокровища, орудія, снаряды и провіантъ, перевезъ туда также женъ и дѣтей своихъ и, поселившись тамъ съ мюридами, приказалъ сыну своему Кази-Мухаммеду укрѣпить противоположный берегъ Андійскаго Койсу въ Ачабота, построить тамъ завалы и увеличить число башенъ, въ которыхъ поставитъ орудія. Шамиль думалъ, что жители окрестныхъ деревень придутъ къ нему на помощь, когда онъ ихъ попроситъ, и что тогда ихъ будетъ достаточно для сопротивленія русскимъ.

Последнее собраніе Шамилемъ наибовъ и ученыхъ Дагестана въ сел. Хунзахъ.

Шамиль, услышавъ, что главнокомандующій князь Барятинскій выступилъ съ отрядомъ, предписалъ всѣмъ наибамъ, ученымъ и почетнымъ собраться на совѣтъ въ Хунзахъ. 12-го зуль-жаада $\frac{1275}{1859}$ года, Шамиль остановился въ сел. Геничугъ, въ домѣ аварскаго наиба Дебира. Наибы, ученые и другіе собрались на возвышенности около Геничука. Здѣсь произошло большое преніе относительно русскихъ. Шамиль, замѣчая, что наибы и пародъ хотятъ

измѣнить ему и передаться русскимъ, приказалъ всѣмъ наибамъ, ученымъ, сотеннымъ начальникамъ и другимъ почетнымъ лицамъ дать клятву въ томъ, что они не измѣнятъ ему, будутъ сражаться съ русскими и никогда не примирятся съ ними. Всѣ поклялись, что если они измѣнятъ, то пусть жены бросятъ ихъ. Однако-же, всѣ измѣнили ему потомъ. Шамиль сказалъ тогда мнѣ: «Даніель-султанъ не клялся. Чего онъ хочетъ»? Я пошелъ къ Даніель-султану и сказалъ ему объ этомъ. Даніель пришелъ къ Шамилю въ домъ Дебира и поклялся. Потомъ Шамиль сказалъ мнѣ, что Даніель поклялся однакожь не такъ, какъ другіе наибы. Шамиль остался недоволенъ его клятвою. Оттуда Шамиль отправился въ Карату, а потомъ на гору Ичича, гдѣ и сталъ ожидать прибытія русскихъ.

Походъ князя Барятинскаго въ Дагестанъ.

Долго длились безпорядки въ Дагестанѣ. Горцы, оставаясь подъ бичемъ наибовъ поработченными, стѣсненными и не зная, какую принять сторону, съ терпѣніемъ переносили всю трудность своего положенія. Наибы продолжали напрасно убивать и грабить народъ. Шамиль пересталъ слушать совѣты благоразумныхъ, и всякаго здравомыслящаго сталъ считать за глупца, а вреднаго человѣка за полезнаго. И это продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока онъ и его приближенные не потеряли всякую власть.

Въ $\frac{1276}{1839}$ году, главнокомандующій выступилъ съ большимъ отрядомъ черезъ Чечню и, остановившись на возвышенностяхъ Андійскихъ, у озера Анди-Ратлядъ, приказалъ разрабывать дороги. Народъ толпами съ покорностію сталъ приходиться къ нему со всѣхъ сторонъ. Главнокомандующій ласково принималъ покорныхъ и дѣлалъ имъ щедрые подарки, которыхъ они отъ Шамиля никогда не видѣли. Они забыли Шамиля и данную ему присягу, прельстясь золотомъ и серебромъ, а еще болѣе обѣщаніями ограждать ихъ отъ переносимыхъ ими насилій и притѣсненій. Даже самыя приближенные, довѣренныя его лица, наибы, и самыя дѣти въ

тайнѣ хотѣли передаться русскимъ. А Шамиль между тѣмъ этого не спалъ. Мирза Шамиля, Эмиръ-Ханъ Чиркеевскій, услышавъ о щед-
рости главнокомандующаго, явился къ нему съ печатью имама; но,
кажется, ничего не получалъ.

Баронъ Врангель, по приказанію главнокомандующаго, изъ Бур-
туная двинулся къ Сагритлохскому мосту. Шамиль, услыша объ
этомъ, приказалъ набамъ сломать мостъ, устроить на берегу за-
валы и защищать переправу. Но они не охотно защищали оную.
Послѣ небольшихъ перестрѣлокъ, русскіе переправились черезъ
Андійскае Койсу, а набы возвратились къ Шамилю. Тогда Шамиль
самъ выѣхалъ съ войскомъ противъ барона Врангеля, но найдя
это бесполезнымъ, съ семействомъ возвратился въ Ичича. Всѣ окрест-
ныя общества, послѣ переправы русскихъ черезъ Андійскае Койсу,
пришли съ покорностію къ барону Врангелю. Командующій войсками
на Лезгинской линіи князь Меликовъ, по приказанію главнокоман-
дующаго, съ отрядомъ выступилъ изъ Заваталъ черезъ Цунта во
внутрь Дагестана и расположился въ мѣстѣ, называемомъ Ачабота. Съ
появленіемъ его, пришли къ нему съ покорностію жители обществъ
Цунта, Анцухъ, Ташъ, Тумаралъ, Анцросо, Хваналъ, Тебеяль и
Тиндалъ. Въ это время Дагестанъ сдѣлался, какъ вдоль разрѣ-
занное брюхо, все содержимое котораго обнаружилось. Когда Ша-
миль услышалъ, что князь Меликовъ съ отрядомъ остановился въ
Ачабота и ему покорились упомянутыя общества, то палъ духомъ
и лишился всякой надежды; потому что онъ рассчитывалъ на эти
общества, которыя постоянно были во враждѣ съ русскими. Шамиль
говорилъ, что Аварія принадлежитъ потомкамъ русскаго князя Су-
рака, и это ничего не значить, если русскіе завладѣютъ ею, потому
что они и прежде ею владѣли, лишь-бы только тѣ общества оста-
лись въ нашей власти,—тогда они придутъ и помогутъ намъ.

Начальникъ Казикумухскаго ханства, генераль-маіоръ князь
Тархановъ, въ то-же время двинулся изъ Казикумуха къ укрѣпле-
нію Чохъ. Чохцы и находившіяся тамъ набы Исманлъ сдались;
потомъ сдались ему укрѣпленія Суграталъ, Прибъ, Рисибъ, Магаро.
Послѣднихъ трехъ укрѣпленій набомъ былъ Даніель-султанъ, ко-

торый прислалъ сначала сына своего Муса-бека къ Тарханову, а потомъ и самъ явился къ нему на высотахъ Чавзу-Меерѣ, Дардабора, откуда и отправился къ главнокомандующему.

Генералъ Манюкинъ изъ Шуры направился съ отрядомъ черезъ Ирганы и завладѣлъ укрѣпленіемъ Аракапы. Ему покорились всѣ койсубулинцы. Начальникъ Даргинскаго округа, полковникъ Лазаревъ, изъ Кутишей двинулся съ отрядомъ и завладѣлъ Улле-Калою, Кикунами, Маалибомъ, Кородою, Куядою, жители которыхъ пришли къ нему съ покорностію. Послѣ этого горцы поступали по произволу: кто шелъ къ русскимъ, кто оставался дома, а нѣкоторые послѣдовали за Шамилемъ.

Бѣгство Шамиля съ горы Ичича (Килалъ) на Гунибъ.

Когда Шамиль увидѣлъ, что народъ, наибы и даже самые приближенные измѣнили ему и что онъ окруженъ съ четырехъ сторонъ русскими, то, оставивъ въ Ичичахъ орудія, желѣзо, хлѣбъ, мѣдную посуду, постели, одѣяла и много разной домашней утвари, бѣжалъ съ горстію мюридовъ на Гунибъ, взявъ съ собою: на 6-ти лошадяхъ золото и серебро, на каждой лошади по $\frac{1}{4}$ руб.; на одной лошади разныя драгоценности; на 17-ти лошадяхъ книги; на 3-хъ лошадяхъ ружья; на 3-хъ лошадяхъ шашки, пистолеты, кинжалы и панцыри; на 40 лошадяхъ разныя вещи, платя женъ, сукна и прочее. Въ четвергъ 4-го сафара $\frac{1276}{1839}$ года Шамиль выѣхалъ изъ Ичича съ гумбетовцами и ихъ наибомъ Уцми. Они провозжали его до моста Конхидатльскаго, а тамъ, распростившись съ нимъ, со слезами на глазахъ возвратились домой. Достигнувъ на другой день селенія Карата, Шамиль остановился тамъ въ домѣ сына своего Кази-Мухаммеда. Но боясь, чтобы русскіе, которые были уже въ Аваріи, не пресѣкли ему пути, въ тотъ-же день съ 40

люридами выѣхалъ онъ изъ Караты въ Гидатль. Со страхомъ добравшись до селенія Телстль, Шамиль остановился на площади, называемой Борештль-Тлюлибъ-Тляра. Здѣсь, вечеромъ, онъ узналъ отъ одного карахца, что чохцы покорились и русскіе заняли укрѣпленіе. Тогда онъ и сынъ его Кази-Мухаммедъ еще больше испугались и сказали: «Кажется, что лучше укрыться на горѣ Ротлата-Мееръ (Чемоданъ гора) ⁽¹⁴⁾ или-же поѣдемъ въ Тиндалъ ⁽¹⁵⁾. Это самый храбрый народъ Дагестана!» Нѣкоторые-же предлагали Шамилю ѣхать въ Табасаранъ. Шамиль и Кази-Мухаммедъ вызывали охотника, который-бы отпратился на Гунибъ къ Шафи-Мухаммеду, чтобы освѣдомиться, дѣйствительно-ли взято укрѣпленіе Чохъ и вошли-ли туда русскіе. Они говорили: «Кто доставитъ намъ это свѣдѣніе, того мы щедро наградимъ». Всѣ молчали и никто не отвѣчалъ. Когда я замѣтилъ, что Шамиль въ большомъ безпокойствѣ и страхѣ, то сказалъ: «Я въ эту темную ночь сослужу тебѣ службу эту, имамъ, или умру на дорогѣ!» Верхомъ, съ товарищемъ, я отпратился въ дорогу; передъ Ругуджею мы встрѣтили ругуджинскую стражу; товарищъ мой бѣжалъ. Остановивши меня, они спросили, куда я ѣду; и когда я рассказалъ имъ о цѣли своей поѣздки, то они, пропустивъ меня, указали путь. Получивъ отвѣтъ отъ Шафи-Мухаммеда, я къ утру возвратился обратно къ Шамилю, котораго и засталъ въ сильномъ волненіи. Онъ хотѣлъ было ѣхать въ Гидатль, но не рѣшался. Я подалъ ему письмо и передалъ саламъ отъ сына. Прочитавши письмо, Шамиль обрадовался, что сынъ его еще живъ и здоровъ ⁽¹⁶⁾. Доставивъ эти свѣдѣнія Шамилю, я былъ, такъ сказать, причиною того, что онъ рѣшился отпратиться на Гунибъ. По дорогѣ къ Гунибу я встрѣтилъ между стражею нѣкоторыхъ знакомыхъ, которые секретно передали мнѣ,

⁽¹⁴⁾ На Чемоданъ-горѣ, во время походовъ князя Аргутинскаго, Кибитъ-Мухаммедъ построилъ нѣсколько саклей, въ коихъ можно-бы было укрыться во время опасности.

⁽¹⁵⁾ Въ то время Шамиль еще не имѣлъ извѣстій о занятіи Тиндала княземъ Маликовымъ.

⁽¹⁶⁾ Нѣкоторые въ то время говорили, что сынъ Шамиля, Шафи-Мухаммедъ, убитъ.

что братъ мой Даудилау покорился, и что если Шамиль объ этомъ узнаеть, мнѣ будетъ нехорошо! Я хотѣлъ-было тогда взять семейство свое и вещи и отправиться къ брату въ Чохъ, въ чемъ и просилъ содѣйствія встрѣтившихся мнѣ кунаковъ; но, узнавъ послѣ, что имѣніе мое, оставленное въ Карахѣ у Букъ-Мухаммадиль-Кула, было ограблено кудяинцами, и принужденъ былъ ѣхать къ Шамилю на Гунибъ.

Вступленіе Шамиля на Гунибъ.

Въ среду 9-го савара ¹²⁷⁶/₁₈₃₉ года, Шамиль съ семействомъ, нѣ-
которыми приближенными и мюридами прибылъ на Гунибъ. Изъ
всего имѣнія, казны и драгоценностей, которыя онъ взялъ съ со-
бою на выюкахъ изъ Ичича, не осталось ничего, кромѣ оружія, ко-
торое было у него въ рукахъ, и лошади, на которой онъ сидѣлъ.
Телетинцы, ругуджинцы и кудяинцы ограбили все это ночью на
дорогѣ, не добъзжая до Ругуджи; однако-же на Шамиля не нападали.
Когда Шамиль прибылъ на Гунибъ, то начали стрѣлять изъ ору-
дій въ знакъ радости. Я съ сыномъ оставался цѣлый день въ Ру-
гуджѣ, но услышавъ, что имѣніе мое ограблено, и получивъ свѣ-
дѣніе, что жена моя вслѣдъ за семействомъ Шамиля уѣхала на
Гунибъ, въ четвергъ ночью и я отправился также туда. Увидя
меня, Шамиль очень обрадовался, потому-что онъ полагалъ, что
меня убили, и сказалъ: «Не безпокойся о потерѣ имѣнія. Я тебя
вознагражу». Въ субботу, со всею конницею, которая находилась на
Гунибѣ, Шамиль выѣхалъ осмотрѣть эту гору и дороги. Онъ при-
казалъ укрѣпить слабыя мѣста, поставить стражу, исправить за-
валы и прокопать въ иныхъ мѣстахъ рвы. Потомъ, Шамиль, когда
взглянулъ на своихъ спутниковъ, то нашелъ около себя только не-
многихъ: андійскаго наиба Дебира, хунзахскаго Дебира, сугратлин-

сваго Нуръ-Мухаммеда и нѣсколько приближенныхъ; прочіе-же измѣнили ему и ограбили сокровища его. Тогда Шамиль, вспоминая прошедшее, печально продикламиривалъ слѣдующіе стихи арабскаго поэта: «У меня были братья, которыхъ я считалъ панцырями; но вотъ они стали моими врагами. Я считалъ ихъ за мѣткія стрѣлы. Да! они были таковы; но только теперь—въ моемъ сердцѣ». Потомъ сказалъ: «Ей-богу, если-бы я довѣрялъ русскимъ, то непременно помирился-бы теперь съ ними, съ тѣмъ чтобы они дозволили мнѣ юѣхаться въ Мекку,—и потомъ посмотрѣлъ-бы на горцевъ, какъ они будутъ раскаиваться, когда русскіе начнутъ вертѣть на ихъ головахъ жернова мукъ и наказаній, каково будетъ положеніе набовъ и дагестанцевъ, когда ихъ начнутъ брать въ солдаты и заставятъ ихъ заплатить за все потерянное ими, русскими, со времени Кази-Мухаммеда, Гамзатъ-бека и въ мое время до сего дня. Нѣтъ сомнѣнія, что это истина, но горцы этого не знаютъ! А если-бы и былъ въ Дагестанѣ, то русскіе не могли-бы этого сдѣлать, какъ не могли и прежде, когда я былъ въ Ахульго и Шубутѣ».

Прибытіе главнокомандующаго на возвышенность Кегеръ.

Главнокомандующій, прибывъ на возвышенность Кегеръ, приказалъ войскамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Гуниба, окружить его и занять все тропинки. До прибытія главнокомандующаго приходили жители Ругуджи, Хидаха и Кудали, приносили соль и съѣстные продукты и передавали разныя извѣстія, но съ прибытіемъ главнокомандующаго все тропинки были заняты такъ, что послѣ того никто не могъ пробраться на Гунибъ. Потомъ главнокомандующій приказалъ барону Врангелю послать къ Шамилю благонадежнаго человѣка для мирныхъ переговоровъ. Полковникъ Али-ханъ аварскій, посланный барономъ Врангелемъ, приблизился со стороны Хоточа къ Гунибу и закричалъ: «Эй! Подойдите для

мирныхъ переговоровъ! Главнокомандующій очень милостивъ и сожалѣеть о вашихъ женахъ и дѣтяхъ, боясь, чтобы они не попали подъ ноги солдатъ. Вы будете послѣ раскаиваться, но это не принесетъ вамъ пользы!» Шамиль приказалъ отвѣтить, что онъ завтра вышлетъ своего сына, Кази-Мухаммеда, и чтобы Али-ханъ завтра пріѣхалъ съ Лазаревымъ и Даніель-султаномъ къ большому завалу, что у входа на Гунибъ.

Переговоры о мирѣ между Кази-Мухаммедомъ и полковникомъ Лазаревымъ.

Въ четвергъ 10-го сафара полковникъ Лазаревъ съ Даніель-султаномъ и другими лицами, по приказанію главнокомандующаго, пріѣхалъ и остановился у стѣны Гуниба, неподалеку отъ дома Мухаммеда кудалійскаго. Шамиль выслалъ къ нимъ меня и сына своего Кази-Мухаммеда (17). Мы подѣхали къ русскимъ и начались переговоры. Полковникъ Лазаревъ сказалъ: «Мы собрались сюда для того, чтобы пріискать лучшее на настоящее и будущее время, оставить вражду и заключить миръ; успокоить Шамиля, его семейство и приближенныхъ, гдѣ захотятъ; а если Шамиль пожелаетъ отправиться въ Мекку, то онъ будетъ отпущенъ съ большими подарками отъ Императора». Долго продолжались переговоры. Кази-Мухаммедъ сказалъ, по приказанію Шамиля: «Вы измѣнники. Сколько разъ мы съ вами заключали миръ и оставляли сражаться, но ничего отъ васъ не видѣли, кромѣ измѣны и обмана. Мы никогда не повѣримъ словамъ главнокомандующаго или

(17) На мнѣ былъ тогда панцырь Шамиля, стоившій 400 рублей, который ему подарила жена Асланъ-хаи кази-кумухскаго, вмѣстѣ съ другими вещами, во время взятія Шамилемъ Кази-Кумуха.

другого какого-либо лица. Мы не нашли въ словахъ генераловъ Граббе, Фези и Клюгенау ничего, кромѣ обмана и нарушенія договоровъ, прежде сего заключенныхъ. Какъ-же намъ теперь повѣрить вашимъ словамъ?» Полковникъ Лазаревъ отвѣчалъ: «Не возобновляй прошедшаго. Что было, то прошло. Лучше взгляни на настоящее и размысли о послѣдствіяхъ! Знай, что я желаю устроить ваше дѣло какъ возможно лучше. Ты не долженъ смѣшивать прежнихъ генераловъ съ настоящимъ главнокомандующимъ. Этотъ—намѣстникъ Императора. Каждое приказаніе его—слово и дѣло самого Императора. Онъ во всемъ довѣренное лицо Его». Эти слова Лазаревъ подтвердилъ клятвою. Потомъ продолжалъ: «Скажи Шамилю, чтобы онъ положился на мои слова! Здѣсь нѣтъ никакой измѣны. Я желаю вамъ добра и вы не должны обращать вниманія на слова другихъ. Пусть знаетъ Шамиль, что этотъ главнокомандующій дѣлаетъ то, что хочетъ, и никогда не измѣняетъ своихъ словъ». Послѣ этихъ словъ Лазаревъ возвратился, передавъ намъ сказать Шамилю слѣдующія условія мира: если угодно будетъ Шамилю отправиться въ Мекку, то онъ можетъ взять съ собою кого пожелаетъ; его проводятъ до границы Турціи, дадутъ конвой и лошадей подъ сѣздъ, и наконецъ дадутъ ему какіе-нибудь подарки. Если-же онъ не захочетъ ѣхать въ Мекку, то можетъ выбрать мѣсто въ Дагестанѣ, гдѣ пожелаетъ, только не на Гунибѣ, и тамъ поселиться; остальныхъ-же его спутниковъ поселятъ и успокоятъ тамъ, гдѣ послѣдніе пожелаютъ.

Продолженіе переговоровъ и переписки о сдачѣ Шамиля и взятіе русскими Гуниба.

На другой день послѣ переговоровъ получено было письмо главнокомандующаго съ послами Курбанъ-Мухаммадиль-Бацадіевскимъ, Мухаммедомъ Хуцідскимъ и Мухаммедомъ Джангудаевскимъ, въ которомъ подтверждались условія мира, предложенныя Лазаре-

вымъ. Мюриды были собраны и прочитано письмо. Произошло много толковъ. Шамиль говорилъ: «Это русскіе хитрятъ, чтобы только выманить насъ изъ Гуниба». Другіе говорили, что такіе люди, какъ сардаръ, не должны обманывать. Наконецъ, чтобы убѣдиться въ истинности содержанія полученнаго письма, Шамиль приказалъ хунзахскому наибу Дебису и Чиркеевскому Юнусу отправиться къ главнокомандующему съ письмомъ ⁽⁴⁸⁾ слѣдующаго содержанія: «Отъ раба божія, Шамиля, великому сардару, главному вождю, генералъ-адъютанту князю Барятинскому! Миръ вамъ, похвала и привѣтствіе! Къ намъ прибыли почтенные послы съ священнымъ письмомъ вашимъ. Мы прочитали его и поняли содержаніе. Посылаемъ къ вамъ отъ насъ двухъ пословъ для лучшаго объясненія условій мира и обезпеченія пути нашего въ Мекку. Мы надѣемся, что вы выслушаете ихъ и дадите отвѣтъ». Послы словесно предложили отъ Шамиля главнокомандующему слѣдующія условія мира: чтобы дать Шамилю около мѣсяца срока, пока онъ приготовится къ дорогѣ въ Мекку; послать для сопровожденія его какого-нибудь благонадежнаго чело-вѣка, чтобы на пути до границы Турціи никто его не обидѣлъ; а тѣхъ мюридовъ, которые останутся въ Дагестанѣ, успокоить тамъ, гдѣ они пожелаютъ». Когда послы возвратились, то Шамиль сказалъ народу: «Я хотѣлъ заключить миръ для васъ. Сардаръ предлагалъ хорошія условія, и чтобы убѣдиться въ справедливости оныхъ, я послалъ къ нему двухъ пословъ. Теперь послушайте, что они скажутъ». Послы сказали: «Все что русскіе говорятъ—это ложь; потому-что у нихъ на языкѣ одно, а на сердцѣ другое. Мы отъ нихъ не получимъ никакой пользы!» Тогда народъ сказалъ: «Благодаримъ тебя, имамъ, что ты желалъ для насъ помириться; но если русскіе хитрятъ, то мы лучше будемъ сражаться, пока умремъ; и ты сражайся, имамъ!» На другой день Шамиль получилъ второе письмо, написанное по довѣренности главнокомандующаго, въ которомъ кратко было спрошено, согласенъ-ли Шамиль на упомянутыя предложенія, или нѣтъ. Когда письмо было получено, меня не было. По порученію Шамиля, Абдурахманъ, зять его,

(48) Письмо это было написано мною.

написалъ отвѣтъ ⁽¹⁹⁾ главнокомандующему, что съ мечемъ въ рукахъ они дожидаются русскихъ. Главнокомандующій, прочитавъ отвѣтъ Шамиля, приказалъ приступить къ осадѣ. Войска двинулись со всѣхъ сторонъ и заняли всѣ важные пункты. Нѣкоторые говорили, что Гунибъ нельзя взять, хотя онъ и осажденъ со всѣхъ сторонъ. И самъ Шамиль въ совѣщаніяхъ на Гунибѣ часто повторялъ: «Вы ничего не думайте о русскихъ! Они скоро увидятъ бесполезность осады и возвратятся. А что они обложили насъ такою массою войскъ, такъ это только для того, чтобы испытать насъ. Сколько разъ они гонялись за нами! Однакожъ и мы будемъ преслѣдовать ихъ съ шашками и поступимъ теперь съ ними, какъ съ княземъ Воронцовымъ. Будьте покойны!» Такъ Шамиль ободрялъ осажденныхъ и одушевлялъ ихъ сражаться. Прошло нѣсколько дней. Мы, сколько могли, вели перестрѣлку, копали рвы и укрѣпляли Гунибъ. Шамиль помѣщался у главнаго завала, въ домѣ глухого Гаджи-Мухаммеда Кудалійскаго. Въ понедѣльникъ, ночью, 8-го рабіуль-аввала, за два съ половиною часа до разсвѣта, русскіе двинулись на Гунибъ со всѣхъ сторонъ. Во время утренней молитвы, мы услышали тревогу. Прискакавшій мюридъ извѣстилъ Шамиля, что русскіе взшли на Гунибъ съ южной стороны, и что Мухаммедъ Кудалійскій убитъ. Шамиль тотчасъ со мною и четырьмя мюридами, находившимися при немъ, отправился верхомъ въ селеніе; прочіе-же мюриды остались у главнаго завала внизу. Узнавъ по пушкѣ, которая послѣ выстрѣла была сброшена въ оврагъ, что Шамиль бѣжалъ въ селеніе, они прекратили перестрѣлку и хотѣли бѣжать влѣдъ за Шамилемъ; но, замѣтивъ, что партія русскихъ идетъ навстрѣчу имъ, они укрылись въ лѣсу. Въ тоже время другая партія русскихъ прорвалась снизу черезъ главныя ворота и стала направляться въ селеніе. Пропустивъ сію послѣднюю, мюриды съ миналами бросились на нее и нанесли-бы ей много вреда, если-бы не подоспѣла на помощь ей войска, поднявшіяся со стороны Ругуджи. Всѣ эти мюриды были или убиты, или взяты въ плѣнъ; нѣкто изъ нихъ не успѣлъ пробраться въ селеніе къ Шамилю. Это

(19) Къ этому отвѣтному письму не было приложено печати Шамиля.

были самые храбрѣйшіе. Если-бы эти мюриды успѣли достигнуть селенія, то дня три продолжалась-бы осада онаго. Шамиль, я и три мюрида вошли въ домъ его. Земля намъ тогда показалась тѣсною. послѣ такого простора! Всѣ хитрости Шамвиля истощились, предположенія его не сбылись и его постигло раскаяніе. Онъ потерялъ все. Въ селеніи оставалось не болѣе 40 человекъ мужчинъ; женщины взяли ружья и шашки и приготовились къ защитѣ. Шамиль, со мною и нѣсколькими мюридами, отправился въ мечеть, гдѣ мы также приготовились защищаться. Кази-Мухаммедъ и Шафи-Мухаммедъ, преслѣдуемые русскими со стороны Хоточа, съ нѣсколькими мюридами прискакали въ селеніе, которое тотчасъ-же со всѣхъ сторонъ было окружено русскими. Пули сверху и снизу полились какъ градъ. Испуганныя женщины и дѣти съ крикомъ и плачемъ попадали на улицахъ. Но вдругъ русскіе ударили отбой и закричали къ намъ со всѣхъ сторонъ, чтобы мы выслали благонадежныхъ людей для переговоровъ.

Сдача Шамиля главнокомандующему.

Когда увеличились крики со всѣхъ сторонъ, чтобы кто-нибудь изъ довѣренныхъ Шамиля былъ посланъ къ главнокомандующему, Шамиль позвалъ меня и приказалъ идти заключить миръ съ русскими и просить пощады. Я вышелъ изъ селенія съ товарищемъ Юнусомъ Чиркеевскимъ. Нѣкоторые мюриды стрѣляли по русскимъ. — Я приказалъ имъ остановиться. Я посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны: все было покрыто русскими. Когда они увидѣли меня, то закричали вдругъ: «Иди сюда! Иди сюда!» Я отправился къ тому, кто былъ поближе. Это былъ какой-то генералъ. Я спросилъ: «Кто это такой?» Мнѣ сказали, что это генералъ Кесслеръ. Затѣмъ ко мнѣ подошли поручикъ Смирновъ и армянинъ Захаръ и сказали, что генералъ Кесслеръ приказалъ отобрать отъ насъ оружіе и воз-

вратить, когда будет заключенъ миръ. Я отдалъ Захару пашку, а ружье и пистолетьъ Ибрагиму Чохскому. Замѣтивъ, что черезъ Кесслера дѣла наше не можетъ быть покончено, я сказалъ Юнусу: «Идемъ отъ него; у него, кажется, не было другой цѣли, какъ только отобрать отъ насъ оружіе.» Оставивъ Кесслера и оружіе наше въ рукахъ его переводчиковъ, которые не возвратили намъ онаго и по сіе время, мы встрѣтили другого генерала, съ которымъ былъ Даниель-султанъ. Генераль этотъ спросилъ насъ: «Гдѣ Шамиль, отчего онъ не сдается и зачѣмъ вы пришли?» Я отвѣчалъ: «Вы насъ звали.» Тогда этотъ генераль приказалъ Гасанъ-хану казакмухскому отправить насъ къ главнокомандующему. Отъ Даниель-султана я узналъ, что это былъ баронъ Врангель. Я на-шелъ его умнымъ человѣкомъ. На пути мы встрѣтили полковника Лазарева, который указалъ намъ дорогу къ главнокомандующему. Князь Барятинскій принялъ насъ очень ласково и сказалъ намъ, чтобы мы представили къ нему Шамиля. Возвративъ въ селеніе, мы застали Шамиля, Кази-Мухаммеда съ семействомъ и мюридами въ мечети. Мы сказали Шамилю, что главнокомандующій проситъ его, чтобы онъ пришелъ, и что не будетъ никакой измѣны. Но Шамиль уже приготовился защищаться. положивъ передъ собою пашку и заткнувъ поясъ за поясъ. Онъ рѣшился умереть, а потому отвѣчалъ намъ: «Вы должны сражаться, а не говорить мнѣ, чтобы я шелъ къ главнокомандующему! Я хочу сражаться и умереть въ этотъ день.» Кази-Мухаммедъ-же сказалъ Шамилю: «Я не хочу сражаться, я выйду къ русскимъ; а ты, если хочешь, то дерись!» Шамиль очень разсердился; даже женщины, которыя находились въ мечети съ оружіемъ въ рукахъ, стали стыдить и ругать Кази-Мухаммеда за его трусость, а нѣкоторые проклинали его. Въ такомъ положеніи мы оставались до четырехъ часовъ. Затѣмъ Шамиль, видя измѣну сына, согласился идти къ главнокомандующему. Мы всѣ обрадовались. Одѣвъ Шамиля, мы посадили его на лошадь, причѣмъ, онъ, обратясь къ дѣтямъ своимъ, сказалъ имъ: «Будьте покойны теперь, Кази-Мухаммедъ и Шафи-Мухаммедъ! Вы начали портить дѣла мои и докончили своею трусостью».

Шамиль выѣхалъ изъ селенія въ сопровожденіи пѣшихъ мюридовъ. Увидѣвъ его, всѣ войска, которыя находились вокругъ селенія, закричали: «Ура!» Шамиль испугался и возвратился въ селеніе, думая, что его обмануть и убьютъ. Но одинъ изъ числа мюридовъ, Мухаммедъ Худанатъ-оглы гоцатлинскій, сказалъ Шамилю: «Если ты побѣдишь, то этиъ не спасешься; лучше я убью сейчасъ Лазарева и начнемъ газавать (драться за вѣру).» Въ это время впереди русскихъ отдѣльно стоялъ полковникъ Лазаревъ, который, замѣтивъ насъ, сказалъ: «Куда вы возвращаетесь? не бойтесь! между нами не будетъ измѣны». Шамиль возвратился и подѣхалъ къ барону Врангелю, который, поздоровавшись съ нимъ, отправилъ его къ главнокомандующему. Доѣхавъ до ставки главнокомандующаго, Шамиль слѣзъ съ лошади; здѣсь взяли его и представили главнокомандующему. Между-тѣмъ баронъ Врангель приказалъ мнѣ привести къ нему Кази-Мухаммеда и Шафи-Мухаммеда съ женами, и все семейство Шамиля. Я вошелъ въ мечеть и нашелъ тамъ Кази-Мухаммеда и брата его съ мюридами. Когда онъ увидѣлъ меня, то спросилъ: «Гдѣ ты оставилъ отца моего?» Я отвѣтилъ ему: «Развѣ ты не знаешь, что я оставилъ отца твоего у сардара, который отвелъ его въ свою палатку». Потомъ сказалъ ему: «Чего ты хочешь теперь?» Кази-Мухаммедъ отвѣчалъ: «Я хочу сражаться, пока не убьютъ меня!» Я сказалъ ему: «Если-бы ты желалъ сражаться, то сражался бы прежде, а теперь война кончена. Вставай и пойдемъ со мною!» Я взялъ его съ братомъ и всѣмъ семействомъ и повелъ къ барону Врангелю, который дожидался ихъ недалеко отъ селенія. Баронъ Врангель, принявъ ихъ, сказалъ мнѣ: «Я очень доволенъ твоею службою и никогда этого не забуду». Послѣ того я уже не видалъ ни Шамиля, ни главнокомандующаго, ни барона Врангеля. Такимъ образомъ я былъ посредникомъ при заключеніи мира. Во время захожденія солнца я пошелъ къ своему семейству и нашелъ жену и дѣтей плачущими. Все имѣніе наше было разграблено милиціонерами, такъ-что даже иголки не осталось. Жена начала упрекать меня и сказала: «Ты столько лѣтъ служилъ Шамилю, что же ты получилъ? И въ этотъ день, когда всѣ стерегли свои вещи,

ты былъ посредникомъ между Шамилемъ и русскими, а имѣніе твоё ограбили милиціонеры». Въ эту ночь я съ женою и дѣтьми, почти голыми, съ непокрытыми головами и босыми, пошли и, въ полночь достигши до Хиндаха, остановились тамъ у своихъ кунаковъ. Я понесъ тогда убытку на 2250 руб., кромѣ оружія, лошади и часовъ; кромѣ того 137 книгъ, которыя я получилъ отъ отца, были потеряны. У меня даже на абазъ не осталось имѣвія, кромѣ одежды и кинжала, которые были на мнѣ. Хотя жена моя и успѣла сберечь, привазавъ подъ рубашкою, вещей и денегъ почти на 280 руб., но черезъ семь дней и эти вещи и деньги пропали въ домѣ моего кунака, у котораго я остановился и отдалъ ихъ ему на сбереженіе, когда ѣздилъ къ полковнику Лазареву. Я знаю и теперь вижу, какъ воръ проживаетъ мои деньги и вещи, и прошу Бога, чтобы онъ помогъ мнѣ возвратитъ ихъ. Я еще не видѣлъ большого несчастія, какъ въ день заключенія мира; тѣмъ болѣе, что жена и дѣти мои привыкли прежде къ сколько-нибудь порядочной жизни; послѣ того-же остались голодны, голы и босы. Но, однако, я постарался забыть это несчастіе; потому-что радъ былъ, что самъ остался живъ, и не посмѣлъ уже жаловаться, что имѣніе украдено. Русскіе начальники помогли мнѣ и дали средства содержать семейство.

Дѣти Шамиля и ихъ дѣйствія въ Дагеставѣ.

Что касается до старшаго сына Шамиля, Джамаляддина-Ахмеда, то онъ былъ умнѣйшій и образованный человекъ. Онъ умеръ (да смилосердится надъ нимъ Богъ!) въ ¹²⁷⁴1857 году и погребенъ въ селеніи Карата. Младшій сынъ его, Шафи-Мухаммедъ, былъ юнъ и неопытенъ. Онъ не имѣлъ никакой власти, постоянно дѣлалъ скандалы и волочился; однако въ немъ было одно хорошее качество

—это щедрость. Что-же касается до средняго сына, Каап-Мухаммеда, то Шамиль подчинилъ ему всѣхъ наибовъ, передалъ ему власть надъ всѣмъ Дагестаномъ, думая, что онъ будетъ подражать ему. Шамиль говорилъ: «Я сдѣлался уже слабъ и голова моя уже посѣдѣла; потому хочу поручить всѣ дѣла сыну; самъ-же буду приготовляться къ смерти и молиться Богу». Народъ называлъ Кази-Мухаммеда имамомъ. Наибы постоянно льстили Шамилю, что сынъ его, Кази-Мухаммедъ, хорошъ, хвалили его поступки и скрывали отъ него дѣла его, заслуживающія порицанія. Этимъ они измѣняли Шамилю. Они упросили Шамиля поручить все Кази-Мухаммеду, чтобы пользоваться его слабостию и неопытностію. Они говорили въ лицо Шамилю: «Сынъ твой хорошъ и даже умнѣе тебя». Между-тѣмъ-какъ сами знали, что въ Кази-Мухаммедѣ скрывается много низкаго, что онъ скупъ, дурного характера и трусь. Народъ считалъ его хорошимъ человекомъ, потому-что онъ, какъ женщина, постоянно улыбался каждому, даже самымъ большимъ врагамъ своимъ. Мугаджиры и храбрецы постоянно старались грабежомъ увеличить казну его. Сколько храбрыхъ Дагестана пало на берегахъ Нуры и Алазани! Сколько героевъ было илѣнено и умерло въ русскихъ наделахъ, жены и дѣти которыхъ остались безъ всякаго призрѣнія! Сколько мугаджировъ погябло на границѣ Акуши и Шамхальства, пронзенными въ грудь штыками солдатъ! Такимъ образомъ горцы старались возвысить Шамиля и доставить славу и богатство его сыну. Не смотря на то, что дагестанцы никогда не подчинялись узденямъ, подобнымъ себѣ, и были хищны, какъ волки, и какъ львы бросались, чтобы завладѣть добычею; но эту добычу они отдавали Шамилю! Многие были убиваемы подъ предлогомъ, что они не отдавали законную часть въ байтуль-маль, и все ихъ имѣніе было конфискуемо. Сначала Шамиль, если приказывалъ убить кого-нибудь, то бралъ все имѣніе, приобретенное въ набѣгахъ и наслѣдственное, не оставляя ничего семейству убитаго, которое въ такомъ случаѣ принуждено было идти жить по чужимъ людямъ; потомъ-же онъ приказалъ наибамъ наслѣдственное имѣніе оставлять женамъ и дѣтямъ убитаго. Но наибы не исполняли приказанія Шамиля, и при содѣйствіи Кази-Мухаммеда, съ которыми они по-поламъ дѣ-

злились, убивали многихъ, чтобы завладѣть имѣніемъ, и тѣмъ самымъ ослабили власть Шамиля и уронили духъ въ народѣ. Последствіемъ таковой мѣры было то, что число мужчинъ уменьшилось, а число женщинъ увеличилось. Настали неурожаи, и разныя болѣзни постигли народъ. Каянусъ Богомъ, горцы иногда по десяти дней и болѣе принуждены были отъ голода ѣсть траву, и не смотря на такое свое положеніе, они повиновались Шамилю и его сыну. Наконецъ русскіе вошли со всѣхъ сторонъ въ Дагестанъ. Народъ не зналъ, что дѣлать. Шамиль, не обращая вниманія на подчиненныхъ, съегъ яногіи селенія, бѣжалъ на Гунибъ и оставилъ горцевъ, какъ овецъ, разсыпавшихся въ разныя стороны. Гнѣвъ Божій низошелъ на Шамиля, и Богъ попустилъ его врагамъ завладѣть казною его, драгоценностями и имѣніемъ. Такъ неприлично-же Кази-Мухаммеду упрекать жителей Дагестана, что они поступили такъ, а не иначе, и оставили Шамиля и его семейство безъ всякой помощи. Неужели онъ не стыдится передъ тѣми, которые его очень хорошо знаютъ, такъ говорить и упрекать дагестанцевъ, когда они впродолженіи столькихъ лѣтъ были покорны Шамилю и ему, и такъ храбро сражались за нихъ. Ей-богу, если-бы горцы не были такъ храбры, то дѣти Шамиля теперь жили-бы въ Гимрахъ и занимались тѣмъ-же, чѣмъ занимались предки ихъ: схвативши осла за хвостъ, они гоняли его на плоскость и въ горы—лѣтомъ продавали курагу, а осенью лукъ. Дагестанцы перенесли отъ Кази-Мухаммеда все, что только можетъ перенести человѣкъ; онъ даже душилъ нѣкоторыхъ своихъ юридовъ, приближенныхъ и ученыхъ, когда нельзя было убивать ихъ открыто. Если-бы можно было горцевъ включить, какъ ишаковъ, и посылать въ лѣсъ за дровами, то это дѣлалъ-бы Кази-Мухаммедъ. Такъ поступалъ онъ и управлялъ народомъ, который, видя расположеніе Шамиля къ нему, боялся жаловаться на него. Что-же касается до его храбрости, то я расскажу одно случившееся въ Дагестанѣ происшествіе. Когда Асланъ-ханъ Казикумухскій прибылъ къ селенію Хосрекъ съ войскомъ, чтобы завладѣть престоломъ своего дяди, Сурхай-хана, который былъ не въ ладахъ съ русскими, то сынъ Сурхай-хана вышелъ съ войскомъ

на встрѣчу Асланъ-хана и сказалъ: «Ей-богу, я не возвращусь съ этого мѣста, пока не умру». И онъ дѣйствительно сражался до-тѣхъ-поръ, пока не былъ убитъ. Отецъ его вышелъ съ войскомъ и шелъ на помощь, но на дорогѣ встрѣтилъ его на носилкахъ, уже убитаго. Ему сказали: «Сынъ твой убитъ». Сурхай-ханъ отвѣчалъ: «Необходимо было такому сыну, какъ онъ, предпочесть жизни смерть, когда онъ видѣлъ, что такой отецъ, какъ и, лишается престола». Потомъ сказалъ несшимъ: «Погребите его», и даже не взглянулъ на лицо убитаго. Вотъ, какова должна быть храбрость! Если-бы въ сердцѣ Кази-Мухаммеда былъ хоть золотникъ храбрости, то онъ не выѣхалъ-бы изъ Караты, но съ обнаженнымъ мечемъ защищалъ-бы входъ въ Карату, пока не былъ-бы убитъ; или принялъ-бы ядъ и умертвилъ-бы себя, или пролилъ-бы хоть каплю крови изъ своего пальца при потерѣ такого государства, своего имамства, и такой казны. Такъ цѣнилъ онъ свою власть и имамство и такова была его храбрость! Онъ былъ очень скупъ. Приведу одинъ случай съ Мухаммедомъ Курдистанскимъ. Изъ Курдистана прибылъ одинъ мугаджиръ, по имени Мухаммедъ. Шамилъ очень уважалъ его и давалъ ему все, что нужно для жизни. Во время осады Евдокимовымъ Дарги-Ведено, этотъ Мухаммедъ добровольно вошелъ въ укрѣпленіе, чтобы драться съ русскими. Шамилъ отпустилъ изъ своего казначейства 1900 руб. сер. Кази-Мухаммеду и приказалъ раздавать бѣднымъ воинамъ и мугаджирамъ. Кази-Мухаммедъ давалъ по абазу каждому на четыре дня. Мухаммедъ этотъ приходитъ къ Кази-Мухаммеду и говорить, что у него нечего ѣсть. Кази-Мухаммедъ спрашиваетъ: «Кончился-ли срокъ»? Курдистанецъ отвѣтилъ, что сроку всего четыре дня, а онъ кормился на этотъ абазъ семь дней. Кази-Мухаммедъ, не размысливъ того, что этотъ странникъ пришелъ издалека, и что если онъ не дастъ, то ему неоткуда будетъ взять, и что притомъ-же онъ за него дерется,—не далъ ему ничего. Курдистанецъ сказалъ ему: «Тебя нельзя порицать, если ты не дашь; потому-что ты не видѣлъ, какъ даютъ султаны, и самъ ты не султанъ; а если дашь, то и хвалить тебя незачто, потому-что обычай султановъ щедро давать». Но Кази-Мухаммедъ все

таки не далъ. Курдистанецъ вышелъ изъ укрѣпленія и пошелъ къ Шамилю. Такова была скупость Кази-Мухаммеда! Дѣти Шамиля въ дѣтствѣ своемъ видѣли ежедневное возрастаніе власти и богатства отца, — какъ это извѣстно всѣмъ. Когда-же они достигли совершеннѣйша, то глаза ихъ не насыщались богатствомъ и славою, роскошью и женщинами. Они завладѣли всѣми сокровищами дагестанскихъ хановъ, даже богатствами грузинскихъ князей, не оставили въ рукахъ храбрыхъ горцевъ никакого хорошаго оружія: собрали со всей Чечни лучшихъ лошадей, — и все это брали, прося въ видѣ подарка, или безвинно убивая, чтобы только завладѣть; а между тѣмъ они и не думали о томъ, какъ живетъ отецъ ихъ, Шамиль, который предпочиталъ хинкаль изъ кукурузы всѣмъ затѣйливымъ блюдамъ, и когда останавливался кунакомъ у наибовъ, то просилъ угощать себя хинкаломъ и калмыцкимъ чаемъ. Но сыновья не довольствовались чуреками изъ чистой пшеницы, а ѣли еще пловъ изъ рису и кромѣ китайскаго чая пили кофе. Они не повиновались Шамилю, какъ прочіе, и очень часто нарушали его приказанія; однако-же отецъ, по своей снисходительности и любви къ нимъ, не наказывалъ ихъ за это, а пропускалъ, какъ будто не замѣчая. Наконецъ, они мюридами, друзьями и помощниками себѣ избрали пѣсенниковъ и иныхъ неблагонадежныхъ людей. Когда Шамиль замѣчалъ имъ это, то они говорили, что это хорошіе люди. Такимъ образомъ наибы подражали въ поступкахъ своихъ дѣтямъ Шамиля, такъ-что весь народъ началъ взывать къ Богу, чтобы онъ избавлялъ ихъ отъ тирановъ. И Богъ дѣйствительно услышалъ ихъ молитву. Каждый человѣкъ долженъ прежде замѣчать пороки за собою, потомъ уже за другими; такъ и Кази-Мухаммедъ долженъ-бы взглянуть сначала на себя, а потомъ упрекать горцевъ.

Такимъ образомъ Шамиль долженъ былъ отвѣчать за зло своихъ дѣтей и наибовъ. Но если-бы Шамиль самъ былъ причиною такого зла, то онъ не былъ-бы принятъ такъ благосклонно Императоромъ, — а черезъ него и дѣти его, заслуживающія порицанія, приняты съ почтеніемъ.

Источники доходовъ и причина паденія Шамиля.

Шамиль получалъ большія богатства, выдѣляя себѣ пятую часть изъ добычи, пріобрѣтавшейся на всѣхъ границахъ въ набѣгахъ, производившихся наибами и охотниками. Онъ не имѣлъ никакихъ рудниковъ, откуда могъ-бы добывать золото или серебро. Извнутри онъ имѣлъ небольшіе доходы:

1) *Закатъ* (узаконенный шаріатомъ сборъ):

а) съ хлѣба въ зернѣ ежегодно собиралось въ байтуль-маль (²⁰) не менѣе 523,102 мѣръ⁽²¹⁾. (Имѣющіе пятьдесятъ и болѣе мѣръ вносили съ каждыяъ пятидесяти мѣръ по шести).

б) съ овецъ—3200 штукъ. (Со ста овецъ взымалась одна овца).

и в) съ денегъ ежегодно поступало въ байтуль-маль не менѣе 3200 руб. (Имѣющіе сорокъ рублей и болѣе ежегодно вносили съ каждыяъ десяти рублей по двадцати копѣекъ).

и 2) *Хараджъ* (подать) съ горныхъ кутановъ (частбицныхъ мѣсть) и нѣкоторыхъ селеній, которыя таковую прежде платили ханамъ. Такой подати получалось ежегодно не менѣе 4500 руб. сер. Закатъ и подать поставлены здѣсь въ цифрахъ, когда получалось самое меньшее количество; но иногда получалось въ два раза болѣе.

Я былъ при Шамилѣ секретаремъ и велъ счетъ всѣмъ его приходамъ и расходамъ. Самые большіе доходы Шамиля были со стороны Ириба и Уялу-кале, гдѣ жили мугаджирьы. Оттуда они дѣлали набѣги на Грузію, Акушу и другія мѣста и изъ добычъ своихъ пятую часть удѣляли Шамилю. Въ $\frac{1269}{1832}$ году, когда была разбита почта около Елисаветополя, доходу было 15.230

(²⁰) Байтуль-маль тоже, что государственное казначейство.

(²¹) Одна горская мѣра равна $\frac{5}{8}$ пуда.

руб. серебромъ; въ $\frac{1268}{1851}$ году—1613 руб. сер. и въ $\frac{1267}{1850}$ году—1000 руб. сер. Эти доходы съ каждымъ годомъ увеличивались и богатства Шамиля постоянно возрастали. Но подъ-конецъ русскіе, въ особенности охотники, начали занимать выходы, сначала на Лезгинской линіи, откуда однажды, въ $\frac{1271}{1854}$ году, изъ ста мугаджировъ возвратился только одинъ, вслѣдствіе чего прекратились набѣги на Джаро белоканскій округъ, Ширванъ, Шеки и другія мѣста Южнаго Дагестана. Мугаджиры усилили тогда набѣги со стороны селенія Оглы на Цудахаръ, Даргинскій округъ, Акушу и другія восточныя мѣста, откуда также получали много добычи. Но въ $\frac{1269}{1852}$ году въ Кутишахъ было поставлено войско, построены башни, заняты выходы, и не только мюриды и мугаджиры перестали дѣлать набѣги, но часто и ихъ стада были отбиваемы храбрымъ кутишинскимъ начальникомъ, котораго они боялись. Нѣкоторые мугаджиры изъ Улау-кале разбѣжались, ные были схвачены и подъ-конецъ ихъ осталось тамъ немного. Когда такимъ образомъ всё выходы для набѣговъ со стороны Чечни, Дагестана и Лезгинской линіи были заняты, то пограничный доходъ Шамиля прекратился. Имѣнія набовъ начали уменьшаться. Горцы, по привычкѣ, начали грабить другъ друга, началась междоусобная вражда. Пошли въ ходъ доносы и насиліе. Наибы потворствовали такому безпорядку, потому-что имѣли случай пользоваться чужимъ имѣніемъ, наказывая виновныхъ и невиновныхъ по разнымъ несправедливымъ доносамъ. Часто изъ своихъ корыстныхъ видовъ они приказывали умерщвлять людей. Поэтому очень много челобитчиковъ стало приходить къ Шамилю, жалуясь на несправедливость набовъ. Но наибы съ своей стороны употребили хитрость: они упростили Шамиля, чтобы для поддержанія уваженія къ набамъ, онъ не принималъ жалобъ отъ тѣхъ, у которыхъ не будетъ бумаги отъ набѣ. И Шамиль поддался ихъ гнусному обману. Наибы стали послѣ того походить на голодныхъ волковъ, которые съ жадностію растерзываютъ дѣтей своихъ. Народъ прибѣгалъ съ жалобами къ Шамилю, но онъ выслушивалъ только тѣхъ, которые имѣли бумаги отъ набовъ. Понятно, что

наибъ никогда не давалъ бумаги тому, кого онъ самъ притѣснялъ. Горцы съ каждымъ днемъ безсилѣли и бѣднѣли; имъ уже надоѣло сражаться и они говорили: «Для насъ все равно, что-бы ни происходило на свѣтѣ». Сначала народъ, а потомъ и сами наибы начали вести переговоры съ пограничными русскими начальниками, которые ласково принимали ихъ и дѣлали имъ щедрые подарки. Шамиль-же не зналъ о такой визости наивовъ и вполне полагался на нихъ. Такимъ образомъ власть Шамиля была уничтожена коварствомъ и измѣною наивовъ и его приближенныхъ, русскимъ войскомъ и золотомъ.

БЫВШЕЕ ЕЛИСУЙСКОЕ СУЛТАНСТВО *).

I.

Предѣлы султанства. Очеркъ заселенія грузинскихъ провинцій лезгинами и образованія Елисуйскаго султанства. Народныя сказанія и историческія свѣдѣнія о метрополиі султанства—Цахурскомъ владѣніи и о султанахъ.

Елисуйское султанство состояло изъ двухъ частей: Цахурскаго владѣнія, впоследствии «Горный магалъ», входившаго въ составъ дагестанскихъ земель и заключавшаго въ своихъ предѣлахъ Цахуръ и окрестныя селенія, по долинѣ р. Самура, и изъ собственно Елисуйскаго султанства, занимавшаго пространство къ югу отъ Цахурскаго владѣнія (отъ котораго отдѣлилось главнымъ хребтомъ), до рр. Капычая, Алазани, Айри-чая и Кошка-чая.

Въ означенныхъ предѣлахъ считалось 2100 кв. верстъ и 21 т. душъ муж. пола.

*) Источники: 1) Обзорніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ въ статистическомъ, этнографическомъ, топографическомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Спб. 1836 г. Часть I.

2) Очерки Елисуйскаго ущелья. Кавказъ. 1866 г. №№ 67, 68 и 70.

3) Очерки Закатальскаго округа. Кавказскій календарь 1866 г.

4) Природа и люди Закатальскаго округа. «Сборникъ свѣд. о навк. горцахъ», вып. IV, 1870 года.

5) Журналы Закатальской сословно-поземельной комиссіи съ 1869 года и до послѣдняго времени.

6) Записка о бывшихъ Елисуйскихъ султанахъ, доставленная составителю настоящей статьи председателемъ Закатальской сословно-поземельной комиссіи.

7) Акты Кавказской археографической комиссіи, въ четырехъ томахъ, а также приготовленные къ изданію въ слѣдующемъ V томѣ.

8) Архивныя дѣла Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго и Кавказскаго Горскаго Управленія.

Пространство къ югу отъ главнаго хребта, какъ по народнымъ сказаніямъ, такъ и по историческимъ свѣдѣніямъ Грузіи, въ древнее время принадлежало грузинскому царству. Господствующимъ населеніемъ здѣсь были грузины, православнаго исповѣданія, отъ періода владычества которыхъ остались и досихъ-поръ развалины храмовъ и монастырей.

Кромѣ грузинъ на этомъ пространствѣ жили также мугалы, которыхъ одни считаютъ потомками монголовъ, оставшихся, по разнымъ случаямъ, со времени передвиженія ихъ полчищъ черезъ Кавказскій перешеекъ; другіе-же (докладная записка генералъ-маіора князя Меликова 1855 г. № 142)—переселенцами изъ выпѣнныхъ мусульманскихъ провинцій Закавказскаго края, водворившимися на свободныхъ земляхъ, когда послѣднія уже принадлежали лезгинамъ.

Въ половинѣ XV столѣтія грузинскій царь Георгій VIII раздѣлилъ Грузію между своими сыновьями на три царства: Кахетію, Карталинію и Имеретію; изъ нихъ Кахетинское—въ административномъ отношеніи также раздѣлено было на три эриставства: Кахетинское, Джарское и Курмухское (Кахское); въ составъ послѣдняго входило все пространство образовавшагося потомъ къ югу отъ главнаго хребта Елисуйскаго султанства.

Вслѣдствіе тагого раздѣленія, Грузія не въ состояніи была разьединенными силами противодѣйствовать вторженіямъ персіанъ и турокъ, съ юга, и лезгинъ, опустошавшихъ особенно Джарскую и Кахскую провинціи,—съ сѣвера.

Живя въ ущельяхъ сѣверныхъ скалистыхъ отроговъ главнаго Кавказскаго хребта, въ мѣстности суровой по климату и крайне-бѣдной естественными произведеніями, лезгины не могли не обратить вниманія на богатство природы сосѣднихъ провинцій Джарской и Кахской, которое, посредствомъ небольшого труда одного только мѣстнаго населенія, обезпечило-бы, съ избыткомъ, всѣ ихъ потребности, и, не встрѣчая со стороны туземцевъ сильнаго противодѣйствія, утвердили надъ ними свое владычество; спустя короткое время грузины этихъ провинцій принуждены были оставить свою религію, приняли магометавство и, съ этого времени, стали называться ингелойцами (новообращенными).

По всей вѣроятности, такимъ именно путемъ совершилось занятіе лезгинами Джарской и Кахской грузинскихъ провинцій. По-крайней-мѣрѣ предположеніе это въ своемъ основаніи не про-

тиворѣчить имъ, излагаемымъ ниже, народнымъ сказаніямъ лезгинъ, ингейцевъ и мугалъ, на свидѣніямъ, собраннымъ въ прежнее время лицами, интересовавшимися этимъ вопросомъ. Такъ, полковникъ Коцебу, въ составленныхъ имъ въ 1826 году статистическихъ свидѣніяхъ *), говоритъ, что народы, жившіе за первымъ сѣвернымъ хребтомъ, извѣстные подъ общимъ именемъ *глуходарь* (человѣкъ съ открытой грудью), примѣненнымъ къ ихъ нищенскому состоянію отъ крайней скудности произведеній ихъ земли, приходили для заработковъ въ Кахетію. Грузины занимали ихъ самыми тяжелыми работами. Съ увеличеніемъ населенія въ горахъ, рабочихъ стало являться больше, чѣмъ было ихъ нужно, и, оставаяшіеся безъ работы, для удовлетворенія своего голода, обращались къ воровству и разбоймъ. Мало-по-малу хищничество глуходарь усилилось до того, что, не смотря на потребность въ рабочихъ, кахетинцы рѣшились вовсе запретить имъ спускаться на плоскость. Тогда горцы, вынужденные бѣдностью и голодомъ, стали вторгаться въ Кахетію значительными вооруженными партіями; въ послѣдствіи они пригласили къ себѣ сосѣднихъ жителей Дагестана и вмѣстѣ съ ними дѣлали въ Кахетію страшныя опустошенія. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ кахетинцами надъ глуходарами, не могли имѣть выгодныхъ результатовъ, потому что послѣдніе, въ случаѣ неудачи, всегда имѣли обезпеченное отступление въ свои неприступныя жилища, по привычнымъ для нихъ горнымъ тропинкамъ. Неизвѣстно, какъ долго длилась эта борьба, но послѣднимъ ея актомъ были рѣшительная побѣда глуходарь надъ соединенными силами кахетинскаго царя и господство надъ $\frac{2}{3}$ Кахетіи, именно надъ Джарской и Елисуейской провинціями. Для большаго удобства управленія завоеваннымъ народомъ и, въ случаѣ надобности, защиты его, лезгины построили селенія при каждомъ выходѣ изъ ущелья къ югу отъ главнаго хребта, раздѣлились на пять обществъ, причислили къ каждому изъ нихъ соразмѣрное число подвластныхъ селеній, свои-же объявили владѣльческими.

Маіоръ Каргановъ, въ составленной имъ въ 1831 году запискѣ «Краткое свидѣніе о Чарской области», относительно заселенія лезгинами пространства къ западу отъ Елисуейскаго султанства, высказываетъ, что джарскіе лезгины вышли изъ Аваріи, по приглашенію грузинъ, и поселились въ Джарской провинціи, принявъ на себя защиту этой богатой грузинской

*) Дѣло Закавказскаго окружнаго управленія 1864 г. № 54. Часть III.

страны отъ своихъ соплеменниковъ. По ослабленіи-же Кахетин персіанами и турками, они сами стали господствовать надъ туземнымъ населеніемъ и съ этого времени называться джарами (*джары — по-грузински войско).

Мусульманское владѣніе, образовавшееся въ Джарской провинціи, состояло изъ пяти обществъ (джарское, белоканское, и др.), имѣвшихъ одинаковое устройство; они управлялись избранными старшинами; важныя дѣла рѣшались въ каждомъ обществѣ на народныхъ собраніяхъ; дѣла, относившіяся до всѣхъ обществъ, рѣшались на съѣздахъ ихъ представителей. Болѣе могущественнымъ, и слѣдовательно вліятельнымъ при рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, было джарское общество, вліяніе котораго, какъ увидимъ ниже, распространилось и на Елисуейское султанство.

Другая грузинская провинція, Кахская, занята была преимущественно цахурскими лезгинами и потому управленіе въ этой лезгинской колоніи сложилось по образцу, какой лезгины имѣли у себя въ Цахурскомъ владѣніи, и сдѣлалось для метрополи и колоніи общимъ.

Подробныя историческія свѣдѣнія о древнемъ періодѣ Цахурскаго владѣнія и о переселеніи лезгинъ въ Елису имѣлись у султановъ Цахура, въ видѣ лѣтописей; но письменныя эти свѣдѣнія уничтожены приверженцами послѣдняго Елисуейскаго султана, Даніель-бека, послѣ бѣгства его въ 1844 году къ Шамилю. Поэтому, нѣкоторыя историческія данныя о Цахурскомъ владѣніи и его правителяхъ приходится заимствовать преимущественно изъ тѣхъ народныхъ сказаній, которыя не представляютъ рѣзкихъ несообразностей.

По преданію, первоначально весь цахурскій народъ, главнымъ населеннымъ пунктомъ котораго было сел. Цахуръ, составлялъ вольную общину. Впослѣдствіи, для поддержанія порядка, избранъ былъ изъ среды народа правитель; при избраніи послѣдующихъ правителей начались большіе беспорядки; народъ раздѣлился на тохумы (общины), которые, будучи между собою равносильны и равноправны, старались избирать правителя каждый изъ своего тохума; вслѣдствіе этого между общинами открылась сильная вражда. Желая положить конецъ раздорамъ, народъ рѣшилъ избирать правителей изъ среды, которой были-бы одинаково близки или чужды интересы всѣхъ партій. Такимъ обра-

зомъ стали избирать правителей изъ бековъ, не принадлежавшихъ общинамъ и не имѣвшихъ съ ними участія въ пользованіи общинной землей, но проживавшихъ частными людьми въ Цахуръ, куда они пришли изъ не существующаго нынѣ горнаго селенія Хицъ, будучи изгнанными народомъ.

Цахурскіе правители избирались лезгинами только изъ числа бековъ. Въ началѣ избраніе производилось въ Цахурѣ, потомъ въ сел. Елису.

По сказанію цахурскихъ жителей *), перенесеніе резиденціи въ Елису совершилось по слѣдующему обстоятельству. Получивъ доступъ въ управленію народомъ, пришельцы—беки—стали важничать и производить разныя безчинства, такъ-что выведенный изъ терпѣнія народъ рѣшилъ перебить всѣхъ бековъ съ женщинами и дѣтьми. Это было въ началѣ XVII стол. Замыселъ былъ исполненъ; но спаслась одна беременная бекская женщина, бывшая въ то время въ гостяхъ, въ сел. Мыыхъ. Она бѣжала въ Елису, гдѣ и родила сына. Когда послѣдній подросъ, народъ, въ томъ числѣ и цахурцы, избралъ его въ правители подъ именемъ Алибега I. Съ этихъ поръ цахурскіе правители стали жить въ Елису и называться султанами.

Съ утвержденіемъ другихъ предпримчивыхъ и воинственныхъ лезгинскихъ обществъ въ Джарской провинціи, вліяніе ихъ начало распространяться и на Елисуйскихъ султановъ; вліяніе это особенно отражалось при избраніи или смѣнѣ послѣднихъ. Претенденты дарили джарцамъ иногда все свое состояніе, такъ-какъ поддержка ихъ имѣла рѣшительное значеніе.

Впрочемъ, по показанію жителей елисуйскихъ селеній, джарцы только одинъ разъ серьезно вмѣшались въ избраніе султана, употребивъ при этомъ насилие, именно въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія. Султаномъ былъ Ханъ-Бабабекъ. Когда народъ смѣнилъ его и избралъ Ахмедъ-хана, первый, поддерживаемый своей слишкомъ слабой партіей, обратился за помощію къ джарцамъ. Произошло сраженіе между приверженцами Ахмедъ-хана и, усиленной джарцами, партіей Ханъ-Баба-бека. Послѣдній побѣдилъ и сдѣлался султаномъ. Тогда Ахмедъ-ханъ обратился къ русскимъ, утвердившимся въ Грузіи, и, при ихъ посредствѣ, снова былъ назначенъ султаномъ.

*) Сказанія цахурскихъ жителей по этому предмету нѣсколько разногласятъ съ кахскими (см. гл. II).

Послѣ этого прекратились уже народныя выборы султановъ и достоинство это сдѣлалось потомственнымъ въ родѣ Ахмедъ-хана.

О значеніи и правахъ по управленію цахурскихъ владѣтелей и елисуйскихъ султановъ народныя сказанія разныхъ обществъ не представляютъ противорѣчій; по преданію, правители и султаны, до вступленія ихъ въ подданство Россіи, не имѣли особенной власти. Вся ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы, въ случаѣ преступленія кого-либо изъ лезгинъ, собирать джамаатъ (сходку старѣйшинъ), который опредѣлялъ наказаніе виновному; словомъ, правитель игралъ только роль старшины, но не одного селенія, а цѣлаго народа.

По утвержденіи-же власти лезгинъ на южныхъ склонахъ главнаго хребта, правители приобрѣли надъ мѣстнымъ населеніемъ, мугалами и ингелойцами, большую власть.

Относительно поземельныхъ и имущественныхъ правъ правителей и султановъ, народное сказаніе говоритъ, что они пользовались доходами только съ указанныхъ имъ земель. Съ занятіемъ Кахской провинціи, они стали получать въ видѣ жалованья доходы съ покореннаго селенія Кахъ; впоследствии, когда лезгинъ заняли деревни Алибегло и Мешабашъ, коренные жители послѣднихъ, ингелойцы, подведены были подъ общую категорію съ кахцами, т. е. поступили въ составъ султанскихъ удѣльныхъ имѣній; съ лезгинъ-же доходовъ, въ видѣ налоговъ или податей, султаны не получали; напротивъ, они сами иногда, вмѣсто назначенія жалованья, предоставляли вліятельнымъ лезгинамъ доходы съ части своихъ населенныхъ имѣній.

Первыя документальныя свѣдѣнія о метрополіи Елисуйскаго султанства мы имѣемъ въ грамотахъ персидскихъ шаховъ и турецкихъ султановъ, на имя бывшихъ цахурскихъ владѣтелей, признававшихъ власть шаха или султана, смотря потому, кто изъ нихъ утверждалъ свое господство въ Грузіи.

Грамотой отъ 1562 года, шахъ Тохмасъ I, заявляя, что цахурскій владѣтель Ади-Куркулу-бекъ состоитъ въ числѣ преданнѣйшихъ ему слугъ, повелѣвалъ, въ ознаменованіе своей монаршей милости, чтобы никто изъ должностныхъ лицъ въ грузинскомъ царствѣ не имѣлъ прикосновенія къ землямъ, подвѣдомственнымъ

цахурскому владѣтелю. Въ числѣ этихъ земель поименованы селенія, расположенныя въ юго-западныхъ предѣлахъ Кахской провинціи: Бабало, Шатоваръ и Караганъ *).

Спустя 30 лѣтъ, тотъ-же владѣтель получилъ отъ турецкаго султана грамоту на укрѣпленіе за нимъ, Ади-Куркулу-бекомъ, на правахъ очажества (потомствевенно-леннаго владѣнія), два подгорныхъ селенія, Кахъ и Мешабашъ.

Въ 1601 году совершилось нашествіе на Грузію и утверженіе въ ней господства шаха Аббаса I. Данная въ это время шахомъ грамота на имя сына Ади-Куркулу-бека, Али-султана, заключаетъ въ себѣ повтореніе сказаннаго въ грамотѣ Тохмаса I—1562 г.

Въ 1609 году турецкій султанъ Османъ-ханъ II, фирманомъ на имя Али-султана цахурскаго, утвердилъ за нимъ на правахъ очажества, сс. Кахъ, Мешабашъ, Зарна, Лякитъ, Кумъ и Алагезъ (вѣроятно, Али-бегло).

Изъ этихъ грамотъ можно заключить: 1) цахурскіе владѣтели уже въ XVI столѣтіи господствовали въ странѣ, составлявшей грузинскую Кахскую провинцію; впрочемъ, грузинскій географъ XVIII столѣтія царевичъ Вахушта объясняетъ, что въ періодъ нашествія на Грузію шаха Аббаса бывший въ Кахъ грузинскій эриставъ Али-бекъ измѣнилъ своему царю, принялъ мусульманскую религію и отправился къ шаху, назначившему его султаномъ въ управляемой имъ провинціи. Такимъ образомъ, по сказанію Вахушты, Али-бекъ положилъ начало владычеству и фамиліи султановъ; онъ-же принялъ титулъ Елисуйскаго, по имени селенія, въ которое перенесъ свою резиденцію изъ сел. Кахъ;

2) цахурскіе владѣтели, завоевывавшіе Кахскую провинцію, по всей вѣроятности, постепенно, и, по географическому положенію своего основнаго владѣнія, не зависѣвшіе отъ прямого вліянія на нихъ шаха и султана, заяскивали у послѣднихъ утвержденія своихъ правъ на завоеванныя ими грузинскія земли. Такое утвержденіе они и получали въ видѣ упомянутыхъ грамотъ, такъ-какъ въ расчетахъ и султана, и шаха, было поддерживать и усиливать цахурскихъ владѣтелей, которые въ свою очередь могли оказать имъ существенную поддержку въ дѣйствіихъ противъ Грузіи.

Такъ, уже въ 1632 году, шахъ Сефи, утвердившій особой грамотой отъ 1627 года за Мамедъ-ханомъ цахурскимъ всѣ тѣ

*) Достоверность наименованія ихъ въ грамотѣ подлежитъ сомнѣнію. См. главу II.

земли въ Грузіи, которыя утверждались за его предками фирманами прежнихъ персидскихъ шаховъ, пожелалъ воспользоваться услугами Мамедъ-хана, предписавъ ему «опустошить и разорить Грузію, ибо царь Теймуразъ очернилъ себя (вѣроятно, сношеніями съ Россіей) и на его мѣсто грузинское царство предоставлено Рустемъ-хану».

Въ грамотѣ 1642 г. шаха Аббаса на имя Халиль-бека, сына цахурскаго владѣтеля Мамедъ-хана, говорится: «... въ означеніи царской нашей милости, владѣніе цахурское, на такомъ-же основаніи, какъ оно было во владѣніи Мамедъ-хана, жалусемъ его сыну, Халиль-беку, въ тѣлу (domaine, donné en usufruit), назначаемъ ему въ жалованье 155 тумановъ таврическихъ, производившихся его отцу, и повелѣваемъ, чтобы ширванскіе должностные лица признавали цахурское владѣніе его тѣлемъ и не оставляли производить ему означенное содержаніе».

Въ 1695 году шахъ Русейнъ пожаловалъ цахурскому владѣтелю Али-султану грамоту на званіе владѣтеля и кафанъ.

Въ другой грамотѣ отъ 1701 года, извѣщая его-же о движеніи 60,000 русскихъ на шамхала тарковского, предлагалъ, «по соглашенію съ шамхаломъ, если со стороны русскихъ замѣчено будетъ непріязненное движеніе, приступить къ истребленію этого проклятого племени».

Въ 1722 г., фирманомъ султана цахурское владѣніе утверждалось «за опытнымъ, храбрымъ и благочестивымъ эмиромъ Дагестана Али-султаномъ».

Грамотой Ибрагимъ - хана, племянника Надиръ-шаха, отъ 1747 г., Цахурское владѣніе утверждалось за Ахмедъ - ханомъ.

Исчисленные грамоты сохранились въ фамиліи елисейскихъ султановъ и по наслѣдству перешли къ послѣднему султану Даниелю, который предъявилъ ихъ русскому правительству *). По всей вѣроятности, онъ скрылъ нѣкоторыя изъ грамотъ, и именно тѣ, которыя обнаруживалась какая-либо особая зависимость прежнихъ султановъ отъ Грузіи, Персіи или Турціи, какъ компрометирующія значеніе султановъ.

*) Въ числѣ 35, изъ которыхъ прочія не имѣютъ для настоящей статьи интереса.

II.

Селенія, входившія въ составъ Елисуйскаго султанства. Происхожденіе ихъ. Отношенія къ султанамъ и бекамъ.

Селенія, составлявшія султанство, находились къ своему правителю въ различныхъ отношеніяхъ, сложившихся обычаемъ или установленныхъ, окрѣпшею подъ русскимъ господствомъ, властью султана.

Представляя краткія свѣдѣнія, по народнымъ сказаніямъ, о происхожденіи каждаго селенія, о степени установившейся зависимости и особенныхъ хозяйственныхъ условіяхъ ихъ быта, считаемъ нужнымъ оговориться, что всѣ нижеприводимыя цифровыя данныя взяты изъ періода наибольшаго развитія власти султановъ, именно съ 1830—1845 гг.

По степени зависимости, всѣ селенія можно раздѣлить на три группы:

1) подчинявшихся султану какъ правителю, но ни къ кому въ обязательныхъ отношеніяхъ не состоявшихъ;

2) обязанныхъ взносомъ податей и исполненіемъ разныхъ повинностей въ пользу султана, и

3) поступившихъ, по разнымъ случаямъ, подъ власть беговъ.

Къ первой группѣ принадлежатъ селенія, въ которыхъ жили исключительно лезгины, какъ по сѣверную сторону главнаго хребта, такъ и по южную, гдѣ лезгины утвердились въ занятыхъ или вновь основанныхъ ими селеніяхъ, преимущественно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Всѣ земли, принадлежавшія лезгинамъ, были сперва въ общественномъ пользованіи народа, нераздѣльномъ между обществами селеній. Съ увеличеніемъ же числа дворовъ, такой порядокъ пользования землей оказался неудобнымъ и потому лезгины, въ началѣ XVIII ст., раздѣлились на четыре группы: Цахурскую, Елисуйскую, Карадулакскую и Сувагильскую, подѣливъ между ними, съ общаго согласія, и земли, для пользованія обществами селеній каждой группы. При этомъ Цахурской группѣ отдѣлены были земли по р. Самуру и кромѣ того на южной сторонѣ главнаго хребта—ущелья Зарна и Лякитъ; Елисуйской и Карадулакской группамъ—ущелья Сарыбашъ, Елису и Кошкачай, и Сувагильской—ущелье того же имени и Кумское.

Цахурскую группу составляли:

селенія: Цахуръ	107	дворовъ.
Хіяхъ	25	—
Сюгють	20	—
Мусляхъ	120	—
Мыыхъ	50	—
Гильмисъ	90	—
Курдуль	46	— и

колонія Цахура, бывшія долгое время въ тѣсной связи съ своей метрополіей:

сел. Зарна	109	дворовъ.
Лякитъ	125	—
Лякитъ-Малахъ	15 *)	—

Главнымъ и древнѣйшимъ изъ названныхъ селеній считается Цахуръ, существующій, по преданію, 18 столѣтій. Въ началѣ въ немъ было до 2000 дворовъ; съ увеличеніемъ числа ихъ, часть семействъ должна была, по недостатку мѣста для нихъ въ Цахурѣ, занять другой пунктъ, на которомъ основано ими сел. Хіяхъ, и эмигрировать на южные склоны главнаго хребта. Сел. Сюгють основано цахурцами-же, но позднѣе, именно въ XVII ст. Остальныя селенія, по показанію жителей, также древни и всегда пользовались одинаковыми съ Цахуромъ правами.

Въ Цахурской группѣ населеніе состояло исключительно изъ лезгинъ, свободныхъ и равноправныхъ; въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своему правителю и впоследствии къ елисейскому султану, по взносу податей или исполненію повинностей, они не были.

Жившіе въ давнее время въ Цахурѣ беки не имѣли ника-

*) Въ настоящее время число дворовъ въ каждомъ изъ названныхъ, собственно цахурскихъ, селеній вдвое меньше считавшихся даже въ сравнительно недавнее время. Такое уменьшеніе населенія объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ 1852 году, по политическимъ и военнымъ соображеніямъ, признано было необходимымъ все населеніе бывшаго Горнаго магала (Цахурскаго владѣнія) переселить въ Закатальскій округъ, съ воспрещеніемъ перекочевывать въ горы, даже на лѣто. Для новаго водворенія, имъ отведены были селенія Елисейскаго наибства, и для пользованія—участки земли, бывшіе въ распоряженіи казны. Послѣ восьмилѣтняго пребыванія въ Закатальскомъ округѣ, небольшая часть навсегда осталась въ указанныхъ селеніяхъ; значительная часть, отъ непривычки къ мѣстному климату, вымерла и только половина изъ числа выселенныхъ воспользовалась въ 1860 году разрѣшеніемъ возвратиться на прежнія мѣста жительства.

ного значенія. Беги были также и въ сел. Мыыхъ. Съ перенесеніемъ-же резиденціи султановъ въ Елису, переселились туда и всѣ бекскія фамиліи изъ Цахура и Мыыха. Главнымъ промысломъ цахурскихъ лезгинъ, по мѣстнымъ условіямъ, всегда было скотоводство и, главнымъ его видомъ, овцеводство. Только поселившіеся въ сел. Зарна, Лякитъ и Лякитъ-Малахъ обратились и скоро привыкли къ другому промыслу—хлѣбопашеству и также шелководству. Поэтому цахурскіе лезгины, допустивъ, по раздѣлѣ земли по группамъ, еще раздѣлъ пастбищныхъ мѣстъ между своими старѣйшими селеніями, никогда не допускали выдѣла какой-либо части ихъ въ личную собственность. Всѣ лѣтнія пастбища считались собственностью каждаго селенія, за исключеніемъ сел. Хіахъ и Сюгютъ, которыя, какъ выселки, отдѣльныхъ пастбищъ для себя не получили; первому отведены были для этого мѣста у елисуйцевъ; сюгютцы-же имѣли пастбища общія съ цахурцами.

По бѣдности лѣсныхъ дачъ, цахурцы всегда дорожили ими и также съ давняго времени признали ихъ общественною собственностью, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ роцъ, которыя насажены были частными лицами. Для хлѣбопашества разрабатывались поватости горъ, защищаемыя отъ холодныхъ вѣтровъ сѣверными склонами; но урожай всегда былъ бѣденъ (самъ 3) и потому жители на доходъ отъ посѣвовъ не рассчитывали.

Съ завятіемъ Кахской провинціи и съ раздѣленіемъ завятыхъ земель между лезгинскими группами, цахурцамъ отведено было, между прочимъ, пространство, на которомъ выходы ихъ основали сел. Малахъ; затѣмъ, лѣтъ 150 назадъ, Зарна, и, 50 лѣтъ позже, сел. Лякитъ-Малахъ. Поэтому и земли этихъ селеній также входили въ составъ бывшихъ въ общественномъ пользованіи всей Цахурской группы. Цахурцы спускались на плоскость временно, только для обработки земель; впоследствии-же нѣкоторые изъ нихъ остались тамъ на постоянное жительство.

Жаркій климатъ, съ которымъ свыклись поселенцы Зарна и обоихъ Лякитовъ, оказывался невыносимымъ для горцевъ, и потому послѣдніе условились съ своими соплеменниками, окончательно водворившимися въ названныхъ селеніяхъ, раздѣлить всѣ свои общественныя земли окончательно, оставивъ горы въ неприкосновенномъ владѣніи цахурцевъ, а плоскостныя земля—въ такомъ-же владѣніи ихъ выходцевъ.

По показанію жителя сел. Лякитъ, мугала, Абдулъ-Шери-

са Гаджи-оглы, Цахуръ разошелся съ названными своими колоніями только въ недавнее время, именно при султанѣ Ахмедъ-ханѣ. Недовольный на сел. Зарна и Дякитъ за овананное ему непослушаніе, султанъ обвинилъ ихъ въ неповиновеніи русскому правительству и пригласилъ войско, которое, для экзекуціи, расположилось лагеремъ вблизи селеній. Тогда, для удаленія русскихъ, жители рѣшили дать султану взятку въ 2 т. руб., предложивъ участвовать въ составленіи этой суммы и своимъ землякамъ цахурцамъ. Послѣдніе отказались. Съ этого времени превратились и существовавшія между ними братскія отношенія. Тогда же было рѣшено, съ заключеніемъ письменнаго условія: цахурцамъ не пользоваться землями на плоскости, дякитцамъ и зарниццамъ—въ горахъ,

Равнѣ прочихъ лезгинами на плоскости заняты или основаны были селенія, составившія потомъ, при раздѣлѣ земель, Елисуйскую и Карадулакскую группы:

Сарыбашъ	149 дворовъ.
Елису	321 —
Ахчай	35 —
Кошвачай	100 —
Юхари-Малахъ	17 —
Ушаги-Малахъ	44 —
Амбарчай	64 —

Изъ нихъ жителямъ Сарыбаша, при послѣднемъ султанѣ, также отдѣлены были, по ихъ желанію, земли въ особое отъ прочихъ обществъ пользованіе.

По преданію, мѣстность, занятая названными селеніями, на которой въ давнее уже время существовало сел. Кахъ, была большею частью покрыта лѣсомъ. Открытыя мѣста были вначалѣ заняты самими лезгинами; лѣсныя-же — предоставлены переселившимся изъ другихъ пунктовъ.

Селенія Сарыбашъ и Елису, какъ видно и по географическому ихъ положенію, были первыми пунктами, основанными лезгинами при занятіи Кахской равнины.

Съ увеличеніемъ населенія, часть елисуйскихъ лезгинъ основала Ахчай и, затѣмъ, перешла въ Кошвачайское ущелье. Здѣсь первые поселенцы избрали мѣста особо для лѣтнаго и осо-

бо для зимняго пребыванія. Первое назвали Кошкачай, второе — Амбарчай.

Амбарчай долгое время состоялъ изъ однихъ хуторовъ, пова, уже въ недавнее время, нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, акклиматизировавшись, перестали уходить на лѣто въ Кошкачай. Земля въ обоихъ селеніяхъ раздѣлена была подворно и составляла собственность владѣльцевъ. Владѣвшіе землей въ обоихъ селеніяхъ оставили за собой тѣ участки, при которыхъ остались на жительствѣ; другіе же продали или уступили ихъ на разныхъ условіяхъ. Селенія Юхари-Малахъ и Ушаги-Малахъ устроены лѣтъ 150 назадъ, по преданію, выходцами изъ Кубы и Ширвана, съ согласія и по приглашенію лезгинъ. Трудолюбіе, склонность къ земледѣлію и несходство языка ихъ съ кайтагскимъ (цахурскихъ лезгинъ) подтверждаютъ народное преданіе. Въ составъ прочихъ селеній входили преимущественно лезгины.

Бекскихъ семействъ было: въ Елису 2, въ Ахчай 9, въ Кошкачай 1 и въ Амбарчай 9; по всей вѣроятности, они получили земли отъ султановъ, съ которыми перешли въ Кахскую провинцію.

Мугалы, въ числѣ 5 семействъ, были только въ Амбарчай.

Изъ селеній Елисуйской и Карадулакской группъ, въ зависимыхъ отношеніяхъ къ султану было сел. Елису и только въ томъ, что выставляло 24 нукеровъ.

Овцеводство издревле составляло главный промыселъ лезгинъ описываемыхъ селеній. Какъ зимнія, такъ и лѣтнія пастбища ихъ входили въ составъ прочихъ, принадлежавшихъ всему цахурскому народу; впоследствии же, по раздѣлѣ земель, они отдѣлены были въ пользованіе Елисуйской и Карадулакской группъ. Лѣтомъ для пастьбъ занимались горныя мѣстности; зимой—долины къ югу отъ р. Айри-чай, перешедшія, въ недавнее уже время, въ собственность бековъ.

Земледѣліемъ въ значительныхъ размѣрахъ занимались только жители селенія Малахъ, рѣзко отличающіеся этимъ промысломъ отъ прочихъ лезгинъ.

Пашни составляли всегда собственность семействъ, предки которыхъ заняли ихъ въ давнее время и расчистили для этого извѣстные участки, или приобрѣли ихъ покупкой. Лѣса въ предѣлахъ описываемыхъ группъ всегда были въ безусловномъ общественномъ пользованіи.

Сувагильскую группу составляли:

селенія: Башь-Сувагиль.	153	двор.
Касъ	25	—
Карвай.	30	—
Калалу.	40	—
Азь-Гюллю (Азгиали).	20	—
Джинджимахъ.	15	—
Котукло	20	—
Кумъ	200	— и
поселокъ Сапунчи	5	—

Тѣмъ-же порядкомъ и съ тою-же пѣлюю, какъ устроены были первыя селенія прочихъ группъ, лезгинны основали селенія: Башь-Сувагиль и затѣмъ Касъ, Карвай, Калалу и Кумъ.

Жители сел. Джинджимахъ, Азь-Гюллю и часть Калалу считаютъ себя выходцами изъ сел. Калалъ, Самурскаго округа, откуда предки ихъ перешли сперва въ Цахуръ и потомъ, по указанію цахурцевъ, къ горѣ Нахчихой, образовавъ названныя селенія.

Сел. Котукло существуетъ всего около 70 лѣтъ и основано выходцами изъ Сувагили и соседнихъ селеній той-же группы.

Поселокъ Сапунчи, въ настоящее время не существующій, состоялъ изъ пяти дворовъ, нанимавшихъ землю у кумскихъ собственннковъ; откуда они явились и по какому случаю бросили занятое мѣсто, достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Все населеніе Сувагильской группы состояло изъ лезгинъ, за исключеніемъ сел. Кумъ, гдѣ водворилось 35 семействъ мугалъ, съ давнихъ поръ имѣющихъ одинаковыя съ лезгинами права по владѣнію и пользованію землей и лѣсомъ.

По отношенію къ султану описываемыя селенія въ особой зависимости не были; бековъ у себя не имѣли.

Овцеводство и въ Сувагильской группѣ служило важнѣйшимъ промысломъ. Земледѣіемъ въ значительныхъ размѣрахъ занимались жители сел. Котукло и особенно Кумъ. Обработанныя поля составляли, какъ и въ селеніяхъ другихъ группъ, частную собственность, но въ сел. Кумъ, пользованіе ими, въ видахъ нестѣсненія другихъ и развитія этого промысла, ограничивалось нѣкоторыми постановленіями обычая.

Въ сел. Кумъ развито было и шелководство.

Лѣсъ составлялъ всегда общественное достояніе.

Къ селеніямъ Елисуйскаго султанства, не входившимъ въ составъ описанныхъ группъ и не бывшимъ также въ особой зависимости отъ султана и бекоевъ, можно отнести *Амирджанло*, *Тангитъ* и *Дайкентъ*.

Амирджанло состояло изъ 140 дворовъ, изъ нихъ 90 лезгинъ и 50 мугалъ. Существующія въ этомъ селеніи 11 бекскихъ фамилій образовались только въ недавнее время, полученіемъ лезгинами бекскихъ правъ за заслуги передъ султаномъ и русскимъ правительствомъ; но, относительно исполненія повинностей и участія въ пользованіи землей, они были совершенно равны съ прочими жителями.

Первыми поселенцами Амирджанло были лезгины, водворявшіеся здѣсь въ началѣ XVIII стол. изъ Елису и Сарыбаша. Мало-численность первыхъ поселенцевъ, сравнительно съ количествомъ занятой ими земли, заставила ихъ пригласить желающихъ поселиться съ ними; явились мугалы. Послѣдніе въ правахъ отличались отъ лезгинъ только тѣмъ, что не могли участвовать въ пользованіи пастбищами, принадлежавшими елисуйцамъ, которыми пользовались амирджанлинцы, какъ односельцы первыхъ, и кромѣ того не могли также быть участниками въ пользованіи пахатными землями лезгинъ, такъ-какъ тѣ сами воздѣлывали эти земли; поэтому мугалы или нанимали пахатные участки у лезгинъ (обыкновенно за $\frac{1}{6}$ часть урожая), или покупали ихъ.

Главный промыселъ жителей этого селенія—земледѣіе; скотоводство также служило источникомъ ихъ благосостоянія.

Селенія: Тангитъ, изъ 11 дворовъ, и Дайкентъ, 5 дворовъ, основаны были въ давнее время и заселены мугалами, прибывшими изъ разныхъ мѣстъ, по приглашенію султановъ.

Главный промыселъ ихъ — хлѣбопашество. Прочія хозяйственныя условія не имѣли рѣзкихъ особенностей.

Въ полной зависимости отъ султана съ давняго времени были сел. *Кахъ*, *Алибегло* и *Мешабитъ*; при послѣднемъ султанѣ къ нимъ причислены были также сс. *Онджалло*, *Бабало*, *Караганъ*, *Шатоваръ*, *Алмало* и *Сускентъ*.

По сказанію жителей, населеніе Каха и Цахура въ древности исповѣдывало христіанскую религію и, впродолженіи послѣднихъ 300 лѣтъ, было независимымъ отъ Грузіи. Около 200 лѣтъ назадъ, въ Цахурѣ и Кахѣ были владѣтелями два брата,

въ первомъ—Георгій-ханъ, въ послѣднемъ — Тарагай, въ честь котораго и селеніе называлось Тарагаемъ. Какъ цахурцы, такъ и вахцы, постоянно терпѣли отъ нападений, жившихъ по со-сѣдству, дагестанскихъ мусульманъ. Разъ тарагайцы были на голову разбиты жителями дагестанскаго сел. Хновъ и потеряли такъ много людей, убитыми и взятыми въ плѣнъ, что съ этого времени сел. Тарагай стало называться Кахомъ (по-грузински—искрошенные сушеные фрукты).

При посредствѣ Георгій - хана цахурскаго и союзника его Али-бека, хицскаго правителя, хновцы возвратили плѣнныхъ тарагайцевъ и допустили Тарагая къ управленію Кахомъ. Спустя нѣкоторое время хицскіе правители разгромили и Цахуръ и, изгнавъ потомковъ Георгій-хана, подчинили его своей власти. Затѣмъ одинъ изъ хицскихъ владѣтелей, по имени Али-бекъ, перенесъ свою резиденцію въ Цахуръ и сдѣлался родоначальникомъ цахурскихъ, впоследствии елисейскихъ, султановъ *).

По завоеваніи Цахурскаго владѣнія, жители его тогда-же обращены были въ мусульманство и подъ предводительствомъ своихъ новыхъ правителей, стали сильно тѣснить вахцевъ, оставшихся вѣрными христіанству, и обременять данью. Предпослѣдняго нахскаго правителя Каракиша, подстрекавшаго своихъ подвластныхъ не соглашаться на уплату дани, цахурцы убили; сынъ его, оставленный на время правителемъ, съ зависимостью отъ Цахура, также былъ убитъ, и тогда Кахъ окончательно присоединился къ Цахурскому владѣнію. Къ этому-же времени относится переселеніе лезгинъ на плоскость и насильственное введеніе въ Кахъ мусульманства; многіе, не желавшіе принять его, бѣжали; другіе-же долго еще исповѣдывали христіанскую религію тайно.

По занятіи плоскости, лезгины, для упроченія своей власти, призвали, для поселенія въ Кахъ, мусульманъ изъ сосѣднихъ провинцій, отводя имъ мѣста, оставшіяся отъ бѣжавшихъ христіанъ свободными; но такъ-какъ между коренными жителями и пришель-

*) Такимъ образомъ вахцы появленіе правителей и бековъ въ Цахуръ объясняютъ насиліемъ, цахурцы-же (см. 1 главу) объясняютъ, что сами они избрали правителя изъ бековъ, проживавшихъ у нихъ частными людьми. Послѣднее объясненіе болѣе правдоподобно, если принять въ соображеніе, что правители Цахура и Елису, до оказанной имъ въ началѣ XIX ст. поддержки со стороны русскаго правительства, не пользовались особенными правами и властью.

цами не могло установиться согласіе, то христіане стали группироваться въ верхней части селешіа; вселявшіеся-же мусульмане, преимущественно мугалы, въ нижней его части, причемъ земли мугаламъ отводились не кахцами, потерявшими всякое значеніе и вліяніе, а султанами и ихъ довѣренными. Такимъ образомъ произошло раздѣленіе сел. Кахъ на ингелоевскую и мугальскую части, сохранившееся и до настоящаго времени.

Въ Кахъ считалось семействъ: бековъ 9, лезгинъ 23, мугаль 77 и ингелойцевъ 130, всего 239 семействъ.

Селеніе Кахъ служило для султановъ главнымъ источникомъ доходовъ, такъ-какъ жители его обложены были поземельной податью и, притомъ, вначалѣ неопредѣленною: султанъ увеличивалъ или уменьшалъ эту подать по своему усмотрѣнію.

Кахскіе мугалы подчинились и приносили доходъ непосредственно султану; поземельную-же подать съ ингелойцевъ султанъ часто отдавалъ во временное пользованіе, въ видѣ жалованья, своимъ родственникамъ, бекамъ и нуерамъ; время, на которое отдавался имъ въ пользованіе этотъ доходъ, никогда не назначалось продолжительнымъ; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ оно доходило до 10 лѣтъ; впрочемъ, отъ усмотрѣнія султана зависѣло отнять подобный пожалованный доходъ равнѣ срока или передать его другому лицу; отъ его-же воли зависѣло отнять и землю у владѣльца; напр., для поддержки об'явѣншаго бека, султанъ отводилъ ему участокъ земли, находившійся во владѣніи ингелоевца (иногда мугала, но почти никогда—лезгина), который въ такомъ случаѣ оказывался въ чемъ-либо преступно-виновнымъ.

Такимъ образомъ земли считались лишь въ пользованіи кахскихъ жителей; исключеніе составляли *аху*—пахатные участки, расчищенные въ лѣсахъ и составлявшіе частную собственность воздѣлавшихъ аху.

По показанію нѣкоторыхъ изъ кахцевъ, права ихъ на землю были стѣснены только послѣднимъ султаномъ, Даниель-бекомъ; до него-же вся кахская земля составляла общественную собственность и разбиралась участками ежегодно по жребію. Кахскія-же лѣсные дачи всегда составляли общественную собственность.

Вслѣдствіе захвата лезгинами лучшихъ и обширѣйшихъ пастбищныхъ мѣстъ сел. Каха и отвода султаномъ послѣднихъ участковъ, оставшихся во владѣніи жителей, пришельцамъ изъ другихъ мѣстностей, скотоводство въ названномъ селеніи пало; взамицъ его развилось земледѣліе.

Кахское селеніе приносило послѣдному султану слѣдующіе доходы:

1) *Поземельную подать*. Ингелойцы платили съ каждаго участка земли (кешкеля), по числу 52 $\frac{1}{2}$, по 3 тагара хлѣба (пшеницы и ячменя, по-поламъ), по 3 стилия шолку и по одному вьюку винограда. Мугалы, по числу 45 участковъ, — по одному тагару хлѣба и по одному стилию шолка.

Какъ ингелойцы, такъ и мугалы, поставляли еще султану съ каждаго участка по 1 вьюку саману и платили по 5 ченаховъ хлѣба султанскому цырюльнику и столько-же султанскому поставщику ястребовъ.

Кромѣ того, ингелойцы, по числу 30 поземельныхъ участковъ, по давнимъ повеленіямъ султавовъ, опредѣленную часть урожая въ подать платили разнымъ лицамъ, преимущественно бекскаго происхожденія.

2) *Съ Кахскаго базара*, въ которомъ числилось 48 лавокъ, принадлежавшихъ мѣстнымъ торговцамъ. За право торговли и пользованія мѣстомъ, занятымъ подъ лавки, уплачивалось султану по 6 руб. съ каждой. Кромѣ того султанъ бралъ съ торговцевъ еще значительные подарки, такъ что каждая лавка приносила дохода болѣе 15 руб.

3) *Съ красильни, перевѣски шолка* (мизанная статья) и съ *алазанской переправы*, относившейся къ доходной статьѣ съ сел. Каха.

4) *Съ усадьбы*, признанной собственностью султана, Даніельбека, и состоявшей изъ двухъ каменныхъ и одного деревяннаго домовъ, огорода, шелковичнаго и винограднаго садовъ.

Сел. Алибелло состояло изъ 80 дворовъ, исключительно ингелойцевъ. По показанію жителей, мѣстность этого селенія въ началѣ текущаго столѣтія покрыта была сплошнымъ лѣсомъ, крайне затруднявшимъ сообщенія и позволявшимъ лезгинскимъ и другимъ разбойничьимъ шайкамъ грабить владѣнія султана безнаказанно. Въ видахъ противодѣйствія этому злу, султанъ Ахмедъ-ханъ основалъ въ лѣсномъ пространствѣ селеніе, вызвавъ для водворенія въ немъ ингелойцевъ изъ другихъ пунктовъ. Вначалѣ здѣсь поселились только 25 семействъ, преимущественно изъ сел. Кахъ. Отведенная земля раздѣлена была ими на три части: одна — подъ усадьбы; другая — подъ пашни, которыя хоти и были раздѣлены на участки по числу семействъ, но считались принадлежащими всему обществу; третью часть составляли лѣсныя дачи, бывшія

въ общественномъ пользованіи. Первые поселяне Алибегло, кромѣ исполненія военной повинности наравнѣ со всѣми прочими селеніями, обязаны были платить султану по одному тагару пшеницы, чалтыка и проса, съ каждаго поземельнаго участка.

Повинность эта вносилась непосредственно султану, въ селеніи Елису. Женитьба Даніель-бека, преемника султана Ахмедъ-хана, послужила поводомъ къ обложенію многихъ елисуйскихъ селеній, въ томъ числѣ и Алибегло, новой податью—шолкомъ по $1\frac{1}{2}$ стилиа съ каждаго двора; затѣмъ, въ скоромъ времени, султанъ еще обязалъ алибеглинцевъ доставлять ему подать виноградомъ, мѣняя ежегодно размѣръ ея, и $\frac{1}{10}$ часть дохода съ поля Белюзекъ, которымъ жители до этого пользовались бесплатно.

Въ послѣднее время алибеглинцы платили султану съ каждаго поземельнаго участка, по числу 46: шолку по $1\frac{1}{2}$ стилиа, пшеницы, проса и чалтыка по 20 ченаховъ (каждаго сорта); винограда по $\frac{1}{2}$ вьюка и даргалуку по $3\frac{1}{2}$ ченаха.

Селенія Мешабашъ и Онджало устроены были почти одновременно съ селеніемъ Алибегло, также съ цѣлью открытія лѣснаго пространства и противодѣйствія шайкамъ хищниковъ. Мешабашъ состоялъ изъ 20 дворовъ ингелойцевъ. Сохранившееся въ этомъ селеніи преданіе говоритъ, что въ отдаленныя времена противъ настоящаго селенія, на лѣвомъ берегу Курмуха, при опушкѣ густого, едва проходимаго лѣса, кахцы завели хутора, которые Ахмедъ-ханъ, по вышесказаннымъ соображеніямъ, обратилъ въ отдѣльное селеніе, водворивъ въ немъ еще ингелойцевъ изъ другихъ мѣстъ.

Случившееся скоро послѣ основанія Мешабаша наводненіе заставило жителей его перейти на правый берегъ Курмуха и тамъ-же положить основаніе существующему нынѣ селенію. Состоя въ распоряженія султана, мешабашцы обязаны были: 1) платить ему часть съ урожая за пользованіе участкомъ земли Молла-Гассанъ, считавшимся его собственностью, и въ большіе праздники являться къ султану съ поздравленіемъ и приношеніемъ (водки, укуса, орѣховъ и т. п.). 2) Платить подати бекамъ, по назначенію султана. Пользованіе податями съ извѣстнаго числа дворовъ предоставлялось бекамъ на опредѣленное время, въ видѣ жалованья и въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ каждаго двора по четыре тагара хлѣба (по тагару чалтыка, пшеницы, ячменя и проса) и по $1\frac{1}{2}$ стилиа шолка. Въ случаѣ свадьбы въ домѣ бека,

подвластные ему дворы мешабашцевъ, приглашаемые на свадьбу, обязаны были приносить по одному барану.

Сел. Онджало, основанное также Ахмедъ-ханомъ, состояло изъ 30 дворовъ мугаль. Въ первый 7 лѣтъ оно было изъято отъ всякихъ повинностей. Затѣмъ Даниель-султанъ обложилъ жителей этого селенія данью въ одинъ тагаръ хлѣба и одинъ стиль шолка съ каждаго двора; при свадьбахъ-же въ домѣ султана подносились особые подарки.

Главный промыселъ селеній Мешабашъ и Онджало—земледѣліе. Землей жители пользовались по общему соглашенію, раздѣляя ее на части и предоставляя выборъ частей жребію.

Лѣсомъ, на основаніи обычая, пользовались, какъ въ своихъ, такъ и сосѣднихъ дачахъ, безвозмездно.

Селенія Бабало, Караганъ, Шатоваръ и Алмало, по своему географическому положенію у границы владѣній джарскихъ лезгинъ, были въ полной отъ нихъ зависимости и только при послѣднемъ султанѣ, по его ходатайству и распоряженію русскаго правительства, причислены къ султанству и въ непосредственное вѣдѣніе Даниель-бека; такое распоряженіе основывалось на предъявленныхъ Даниель-бекомъ фирманахъ турецкихъ султановъ и персидскихъ шаховъ, въ которыхъ названныя селенія поименованы въ составѣ земель, принадлежавшихъ елпеускимъ султанамъ *).

Въ сел. Бабало было	16	дворовъ	мугаль.
— Караганъ...	60	—	ингелойцевъ.
— Шатоваръ..	27	—	— —
— Алмало.....	210	—	мугаль.

Селенія эти, платившія дань джарцамъ, по присоединеніи къ султанству, возносили султану: Бабало — по 2 тагара хлѣба, Караганъ и Шатоваръ—по 3, съ каждаго двора.

Часть сел. Алмало (около 30 дворовъ) приобрѣтена была въ собственность Ахмедъ-ханъ-султаномъ; эта часть платила ему: $\frac{1}{10}$ часть урожая, по 7 ченаховъ даргалука и по 40 коп. за каж-

*) Въ настоящее-же время Закавказская сословно-поземельная комисиія признаетъ фактъ поименованія названныхъ селеній въ старыхъ фирманахъ подлежащимъ сомнѣнію. Дѣйствительно, по показанію жителей, только селенія Бабало и Алмало считаются древними; Шатоваръ-же основанъ въ началѣ XIX столѣтія на землѣ, принадлежавшей бабалинцамъ, и по ихъ приглашенію; сел. Караганъ также устроено было только въ 1808 году, джарцами.

дый садъ. Остальные дворы селенія были въ зависимости отъ 11 семействъ беконъ.

Главнымъ промысломъ названныхъ селеній было земледѣліе. Лѣса состояли въ общественномъ пользованіи.

Сускентъ состоялъ изъ 40 дворовъ: 15 лезгинъ, 4 мугалъ и 21 ингелойцевъ. Сел. это образовалось въ позднѣйшее время, во второй половинѣ XVIII ст., при Ханъ-Баба-бекъ, на землѣ, принадлежавшей селенію Амирджанло и по его приглашенію, вслѣдствіе желанія лезгинъ увеличить населеніе занятой ими мѣстности и въ видахъ охраненія султанства отъ опасности со стороны сосѣдей. Амирджанлинцы приглашали занять свободныя ихъ земли безвозмездно, но явившіеся по этому приглашенію охотники изъ селеній Каха и Аліабада, находя невыгоднымъ воспользоваться подаркомъ, купили указанныя имъ мѣста за 120 тумановъ, съ тою цѣлью, чтобы предупредить всякіе поводы къ притязаніямъ амирджанлинцевъ на зависимость отъ ихъ новопришельцевъ и не лишиться въ будущемъ правъ на занятыя земли. По этому случаю составлена была купчая, въ которой точно обозначалась граница, купленной сускентцами, земли (подлинный документъ, относящійся къ 1786 году, уничтоженъ при нападеніи непріятельской партіи, разграбившей Сускентъ; но сохранилась копія съ него). Первые собственники, считая себя недостаточно безопасными, пригласили другихъ, желающихъ поселиться съ ними, съ условіемъ взноса обществу соотвѣтственной за отведенный участокъ суммы.

Когда собралось достаточное число семействъ, общество выдѣлило мѣсто подъ усадьбы и раздѣлило, какъ усадебныя, такъ и пахатныя мѣста, на 49 частей (по всей вѣроятности, по числу семействъ); каждое семейство получило участокъ въ свою собственность. Въ общественномъ пользованіи оставили только лѣсъ.

Такимъ образомъ условія, при которыхъ образовался Сускентъ, исключали зависимость его, какъ отъ селенія Амирджанло, такъ и отъ султана; дѣйствительно, до 1843 г. сускентцы были свободны отъ взноса податей и исполненія особыхъ повинностей въ пользу какого-либо лица. Въ общественныхъ-же повинностяхъ и въ рѣшеніи общихъ вопросовъ они участвовали наравнѣ съ прочими лезгинскими селеніями.

Въ 1843 году, Даниель-султанъ, по случаю своей свадьбы, въ первый разъ обложилъ сускентцевъ данью въ 1½ стана шелка и 2 чача бузы съ cadaго двора; съ этого-же времени они

признаны были состоящими въ непосредственномъ распоряженіи султана.

Почти всѣ беки считаютъ себя потомками господствовавшихъ султановъ въ прямой или боковой линіяхъ; въ дѣйствительности-же многіе изъ нихъ получили землю и право пользованія назначенными въ ихъ распоряженіе дворами только въ недавнее время, при русскомъ правительствѣ, за выслуги передъ султаномъ. Право это было временное, но послѣ бѣгства султана, бывшаго почти неограниченнымъ повелителемъ въ своемъ владѣніи, права бсковъ, сословныя и поземельныя отношенія и вообще условія быта населенія Елисуйскаго султанства были такъ мало извѣстны намъ, что беки, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, почти всѣ сдѣлались потомственными владѣтелями земель и крестьянъ, находившихся въ временномъ ихъ пользованіи.

Въ составъ бекскихъ владѣній входили слѣдующія селенія:

Фистигло. Населеніе его состояло изъ 40 семействъ лезгинъ. Подобно Сускенту, селеніе Фистигло устроено на участкѣ земли, принадлежавшей селенію Амирджанло. Въ 1795 г., 8 семействъ лезгинъ изъ сел. Лякитъ приобрѣли этотъ, большую частью покрытый лѣсомъ, участокъ за 120 тумановъ по купчей, въ которой подробно обозначены границы приобретенной земли. Рѣшивъ заселить новое мѣсто, лякитцы раздѣлили его на 50 равныхъ частей и вызвали желающихъ приобрести ихъ. Участки были разобраны въ скоромъ времени жителями разныхъ селеній, и между прочимъ Амирджанло; но открытыхъ мѣстъ оказалось немного; ихъ заняли лякитцы подъ свои усадьбы и пашни; всѣмъ же новымъ поселенцамъ пришлось расчищать лѣсъ, какъ для постановки домовъ, такъ и для открытія полей.

Недостатокъ въ готовыхъ угодьяхъ былъ причиной долго продолжавшихся переселеній семействъ, то въ селеніе Фистигло, то изъ него въ другія мѣста. Даже нѣкоторые изъ первыхъ пришельцевъ продали свои участки или уступили ихъ новымъ поселенцамъ бесплатно. Вслѣдствіе этого число поселянъ и матеріальное ихъ благосостояніе развивались весьма медленно, не смотря на то, что въ началѣ они не платили податей и не несли никакихъ повинностей. При султанѣ Даниѣль-бекѣ положеніе ихъ стало еще хуже. Даниѣль обложилъ фистиглинцевъ податью шол-

комъ, по 1 $\frac{1}{2}$ стили съ каждаго двора, и, по сказанію жителей, задумалъ совершенно присвоить себѣ все селеніе. Для этого ему необходимо было уничтожить купчую, свидѣтельствовавшую о правахъ селенія на свою землю. Султанъ потребовалъ купчую для разсмотрѣнія, но, получивъ отказъ, разрѣшилъ амирджанлинскимъ дезгпнамъ, получившимъ бекскія права, брать земли въ Фистигло въ свое пользованіе. Беки начали стѣснять селеніе, занимая участки ихъ земли одинъ за другимъ. На жалобы жителей султанъ постоянно отвѣчалъ требованіемъ купчей и, для большаго стѣсненія фистиглинцевъ, послалъ въ ихъ селеніе нѣсколькихъ своихъ нукеровъ, въ видѣ надсмотрщиковъ надъ доходами и поведеніемъ жителей. Нукеры совершенно разорили фистиглинцевъ, налагая на нихъ штрафы безъ всякаго суда и большею частью безъ всякой вины, и фистиглинцы впади въ такіе неоплатные долги, что назначенному отъ русскаго правительства, послѣ бѣгства Даніель-султана, приставомъ надъ елсуйскими селеніями, беку Гаджи-Ага удалось воспользоваться ихъ бѣдственнымъ положеніемъ и все селеніе закрѣпить за собой. Скупивши на выгодныхъ условіяхъ значительную часть долговъ фистиглинцевъ, Гаджи-Ага объявилъ, что они принадлежатъ ему со всѣмъ имуществомъ. Какъ-бы въ подтвержденіе своихъ правъ, Гаджи-Ага, при женитбѣ сына своего на дочери нухинскаго хана, написалъ за ней все Фистигло; впоследствии-же, передъ уходомъ въ Турцію, уступилъ (большею частью продалъ) свои права на это селеніе разнымъ лицамъ. Такимъ образомъ къ настоящему времени въ Фистигло почти не осталось свободныхъ собственниковъ изъ крестьянъ и только предстоящая сословно-поземельная реформа въ Закатальскомъ округѣ можетъ поддержать ихъ и дать способы къ обезпеченію ихъ благосостоянія.

Селенія *Ибахло*, *Кичикъ-Котукло*, *Беюкъ-Котукло*, *Узунъ-Тала*, *Кара-Тала*, *Казмаларъ* и *Байдарло* существуютъ, по преданію, съ давняго времени, но позже переселенія резиденціи султановъ въ Елсусу, и заселены выходцами изъ разныхъ сосѣднихъ мѣстъ, или по приглашенію бековъ (сел. *Кичикъ-Котукло* и *Казмаларъ*), или съ разрѣшенія султановъ (прочія селенія).

Селеніе *Беюкъ-Котукло* населено было плѣнными армянами; часть ихъ въ началѣ-же поселенія разбѣжалась; тогда, на оставленныхъ ими мѣстахъ, поселены были семейства ингелойцевъ.

Первыя семейства, прибывшія въ названныя селенія, по приглашенію султановъ и бековъ, никакихъ повинностей не несли.

Султаны покровительствовали имъ, видя въ нихъ силу для охраны своихъ владѣній и средство для поддержанія своего могущества. Въ зависящихъ-же отношеніяхъ они поставлены были постепенно. Сначала султанъ наложилъ на нихъ незначительныя повинности; потомъ увеличилъ ихъ; въ послѣдствіи-же сталъ передавать доходы съ нихъ бекамъ. Такимъ образомъ изъ непосредственныхъ данниковъ султана они переходили, по частямъ, въ зависящихъ отъ бековъ.

Селеніе Ибахло, изъ 27 дворовъ, изъ нихъ 15 бековъ, прочіе—мугалы, въ первый разъ обложено данью при султанѣ Ахмедъ-ханѣ, въ $7\frac{1}{2}$ тагаръ хлѣба и $7\frac{1}{2}$ стили шолка, которая отдавалась въ видѣ жалованья бекамъ. Въ послѣдствіи эта дань была увеличена (каждый дворъ платилъ по 3 стили шолка и по 4 тагара хлѣба), по прежнему отдавалась бекамъ и за фамиліями ихъ осталась и до настоящаго времени.

Кичикъ - Котукло, изъ 15 дворовъ ингелойцевъ, платило бекамъ, на землѣ которыхъ было основано, $\frac{1}{7}$ часть урожая хлѣба, по 1 тагару даргалука и 1 стилию шолка; кромѣ того жители обязаны были давать лошадей для перевозки бековъ на лѣто въ с. Елису.

Беюкъ-Котукло, изъ 11 семействъ, 6 ингелойцевъ и 5 армянъ, было вначалѣ поставлено беками въ весьма стѣсненное положеніе; особенно тяжело было, по сказанію жителей, право бековъ, которымъ султанъ отдавалъ въ пользованіе доходы съ с. Беюкъ-Котукло, надъ вдовами и дѣвками. Кромѣ неопредѣленныхъ поборовъ, жители вносили бекамъ подать въ размѣрѣ 3 тагаръ хлѣба и 1 стилия шолка съ каждаго двора.

Узунъ-Тала, изъ 5 сем. мугалъ, съ незапамятныхъ временъ платило бекамъ, съ каждаго двора, 4 тагара хлѣба, 3 стилия шолка и одну арбу сѣна или саману.

Кара-Тала, изъ 9 сем. мугалъ, вначалѣ платило бекамъ $\frac{1}{7}$ часть урожая; въ позднѣйшее время налогъ этотъ былъ усиленъ 1 тагаромъ даргалука и 1 стилемъ шолка съ каждаго двора и повинностью давать бекамъ лошадей при переездахъ на лѣто въ с. Елису.

Казмаларъ, изъ 40 сем., 17 бековъ, прочіе—мугалы, былъ обложенъ въ пользу бековъ данью въ $\frac{1}{10}$ часть урожая и повинностью—давать имъ перевозочныя средства при переездахъ на лѣто въ сел. Елису; кромѣ того, жители съ каждой свадьбы должны были

приносить подарки, по назначенію бековъ, соотвѣтственно средствамъ семействъ жениха и невѣсты.

Байдарло, пзъ 22 сем. мугаль, вначалѣ ни отъ кого не зависѣло, но вслѣдствіе частыхъ разбоевъ и грабежей, жители его начали искать покровительства цахурцевъ и обязались платить имъ за это ежегодно по 15 чанаховъ хлѣба съ cadaго двора. Съ усиленіемъ власти джарскихъ лезгинъ означенная подать перешла къ джарцамъ и послѣдствіемъ къ елисуѣйскому султану. Право пользованія доходами съ байдарлинцевъ султанъ обыкновенно передавалъ бекамъ, которые, смотря по значенію ихъ у султана, увеличивали или уменьшали подати по своему усмотрѣнію; перевозка бековъ на лѣто въ сел. Елису также лежала на обязанности жителей.

Сс. Аманло и Кайсарло одного происхожденія и принадлежать одной бекской фамиліи. Селенія эти считаются древними. По преданію, на мѣстѣ, имъ занятомъ, былъ дремучій лѣсъ. Предки настоящихъ поселянъ расчистили его для расположенія усадьбъ и открытія пахатныхъ полей и такимъ образомъ приобрѣли воздѣланные участки въ собственность. Между-тѣмъ набѣги хищниковъ и другія бѣдствія, неразлучныя съ военнымъ временемъ, уничтожали сельско-хозяйственный трудъ и заставляли жителей искать себѣ покровительства и защиты у кого-либо изъ вліятельныхъ и сильныхъ лицъ того времени. Съ этой цѣлью явился къ нимъ предокъ настоящей ихъ владѣтельной фамиліи, Али-Султанъ-Ушаги. Онъ предложилъ свое покровительство и заступничество, съ условіемъ ежегоднаго взноса ему опредѣленной доли съ урожая, и предупредилъ, что, въ случаѣ несогласія, онъ постарается поголовно истребить все населеніе. Аманло и Кайсарло приняли требованіе сильного и опаснаго бека и долгое время платили его фамиліи отъ 5 до 15 чанаховъ хлѣба съ cadaго двора. Дань эта вносилась до-тѣхъ-поръ, пока не сдѣлалось могущественнымъ и опаснымъ сосѣднее общество джарскихъ лезгинъ, противъ котораго владѣтели названныхъ селеній оказались безсильными. Поэтому, вслѣдствіе постоянно угрожавшей опасности со стороны джарцевъ, жители селеній Аманло и Кайсарло передали право покровительства и взиманія податей отъ бековъ джарцамъ; подать имъ вносилась въ размѣрѣ 6 чанаховъ хлѣба съ cadaго двора.

Такимъ доходомъ джарцы пользовались до времени усиленія власти елисуѣйскихъ султановъ, подчинившись которымъ, по распоряженію русскаго правительства, селенія Аманло и Кай-

сарло вновь стали платить дань бекской фамиліи Али-Султанъ-Ушаги, но уже въ большемъ размѣрѣ: 6 чанаховъ и 1 тагаръ хлѣба и 1 стиль шолка съ каждаго двора и $\frac{1}{40}$ часть съ урожая. Кромѣ того жители обязаны были перевозить своихъ бековъ на лѣто въ селеніе Елису.

Кромѣ владѣтельной фамиліи, въ селеніи Аманло было 12 семействъ и въ Кайсарло 19 семействъ мугаль, занимавшихся преимущественно хлѣбопашествомъ; каждый домъ имѣлъ также сады, шелковичный и фруктовый. Лѣсъ у нихъ былъ только дровяной и состоялъ въ общественномъ пользованіи селеній.

Селенія: *Кипчахъ*, изъ 9 бекскихъ семействъ и 50 мугаль, *Джалаиръ*—7 бекскихъ семействъ и 40 мугаль, *Дегма-Дагельды*—35 семействъ мугаль и *Шахляръ*—20 семействъ, 5 потомковъ шейховъ, остальные мугалы,—по преданію, основаны и стали въ зависимость при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и селенія Аманло и Кайсарло, за исключеніемъ Шахляра, въ которомъ первые поселенцы были шейхы, получившіе здѣсь земли въ подарокъ; занятый ими пунктъ названъ Шахляромъ—селеніе шейховъ—въ честь ихъ, и до-сихъ-поръ остается мѣстомъ поклоненія.

Кипчацкіе беки ведутъ свой родъ отъ Али-Гирли-бека, одинъ изъ потомковъ котораго, Ханъ-Баба-бекъ, былъ елисейскімъ султаномъ. Часть дворовъ селенія Кипчаха обязана была выставлять бекамъ, по требованію ихъ, конвой при ихъ поѣздкахъ, угощенія и для переезда въ лѣтнія помѣщенія—перевозочныя средства. Большая-же часть дворовъ, именно $\frac{2}{3}$, платили дань въ $\frac{1}{7}$ часть урожая хлѣба и неопредѣленное количество шолка, смотря по урожаю, обыкновенно по 2 стили. Селенія Джалаиръ, Дегма-Дагельды и Шахляръ платили по 1 стилю шолка и $\frac{1}{40}$ часть урожая хлѣба султанамъ, которые право сбора этой дани передали впоследствии бекамъ; за ними-же право это осталось до послѣдняго времени.

Подать съ жителей Елисейскаго султанства въ пользу казны взыскивалась, со времени вступленія ихъ въ русское подданство (1803 г.), въ размѣрѣ 4400 рублей *) (около 1 р. 50 коп.

*) Вначалѣ подать платилась шолкомъ.

съ дыма); въ послѣдствіи установленъ былъ новый сборъ на содержаніе милиціи въ 3000 руб.; съ присоединеніемъ по заявленію послѣдняго султана Даніель-бека деревень (Шатоваръ, Карагаль и Алмало) отъ Джарскаго округа къ султанству, Даніель обязался еще платить съ нихъ, по числу дымовъ, 969 руб. Слѣдовательно, султанство давало казнь всего 8369 руб.

По соображеніи размѣра всѣхъ податей и повинностей, которыми обложены были селенія Елисуйскаго султанства въ пользу казны, султана и бековъ, казалось-бы, что положеніе жителей не было тяжело. Такой выводъ дѣйствительно будетъ вѣрнѣе, но только относительно того времени, когда султаны являлись народомъ и представляли въ своемъ лицѣ исполнительную власть. Съ поступленіемъ-же Елису въ русское подданство, поддержка, оказанная султанамъ со стороны русскаго правительства по политическимъ соображеніямъ (не оправдавшимся результатами), и безконтрольность ихъ дѣйствій во внутреннемъ управленіи, такъ возвысили ихъ значеніе и могущество, что послѣдній султанъ, предпріимчивый и властолюбивый Даніель-бекъ, сталъ полновластнымъ повелителемъ въ своемъ владѣніи и придавъ своему управленію характеръ политѣйшаго произвола, образецъ котораго онъ имѣлъ въ сосѣднихъ дагестанскихъ ханствахъ. Въ это время султанъ не только не ограничивался податями и повинностями, опредѣленными въ небольшихъ размѣрахъ п освященными давностью, и подъ разными предлогами налагалъ временные поборы, усилившіе доходы султана, по заявленію самого Даніель-бека, до 40,000 руб. въ годъ, но имѣлъ жизнь и имущество каждаго въ своемъ безусловномъ распоряженіи. При такомъ управленіи положеніе народа, и особенно ингелойцевъ, не могло быть удовлетворительнымъ.

III.

Вступленіе Елисуйскаго султанства въ подданство Россіи. Историческій очеркъ устройства управленія въ султанствѣ.

Со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Грузію, столкновенія ихъ, съ цѣлью защиты края отъ непріятельскихъ скопищъ, начались съ соедѣнными лезгинскими обществами Джарскимъ и Елисуйскимъ. Изъ нихъ вліяніе и значеніе перваго было такъ велико (и въ дѣлахъ Елису), что во всѣхъ предпріятіяхъ лезгинъ султанство составляло какъ-бы часть Джарской области; всѣ набѣги и грабежи, производившіеся въ предѣлахъ Грузіи, приписывались только джарцамъ. Поэтому, ихъ прежде всего необходимо было привести къ покорности.

Въ 1802 году, главнокомандующій въ Грузіи, генералъ-лейтенантъ Кнорингъ, обратился къ старшинамъ и всему народу, обитающему въ селеніяхъ джарскихъ, съ первымъ отъ русскаго правительства воззваніемъ: «По обнародованіи въ Тифлисѣ и въ прочихъ городахъ и селеніяхъ областей грузинскихъ Высочайше изданнаго Его Императорскимъ Величествомъ, моимъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ, манифеста о принятіи Е. В. въ могущественное покровительство, защиту и управленіе своего народа грузинскаго и по приведеніи всѣхъ состояній онаго къ присягѣ на вѣрность Е. И. В., поставилъ я, яко главнокомандующій въ Грузіи, въ первую заботливость мою утвердить на прочномъ основаніи тишину и безопасность пограничныхъ обитателей Грузіи. И поелику селенія джарскія прилегаютъ къ предѣламъ Грузіи и доселѣ нѣкоторые изъ вѣтренныхъ, конечно болѣе къ движенію развратныхъ нравовъ своихъ, нежели съ согласія почтенныхъ старѣйшинъ и прочихъ благоразумныхъ соотчичей своихъ, попускались и производили на границахъ Грузіи хищничество, а нѣкоторые давали у себя пристанища лезгинамъ и другимъ дагестанцамъ, пропускали ихъ черезъ обитанія свои свободно на подобныя-же въ Грузіи злодѣянія: то, предавая забвенію все прошедшее, я желаю, и долгъ мой есть, всевысочайшими повелѣніями на меня возложенный, чтобы для совѣщанія, по дѣламъ касающимся спокойствія и обитателей грузинскихъ, и вашего, поспѣшили прибыть ко мнѣ въ Тифлисѣ, черезъ семь дней по полученіи сего, почтенные и довѣренность заслужившіе въ обществахъ вашихъ, старѣйшины, которые безопасно здѣсь приняты

и обратно завоеваны отпущены будутъ, съ объявленіемъ отъ меня народу нѣкоторыхъ миролюбивыхъ предложеній. Я ожидаю, что старѣйшины на прибытіе сюда столь-же охотно рѣшатся, сколь пріятно мнѣ сохранить къ сосѣдямъ Грузинъ доброе расположеніе, поколику оно со стороны ихъ наблюдаемо будетъ».

Но джарцы старшинъ не выслали и покорности не изъявили; мало того, они оказали существенную поддержку грузинскому царевичу Александру, бѣжавшему въ горы и возбуждавшему населеніе къ непріязненнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ для изгнанія русскихъ съ Кавказа. Въ этотъ періодъ замѣчательны распоряженія новаго главнокомандующаго, князя Циціанова, рѣшившаго, во что-бы то ни стало, обезпечить границы Грузинъ отъ ближайшихъ и опасныхъ сосѣдей.

Назначивъ генерала Гулякова съ отрядомъ для дѣйствій, въ случаѣ надобности, въ Джарской области, со стороны Сигнаха, князь Циціановъ поручилъ ему предварительно извѣдать истину о расположеніи къ намъ джарцевъ, которые, по свѣдѣніямъ, имѣютъ наклонность выдать намъ царевича Александра, требовать его выдачи рѣшительно и, въ случаѣ несогласія съ ихъ стороны, угрожать жестокимъ навазаніемъ, объявивъ, что «не останется у нихъ камня на камнѣ». (Февраль 1803 г.). Выстъ съ тѣмъ кн. Циціановъ писалъ къ Мамедъ-Гасанъ-хану нухинскому: «Джары и Белоканы, издревле принадлежащіе царству Грузинскому, втеченіи 80 лѣтъ не переставали дѣлать набѣги и опустошенія. Потому положилъ я за правило, или усмирить ихъ, или истребить съ лица земли; а какъ ваше высокостепенство объявили, что почитаете ихъ своими союзниками и желаете примирить ихъ, то я согласенъ принять посредничество на условіяхъ».

Опредѣлялось пять условій:

- 1) Джары не должны допускать къ себѣ царевича Александра.
- 2) Въ Джарахъ и Белоканахъ будетъ поставлено русское воинство, на собственномъ его содержаніи, для неотягощенія жителей.
- 3) Они должны платить дань шолкомъ, какъ платили царямъ грузинскимъ.
- 4) Дать по 5 человекъ аманатовъ (отъ Джаръ, Белоканъ и Елису) изъ лучшихъ фамилій.
- 5) По принятіи изложенныхъ условій, они будутъ оставлены, въ чемъ давалось вѣрное слово и обѣщаніе, при ихъ внутреннемъ управленіи и преимуществахъ.

Между тѣмъ, получившій большія уполномочія, начальникъ отряда генералъ Гуляковъ принужденъ былъ уже дѣйствовать рѣшительно. Въ мартѣ 1803 г., послѣ блистательной побѣды при Белоканахъ и страшнаго опустошенія, произведеннаго здѣсь собственно грузинскимъ войскомъ, генералъ Гуляковъ направился въ Джары, втеченіи шести недѣль покорилъ всю общину, построилъ на р. Алазани, у брода Урдо, редутъ, подъ названіемъ Александровскій (на 1 батальонъ), и посты по рѣкѣ, и для непоколебимаго здѣсь утвержденія нашего владычества и для положенія преграды хищнымъ дагестанцамъ отъ Грузіи, выслалъ уполномоченныхъ отъ покоренной общины, въ томъ числѣ и отъ Елисуйскаго султанства, въ Тифлисъ.

Уполномоченные клятвой утвердили присоединеніе къ царству Грузинскому отторгнувшейся въ прошломъ столѣтіи Джарской провинціи. По прошенію ихъ, включено въ общее вѣрноподданство и «татарское Елисуйское султанство, яко издревле въ союзѣ съ ними находящееся».

Въ Джарской провинціи считалось тогда 16,000 дворовъ, до 90,000 душъ мужескаго пола; въ Елисуйскомъ султанствѣ 4000 двор., 20,000 душъ муж. пола *).

Обязательства, принятыя уполномоченными Джарскаго общества и Елисуйскаго султанства, заключались въ слѣдующемъ:

1) они налагаютъ на себя дань въ пользу русскаго правительства по 1100 литръ шюлка, на тифлисскій вѣсъ, съ уплатой этой дани въ два срока (1-го августа и 1-го ноября);

2) принимаютъ къ себѣ русскія войска, которыя могутъ располагаться гдѣ имъ понадобится;

3) даютъ по аманату изъ лучшихъ и первѣйшихъ семей.

Въ томъ-же обязательствѣ говорилось: «главнокомандующій, именемъ Его Императорскаго Величества благоволитъ согласиться оставить народъ Джарской провинціи и всѣ наши вольныя общества на прежнихъ правахъ и преимуществахъ, не входя во внутреннее управление».

«Сосѣдственнаго, союзаго и всегда дружественнаго съ нами татарскаго елисуйскаго султана, Али-султана, и весь подвластный ему народъ включаемъ въ вѣрноподданство наше Е. И. В. по всѣмъ статьямъ повинностей нашихъ и Высочайше дарованнымъ намъ преимуществамъ, для утвержденія коихъ присланные отъ

*) Самы-же повѣренныя показывали въ то время въ Джарской провинціи 8000 дворовъ, т. е. вдвое меньше бывшихъ въ дѣйствительности.

народа и султана елисейскаго повѣренныя: Молла-юзбаша, Шокалы-юзбаша и Мирза-Гусейнъ-оглы, вообще съ повѣренными джарскаго народа, скрѣпили сіе постановленіе своими печатями и участвовали въ присягѣ на вѣрнопопданство Его Императорскому Величеству».

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи (18 апрѣля 1803 г.) князь Циціановъ, между прочимъ, писалъ, что «въ разсужденіи Грузіи пріобрѣтеніе Джарской провинціи *) заслуживаетъ вниманіи двоякимъ предметомъ: обезпеченіемъ предѣловъ грузинскихъ и водвореніемъ оружія и власти російской въ самомъ гнѣздѣ хищнаго лезгинскаго народа. Наложенная на него дань, построенный редутъ, оставленный въ немъ гарнизонъ и занятые по р. Алазани важнѣйшіе посты могутъ быть достаточнымъ ручательствомъ, что если-бы попданство ихъ, подобно многимъ, числящимся таковыми, горекимъ народамъ, было не чистосердечно, то содѣлается для нихъ необходимымъ».

Дѣйствительно, джарцы плохо исполняли свои обязательства; мало того, что они укрывали у себя хищныя партіи горскихъ лезгинъ, но сами участвовали въ нападеніяхъ и грабежахъ грузинскихъ селеній и дань платили весьма неисправно.

Поэтому кн. Циціановъ, предоставивъ начальнику войскъ, расположенныхъ вблизи Джарской провинціи, генералу князю Орбедіани, имѣть ближайшія сношенія съ джарцами и наблюдать за ними, нѣсколько разъ обращался къ нимъ и самъ съ предупрежденіемъ и угрозами, указывая между прочимъ, что у нихъ противъ уплаты податей бунтуютъ купцы, желающіе «чужими руками жаръ загребать». Замѣчательнъ суровый и самоувѣренный тонъ подобныхъ обращеній, соотвѣтствовавшій обстоятельствамъ того времени и понятіямъ горскаго народа. Такъ, по поводу просьбы объ отсрочкѣ уплаты и уменьшеніи податей, Циціановъ писалъ въ іюнѣ 1803 г.: «Джарской провинціи, старшинамъ и всему народу. Невѣрный народъ! безстыдные люди! Нужно думаете вы, что затѣмъ въ попданство нашего Государя Императора пріняты, чтобы не держать слова даннаго?.. Кто силу въ рукахъ имѣетъ, тотъ съ слабымъ не торгуется, а повелѣваетъ имъ».

Въ октябрѣ кн. Циціановъ обратился съ болѣе суровымъ

*) Замѣчательно, что даже въ официальныхъ сообщеніяхъ подъ именемъ Джарской провинціи опредѣлялось и Елисейское султанство,—такъ мало оно имѣло значенія и, следовательно, такъ сильно было вліяніе Джаръ на Елису.

возвѣщаемъ: «Видно, вы не чувствуете моей жалости къ пролитію вашей крови рѣками... Ждите-же времени, соберите всѣхъ дагестанцевъ и готовьтесь перемерзнуть въ снѣгу между горъ, буде стоять устрашитесь! Не обманете меня въ другой разъ; потреблю васъ съ лица земли и не увидите вы своихъ селеній; пойду съ пламенемъ, по вашему обычаю! Увидимъ, помогутъ-ли вамъ дагестанцы выгнать меня. Знайте, что, писавъ это письмо, кровь моя кипитъ, какъ вода въ котлѣ, члены всѣ дрожатъ отъ ярости! Пойду къ вамъ самъ; землю вашу покрою кровью вашею, пока покрасѣтъ».

Не смотря на такія угрозы, джарцы, надѣясь на поддержку отъ горскихъ дегинъ, въ счетъ дани за 1803 г. не додали 1000 червонцевъ, а за 1804 г. не уплатили ничего; вслѣдствіе-же разнесшихся слуховъ о движеніи къ нимъ русскихъ войскъ для наказанія, приготовились къ оборонѣ, и, по показанію лазутчиковъ, ожидали дагестанцевъ, обѣщавшихъ помочь имъ.

Въ мартѣ 1804 г. кн. Циціановъ вновь обратился къ джарцамъ: «невѣрные мерзавцы! я васъ много уговаривалъ, а вы призвали дагестанцевъ. Теперь хотите, чтобы я вамъ вѣрилъ! Дождетесь вы моего посѣщенія и тогда не дома ваши сожгу, — васъ сожгу, изъ дѣтей вашихъ и жевъ утробы выну. Вы думаете до снитія хлѣба быть покорными? Богомъ васъ увѣряю, не будете вы ѣсть джарскаго хлѣба, пока не заплатите требуемаго. Вотъ вамъ послѣднее мое слово!»

На этотъ разъ джарцы успѣшили прислать въ Тифлисъ своихъ старшинъ съ повинною, частью дани и объясненіемъ, что причиной неполной высылки дани былъ, будто-бы, Али-султанъ слисуйскій, не доставившій всего, что съ него слѣдовало.

Въ слѣдующемъ году дань также не была прислана и потому отношенія Циціанова къ джарцамъ и елисуйцамъ были въ прежнемъ духѣ. Въ это время джарцы смѣнили Али-султана, по донесенію генераль-маіора князя Орбеліани, за то, что не пріѣхалъ къ нимъ съ назначенной съ султанства данью; на мѣсто Али избранъ былъ, поддержанный джарцами, Ахмедъ-ханъ, родственникъ перваго, прежде бывший султаномъ. Между прочимъ кн. Орбеліани, заявляя, что новый султанъ, *утвержденный джарцами въ родъ хана*, беретъ на свою ответственность взносъ податей съ султанства и всѣ шалости подвластныхъ ему, спрашивалъ: «на какомъ утвержденіи съ симъ султаномъ основаться?»

Скромное поведеніе въ этомъ дѣлѣ кн. Орбеліани, дѣйствуя

въ духѣ котораго впоследствии мы получили плоды, предвидѣнные кн. Циціановымъ и тревожившіе его, вызвали сильнѣйшее негодованіе дальновиднаго главнокомандующаго. «Усматривая изъ вашихъ донесеній», писалъ онъ кн. Орбеліани, «что прежній султанъ смѣненъ и *новый утвержденъ въ родъ хана*, вопрошаю ваше сіятельство, какъ могли вы позволить имъ (джарцамъ) приступить къ сей перемѣнѣ своевольно и смотрѣть безъ вниманія, (хотя в. с. стоите у нихъ на носу съ двумя полками), на то, что подъ руками, такъ сказать, вашими изъ джарской республики дѣлается ханство и еще доносите мнѣ съ такимъ хладнокровіемъ о сей важной перемѣнѣ, какъ-бы говорили о какомъ-нибудь полковомъ дѣлѣ»? При этомъ кн. Циціановъ приказывалъ собрать и прислать къ нему, для объясненія по этому дѣлу, старшинъ и извѣщаль, что хотя совершившаяся перемѣна не противна его видамъ, но *Ахмедъ-ханъ будетъ утвержденъ не въ ханскомъ достоинствѣ, а въ видѣ наиба*. Кажется, Циціановъ введенъ былъ въ заблужденіе неясностью донесенія кн. Орбеліани, полагая, что Ахмедъ-ханъ назначенъ былъ *въ родъ хана* не только для Елисуйскаго султанства, какъ было на самомъ дѣлѣ, но и для джарской общины, и притомъ съ правами, присвоенными ханамъ кавказскихъ мусульманскихъ ханствъ; но, не допуская политическихъ перемѣнъ такого характера въ народѣ, состоящемъ въ русскомъ подданствѣ, устанавливая назначеніе хановъ въ русскихъ провинціяхъ взглядъ правительства, долженствующій оставаться неизмѣннымъ и въ будущемъ, кн. Циціановъ былъ конечно правъ, когда выходилъ изъ себя въ обращеніи къ кн. Орбеліани, спокойно относившемуся къ вопросу объ избраніи лезгинами для себя султана, въ родѣ хана.

Въ томъ-же 1805 году кн. Циціановъ обратился прямо къ султану елисуискому, требуя выдачи нѣкоторыхъ преступныхъ лицъ, изъ вліятельныхъ бековъ, нашедшихъ себя убѣжище въ султанствѣ, но такъ-какъ Ахмедъ-ханъ сначала дѣйствовалъ въ духѣ джарцевъ и подъ ихъ вліяніемъ и въ тоже время старался задобрить главнокомандующаго письменнымъ увѣреніемъ въ своей преданности, то кн. Циціановъ отвѣчалъ коротко: «Безстыдный и съ персидской душою султанъ! И ты еще смѣешь ко мнѣ писать? Ты принимаешь бѣглыхъ агаларовъ; Баба-хану (нуханскому) послалъ 300 человекъ войска!... Въ тебѣ собачья душа и ослиный умъ».

Пришлось, наконецъ, всѣ эти угрозы завершить экспеди-

цією. Джарскіе и елсуйскіе лезгини были усмирены и наказаны, вновь приняли присягу на вѣрнопопданство и заплатили недоимочную подать за прошлое время, кромѣ 2000 червонцевъ, оставшихся въ недоимкѣ за султаномъ, въ томъ вниманіи, что елсуйцы были передъ этимъ разорены кизикскими жителями.

Послѣ Циціанова значеніе елсуйскихъ султановъ начпнаеть усиливаться. Ахмедъ-ханъ старается входить, помимо джарцевъ, въ непосредственныя сношенія съ русскими правительственными лицами на Кавказѣ, заискиваетъ ихъ расположенія и поддержки.

Въ 1807 году Ахмедъ-ханъ прибылъ въ Тифлисъ со старшимъ, 13-ти лѣтнимъ, своимъ сыномъ, для личнаго изъявленія покорности, усердія и вѣрности, объяснивъ, что если онъ до этого не могъ на дѣлѣ показать истиннаго усердія и преданности, то единственно потому, что былъ окруженъ отовсюду безпокойными и непокорными сосѣдями, не могъ удержать въ должномъ послушаніи своихъ подвластныхъ, которые, будучи подстрекаемы прочими лезгинами, иногда участвовали съ ними въ хищничество. За послѣднимъ-же покореніемъ ихъ силой русскаго оружія, султанъ просилъ отдѣлить его отъ прочихъ лезгинъ и защищать отъ притѣсненій, какія онъ нерѣдко терпѣлъ отъ нихъ за преданность свою Россіи. Для этого и для обезпеченія своевременнаго и полнаго сбора податей, султанъ просилъ поставить въ его владѣніи крѣпость и войско.

Въ доказательство-же истиннаго своего усердія и въ залогъ ненарушимой вѣрности русскому государю, султанъ добровольно оставилъ своего сына аманатомъ въ Тифлисъ и, первый изъ лезгинъ, просилъ отдать сына для обученія въ тифлисское благородное училище.

Во вниманіе къ такому искренно выраженному усердію и вѣрности, Ахмедъ-султанъ, по представленію главнокомандующаго графа Гудовича, пожалованъ былъ чиномъ полковника, съ производствомъ жалованья по чину, въ размѣрѣ 1200 р. въ годъ.

Цѣль султана—отдѣлаться отъ вліянія прочихъ лезгинъ—была достигнута, и хотя случалось, что елсуйцы по прежнему участвовали съ ними въ набѣгахъ и грабежахъ, но Ахмедъ-ханъ всегда въ подобныхъ случаяхъ предупреждалъ неудовольствіе русскаго начальства заявленіями о своей вѣрности и готовности содѣйствовать видамъ правительства.

Джарцы дѣйствовали примѣе и хотя главнокомандующіе имѣли много поводовъ напоминать имъ о присягѣ на вѣрнопопдан-

ство, но относились къ нимъ деликатно, называя джарцевъ «вѣрными, благородными, благомыслищими». Такія отношенія къ джарцамъ и султану установились въ этомъ періодѣ по недостатку боевыхъ средствъ, такъ-какъ, находившіяся въ распоряженіи главнокомандующаго, войска нужны были для дѣйствій противъ явно враждебныхъ намъ горцевъ и особенно для обезпеченія нашихъ предѣловъ со стороны Персіи и Турціи.

Въ эпоху управленія Кавказомъ генерала Ермолова также не совершилось въ султанствѣ важныхъ перемѣнъ. Ермоловъ поддерживалъ султана, какъ противовѣсъ непріазненнымъ намѣреніямъ джарцевъ *).

Съ своей стороны, и султанъ показывалъ русскому правительству особенное усердіе и преданность: такъ, онъ привялъ участіе въ войнѣ съ персіанами въ 1826 году и, принужденный оставить свое владѣніе, по случаю вторженія непріятеля въ его предѣлы, присоединился съ своими приближенными и милиціей къ русскому войску.

Въ это время джарцы стали дѣйствовать противъ насъ открыто, объявивъ себя отложившимися отъ русскаго подданства; поэтому, они, по изгнаніи персіанъ, при генералъ-фельдмаршалѣ Паскевичѣ были вновь покорены (и тогда-же, вмѣстѣ съ Елисейскимъ султанствомъ, должны были принять управленіе на новыхъ основаніяхъ).

По Высочайше утвержденному положенію, всѣ селенія джарцевъ образовали Джаро-белокавскую область, подчиненную военному начальнику. Для управленія областью по гражданской части учреждено было при начальникѣ области Временное Правленіе изъ 2-хъ русскихъ чиновниковъ, съ правомъ голоса, утверждающимъ опредѣленіе, и изъ шести туземцевъ, почетныхъ лицъ по выбору общества и съ утвержденія намѣстника кавказскаго, съ голосомъ совѣщательнымъ. Для исполненія распоряженій Временнаго Правленія назначены были къ нему два оберъ-офицера изъ русскихъ, преимущественно знающихъ туземный языкъ.

Для приѣма казенныхъ денежныхъ и другихъ податей, при

*) Архивныя дѣла ермоловскаго періода, представляющія весьма богатый матеріалъ для изслѣдованія, требуютъ продолжительнаго и тщательнаго разсмотрѣнія; поэтому отношенія Ермолова къ частямъ Кавказскаго края, имѣвшимъ особое устройство и управленіе, будутъ предметомъ отдѣльной статьи.

Временномъ Правленіи учреждалось областное казначейство. Для сбора-же податей, опредѣлены были, сверхъ пужнаго числа почетныхъ старшинъ, два комиссара изъ русскихъ офицеровъ. При этомъ положеніемъ предлагалось Правленію собрать подробныя свѣдѣнія о поступающихъ съ жителей въ казну доходахъ, а также о тѣхъ, которые могутъ быть взимаемы, сверхъ прежнихъ, безъ отягощенія жителей. Область раздѣлена была на 3 магала, или наибства, и султанство; въ начальники магаловъ должны были избираться народомъ достойнѣйшіе изъ туземцевъ. О порядкѣ-же назначенія или избранія султановъ положеніе не опредѣляло никакихъ правилъ.

На обязанности управленія возложено было:

- принятіе мѣръ къ возвращенію жителей въ свои дома;
- охраненіе области отъ внутреннихъ безпокойствъ и отъ набѣговъ хищныхъ горцевъ;
- устройство, съ означенной цѣлью, милиціи изъ туземцевъ и распредѣленіе ея по кордонамъ;
- возобновленіе торговыхъ сношеній, съ соблюденіемъ всѣхъ карантинныхъ предосторожностей;
- приведеніе въ покорность и подданство Россійской Имперіи сосѣднихъ горскихъ народовъ, посредствомъ предварительныхъ съ ними сношеній и ласковаго убѣжденія.

Предположенія начальника области постановлялось исполнять на основаніи «учрежденія о губерніяхъ» (103 ст.), но въ случаѣ несогласія съ ними членовъ Правленія, мнѣнія послѣднихъ должны были представляться Намѣстнику.

Предоставляя жарцамъ и прочимъ обществамъ сохраненіе ихъ правъ и преимуществъ, «поколикую сіе будетъ согласно съ общими законами и уставами Россійской Имперіи», положеніе Джаро-белоканской области допускало населенію имѣть для гражданскихъ дѣлъ національный медиаторскій судъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя дѣла поступали изъ сего суда во Временное Правленіе къ рассмотрѣнію и рѣшенію по русскимъ законамъ, если этого пожелаетъ одна изъ тяжущихся сторонъ. Сужденіе-же дѣлъ уголовныхъ подлежало исключительно Временному Правленію.

Въ виду притѣвленій, которымъ подвергались коренные жители, ингейцы, жарскихъ и елисейскихъ селеній отъ пришельцевъ-лезгинъ, и необходимости, изъ политическихъ видовъ, поддерживать первыхъ, положеніе освобождало ингейцевъ отъ платежа особыхъ своимъ владѣльцамъ повинностей, кромѣ тѣхъ,

которыя должны были поступать въ казну, и давало имъ личную свободу. Въ случаѣ желанія переселиться въ другое мѣсто, ингелоецъ имѣлъ право взять съ собою все движимое имущество, недвижимое-же могъ приобрести въ собственность, уплативъ сносному владѣльцу 10-лѣтнюю сложность приносимаго имуществомъ дохода.

На вышеизложенныхъ основаніяхъ къ составу области причислялось и Енисейское султанство (§ 23 положенія), съ тою разницей, что оно оставалось, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ, въ ближайшемъ распоряженіи султана, который подчинялся начальнику области, какъ лицу, имѣвшему вышій надзоръ за поведеніемъ жителей султанства и за вѣрнымъ охраненіемъ края.

Такимъ образомъ и Положеніе 1830 года, поставившее султанство въ нѣкоторую зависимость отъ начальника области, не могло безпокоить Ахмедъ-хана, какъ потому, что эта зависимость устанавливалась по предметамъ преимущественно военнаго характера, а такія дѣла не могли возникать въ султанствѣ, пока оно находилось въ мирѣ, такъ и потому, что султанъ убѣдился уже въ благорасположеніи къ нему русскаго правительства и самъ въ отношеніяхъ къ нему всегда былъ скромнѣе и угодливѣе.

Въ 1830 г. султанъ Ахмедъ-ханъ умеръ. Наслѣдникомъ ему назначенъ былъ 2-й сынъ его Муса, а послѣ его смерти въ томъ-же году, — слѣдующій сынъ Ахмеда, Даниель-бекъ. Оставляя изложеніе обстоятельствъ, при которыхъ совершились эти назначенія, и описаніе дѣятельности замѣчательной личности султана Даниеля до слѣдующей главы, обратимся къ нашимъ распоряженіямъ по устройству управленія въ султанствѣ.

Положеніе 1830 года, по своему характеру, составляло какъ-бы переходную степенъ къ гражданскому управленію. Но оно не измѣняло основныхъ свойствъ національнаго управленія джарцевъ и султанства и потому не вызвало ни малѣйшаго протеста со стороны населенія. Край былъ сравнительно спокоенъ и доведенъ своимъ положеніемъ, когда въ 1840 году послѣдовала новая исре-мѣна.

Вѣроятно, убѣдившись, что край совершенно подготовленъ, существовавшимъ въ немъ съ 1830 г. управленіемъ, къ введенію въ немъ гражданскаго устройства, кавказское начальство (главнокомандующимъ былъ генералъ Головинъ) ввело въ дѣйствіе Высочайше утвержденный 17 апрѣля 1840 г. проектъ преобразованія этого управленія на началахъ «учрежденія о губерніяхъ».

Джаро-белоканская область переименована была въ уѣздъ, съ причисленіемъ его къ Грузино-имеретинской губерніи; въ уѣздѣ учреждены: уѣздный судъ, попечительство государственныхъ имуществъ, комитетъ о земскихъ повинностяхъ, прокурорскій надзоръ и казначейство. Уѣздъ раздѣленъ былъ на три участка: Белоканскій, Енисельскій и Елисуйскій. Послѣдній состоялъ изъ всѣхъ земель султанства, но, по прежнему, подъ непосредственнымъ управленіемъ султана, долженствовавшего изображать изъ себя участковаго засѣдателя *).

По введеніи гражданскаго управленія въ Белоканскомъ уѣздѣ, оказалось на первыхъ-же порахъ, что лезгинское населеніе его, менѣе другихъ уѣздовъ Закавказскаго края, приготовлено было къ воспріятію тѣхъ началъ гражданскаго устройства, которыя предположены учрежденіемъ 17 апрѣля 1840 г. Охраненіе границъ отъ вторженія хищниковъ, сборъ милиціи изъ полудикаго населенія, наблюденіе за сношеніями жителей съ непокорнымъ племенемъ и вообще за политическимъ направленіемъ народа, осторожный надзоръ за дѣйствіями мусульманскаго духовенства,—все это не согласовалось со средствами, предоставляемыми гражданской власти, и съ духомъ, лежащимъ въ основѣ гражданскихъ управленій; оно-же указывало на необходимость *возможнаго сосредоточенія и упрощенія управленія въ Белоканскомъ уѣздѣ* (мнѣніе военнаго министра, князи Чернышева) и установленія ближайшаго на мѣстѣ надзора такого лица, которое имѣло-бы большую противъ окружнаго начальника власть распоряженія и рѣшенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ было-бы проникнуто убѣжденіемъ въ важности призванія его къ управленію краемъ, на который устремлены внимательные взоры племенъ намъ полупокорныхъ и даже враждебныхъ (мнѣніе главнокомандующаго генералъ-адъютанта Нейдгарта).

Въ 1842 году, по объѣздѣ Кавказскаго края, военный министръ князь Чернышовъ, высказывая вышеизложенную мысль, предложилъ генералу Головину: Белоканскій уѣздъ переименовать въ округъ и ввѣрить управленію военнаго штабъ-офицера; изъ

*) Эта реформа въ Елисуйскомъ султанствѣ однако-же была отиѣнена скоро послѣ ея объявленія. По протесту Даніель-бека, что замѣна правами участковаго засѣдателя тѣхъ правъ, которыми всегда пользовались султаны, слишкомъ унижительно для него, генералъ Нейдгартъ освободилъ его отъ обязанности участковаго засѣдателя. оставивъ султана, по прежнему, въ подчиненіи по дѣламъ гражданскаго управленія грузино-имеретинскому губернатору.

гражданскихъ учрежденій оставить тамъ только казначейство; дѣла уголовныя разбирать военнымъ судомъ въ закатальской судной комисіи; дѣла гражданскія — шаріатомъ и третейскимъ судомъ; желающихъ разбираться судебнымъ порядкомъ по русскимъ законамъ отсылать въ ближайшій шекинскій судъ; народу предоставить, подъ надзоромъ русскаго начальства, выбирать себѣ старшинъ.

Это предложеніе военнаго министра, высказанное въ общихъ чертахъ, выражающее лишь характеръ предполагаемаго преобразованія Белоканскаго уѣзда, было тогда-же приведено въ исполненіе; уѣздъ былъ переименованъ въ округъ, съ предоставленіемъ начальнику его тѣхъ правъ въ разборѣ и окончательномъ рѣшеніи уголовныхъ и исковыхъ дѣлъ, которыя предоставлены были уѣзднымъ начальникамъ, и съ подчиненіемъ его гражданскому начальству Грузино-имеретинской губерніи. Производившіяся-же въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ дѣла были переданы въ соответственныя учрежденія: уголовныя—въ закатальскую судную комисію; гражданскія—въ шекинскій судъ; по завѣдыванію оброчными статьями — въ телавское уѣздное попечительство государственныхъ имуществъ.

Сельское управленіе, по прежде (до 1840 г.) существовавшему порядку, составляли: выборные народомъ *юзбаши*, *кевхи*, *табунъ-баши* и *чауши*.

На юзбаши лежала обязанность сельскихъ старшинъ; кевхи были старостами; табунъ-баши — помощниками старостъ и сборщиками податей; смотря по величинѣ селеній, ихъ бывало въ одномъ—отъ 2 до 5; чауши были ближайшими исполнителями приказаній юзбашей и кевхи, по сбору жителей на сходъ, по отводу квартиръ, объявленію дворамъ о времени взноса податей, выполненію разныхъ повинностей и проч.

По прошествіи года, въ управленіе краемъ генерала Нейдгарта, съ цѣлью приданія большей власти мѣстному начальнику, Джаро-белоканскій округъ и Елисейское султанство въ военномъ отношеніи подчинены были начальнику лезгинской кордонной линіи, генералъ-майору Шварцу, который получилъ титулъ—военно-окружного начальника Белоканскаго округа; начальникъ округа оставался по прежнему и подчинился въ военномъ отношеніи генералу Шварцу, въ гражданскомъ—губернскому начальству.

Такъ-какъ военно-окружной начальникъ, по своей обязанности, могъ входить въ столкновенія съ гражданскимъ вѣдом-

ствомъ, то для предупрежденія неблагопріятныхъ столкновеній, ему дана была инструкція о степени участія, которое военно-окружной начальникъ могъ принимать въ гражданскомъ управленіи этого края.

Этой инструкціей постановлялось: что гражданскія власти должны безпрекословно и безъ малѣйшаго замедленія исполнять все распоряженія военно-окружного начальника, клонящіяся къ поддержанію спокойствія и безопасности въ краѣ; что, съ этой цѣлью, ему подчиняется полиція и все управленіе въ краѣ, относително общаго надзора за нимъ, и что обо всѣхъ распоряженіяхъ по гражданскому управленію, военно-окружной начальникъ долженъ доносить главнокомандующему, а начальникъ округа—губернскому начальству.

Въ скоромъ времени (1843 г.) однако-же оказалось, что положенныя перемѣны, съ цѣлью установленія возможно-большаго способовъ къ обезпеченію спокойствія въ краѣ,—не болѣе какъ полумѣра, весьма недостаточная при обстоятельствахъ того времени, когда театръ военныхъ дѣйствій, въ сопредѣльномъ съ Елисейскимъ султанствомъ и Белоканскимъ округомъ Дагестанъ, требовалъ усиленія надзора за жителями округа и султанства. Къ тому-же упраздненіе въ округѣ уѣздныхъ учрежденій ограничило сношенія окружного начальника съ поставленными надъ нимъ губернскими властями (по гражданскому управленію) мелкой перепиской; такъ, напр., съ губернскимъ правленіемъ — о ничтожныхъ доходахъ съ мѣстечка Новын-Закаталы, объ опредѣленіи п уволенныхъ чиновниковъ *), съ палатою государственныхъ имуществъ — объ управленіи государственными поселянами и о податяхъ **).

Сношенія по предметамъ весьма незначительной важности или небольшого круга дѣятельности (о государственныхъ поселянахъ въ округѣ и султанствѣ) длили безъ нужды производство дѣлъ и могли еще поддерживать въ народѣ мысль о двойственности власти, не соответствовавшей понятіямъ азіатцевъ.

Поэтому генералъ Нейдгартъ рѣшилъ совершенно отдѣ-

*) На что имѣлъ сильное вліяніе военно-окружной начальникъ, такъ-какъ, по § 15 инструкціи, въ случаѣ неблагонадежности чиновника, онъ могъ устранить его отъ должности.

**) Система которыхъ въ султанствѣ и округѣ должна была установиться на началахъ, по мѣстнымъ условіямъ различныхъ отъ прочихъ уѣздовъ Грузино-имеретинской губерніи.

лить округъ и входившее въ его составъ султанство отъ гражданскаго управленія Грузино-имеретинской губерніи, подчинивъ его непосредственно одному лицу, съ прежнимъ титуломъ «военно-окружного начальника Джаро-белоканскаго округа», и съ предоставленіемъ ему въ административномъ, финансовомъ, хозяйственномъ и гражданско-судебномъ отношеніяхъ правъ гражданскихъ губернаторовъ, а относительно утвержденія приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ — правъ начальниковъ дивизій.

Управленіе военно-окружного начальника по повому проекту было составлено: 1) изъ комитета по дѣламъ Джаро-белоканскаго округа и Елисуйскаго султанства; комитетъ, по возложеннымъ на него обязанностямъ, замѣнилъ губернскія присутственныя мѣста, и 2) изъ военнаго управленія его по званію военно-окружного начальника. Нижнія инстанціи составляли: 1) управленіе начальника Белоканскаго округа; 2) управленія городского комиссара и участковыхъ застѣдателей и 3) Елисуиское султанство.

Сельское управленіе и судъ остались на прежнихъ основаніяхъ.

Отношенія степени подчиненія елисуйскаго султана, въ проектированномъ положеніи сказано было особо, что «онъ долженъ находиться къ военно-окружному начальнику въ тѣхъ-же отношеніяхъ, въ какихъ былъ къ начальнику Джаро-белоканской области, до введенія въ этомъ краѣ учрежденій 1840 года». Неустановившійся взглядъ на эти отношенія нѣсколько болѣе выясняется главнокомандующимъ Головинымъ (въ отзывѣ военному министру 1842 г. № 50): «вліяніе военно-окружного начальника на султанство должно быть совершенно такое, какое дербентскій военный и другіе, равные ему, мѣстные начальники имѣютъ на владѣльцевъ земель, въ кругу ихъ управленія находящихся; то есть, онъ (военный начальникъ) ограничивается надзоромъ за исполненіемъ со стороны султана обязанностей его, какъ къ правительству, такъ и по управленію подвластныхъ ему земель, предоставивъ султану Даніель-беку полную свободу внутреннихъ полицейскихъ распоряженій, судъ и расправу, кромѣ тяжкихъ уголовныхъ преступленій, подлежащихъ суду военному.

Слѣдовательно, и на этотъ разъ ни въ какую особую зависимость султанъ не былъ поставленъ; по характеръ взаимныхъ отношеній военно-окружного начальника и султана могъ опредѣлиться только личными свойствами и взглядами генерала Шварца и Даніель-бека; въ этомъ-же они разошлись въ самомъ началѣ.

Генераль Шварцъ, дѣятельный, энергическій, рѣшительный, зная духъ и цѣль вновь устроеннаго и ввѣреннаго ему управленія, требовалъ безусловнаго исполненія его распоряженій въ предѣлахъ закона и подчиненія данной ему власти; Даниель-бекъ, привыкшій уже считать себя наслѣдственнымъ повелителемъ своего султанства и до-сихъ-поръ не подчинившійся никому (официально же считался подчиненнымъ то окружному, то губернскому начальству), также не намѣренъ былъ унижать свое достоинство даже наружнымъ изъявленіемъ своей подчиненности генералу Шварцу. Взаимныя ихъ требованія, противорѣчія и дерзкая неуступчивость со стороны султана привели къ тому, что султанъ измѣнилъ правительству (1844 г.), взволновалъ елисейское населеніе и подвергся страшному разгрому. Рѣшительныя дѣйствія генерала Шварца заставили Даниеля искать спасенія у Шамила и въ короткое время возстановили полное спокойствіе въ взволнованномъ краѣ.

Тогда-же (1844 г.) Елисейское султанство объявлено было упраздненнымъ и переформировано вначалѣ въ особый Елисейскій округъ, съ подчиненіемъ военно-окружному начальнику Джаро-белоканскаго округа, а вслѣдъ затѣмъ—въ участокъ, съ численіемъ къ Джаро-белоканскому-же округу.

IV.

Генеологія елисейскихъ султановъ. Личность Даниель-султана. Отношенія его къ русскому правительству. Упраздненіе султанства.

Предлагаемая генеологическія свѣдѣнія о елисейскихъ султанахъ составлены на основаніи документовъ, предъявленныхъ Даниель-бекомъ, и изысканій кавказской археографической комиссіи, произведенныхъ въ Закатальскомъ округѣ. Имена султановъ до Ахмедъ-хана (въ 1830 года) были приведены уже въ I и II гл.; всѣ они, по преданію, были одной фамиліи, но избирались народомъ не по нисходящей линіи, а по достоинству; слѣдовательно, султанскій престолъ не былъ наслѣдственнымъ, и только обыча-

емъ установился порядокъ замѣщенія его лицами одной фамиліи. По присоединеніи Елису къ Россіи, существовавшей порядокъ избранія султана, подъ влияніемъ и руководствомъ джарской республики и безъ непосредственнаго вліянія русскаго правительства, былъ уже невыносимъ. Мы видѣли, какъ кн. Циціановъ отнесся къ этому вопросу въ 1805 году, при избраніи Ахмедъ-хана. Спустя 25 лѣтъ, послѣ новаго покоренія джарцевъ, устройства у нихъ окружнаго управленія и оставленія за султаномъ правъ самостоятельнаго управленія владѣніемъ, обстоятельства измѣнились настолько, что русское правительство, заинтересованное въ выборѣ султана изъ лицъ наиболѣе способныхъ и благонадежныхъ, должно было взять на себя право назначенія султановъ, установивъ при первомъ-же случаѣ порядокъ подобнаго назначенія и на будущее время.

Въ 1830 году Ахмедъ-ханъ умеръ, оставивъ шесть сыновей: отъ первой жены, двоюродной сестры своей, Иманъ-Агу, отъ второй—сестры Асланъ-хана казикумухскаго, Муссу и Даніель-Агу, отъ третьей жены, Периджавы,—Мухаммеда, Халиля и Амиръ-хана.

Получивъ извѣстіе о смерти Ахмедъ-султана, главнокомандующій генералъ-фельдмаршалъ Паскевичъ предложилъ джарскому военно-окружному начальнику кн. Чавчавадзе развѣдать, кто изъ сыновей Ахмедъ-султана могъ-бы занять мѣсто отца, а, между тѣмъ, управленіе султанствомъ поручилъ второму сыну умершаго, Мусса-Агѣ, такъ-какъ и при жизни отца, во время его отсутствія, онъ былъ оставленъ правителемъ владѣнія. По изслѣдованію кн. Чавчавадзе оказалось, что управленіе султанствомъ можно-бы было предоставить Иманъ-Агѣ, какъ старшему сыну умершаго, но такъ-какъ во владѣніе султанствомъ всегда вступали избранные по личнымъ достоинствамъ, отнюдь не придерживаясь правъ первородства, между тѣмъ Иманъ-Ага всѣми признавался неспособнымъ къ управленію и не имѣвшимъ приверженцевъ, то необходимо назначить второго сына, Мусса-Агу, какъ человѣка способнаго, преданнаго правительству и имѣющаго за себя сильную партію. Но еще до полученія такого мѣнія кн. Чавчавадзе, египетцы прислали своихъ представителей къ главнокомандующему съ благодарностью за назначеніе Муссы; поэтому онъ и былъ утвержденъ въ султанскомъ достоинствѣ.

Въ томъ-же году Мусса умеръ. Въ управленіе султанствомъ временно вступилъ слѣдующій братъ Муссы, Даніель-бекъ, о ко-

торомъ и ранѣе имѣлись самые лестные отзы́вы. Дядя его, генераль-маіоръ Асланъ-ханъ-казикумухскій, ходатайствовалъ о назначеніи Даніеля султаномъ, рекомендуя его, какъ чело́вѣка умнаго, храбраго, могущаго быть полезнымъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ лезгинскихъ отрядахъ и имѣющаго сильное вліяніе на жителей Елисуѣйскаго султанства. Послѣ подобныхъ заявленій, главнокомандующій, при назначеніи Даніеля султаномъ, счелъ полезнымъ и поощрить его, испросивъ Высочайшее повелѣніе о пожалованіи его, не въ примѣръ прочимъ, чиномъ капитана, помимо младшихъ чиновъ, въ томъ вниманіи, что, въ періодъ кратковременнаго управленія султанствомъ послѣ смерти брата, Даніель-бекъ показалъ, что правительство находитъ въ немъ дѣятельнаго и преданнаго пользамъ Россіи правителя, вѣрнѣйше ему народъ, видя особенное вниманіе къ нему правительства, будетъ имѣть больше уваженія и покорности. При этомъ воспослѣдовало также распоряженіе о распредѣленіи пенсін въ 1200 руб., которую получалъ Ахмедъ-ханъ, между семействомъ Иманъ-Аги и Периджаны, вдовы Ахмедъ-хана (по 600 р. обоимъ семействамъ).

Условія, при которыхъ Даніель назначенъ былъ султаномъ, знаменательны въ томъ отношеніи, что, на первыхъ-же порахъ, дѣйствительно способствовали его возвышенію и укрѣпленію его значенія и власти, какъ того хотѣло наше правительство. Даніель-султана расхвалили, возвеличили и явно высказывали мысль, что, предоставляя султанство въ его владѣніе, отъ Даніеля требуется только удержаніе въ покорности своего народа и преданность нашему правительству. Даніель, какъ увидимъ ниже, воспользовался даннымъ ему оружіемъ и благоприятными обстоятельствами какъ нельзя лучше и объявилъ себя получившимъ султанство по наслѣдству, по праву.

Поэтому на личности Даніели необходимо остановиться нѣсколько долѣе.

По полученіи извѣстія объ утвержденіи въ султанскомъ достоинствѣ, Даніель-бекъ обратился къ главнокомандующему съ докладной запиской: 1) о назначеніи ему пенсін, такъ-какъ деревни, собственно ему принадлежащія (Кахъ, Мешабанъ), приносятъ весьма ничтожный доходъ, на который ему рѣшительно невозможно содержать себя соотвѣтственно своему достоинству; 2) о разслѣдованіи и удовлетвореніи его претензій къ джарцамъ, которые захватили принадлежавшія его предкамъ е-

ленія Караганъ, Шатоваръ и Алмало; 3) о вознагражденіи за убытки, причиненныя ему въ 1826 г., при нашествіи на султанство Гаджи-хана Шекинскаго, ограбленіемъ его дома на 3000 р.

По этимъ просьбамъ, подкрѣпленнымъ и личнымъ ходатайствомъ Давісли въ Тифлисъ, разрѣшено было: выдавать ему ежегодно пенсію по 200 червонцевъ и возратить въ распоряженіе султана деревни, на которыя онъ предъявлялъ свои права.

Въ 1832 г. случилось происшествіе, набросившее неблаговидное подозрѣніе на Даниель-бека, — убійство двухъ его единокровныхъ братьевъ, Мухаммеда и Халиль-бека; по разслѣдованіи оказалось, что Даниель, вмѣстѣ съ братомъ Мухаммедомъ, прибылъ по своимъ дѣламъ въ селеніе Багляръ (нынѣ не существуетъ); туда-же прибыли и другіе его братья, Имранъ и Халиль. На слѣдующій день всѣ они собрались у старшаго брата, Имрана, и кутили. Здѣсь Мухаммедъ съ Халилемъ такъ напились буззы, что начали буйнить. Халиль поссорился съ султанскими нукерами, былъ за это побитъ султаномъ и, прогнанный изъ дому Имрана, уѣхалъ въ сел. Тангитъ. Мухаммедъ завязалъ ссору съ самимъ султаномъ, упрекалъ его въ двуличномъ поведеніи и въ измѣнѣ русскому правительству, и, обнаживъ кинжалъ, бросился на султана; но стоявшіе сзади Даниеля нукеры предупредили запесенный ударъ и сами поразили Мухаммеда кинжалами. Въ этотъ же день въ сел. Тангитъ былъ убитъ и Халиль-бекъ, но при какихъ обстоятельствахъ—не было разслѣдовано.

Мать убитыхъ, Периджана, заявила утвердительно, что самъ султанъ истребилъ ея сыновей, какъ лицъ преданныхъ Россіи, часто упрекавшихъ султана въ неискренности отношеній его къ правительству, которымъ онъ былъ такъ благодѣтельствованъ, и опасныхъ для султана, по наблюденію за его поведеніемъ.

Не смотря на это, начальникъ Джаро-белоканскаго округа высказалъ свое мнѣніе, что, по сдѣланному по горячимъ слѣдамъ разслѣдованію, Даниель-султанъ не оказывается виновнымъ въ убійствѣ братьевъ, и за преданность и усердіе русскому правительству и всегдашнюю готовность быть полезнымъ, заслуживаетъ отстраненія его отъ всякаго по этому дѣлу подозрѣнія. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Благоволенія къ султану кавказскаго начальства продолжались по-прежнему и особенно высказывались въ пожалованіи ему наградъ и въ полномъ довѣрїи къ нему по управленію султан

ствомъ. Въ 1832 г. онъ былъ произведенъ въ майоры за отличіе, оказанное имъ, въ союзѣ съ своимъ дядей Асланъ-ханомъ казикумухскимъ, при вторженіи въ Джарскую область Гамзатъ-бека, сообщника Кази-муллы, и при пораженіи вѣкоторыхъ шаекъ мятежниковъ, при обратномъ слѣдованіи ихъ въ горы. Въ 1837 году онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Станислава 3-й ст. и, за участіе съ 50 человекъ своей милиціи въ дѣйствіяхъ русскаго отряда при движеніи въ Дагестанъ, награжденъ особой пенсіей по чину, въ 2000 руб. ассигнаціями. Въ слѣдующій годъ, за военныя отличія, оказанныя имъ съ 200 чел. милиціи, произведенъ въ подполковники. Въ 1840 г., за такія-же отличія и преданность правительству получилъ право носить мундиръ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка и произведенъ въ полковники. Въ 1842 и 1843 г., за участіе со 100 чел. милиціи въ отрядѣ кн. Аргутинскаго-Долгорукаго и военныя отличія, произведенъ въ генераль-майоры, награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степ. и жалованьемъ по чину, по 860 р. сер. въ годъ (взамѣнъ прежняго, съ производствомъ этого жалованья тогда только, когда онъ будетъ находиться на службѣ внѣ своего владѣнія). Вмѣстѣ съ тѣмъ ему разрѣшено было носить дома и во время походовъ національный костюмъ съ эполетами.

Но не столько эти награды, сколько оказанное ему довѣріе и полнѣйшее невмѣшательство во внутреннее управленіе его владѣніемъ, дали право и возможность Даніель-беку держать себя въ султанствѣ повелительно, управлять народомъ неограниченно, съ присвоеніемъ себѣ ханскихъ правъ, и относиться только къ высшимъ русскимъ властямъ и только съ изъявленіемъ своей преданности русскому правительству. Русскія власти оказывали ему также особенное вниманіе и почестъ, какъ владѣтельной особѣ.

Такая обстановка развила въ Даніель-бекѣ крайнюю самоувѣренность, гордость и убѣжденіе, что для русскаго правительства онъ незамѣнимъ и опасенъ. Къ 1840 годамъ относятся извѣстныя намъ перемѣны въ управленіи Джаро-белоканскимъ округомъ и въ подчиненіи султана, сначала на правахъ участковаго засѣдателя, начальнику округа, затѣмъ грузино-имеретинскому губернатору и, наконецъ, военно-окружному начальнику, генералу Шварцу, на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ султанъ подчинялся начальнику Джарской области, до введенія учреждений 1840 года. Хотя перемѣна объ избавленіи султана отъ обязанностей

участковаго засѣдателя произошла вслѣдствіе сильнаго протеста Даниель-бска въ пользу своихъ султанскихъ правъ, но этимъ онъ уже не ограничился. Попытка къ ограниченію его правъ была; она могла, по его мнѣнію, и повториться. Поэтому, считая себя достаточно сильнымъ (при поддержкѣ, въ случаѣ надобности, непокорныхъ намъ горцевъ) и опаснымъ для русскаго правительства, онъ рѣшился предупредить подобныя попытки на будущее время и началъ дѣйствовать въ пользу своихъ правъ. Не унижая себя ближайшими сношеніями по этому дѣлу съ военно-окружнымъ начальникомъ, генераломъ Шварцомъ, и не оказывая ему вообще никакого вниманія, Даниель-бекъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Государемъ Императоромъ, военнымъ министромъ и главнокомандующимъ на Кавказѣ. Письма къ нимъ Даниель-бека приводятся въ полномъ видѣ, какъ весьма интересныя по своему тону, содержанію и аргументамъ въ пользу его правъ.

Письмо къ Государю Императору (2-го марта 1842 г.): «Всеаугустѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь! Впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій предка мои, ознаменовавъ себя достойными подвигами, повергли себя милостивому вниманію азіатскихъ царей и, *получивъ отдѣльное владѣніе (?)*, постоянно оставались при неизмѣнной преданности повелителямъ своимъ, заслуживая разновременно царскія грамоты, изъ коихъ и донинѣ хранятся при мнѣ 35.

«По стеченію различныхъ переворотовъ между турецкимъ и персидскимъ державами, какъ предки мои, такъ и всѣ вообще дагестанскіе народы, оставались довольно продолжительное время независимыми отъ сихъ державъ, но предки мои всѣ были безпрерывно при владѣніи своемъ.

«Наконецъ, покойный отецъ мой, Ахмедъ-ханъ-султанъ, владѣя елисейскимъ владѣніемъ и продолжая миролюбивыя (?) связи съ сосѣдними грузинскими царями, при принятіи Грузіи подъ великое покровительство Россійской державы, священнымъ долгомъ поставилъ себѣ прибѣгнуть къ великому покровительству Россійскаго престола *со встѣмъ своимъ владѣніемъ (?)*, не смотря ни мало на вѣшнія и внутреннія вѣроломства и безпокойствія сосѣднихъ ханствъ, даже и единовѣрцевъ дагестанцевъ. Устранивъ всѣ предвидимыя имъ опасности, Ахмедъ-ханъ съ 1803 г. постоянно и неизмѣнно исполнялъ священный и вѣроподданническій долгъ присяги, получая отъ главнокомандующихъ въ Гру-

зіи похвальныя отзывы, за посвященіе себя на пользу службы и вѣрнопопданство В. И. В.

«Не малымъ подвигомъ и выраженіемъ вѣрнопопданства къ престолу В. И. В. ознаменовалъ себя покойный отецъ мой и при внезапномъ вторженіи персіянъ въ предѣлы Грузіи въ 1826 г., когда, сначала защищаясь съ жителями владѣнія своего противъ мятежниковъ, находившихся подъ командой самозванца Аджи-хана (нухинскаго), и, наконецъ, не имѣя средствъ къ отраженію ихъ, лишившись нѣсколькихъ человекъ въ сраженіи и будучи вынужденнымъ оставить владѣніе свое, присоединился съ семействомъ своимъ къ русскимъ войскамъ. Въ отищеніе за такую преданность, мятежники, единовѣрцы наши, разграбили почти все движимое имѣніе моего отца, болѣе чѣмъ на 30,000 руб.; отецъ-же мой *въ вознагражденіе потерь (?)* получилъ отъ главнокомандующаго графа Паскевича-Эриванскаго похвальный отзывъ (въ предписаніи 1827 года № 930).

«Въ 1830 году, по кончинѣ отца моего Ахмедъ-хана, султана елисуйскаго, и по смерти старшаго брата моего Муса-Аги, занявшаго уже мѣсто елисуйскаго владѣтели, по ходатайству свѣтлѣйшаго князя варшавскаго, я имѣлъ счастье быть удостоеннымъ къ сему званію *по праву наслѣдства (??)*.

«Вступивъ, по удостоенію В. И. В., въ управленіе султанствомъ *преемникомъ предковъ моихъ* и управляя симъ владѣніемъ, при всемъ стремленіи моемъ къ достиженію высокой цѣли и совершенію предпріятій правительства, я имѣлъ счастье получить, за вѣрнопопданческія заслуги, похвальные и лестные отзывы кавказскаго начальства, представлявшаго меня къ великимъ щедротамъ В. И. В.

«Всеавгустѣйшій Монархъ! Будучи увѣнчанъ щедрыми милостями и сохраняя въ глубочайшей памяти священныя и благодѣтельныя покровительства, В. И. В. изливаемые на меня, приѣмлю смѣлость поднести Высочайшему вниманію В. И. В., какъ заслуженные предками моими, въ подлинникъ, 35 документовъ отъ прежнихъ царей, такъ равно и 23 предписанія, съ похвальными отзывами главнокомандовавшихъ, и двѣ грамоты, Высочайше пожалованныя родному брату моему Алхазу, убитому въ сраженіи съ турками подъ Ахалцихомъ, и при такомъ дерзновеніи моемъ передъ престоломъ Августѣйшаго Монарха, *осмѣливаюсь всеподданнѣе просить въ заключеніе сихъ документовъ удостойть меня снабженіемъ новою Высочайшею грамотой на владѣніе мое священною*

рукою Вашего Императорскаго Величества подписанною, Высочайше повелѣвъ записать меня въ число князей двора В. И. В. на правахъ мингрельскаго князя Дадіана. Щедрота таковой монаршей милости послужитъ крѣпкимъ огражденіемъ въ защиту и покровъ священной истины, вѣсчатлѣвшея велико-монаршимъ благоволеніемъ въ неосвѣненномъ сердцѣ вѣрноподданнѣйшаго, повергшаго себя подъ великое покровительство Августѣйшаго Монарха.

Письмо военному министру (1-го іюля 1842 г.): «Счастливая минута, которая повергла весь Закавказскій край великому вниманію Августѣйшаго Монарха, посредствомъ личнаго посѣщенія вашего сіятельства, подастъ мнѣ смѣлость представить справедливому заключенію вашему о положеніи владѣнія моего, какъ лицу, уполномоченному отъ державнѣйшаго Императора. В. С. благоусмотрѣть изволите изъ представленныхъ мною грузино-имеретинскому губернатору *) 35 документовъ турецкихъ султановъ и персидскихъ шаховъ и 23 предписаній главнокомандовавшихъ въ Грузіи, что предки мои, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій владѣя своимъ имѣніемъ безусловно (?), простирали свои права надъ всѣми подвластными имъ. Съ тѣмъ выѣстъ кончается уже 40 лѣтъ, какъ и родитель мой Ахмедъ-ханъ-султанъ, со дня добровольнаго поступленія своего подъ великое покровительство Россіи, оставаясь на тѣхъ-же правахъ при владѣніи своемъ (?), заслуживая у главнаго въ Грузіи начальства весьма похвальные отзывы, за сохраненіе всѣхъ своихъ подвластныхъ въ непоколебимой вѣрности и преданности, не смотря нисколько на виѣшнія и внутреннія безпокойства и даже на самые перевороты, происшедшіе какъ въ сосѣдственныхъ ханствахъ, такъ и по всему Дагестану и въ самой Грузіи, въ особенности въ послѣднюю войну съ персіанами. За смертью-же родителя, по праву нислѣдства моего (?), я удостоенъ былъ, съ Высочайшаго утвержденія въ 1831 г., на мѣсто его владѣтелемъ. Получивъ свое нислѣдство, я всегда посвящала себя на пользу службы съ усердіемъ, сохраняя владѣніе свое въ непоколебимой вѣрности, и былъ готовъ, по первому востребованію начальства, съ милиціею **) для наказанія измѣнниковъ, на собственномъ изживеніи; заслуги мои, доведенныя до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, щедро были награждены Государемъ

*) При письмѣ на высочайшее имя.

**) Выходилъ большею частью съ 50—100 человекъми.

Императоромъ. Между тѣмъ въ 1840 году, при введеніи здѣсь новаго гражданскаго управленія, владѣніе мое включено въ составъ Белоканскаго уѣзда Грузино-имеретинской губерніи, какъ участокъ онаго, и хотя оставленъ при мнѣ особый мною титулъ, но предписано мнѣ въ управленіи руководствоваться общими гражданскими уставами, наравнѣ съ участковымъ засѣдателями. Покорясь такому распоряженію, *поколебавшему въковыя наследственныя права моихъ предковъ (?)*, я не могъ однако свыкнуться съ мыслью, чтобы на это была воля Г. И. и чтобы Е. И. В., утвердивъ меня владѣтелемъ елисейскимъ, дозволилъ, безъ всякой вины моей, уничтожить меня до званія участковаго засѣдателя; поэтому я и обратился съ просьбою къ главнокомандующему, но не получилъ еще рѣшительнаго отвѣта *)).

«Обращаясь нынѣ къ В. С., осмѣливаюсь повергнуть на благоусмотрѣніе ваше нижеслѣдующія просьбы мои: 1) оградивъ неприкосновенность правъ моего владѣнія на томъ основаніи, какъ владѣли мои предки и я самъ, до вослѣдовавшаго въ 1840 г. распоряженія, освободить меня отъ подчиненности мѣстному губернскаму начальству и всѣмъ формамъ и уставамъ общаго гражданскаго управленія Закавказскому краю дарованнаго, оставивъ *по прежнему (?)* въ зависмости прямо главнокомандующаго, черезъ котораго и обязанъ буду давать отчетъ *въ благосостояніи моихъ подчиненныхъ* и въ спокойствіи моего владѣнія, сохраненномъ мною до сего времени, не взирая на волненія и смуты въ сопредѣльномъ Дагестанѣ; 2) исходатайствовать у Августѣйшаго Монарха *утвержденіе меня въ княжескомъ достоинствѣ и въ наследственномъ владѣніи настоящимъ елисейскимъ султанствомъ на тѣхъ правахъ, кои дарованы были дому нашему (?) представленными мною царскими грамотами; милость эта, обладаживъ меня и потомство мое въ спокойномъ обладаніи наследіемъ нашимъ, (?)* поощрить насъ и на дальнѣйшее время продолжать службу нашу правительству, съ тѣмъ-же пламеннымъ усердіемъ, которыми какъ родитель мой, такъ и я, постоянно отличались, считая первую священною обязанностью быть вѣрноподаннымъ Г. И. и ревностными исполнителями повелѣній главныхъ здѣсь начальствъ».

Рапортъ главнокомандующему генералъ-адъютанту Нейдгарту (12-го января 1843 года):

«Ваше Высокопревосходительство благоусмотрѣть изволите

*) Просьба рѣшена была для султана удовлетворительно.

изъ представленныхъ при семъ двухъ копій съ прошеній на Высочайшее имя п на имя военнаго министра, что какъ права на владѣніе мое, такъ правленіе онымъ, съ 1840 года приняли совершенно другой оборотъ. Не смѣя утруждать особу В. Впр. дальнѣйшимъ изъясненіемъ *всѣхъ переворотовъ потомственнаго моего основанія (?)*, принимаю смѣлость представить милостивому вниманію В. Впр. одно только то, что послѣ поступленія отца моего на вѣроподданство Россіи, *40-лѣтнее управленіе наше, по праву, владѣніемъ своимъ (?)* доказывало, среди непрерывно полновластныхъ соеѣдственныхъ ханствъ и другихъ націй, непоколебимую преданность къ Всеавгустѣйшему Монарху, и всегда, при стеченіи различныхъ переворотовъ въ Закавказскомъ краѣ, подвластные наши, съ владѣтелемъ, оставались со всегдашнею готовностью и вѣроподданническимъ усердіемъ къ исполненію воли правительства. *Желаніе такихъ-же связей (?)* побуждаетъ меня нынѣ утруждать В. Впр. всепокорнѣйшей просьбой не оставить исходатайствовать у Всеимлостивѣйшаго Государя нашего Высочайшаго благоволенія *какъ объ ограниченіи владѣнія моего потомственными нашими правами и управленіемъ (?)*, такъ по превращеніи производимаго мнѣ ежегодно жалованья 1822 р. сер., опредѣленнаго мнѣ послѣ новаго преобразованія въ 1840 году Закавказскаго края и султанства, послѣдняго въ участковое управленіе, *ибо я, какъ владѣтель въ своемъ владѣніи, имѣю многія средства управлять своимъ народомъ и безъ казеннаго содержанія *)*; съ тѣмъ вмѣстѣ и считаю для себя большимъ униженіемъ состоять наравнѣ и въ званіи участковаго застѣдателя и *рѣшаюсь предъ-явить вышеизложенныя просьбы мои въ виду того, что о благосостояніи жителемъ моего владѣнія я, какъ владѣтель, всегда ручаюсь передъ правительствомъ, обязываюсь во всемъ самъ лично отвѣтствовать, въ чемъ и до сего времени отвѣтственность возлагалась на насъ **).*

«Въ разрѣшеніе сего смѣю ожидать милостиваго и благосклоннаго вниманія Вашего Высочайшего превосходительства».

По требованіямъ, выраженнымъ въ этихъ письмахъ, можно видѣть, что Даниель-бекъ рѣшительно стремился къ цѣли утвер-

*) По полученіи султанства, тотъ-часъ-же сталъ хлопотать о назначеніи пенсіи, на томъ основаніи, что доходы съ владѣнія ничтожны.

**) При русскомъ правительствѣ; до этого-же народъ руководилъ султанами.

жденія Елисейскаго султанства владѣніемъ самостоятельнымъ и потомственнымъ въ его домъ, въ полной увѣренности, что изъ страха и непониманія его дѣйствительныхъ правъ въ султанствѣ, правительство уступитъ его требованіямъ.

Военно-окружной начальникъ, генераль Шварцъ, ближе другихъ чувствовалъ самоувѣренность и заносчивость въ отношеніяхъ къ нему Даниель-султана и также началъ дѣйствовать къ его обузданію рѣшительно.

Но султанъ не обращалъ вниманія на требованія генерала Шварца, въ ожиданіи отвѣтовъ отъ Государя и военнаго министра. Разрывъ былъ неизбеженъ. Между тѣмъ Даниель-бекъ заявилъ главнокомандующему, по поводу требованія генерала Шварца о сборѣ милиціи съ султанства и о присоединеніи ея, подъ начальствомъ самого султана, къ русскому отряду для дѣйствій въ Дагестанѣ, что хотя онъ съ милиціей былъ готовъ выступить, но оную остановилъ, и *«последній разъ докладываетъ о томъ, что если правительству будетъ угодна его служба, то пусть удовлетворитъ его просьбы, тогда онъ по прежнему будетъ служить усердно»* (отвѣтъ не былъ данъ).

Въ іюнѣ 1844 г. генераль Шварцъ получилъ, наконецъ, свѣдѣніе черезъ лазутчиковъ, что султанъ Даниель-бекъ торжественно присягнулъ въ мечети принять сторону Шамиля и заставилъ принести такую-же присягу свой народъ; свѣдѣніе это подтверждалось начавшимся волненіемъ въ народѣ, набѣгами хищниковъ и усилившимися происшествіями въ предѣлахъ, оберегаемыхъ нашими войсками; но для большаго убѣжденія въ справедливости показаній лазутчиковъ, генераль Шварцъ прислалъ Даниель-беку немедленно явиться къ нему, для объясненія по дѣламъ службы, къ 8 іюня въ кр. Закаталы и, независимо этого, отвѣтить на предписаніе съ посланнымъ нарочнымъ, дабы, основываясь на этомъ отвѣтномъ донесеніи, довести до свѣдѣнія главнокомандующаго о тѣхъ предметахъ, по которымъ потребуется личное объясненіе Даниель-бека.

Султанъ отвѣчалъ генералу Шварцу, представивши и копію съ своего послѣдняго рапорта главнокомандующему, что дѣйствія елисейской милиціи имъ приостановлены, впредь до полученія отъ генераль-адъютанта Нейдгарта удовлетворительнаго отвѣта, и что до этого онъ не намѣренъ участвовать въ экспедиціи и милиція будетъ оставаться на своихъ мѣстахъ; «присутствіе-же свое въ Закатадахъ считаю лишнимъ и если вашему

превосходительству угодно по сему предмету сдѣлать донесеніе вачальству, то можете написать и безъ меня».

Такимъ образомъ, ожидая отвѣта на свои требованія, султанъ принялъ угрожающее положеніе, но отвѣтовъ ему не давалось; главнокомандующій ожидалъ распоряженій изъ Петербурга, на донесеніе отъ 4-го іюня, въ которомъ, представляя письма отъ Даніель-бека, сообщалъ о своемъ намѣреніи объявить султану, что «какъ власть и права каждаго вѣрноподданнаго Россійской имперіи происходятъ отъ Высочайшей Государя Императора воли, то Даніель-султану слѣдовало пользоваться дарованными ему преимуществами, не объявляя претензій на новыя, въ неумѣренномъ тонѣ, и что какъ по этой причинѣ, такъ и за неповиновеніе распоряженіямъ правительства касательно выступленія елисейской милиціи и за безпорядки, возникшіе въ томъ краѣ, я, впредь до полученія Высочайшаго повелѣнія, устраняю его отъ управленія Елисейскимъ султанствомъ, поручивъ оное во временное завѣдываніе довѣренному лицу»... «Впрочемъ, если особенныя причины не побудятъ меня въ скоромъ времени дать отвѣтъ султану въ такомъ смыслѣ», писалось въ заключеніи донесенія генералъ-адъютанта Нейдгарта, «то и буду стараться замедлить оный, впредь до полученія увѣдомленія о Высочайшихъ повелѣніяхъ по этому предмету, дабы, сообразуясь съ оными, пристѣпить къ дальнѣйшему ходу дѣлъ въ этомъ краѣ».

Между-тѣмъ, по донесеніямъ о поведеніи султана, сдѣланы были изъ Тифлиса распоряженія объ отправленіи войскъ для усиленія лезгинскаго отряда и написано было всѣмъ начальникамъ колони, находившихся вблизи елисейскаго пладѣвнн, объ измѣнѣ султана и о принятіи мѣръ къ воспрепятствованію Даніель-беку возмутить сосѣднія султанству мусульманскія провинціи. Пока полученъ былъ отвѣтъ изъ Петербурга (отъ 12 іюня *)), гене-

*) На рапортѣ главнокомандующаго Государь Императоръ собственноручно отвѣтилъ: «согласно съ тѣмъ, что и Мы полагаемъ». Въ отвѣтъ же главнокомандующему писалось:

«Государь Императоръ соизволилъ отозваться, что измѣна елисейскаго султана не должна отнюдь ни измѣнять, ни останавливать общихъ дѣйствій, ибо наилучшій способъ уничтожить послѣдствія сей измѣны есть уничтоженіе главной ея причины, т. е. скопищъ Шамиля и его управленія; Шамиль падеть и все разрушится. Но притомъ, ежели есть какія справедливыя причины султану быть недовольнымъ, то должно справедливо его удовлетворить сейчасъ, требуя взаимнѣ, чтобы вѣрною службою загладилъ минутное заблужденіе; въ противномъ случаѣ лишить всего».

рагъ Шварцъ 10 іюня разбилъ скопище мятежниковъ и двинулъ отрядъ на Елису; 14 іюня, послѣ жаркаго боя, разбилъ на голову самого Даниель-бека, который послѣ этого пораженія бѣжалъ въ горы, по Сарыбашскому ущелью, отправивъ семейство за-благовременно въ Цахуръ.

Послѣ бѣгства Даниель-бека, волненія, какъ въ Елисуйскомъ султанствѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ горскихъ обществахъ, принимавшихъ участіе въ этомъ волненіи, утихли въ скоромъ времени; представители этихъ обществъ явились къ генералу Шварцу съ повинной, относя всю вину свою на Даниель-бека.

Тогда-же (1844 г.) званіе султана объявлено было упраздненнымъ и султанство получило новое управленіе *).

Дальнѣйшая судьба Даниель-бека не имѣетъ уже отношенія къ султанству. Обладая большими способностями и энергіей и будучи въ родствѣ съ Шамилемъ, онъ считался весьма дѣятельнымъ и полезнымъ сотрудникомъ имама въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ русскимъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Шамиль былъ внѣ опасности. Когда-же обстоятельства имама измѣнились къ худшему, Даниель-бекъ едва-ли не въ первыхъ вошелъ въ сношеніе съ русскимъ начальствомъ, предлагая свои услуги и содѣйствіе къ скорѣйшему уничтоженію Шамиля и выговаривая себѣ разныя льготы и между прочимъ пенсію.

Въ 1859 году онъ дѣйствительно не допустилъ Шамиля къ кр. Ирибу, гдѣ падавшій имамъ надѣялся найти себѣ послѣднее убѣжище; затѣмъ, перейдя въ русскій отрядъ, усилилъ его своей милиціей. За такія услуги Даниель-беку возвращены были генеральскій чинъ, ордена и пожалована пенсія; но онъ рассчитывалъ на возвращеніе Елисуйскаго султанства, которое принадлежало ему, какъ онъ выражался «по праву наслѣдства». Расчеты его оказались ошибочными и Даниель-бекъ переселился (въ 1869 г.) въ Турцію.

И. Липовичъ.

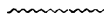
11-го іюля, 1873 г.
г. Тифлисъ.

*) См. III гл.

Примѣчаніе.

*Объясненіе мѣстныхъ названій, упоминаемыхъ въ статьѣ
«Бывшее Елисуійское султанство».*

Даргалукъ—плата надсмотрщику, поставленному отъ султана, бековъ или общества.

Аху — пахатный участокъ, воздѣланный въ лѣсномъ пространствѣ.

Тавризскій туманъ=3 руб.

Туманъ=10 руб.

Тагаръ=четверти 6-ти четвериковой мѣры.

Ченахъ—мѣра въ $\frac{1}{30}$ часть тагара.

Чанъ—мѣра въ 6 бутылокъ.

Литра (груз. вѣсъ)=9 фунтамъ.

Стиль= $\frac{2}{3}$ фунта.

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ

для опредѣленія экономическаго быта жителей Елисейскаго наибства, Закатальскаго округа *).

Елисейское наибство, образовавшееся изъ части земель бывшаго Елисейскаго султанства, занимаетъ сѣверо-восточную часть Закатальскаго округа, ограниченную съ СВ—Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, съ ЮВ — Нухинскимъ уѣздомъ, а съ прочихъ сторонъ—Мухахскимъ и Карасуйскимъ наибствами того-же округа. Въ такихъ границахъ оно заключаетъ въ себѣ до 12 кв. миль пространства, съ населеніемъ въ 11836 душъ обоего пола (2376 дымовъ), сосредоточеннымъ въ двадцати трехъ селеніяхъ **). Главную массу мѣстнаго населенія составляютъ лезгины (8269 душъ), занимающіе подгорную часть наибства, затѣмъ слѣдуютъ грузины (ингелойцы—2167 душъ***), и наконецъ татары (мугалы, 1400 д.), живущіе, какъ тѣ, такъ и другіе, преимущественно на плоскости.

Земли, на которой расположены селенія, вся издревле раздѣлена между первыми поселенцами и теперь находится въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ. Селенія, лежація въ верховьяхъ ущелій, какъ-то: Сувагиль, Касъ, Сарубашъ, Елису и Кашкачай, расположены весьма тѣсно: въ нихъ не только нѣтъ ни садовъ,

*) Матеріалами для настоящей статьи служили журналы Закатальской сословно-поземельной комиссіи, составленные на основаніи данныхъ, собранныхъ членами этой комиссіи, при объѣздѣ ими селеній округа.

**) Наименованія селеній, съ показаніемъ ихъ населенія, помѣщены въ VI выпускѣ «Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ».

***) При водвореніи русскаго владычества въ Закатальскомъ округѣ, все населеніе наибства исповѣдывало магометанскую вѣру; въ настоящее-же время большая часть ингелойцевъ (жители селеній Касъ и Мешабашъ—2057 душъ) возвратились уже въ лоно православной церкви.

ни зелени, но почти нѣтъ при домахъ дворовъ и куруховъ *). Далѣе, по мѣрѣ спуска съ горъ, начинается появляться растительность, преимущественно тутовые сады и отдѣльные фруктовые деревья, но все это въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что на цѣлыя селенія: Ашага-Малахъ и Юхари-Малахъ требуется въ годъ менѣе одного фунта шелковичныхъ семянъ, затѣмъ на Каркай и на Авгилли хватаетъ на каждое по одному фунту, на Калалъ, и Кетукло по три фунта и т. д.; по мѣрѣ спуска на плоскость, размѣры тутовыхъ садовъ все болѣе и болѣе увеличиваются, такъ, что уже въ сел. Кахъ нѣкоторые сады занимаютъ пространство тагара въ два посѣва **). Въ подгорныхъ селеніяхъ можно брать листья для прокормленія червей только черезъ годъ, такъ-какъ тутовые деревья, по случаю холода, не даютъ росту, достаточнаго для того, чтобъ можно было ежегодно срубить съ нихъ вѣтки. При хорошемъ урожаѣ, съ одного фунта сѣмянъ получается до одного пуда шелку. На плоскости, кромѣ шелковичныхъ—имѣются почти при каждой усадьбѣ виноградные сады и орѣшники. У ингелойцевъ большею частью виноградники занимаютъ протяженіе, одинаковое съ тузовыми садами, у мугальже они значительно менѣе, но за то послѣдніе имѣютъ больше сѣнокосныхъ куруховъ. Изъ винограда давить вино преимущественно ингелойцы, остальные-же жители лакомятся имъ въ сыромъ видѣ или готовятъ изъ него сладкій напитокъ, называемый «бекмезъ» или «нарбекъ», и только немногіе продаютъ виноградъ, получая отъ 5 до 50 р. дохода съ одного сада, смотря по величинѣ послѣдняго. Въ селеніяхъ Фистяхло, Амирджанло и Сускентъ, при всякомъ домѣ растутъ отъ 3 до 100 кустовъ орѣшника. Орѣхи большею частью мѣняются на соль, причемъ сбора съ пяти кустовъ бываетъ достаточно на покупку полутагара соли. При продажѣ выручается за тагаръ орѣховъ отъ 12 до 15 р., а съ двадцати кустовъ орѣшника можно собрать отъ 20 до 30 ченаховъ. Особыхъ фруктовыхъ садовъ нигдѣ не имѣется, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ Мешабашъ, Зарна и Лякитъ, яблони и груши растутъ въ тузовникахъ, въ которыхъ также разво-

*) Курухомъ называется огороженное пространство вблизи дома, служащее иногда выгономъ для домашней скотины, иногда сѣнокосомъ, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и мѣстомъ посѣва.

**) Тагаръ—четверти (шести четвериковой мѣры). Въ одномъ тагарѣ тридцать ченаховъ.

дять и виноградныя лозы. Фрукты мѣняются на хлѣбъ или служить для домашняго употребленія.

Дома въ горныхъ селеніяхъ каменные, съ плоскими крышами, а на плоскости—деревянныя съ высокими камышевыми.

Мечети содержатся на счетъ дохода, получаемаго отъ добровольныхъ пожертвованій; если-же мечеть построена какимъ-либо частнымъ лицомъ, то она почти всегда поддерживается потомками основателя.

Цѣны усадебъ весьма разнообразны и зависятъ отъ качества построекъ, количества усадебной земли и густоты населенія; такъ напр.: въ Агчай можно купить усадьбу за 20 р., тогда-какъ въ Фистихло или въ Сускентъ цѣны ихъ доходятъ до 300 руб. и болѣе.

Вслѣдствіе большого разнообразія почвенныхъ и климатическихъ условій, развитіе земледѣлія въ различныхъ мѣстностяхъ Елисуйскаго наибства крайне неодинаково: такъ, въ подгорныхъ селеніяхъ, гдѣ сама природа воздвигла непреодолимыя препятствія правильному земледѣлію, успѣхи послѣдняго весьма ограничены, тѣмъ болѣе, что и самыя жители ихъ, лезгины, мало расположены къ этого рода занятіямъ. Вообще въ селеніяхъ: Сарубашъ, Елису, Агчай, Кашкачай, Сувагиль, Касъ, Каркай, Кетуго и Азгилли пахатной земли весьма мало и она вся, за малыми исключеніями, составляетъ частную собственность тѣхъ лицъ, которыя сами или ихъ предки очистили ее отъ лѣсу. Еще и въ настоящее время каждый лезгинъ имѣетъ право близъ своего селенія открывать новыя пашни (аху), гдѣ ему вздумается, лишь-бы только этимъ не стѣснялось пространство, опредѣленное для лѣтнихъ пастбищъ, а такъ-какъ мѣстомъ послѣднихъ служатъ обнаженныя отъ лѣсу верхушки горъ, то ахуляры открываются, или внизу въ ущельи, или-же на лѣсныхъ скатахъ, выбирая въ послѣднемъ случаѣ мѣста не слишкомъ крутыя и не очень возвышенныя, такъ-какъ, при несоблюденіи перваго условія, случается, что сильная дождевая вода смываетъ весь посѣвъ, а распашка на мѣстахъ возвышенныхъ, при глубокихъ снѣгахъ, не даетъ иногда никакого урожая. Надобно замѣтить, что въ упомянутыхъ выше селеніяхъ жители, если и занимаются земледѣліемъ, то при этомъ они не столько рассчитываютъ на урожай зерномъ, сколько на саманъ, необходимый имъ для зимняго корма домашней скотины.

По мѣрѣ спуска съ горъ на плоскость, природа все менѣе и менѣе оказываетъ препятствій правильному развитію земледѣ-

лія и уже въ селен. Амбарчаѣ, Юхари-Малахъ, Ашага-Малахъ и Кетукло большая часть жителей имъ занимается, ограничивая впрочемъ свои посѣвы только суходольными родами хлѣба (пшеница, ячмень и просо), причемъ урожай пшеницы самъ-треть и въ рѣдкихъ случаяхъ самъ-пять считается хорошимъ. Затѣмъ Кумъ, Зарна, Лякитъ, Лякитъ-Малахъ, Фистихло, Сускентъ, Машабашъ, Кахъ (ингелойскій и мугалскій) и Амирджанло суть уже чисто земледѣльческія селенія и, за исключеніемъ Лякитъ-Малаха, вездѣ кромѣ суходольныхъ хлѣбовъ разводится еще и чалтыкъ (сарачинское пшено), урожай котораго бываетъ особенно хорошій въ сел. Зарна (до самъ-тридцать), причемъ отдыха почвъ вовсе не дается и посѣвы прекращаются только вслѣдствіе необходимости просушить поля, которыя, отъ непрерывной обработки и поливки въ теченіи 30 или 40 лѣтъ, обращаются въ совершенное болото, способное потопить въ себѣ людей и скотину. Въ такихъ случаяхъ дается обыкновенно почвъ отдыхъ года на три, потому столько-же времени поле засѣвается суходольнымъ хлѣбомъ (пшеницею или просомъ), не столько для урожая, который бываетъ плохъ на болотѣ, сколько для лучшей просушки поля, и затѣмъ опять приступаютъ къ чалтычнымъ посѣвамъ. Такая неистощимость почвы должна быть приписана обилію ключевой воды, а главное трудолюбію заринцевъ; по-крайней-мѣрѣ въ сосѣднемъ селеніи Лякитъ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, вслѣдствіе безопасности и лѣви жителей, отдыхъ чалтычнымъ полямъ дается чаще и урожай получается меньше (отъ самъ-семь до самъ-восемнадцати) и кромѣ того часть полей, вслѣдствіе застоявшейся на нихъ воды, превратилась въ совершенное болото и поросла камышемъ, такъ, что потребовалось-бы весьма много времени и труда, чтобы сдѣлать ихъ вновь годными къ посѣвамъ. Вообще, продолжительность отдыха, даваемого пашнямъ, зависитъ отъ качества земли и отъ рода посѣва; такъ, напримѣръ, чалтычнымъ полямъ, не говоря о сел. Зарна и Лякитъ, составляющихъ исключеніе, дается болѣе продолжительный отдыхъ, чѣмъ суходольнымъ, которыя въ большинствѣ случаевъ остаются подъ паромъ столько-же времени, сколько прежде засѣвались; въ горныхъ-же селеніяхъ, гдѣ земля камениста и дурного качества, какъ напр. въ Сувагилѣ, приходится послѣ одного или двухъ лѣтъ посѣва давать отъ 5 до 6 лѣтъ отдыха. Пашни, оставляемыя подъ паромъ, служатъ обыкновенно сначала мѣстомъ сѣнокоса для своего хозяина, а потомъ общественнымъ выгономъ.

Посѣвы суходольныхъ хлѣбовъ не стѣняются никакими адатами; чалтыкъ-же, въ виду необходимости правильной поливки, стѣнется всѣми желающими, по опредѣленію общества, на одномъ какомъ-нибудь полѣ, которое раздѣляется между участниками.

Въ Елисуйскомъ наибствѣ вся земля, за исключеніемъ горныхъ ахуляровъ, поливается. Для поливки служатъ, или родниковая вода (кара-су), или вода, отведенная канавами изъ горныхъ рѣчекъ (агъ-су). Последняя почти вся обращается для этой надобности, такъ, что въ знойные года, въ срединѣ лѣта, вода этихъ рѣчекъ до Алазани не доходитъ. Для поливки садовъ сельскими обществами проведены каналы и каждое селеніе получаетъ опредѣленное количество воды. Такъ-какъ⁶¹ въ жаркое время года лишней воды не остается, то, въ случаѣ образованія новаго селенія или значительнаго увеличенія стараго,—воды брать было-бы не откуда; поэтому каждое селеніе и общество весьма заботится о сохраненіи своихъ правъ на воду, которая обезпечиваетъ правильность ихъ хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостояніе. Для поливки садовъ недостатка въ водѣ нигдѣ не ощущается, но, такъ-какъ, при повторяющихся неурожаяхъ шелка, чалтычныя поля даютъ болѣе выгоды хозяевамъ, чѣмъ тутовыя сады, то нѣкоторыя сельскія общества не позволяютъ расширять садовъ, что по необходимости дѣлалось-бы въ ущербъ чалтычнымъ полямъ. Чалтыки поливаются постоянно втеченіи пяти мѣсяцевъ, начиная съ конца апрѣля; просо—раза два лѣтомъ; сады—отъ двухъ до четырехъ разъ въ годъ, весною и лѣтомъ; ячмень-же и пшеница—разъ или два въ годъ: осенью, послѣ посѣва, и весною, а если годъ дождливый, то послѣдніе сорта хлѣба вовсе не поливаются, хотя въ поливкѣ ихъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда поле расположено слишкомъ высоко или неудобно, обыкновенно не представляется никакихъ затрудненій, такъ-какъ пшеница и ячмень поливаются въ такое время года, когда вода для чалтыковъ не нужна; поэтому, никакое общество не отказываетъ въ отводѣ своей воды для поливки суходольныхъ полей чужой сельской дачи, не имѣющей собственной воды въ достаточномъ количествѣ.

Для присмотра за водою и для мелкихъ исправленій въ оросительныхъ канавахъ, сельскія общества нанимаютъ особыхъ караульныхъ (джуваровъ), съ раскладной требующейся для найма ихъ платы на всѣхъ пользующихся водою.

Всякій имѣеть право строить мельницы на своей землѣ и пользоваться для нихъ водою изъ оросительныхъ канавъ, но только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вода возвращалась въ ту-же канаву, изъ которой она взята. За перемоль хлѣба владѣлецъ мельницы обыкновенно получаетъ $\frac{1}{20}$ часть помола.

По качеству почвы земля Елисуйскаго наибства въ немногихъ только мѣстахъ нуждается въ унаваживаніи, которое возможно впрочемъ только на плоскости, потому-что на покатосяхъ понеколѣ надобно избѣгать разрыхленія земли, чтобы предохранить ее отъ размывки дождевою водою. Унаваживаніе обыкновенно производится осенью, посредствомъ загона на ночь, на отдыхающую пашню, стада овецъ.

Цѣнность пахатныхъ участковъ измѣняется отъ 2-хъ до 100 р. за тагаръ посѣва. Она зависитъ не только отъ качества земли, но и отъ большей или меньшей густоты населенія въ извѣстной мѣстности; такъ, напр.: амирджанлинскія земли, не смотря на свое плодородіе, продаются отъ 10 до 35 р. за тагаръ, тогда-какъ елисуискія, гдѣ населеніе гуще и хлѣбъ сбѣтся только для саману, отъ 30 до 40 р. за такой-же участокъ. Цѣнность чалтычныхъ полей, вездѣ гдѣ они имѣются, значительно превышаетъ цѣнность суходольныхъ пашенъ.

Продажа усадьбъ и собственныхъ пахатныхъ участковъ вездѣ свободна, только въ нѣкоторыхъ обществахъ существуетъ адатъ, чтобы предложеніе покупки предварительно было сдѣлано сосѣдямъ и родственникамъ продавца и, только въ крайнемъ случаѣ, при совершенномъ недостаткѣ средствъ, такіа общества допускаютъ переходъ въ чужія руки поземельныхъ участковъ.

Хозяева, имѣющіе въ излишкѣ пахатныя земли или не желающіе сами заниматься обработкою (часто по недостатку рабочей скотины), отдають ихъ въ наймы, причемъ плата производится въ натурѣ и опредѣляется: или по количеству урожая (малджаатъ), или-же по количеству посѣва (юхирь). Размѣръ малджаата простирается отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{4}$ урожая; платящіе-же юхирь отдають хозяину столько хлѣба зерномъ, сколько ими было посѣяно. Обработка земли часто также производится речбарями. Речбаръ это есть работникъ по найму, получающій въ свою пользу почти всегда половину урожая, причемъ сѣмена, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія даются отъ землевладѣльца. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ речбары поступаютъ обѣднѣвшіе лезгины, большинство-

же ихъ состоятъ изъ мугаловъ Закавказскаго округа и Нукинскаго уѣзда.

Лѣсъ во всѣхъ горныхъ обществахъ имѣется въ достаточномъ количествѣ и право пользованія имъ идетъ наравнѣ съ правомъ открывать аху. Каждое общество имѣетъ свои ущелья, въ которыхъ безпрепятственно и безъ права вмѣшательства другихъ открываетъ ахуяры и пользуется лѣсомъ. На продажу никто лѣсъ не вывозитъ по отдаленности рынковъ сбыта. Низовыя селенія, за исключеніемъ Фистихло, на земляхъ котораго весь лѣсъ вырубленъ, имѣютъ достаточно топлива и нуждаются только въ строевомъ лѣсѣ, который покупаютъ у сосѣдей, стараясь сберегать собственные участки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще имѣются. Лезгины прежде позволяли жителямъ низовыхъ селеній пользоваться ихъ лѣсомъ бесплатно, по особому каждый разъ разрѣшенію, но въ послѣднее время, узнавъ цѣнность лѣса, постановили допускать рубку его не иначе, какъ за деньги.

Камышъ, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онъ имѣется, составляетъ общественную собственность, но каждый имѣетъ право рубить его только по мѣрѣ дѣйствительной надобности; большинство же жителей низовыхъ селеній, покрывающихъ камышемъ свои крыши, принуждено покупать его, платя за арбу отъ 60 к. до 1 р. или половину этой цѣны, за право рубки его на мѣстѣ.

Главное богатство жителей наибства лезгинскаго происхожденія, заключается въ принадлежащихъ имъ стадахъ овецъ *). При отсутствіи заботъ о заготовленіи фуража на зиму, все стремленіе лезгинъ обращается на пріисканіе пастбищъ, могущихъ прокормить ихъ стада, не только лѣтомъ и зимою, но также и весною, а еще болѣе осенью, такъ-какъ ко времени выпаденія снѣга въ горахъ, гдѣ овцы пасутся втеченіи лѣта, трава на зимнихъ пастбищахъ, совершенно выгорающая въ жаркое время года, не успѣваетъ настолько вырасти, чтобы можно было-бы тогда-же пускать туда овецъ. Первоначально всѣ пастбища бывшаго Елисейскаго султанства принадлежали нераздѣльно всему лезгинскому обществу, потомъ часть пастбищъ, имѣнно зимнія, вздумали раздѣлять по фамиліямъ (тохумамъ); но, такъ-какъ вслѣдствіе этого большая часть зимнихъ пастбищъ сосредоточилась въ рукахъ немногихъ, болѣе богатыхъ людей,

*) За исключеніемъ селеній: Фистихло, Мешабашъ, Сускентъ и Дякитъ-Малахъ, не имѣющихъ вовсе овецъ, послѣднихъ наберется въ остальныхъ селеніяхъ до 60 т. штукъ.

преимущественно бековъ, отъ которыхъ остальнымъ лезгинамъ приходилось уже нанимать ихъ, то, убѣдившись на опытѣ въ неудобствахъ раздѣла общественнаго достоянія, лезгины, чтобы избавить оставшіяся у нихъ пастбища отъ подобной участи, наложили проклятіе на таковой раздѣлъ, и такимъ образомъ лѣтнія пастбища, которыми служатъ, окружающія лезгинскія селенія, обнаженные отъ лѣса верхушки предгорій Главнаго Кавказскаго хребта, остались и по-нынѣ въ общественномъ владѣніи. Каждое изъ обществъ елисейскихъ лезгинъ *) имѣетъ опредѣленное число горъ для лѣтнихъ пастбищъ, для распредѣленія коихъ овцеводы каждаго общества ежегодно собираются вмѣстѣ и раздѣляютъ овецъ на ятаги, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ каждомъ было не менѣе 200 овецъ; потомъ выбираютъ ятажниковъ, преимущественно изъ числа людей вліятельныхъ и богатыхъ; далѣе, горы распредѣляются между ятажниками по жребію, для чего билетики съ именами послѣднихъ кладутся въ палаху и вынимаются кѣмъ-либо изъ постороннихъ: тотъ, чье имя вынется первымъ, выбираетъ лучшую по своему усмотрѣнію гору, затѣмъ второй — лучшую изъ оставшихся и т. д. Если ятаговъ окажется больше, чѣмъ горъ, то тѣмъ изъ ятажниковъ, которымъ по жребію не досталось особой горы, назначается двѣ изъ числа болѣе крупныхъ, уже разобранныхъ, — на коихъ ятаги ихъ пасутся помѣсячно, то на той, то на другой. При еще большей тѣснотѣ, пастбища нанимаются у бековъ или у другихъ обществъ, и наоборотъ, при излишкѣ таковыхъ, они отдаются въ наемъ постороннимъ жителямъ.

Прежде участники въ лѣтнихъ пастбищахъ ничего не платили, но въ послѣднее время установлена съ нихъ незначительная плата (отъ 10 до 30 р. съ ятага), для того, чтобы доставить возможность лицамъ, не имѣющимъ вовсе барановъ, получать нѣкоторую пользу отъ общественнаго достоянія. При этомъ опредѣленная съ ятага сумма уплачивается полностью ятажникомъ и затѣмъ взыскивается уже имъ съ соучастниковъ, сообразно съ числомъ барановъ каждаго. Вырученные деньги распредѣляются между всѣми членами общества, не взирая на то, имѣетъ-ли кто барановъ, или нѣтъ, и болѣею частію употребляются на различныя общественныя надобности (постройки и ремонтъ

*) Елисейскіе лезгины составляютъ четыре общества: Цахурское, Сувагальское, Карадулакское и Елисейское.

мечетей, мостовъ и т. п.), на которыя безъ этого потребовался бы особый денежный сборъ съ жителей, затѣмъ излишекъ поступаетъ въ счетъ слѣдующей съ общества подати или раздается на руки.

Мугалы и ингелойцы низовыхъ селеній, желающіе присоединить своихъ овецъ къ лезгинскимъ стадамъ на время лѣтней пастбы, обыкновенно отдаютъ за это двухъ барановъ со ста или же вносятъ плату по взаимному соглашенію.

Хотя вообще лѣтнія пастбища составляютъ общественную собственность, однакожъ въ районѣ ихъ встрѣчается нѣсколько горъ, состоящихъ нынѣ въ частномъ владѣніи бекскихъ фамилій и казны, которая приобрѣла ихъ послѣ конфискаціи въ 1844 году имущества послѣдняго елисейеваго султана. Какимъ образомъ это общественное достояніе перешло въ частное владѣніе — свѣдѣній не имѣется.

Когда осенью на горахъ начинается выпадать снѣгъ, стада спускаются на плоскость и остаются мѣсяца полтора или два на поляхъ низовыхъ селеній, преимущественно въ Карасуйскомъ наибствѣ, причеиъ не взимается никакой платы, такъ-какъ пребываніе стада на пашняхъ послѣ уборки съ нихъ хлѣба способствуетъ удобренію почвы. Въ это время ванимается нѣсколько человекъ караульныхъ, которыхъ обязанность состоитъ въ наблюденіи, чтобы никто изъ лезгинъ, во избѣжаніе потравы чужихъ мѣстъ, не смѣлъ-бы гнать, подъ опасеніемъ штрафа, своихъ овецъ на зимнія пастбища, гдѣ трава послѣ лѣтнихъ засухъ не успѣла еще окрѣпнуть.

Зимними пастбищами служатъ степи (Сарыджа и Аджанауръ—Карасуйскаго наибства и Челогайскія — Елисаветпольскаго уѣзда), за право пользованія которыми лезгины платятъ отъ 80 до 120 р. въ годъ за ятагъ, круглымъ числомъ по 10 к. за каждаго барана). Такая дороговизна служитъ причиною, что менѣе состоятельные люди оставляютъ всю зиму стада свои на осеннихъ пастбищахъ, гоня ихъ въ это время въ Аджанауръ разатри на чалу (середина степи, на которой нѣтъ почти никакой растительности), гдѣ дозволяется бесплатно пользоваться солью для овецъ.

Весною, когда трава въ степяхъ успѣтъ уже выгорѣтъ, а между-тѣмъ лѣтнія пастбища недостаточно еще покроются зеленью, стада останавливаются опять на нѣсколько недѣль на поляхъ низовыхъ селеній и затѣмъ уже направляются въ горы.

Какъ сказано выше, завѣдываніе каждымъ ятагомъ поручается особому ятажнику, обязанность котораго состоитъ въ прискиваніи и въ наймѣ зимнихъ пастбищъ и пастуховъ, а также въ снабженіи послѣднихъ необходимою посудою и сторожевыми собаками. Деньги за зимнія и за лѣтнія пастбища ятажникъ уплачиваетъ изъ собственности и затѣмъ взыскиваетъ ихъ съ участниковъ, сообразно съ числомъ овецъ каждаго; кромѣ того, въ Сувагильскомъ обществѣ онъ уплачиваетъ по 3 р. въ пользу тѣхъ ятажниковъ, которые по чопу (жребію) не получили горъ для лѣтнихъ пастбищъ и должны нанимать таковыя у другихъ обществъ, платя отъ 20 до 60 руб. за каждую. Пастухи присматриваютъ за овцами, доятъ ихъ и изъ молока всего ятага дѣлаютъ сыръ, который дѣлится между соучастниками, сообразно съ числомъ овецъ каждаго. Вознагражденіе за свои труды пастухи получаютъ натурою: овцами, молокомъ, сыромъ и мукою. Вознагражденіе-же ятажника состоитъ въ томъ, что молоко со всего ятага, со времени котки овецъ до подъема на горы, принадлежитъ ему и что, при удачномъ сборѣ сыру, выдвѣляется ему лишнихъ одинъ или два мутала *) послѣдняго.

Со ста овецъ получается ежегодно чистаго дохода до 10 р., не считая приплода, штукъ въ двадцать пять.

Во всемъ наибствѣ имѣется до 4000 головъ рогатаго скота, до 500 лошадей и незначительное число ословъ. Въ горныхъ селеніяхъ скотъ и лошади пасутся лѣтомъ вмѣстѣ съ овцами, а зимою — частью отправляются на зимнія пастбища, частью-же оставляются въ селеніяхъ (дойныя коровы), гдѣ кормятся саманомъ (рубленною соломою), а тамъ, гдѣ есть курухи—сѣномъ; въ низовыхъ-же селеніяхъ скотъ зимою и лѣтомъ пасется: въ прилежащихъ лѣсахъ, на отдыхающихъ поляхъ и на курухахъ, только зимою прибавляются къ скудному подножному корму саманъ, бурьянъ, крошенныя древесныя вѣтки и сѣно, собираемое съ куруховъ, гдѣ такіе имѣются, а также скошенное въ садахъ и на чалтычныхъ поляхъ. Стоимость одной арбы сѣна доходитъ до 2 руб.

Пчеловодство, не смотря на выгодныя мѣстныя условія, развито весьма мало: только въ сел. Зарна имѣется до 250 ульевъ, затѣмъ разводятъ еще пчелъ въ Кумъ, въ Лякитъ и въ Лякитъ-Малахъ, а въ остальныхъ селеніяхъ почти вовсе этимъ не занимаются. По мѣстнымъ цѣнамъ на медъ и на воскъ, съ 10-ти ульевъ можно получить около 3 р. годоваго дохода.

*) Муталь—мѣшокъ, вмѣщающій въ себя до трехъ батмановъ. Батманъ=45 $\frac{1}{2}$ ф.

Изъ предъидущаго обзора можно вывести заключеніе, что экономическія условія, въ которыя поставлено Елисейское наибство, весьма выгодны: такъ, селенія, расположенныя на плоскости, имѣють достаточное количество отличной земли *), требующей незначительныхъ усилій, чтобы сторицею вознаградить трудъ земледѣльца; подгорные-же жители, хотя владѣють меньшими и худшаго качества пахатными участками, имѣють за то многочисленныя стада овецъ и хорошія для нихъ пастбища.

Казалось-бы, что, при подобной обстановкѣ, матеріальное благосостояніе жителей должно было-бы быть вполне обеспеченнымъ; но на дѣлѣ это не совсѣмъ оправдывается, такъ-какъ упомянутыя блага распределены между жителями весьма неравномерно и, какъ между лезгинами, такъ равно между мугалами и ингелойцами, находится много семействъ, живущихъ въ крайней бѣдности.

Причина бѣдности лезгинъ заключается въ ихъ дѣни, выработавшейся историческою жизнію этого племени, которое, до утверженія русскаго правительства на Кавказѣ, жило войною и грабежомъ на счетъ сосѣднихъ племенъ и теперь еще не успѣло вполне свыкнуться съ новымъ порядкомъ вещей. Лезгины, не имѣющіе ни пашенъ, ни овецъ, чаще всего нанимаются въ пастуха и, получая плату натурою (овцами), рассчитываютъ со временемъ сдѣлаться сами стадовладѣльцами; другіе занимаются ремеслами, преимущественно лудильнымъ и войлочнымъ, или-же спускаются на плоскость, гдѣ нанимаются на разныя черныя работы. Лѣтомъ, во время самой прибыльной работы — жатвы хлѣба, рѣдкій лезгинецъ, какъ-бы онъ бѣдѣвъ ни былъ, остается на плоскости, влѣдствіе существующаго между лезгинами убѣжденія въ разрушительномъ дѣйствіи на ихъ здоровье тамошнихъ жаровъ и лихорадокъ, что и дѣйствительно подтверждается значительною смертностью между лезгинами селеній Амбарчай и Амираджало, которые, хотя уже успѣли тамъ нѣсколько акклиматизироваться, но все-таки въ большомъ числѣ гибнутъ жертвою желанія заняться земледѣліемъ болѣе рационально.

Жители низовыхъ селеній—мугалы и ингелойцы, —не смотря на богатство земли, большею частью въ долгахъ и почти треть ихъ живетъ въ своихъ усадьбахъ въ качествѣ речбаровъ, отда-

*) Разжеваніе земель Елисейскаго наибства еще не произведено, поэтому нельзя опредѣлить, сколько пахатной земли приходится среднимъ числомъ на каждый дымъ.

вая кредитору, въ счетъ уплаты долга и процентовъ, половину урожая. Вообще, существуетъ адатъ, что кредиторъ не имѣетъ права выгнать должника изъ его усадьбы до тѣхъ-поръ, пока послѣдній будетъ исправно вносить слѣдующую съ него долю урожая, и обязанъ безпрекословно возратить ему усадьбу, когда весь долгъ будетъ уплаченъ. При менѣе значительныхъ долгахъ, отдаются въ пользованіе кредиторовъ сады, впредь до уплаты долга. Заимодавцами обыкновенно бываютъ армяне, въ рукахъ которыхъ находится почти вся торговля въ наибствѣ. Они дѣлаютъ ссуды не менѣе какъ за 20⁰/₀, и потому повятно, что при такихъ условіяхъ, для многихъ весьма трудно бываетъ расчитаться съ кредиторами и положеніе таковыхъ лицъ, дѣлаясь годъ-отъ-году все хуже и хуже, доводитъ ихъ въ концѣ концовъ до совершеннаго разоренія. Начало такого порядка вещей, по всей вѣроятности, относится ко временамъ правленія Елпсуйскихъ султановъ, при которыхъ мугалы и ингелойцы, какъ племена подчиненныя лезгинамъ, были обременены въ пользу султановъ и бековъ разнаго рода налогами, размѣръ коихъ вполнѣ зависѣлъ отъ произвола правителей. Одинъ видъ этихъ налоговъ, извѣстный подъ именемъ кешкельной платы, сохранился и понынѣ въ сел. Какъ, составлявшемъ какъ-бы удѣльное имѣніе послѣдняго султана, Даниель-бека. Единицей повинности при этомъ служитъ кешкель, который, какъ надо полагать, составлялъ первоначальный подъемный надѣлъ, въ размѣрѣ отъ 4 до 6 тагаръ усадебной земли и отъ 6 до 12 тагаръ пашень. Въ настоящее время такой надѣлъ рѣдко находится во владѣніи одного дыма; большею-же частью до восьми и больше дымовъ пользуются однимъ кешкедемъ. Плата эта различна для мугалъ и для ингелойцевъ: первые платятъ съ кешкеля по одному стилю шелба и по одному тагару хлѣба, а послѣдніе втрое больше. Сборъ этого дохода съ нѣкоторыхъ кешкелей былъ предоставленъ султаномъ, въ видѣ награды, въ пользу частныхъ лицъ и утвержденъ нашими нашимъ правительствомъ, которое, по конфискаціи имущества Даниель-бека въ 1844 году, взимаетъ, сверхъ общихъ государственныхъ повинностей, въ пользу казны и кешкельную плату въ упомянутомъ выще размѣрѣ съ жителей сел. Какъ мухаммеданскаго вѣроисповѣданія; ингелойцы-же, возвратившіеся къ православію, освобождены отъ этого налога.

25 іюня 1873 г.

ПРИСЯГА ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ ОСЕТИНЪ.

Въ юридической жизни осетинъ присяга—*ард*—занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ дѣйствій, совокупность которыхъ составляетъ собственно обычное право осетинъ. Это, во-первыхъ, потому, что она была единственнымъ цѣлесообразнымъ и простымъ юридическимъ институтомъ, способнымъ, не разжигая страстей народа въ его и безъ того анархической жизни, погашать юридическія дѣйствія характера уголовного и гражданскаго; во-вторыхъ, потому, что она пріобрѣла большую популярность въ жизни осетинъ, регулируемой обычаями, такую популярность, что въ самомъ сознаніи народа она долго и долго жила, и теперь не безъ борьбы уступить юридическую арену дѣйствію новыхъ судебныхъ реформъ, и въ-третьихъ, по своей оригинальности, какъ образчикъ правовой нормы въ сферѣ юридическихъ понятій и представленій осетинъ. Вотъ почему мнѣ кажется, что присяга по обычному праву осетинъ имѣетъ большой интересъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Для разоблаченія извѣстнаго преступнаго дѣйствія или гражданскаго правонарушенія, которое тоже разсматривалось какъ преступленіе, обычнымъ правомъ осетинъ установлено три способа, которые вмѣстѣ съ тѣмъ составляли средства судебной защиты: 1) *комдзог*—доказчикъ, 2) *авдисан*—свидѣтель и 3) *ард*—присяга. Ими пользовался потерпѣвшій чрезъ посредство суда для обнаруженія виновника преступленія или нарушителя права; впрочемъ, онъ могъ пользоваться еще вещественными доказательствами.

Комдзог—свидѣтель, обличитель, который на судѣ долженъ былъ доказать совершеніе извѣстнаго преступленія обвиняемымъ; онъ долженъ былъ открыть субъектъ преступленія, указать послѣдовательно на всѣ обстоятельства, при которыхъ совершено

преступленіе или правонарушеніе, — очевидно, обязанность очень трудная при томъ самовластіи отдѣльнаго лица, которое характеризуетъ жизнь осетинъ. Поэтому, сознаніе народа соединило обязанность *комдзог'а* съ извѣстною страховою преміею, въ видѣ матеріальнаго вознагражденія въ его пользу съ потерпѣвшаго, размѣръ котораго зависѣлъ отъ уговора *комдзог'а* съ потерпѣвшимъ. Къ тому-же трудность его обязанности еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что, въ случаѣ безуспѣшности открытія субъекта правонарушенія или маловажнаго преступленія, онъ самъ становился на мѣстѣ отвѣтчика и удовлетворялъ потерпѣвшаго, какъ виновная сторона. Изъ этого ясно, что значеніе и роль *комдзог'а* отличны отъ значенія и роли другихъ свидѣтелей, служащихъ по преимуществу для представленія косвенныхъ уликъ, безъ обязанности открывать виновника преступленія; отчего онъ, *комдзог*, и получаетъ названіе «*доказчика*», отличное отъ названія «*свидѣтель*» — *авдисан*. Что-же касается до этого послѣдняго, до значенія его въ судопроизводствѣ осетинъ, то, какъ я сказала выше, свидѣтели служатъ по преимуществу для представленія косвенныхъ уликъ; они не обязаны непосредственно доказывать виновность обвиняемаго, или совершеніе имъ самаго преступленія. Сейчасъ сказанное о доказчикѣ и свидѣтеляхъ имѣетъ тѣсную связь съ настоящимъ предметомъ.

Если *комдзог'ъ* уличилъ подсудимаго въ совершеніи имъ преступленія такъ, что у судей (*тархоны лагта*) не осталось никакого сомнѣнія, или-же уличили свидѣтели, въ показанныхъ ими обстоятельствахъ, отъ которыхъ зависить разоблаченіе преступленія, то задача суда рѣшена: ему оставалось только, смотря по важности преступленія, опредѣлить мѣру матеріальнаго вознагражденія, провозгласить ее, и идея правосудія вполне удовлетворена. Другое дѣло, когда показанія *комдзог'а* и свидѣтелей не убѣждали вполне судей въ виновности обвиняемаго, что было, разумѣется, чаще всего при легальности мести въ жизни осетинъ, стѣснявшей совѣсть судей, или когда показанія *комдзог'а* и свидѣтелей требовали еще, по сознанію и разумѣнію судей, подтвержденія, или нуждались въ доказательной силѣ, или, наконецъ, когда потерпѣвшій привлекалъ обвиняемаго къ суду по одному голому подозрѣнію (дау, по-осетински), основанному чаще всего на неблагонадежности поведенія и, тѣмъ не менѣе, служившему, по обычному праву, за неимѣніемъ другихъ уликъ, достаточнымъ поводомъ привлеченія къ суду, — въ этихъ случаяхъ потерпѣвшему

стоило лишь произнести известную фразу, служившую въ юридическомъ сознаніи народа актомъ преданія суду: «*Дяло мое никуда не должно направляться отъ тебя, сердце мое неспокойно въ отношеніи тебя, подозрѣвать мнѣ больше некого, потому я требую отъ тебя «обычай страны»*»,—и подозрѣваемый не могъ никакъ уклониться отъ суда. Въ этихъ только трехъ случаяхъ, а не безусловно всегда, какъ говорить ошибочно Д-ръ Пфафъ, въ своей статьѣ — «Народное право осетинъ» (см. Сборн. свѣд о Кавказѣ, стр. 214, т. 1), когда виновность судимаго не могла подлежать даже никакому сомнѣнію, судъ долженъ былъ назначать присягу—*ард*—отвѣтчику въ свое оправданіе и доказчику и свидѣтелямъ въ доказательство справедливости ими показываемаго противъ обвиняемаго. Я думаю, иначе и быть не могло: присяга никоимъ образомъ не могла быть назначаема всегда, когда даже истина и безъ того была очевидна для судей и они не желали умышленно скрывать ее. Простой здравый смыслъ говорить, что въ послѣднемъ случаѣ присяга неумѣтна, и она была-бы лишь безцѣльною и безжизненною юридическою формальностью въ судопроизводствѣ осетинъ, не оправдываемой никакой цѣлью ни въ общественной, ни въ юридической жизни народа. Утверждать противное значило-бы—обвинять осетинъ въ крайнемъ безтолковіи, въ неумѣннн искать даже практическаго смысла и цѣлесообразности въ своихъ юридическихъ институтахъ; но больше всего это значило-бы—не понимать всей важности значенія присяги въ сознаніи народа, а равно и практическаго значенія ея въ его юридической жизни. О такомъ значеніи присяги, какъ о самой сути, можно сказать, настоящаго предмета, я не пропузу сказать ниже въ своемъ мѣстѣ. А теперь, говоря о присягопріимцахъ, я долженъ сказать, что по общему началу обычнаго права осетинъ ими могутъ быть только *отвѣтчикъ, доказчикъ и свидѣтели*, первые съ присяжниками или безъ нихъ, всѣ въ зрѣломъ возрастѣ, низшій предѣлъ котораго 15 лѣтъ. Д-ръ Пфафъ слишкомъ произвольно относитъ къ нимъ истца или потерпѣвшаго. Почему назначалась присяга отвѣтчику или обвиняемому, когда виновность его могла подлежать еще сомнѣнію, это понятно, полагаю, всякому, даже незнатоку обычнаго права осетинъ: отвѣтчикъ не могъ быть обвиненъ судьями по критикѣ уликъ и по внутреннему убѣжденію, однако по обстановкѣ преступленія они сомнѣвались еще въ томъ, чтобы онъ былъ уже совершенно правъ, поэтому они давали ему въ руки средство судебной защиты, средство

оправдаться на судъ, которое, по святости присяги въ народномъ сознаніи, вмѣстѣ съ тѣмъ, косвенно, служило средствомъ разоблаченія истины. Подъ присягой онъ долженъ былъ клятвой торжественной отрицать проявленіе своего дѣянія въ вводимомъ на него преступленіи. Судьи находились-бы въ безвыходномъ положеніи рѣшить дѣло; они не могли-бы кончить его при всемъ своемъ желаніи, ни въ смыслѣ присужденія, приговора, по недостаточности уликъ, ни въ смыслѣ отказа въ жалобѣ, по имѣющимся нѣкоторымъ основаніямъ, если-бы не выручалъ ихъ изъ такого безвыходнаго положенія юридическій инстинктъ народа установленіемъ въ своемъ правѣ *рѣшительной присяги*. Судьи назначали ее отвѣтчику, чтобы онъ «очистился» ею, какъ говорили и говорятъ осетины, отъ вводимаго на него дѣянія. До водворенія русской власти въ Осетіи, она назначалась *отвѣтчику одному*, во всехъ дѣлахъ, въ важныхъ и маловажныхъ. Со времени-же занятія Осетіи, въ дѣлахъ важныхъ, какъ, напримѣръ, кровныхъ, назначалась она *отвѣтчику съ присяжниками*, т. е. съ двумя, тремя и болѣе родственниками, которыхъ указывалъ обыкновенно потерпѣвшій. Русское правительство, замѣтивъ большую, кровную, родовую, солидарность между сородичами осетинскихъ родовъ, воспользовалось ею для приданія въ юстиціи народной большей важности присягѣ, установивъ и ближайшимъ родственникамъ обвиняемаго присягать за своего сородича, такъ-какъ предполагалось основательно, что въ силу таковой родовой солидарности они должны были знать — совершилъ-ли преступленіе или не совершилъ сородичъ ихъ. Требованіе это живо и крѣпко привилось къ судопроизводству осетинъ, такъ-какъ оно, какъ нельзя лучше, соответствовало родовымъ ихъ понятіямъ, и привилось такъ, что его невозможно принять за обычай, чуждый собственно осетинскаго творчества юридической жизни. Назначаемая для отвѣтчика присяга была въ самомъ дѣлѣ *очистительной*, почему она такъ и называлась въ практикѣ бывшаго окружнаго осетинскаго суда.

Затѣмъ, присяга—*ард*—назначалась доказчику одному въ дѣлахъ маловажныхъ и доказчику съ присяжниками въ дѣлахъ важныхъ (я здѣсь присяжники явились со времени русской власти въ Осетіи), если доказательства его или онъ самъ своею личною, своимъ поведеніемъ въ обществѣ, заставляли сомнѣваться судей въ основательности и справедливости этихъ доказательствъ. Свидѣтелямъ-же назначалась она однимъ безъ присяжниковъ. Доказчикъ

съ своими присяжниками и свидѣтели клятвой торжественной должны были подтвердить свои улики противъ обвиняемаго. Такова была сущность присяги по обычному праву осетинъ.

Юридическія послѣдствія присяги — *ард'а* — зависѣли отъ того, принята-ли она отвѣтчикомъ съ его присяжниками и свидѣтелями, или не принята, такъ-какъ они могли принять ее или не принять. Принятіе присяги отвѣтчикомъ съ его присяжниками, если они назначались ему, оправдывало его по суду; равно какъ принятіе присяги доказчикомъ съ его присяжниками и свидѣтелемъ, въ доказательство справедливости ихъ уликъ и показаній противъ обвиняемаго, окончательно осуждало этого послѣдняго: онъ долженъ былъ уже удовлетворить потерпѣвшаго въ томъ размѣрѣ, какой будетъ указанъ судомъ въ его приговорѣ. Непринятіе присяги отвѣтчикомъ, или обвиняемымъ, съ его присяжниками влекло за собою безусловную обязанность послѣдняго удовлетворить потерпѣвшаго. Принятіе или непринятіе присяги столько-же зависѣло отъ самого обвиняемаго, сколько и отъ его присяжниковъ, если они назначались ему. Стоило одному или двумъ изъ присяжниковъ отказаться отъ присяги, не принять ее въ оправданіе обвиняемаго, «не съѣсть присягу», какъ выражаются осетины, чтобы присяга считалась «непринятою» — «несъѣденною» и чтобы тѣмъ заставить отвѣчать отвѣтника, какъ обвиненнаго. Можно понять отсюда, въ какой зависимости находился обьяняемый отъ своихъ присяжниковъ. Эту зависимость прекрасно понимали какъ присяжники, такъ и потерпѣвшій, и они часто, въ особенности въ послѣднія 30 лѣтъ, когда родовые распорядки и родовая солидарность быстро стали колебаться въ Осетіи, злоупотребляли ею: присяжникъ, не расположенный къ своему сородичу-обвиняемому, вымещалъ на немъ свое недоброжелательство, дѣлая его «обвиненнымъ» отказомъ своимъ принять присягу за него, хотя-бы онъ былъ убѣжденъ въ невинности своего сородича; равнымъ образомъ и потерпѣвшій, желая заставить быть обвиненнымъ извѣстное лицо, указывалъ ему въ присяжники такихъ родичей, которые состояли съ нимъ въ открытой враждѣ или которые поглядисъ никогда и низачто не принимать присяги.

Непринятіе-же присяги доказчикомъ, его присяжниками и свидѣтелемъ тоже оправдывало обвиняемаго. Какъ видно изъ всего сказаннаго, — присяга по обычному праву осетинъ имѣла *решительное значеніе*, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто въ обычномъ правѣ кабардинцевъ, чеченцевъ, кумыкъ и др. Такое-же

рѣшительное значеніе имѣла она въ грузинскомъ правѣ по Уложенію Вахтанга. Между-тѣмъ въ развитыхъ европейскихъ законодательствахъ присяга не имѣетъ такого рѣшительнаго значенія: тамъ свидѣтели ею подтверждають, что показываемое будетъ только истина, такъ-что за присягой слѣдуетъ еще судъ, полная и свободная оцѣнка и критика уликъ, прямыхъ и косвенныхъ; притомъ, тамъ отвѣтчикъ не допускается къ присягѣ во-все.

Понятно послѣ этого, что назначеніе присяги истцу ничѣмъ никакой логикой юридическихъ соображеній не оправдывалось-бы въ обычномъ правѣ осетинъ. Поэтому оно дѣйствительно и не выработано тамъ. Если гдѣ и назначалась иногда присяга истцу, то это нечто иное какъ отступленіе отъ общаго начала юридическихъ обычаевъ, которые положительно запрещаютъ истцу принимать присягу въ справедливость своего иска или своей жалобы. Напротивъ того, истецъ могъ не принимать ее даже относительно количества искомаго по суду вознагражденія, если-бы того требовалъ отвѣтчикъ. Если-бы обычай назначалъ присягу истцу, это-бы значило, что тотъ-же обычай косвенно санкционировалъ-бы распущеніе суда и безсудіе въ юридической жизни, что очень и очень нелогично. Все сводилось-бы къ порядку совершенно частнаго компромисса между истцомъ и отвѣтчикомъ. Такъ-какъ присягой погашался искъ, т. е. обвиняемый считался принятіемъ присяги оправданнымъ, то принятіемъ присяги истцомъ тоже погашался-бы искъ, но въ смыслѣ безусловнаго удовлетворенія истца. Такъ, что при такомъ обычаѣ народъ очень скоро пришелъ-бы къ заключенію, что нѣтъ надобности ему въ судѣ, незачѣмъ ему безъ-толву усложнять свою расправу, когда дѣло всегда такъ или иначе можетъ рѣшиться между истцомъ и отвѣтчикомъ принятіемъ первымъ присяги или непринятіемъ. Принятіемъ присяги истцомъ искъ погашался-бы въ положительномъ смыслѣ; непринятіе-же присяги погашало-бы искъ въ смыслѣ отказа. При этомъ, какъ видите, судъ становился-бы излишнимъ, можно было-бы обойтись и безъ него. А между тѣмъ никто, конечно, не можетъ указать ни одного момента въ жизни осетинъ господства безсудія и порядка полюбовнаго частнаго соглашенія между сторонами. Господство *рѣшительной присяги* въ юстиціи осетинъ, можно сказать, вызвано и было поддерживаемо необходимостью. Раскрытіе истины, преступленій, субъектовъ преступленій путемъ косвенныхъ уликъ въ судопроизводствѣ даннаго народа предпо-

лагасть значительное общее и юридическое развитие его. Ни история, ни предания, ни память старых людей не указывают, а сами мы не застаем, постоянного приложения косвенных уликъ въ процессуальных приемахъ осетинскаго суда. Жизнь осетинъ до нашихъ дней была полна патриархальностью и родовыми порядками. А при такихъ условияхъ невозможно было постоянное приложение косвенныхъ уликъ въ процессы: безпристрастие и совѣсть судей должны были постоянно находиться подъ давлениемъ силы каждаго заинтересованнаго лица и его рода. Свободная критика уликъ, представлявшихся противъ обвиняемаго, была опасною для судей: она могла быть понята какъ фактъ недоброжелательства судей къ обвиняемому и его роду, и потому послужить для послѣдняго основаніемъ къ преслѣдованію судей, какъ недруговъ. При такомъ порядкѣ весьма естественно, если въ процессѣ осетинъ господствовала *рѣшительная присяга*, если большая часть дѣлъ рѣшалась такой присягой. Возникаетъ вопросъ: заключала-ли присяга—*ард*—столько гарантіи для правосудія народа, чтобы она могла служить рациональной процессуальной формой и средствомъ раскрытія истины въ продолженіи, по-крайней-мѣрѣ, многихъ столѣтій, если не тысячелѣтій, въ народной юстиціи осетинъ? На этотъ вопросъ, не задумываясь долго, отвѣчу: Да, заключала, и до-тѣхъ-поръ заключала, пока религіозныя представленія, суевѣрія и мифологія, составлявшія основу присяги, были крѣпки въ народѣ, а стали онѣ ослабѣвать только теперь, при столкновеніи осетинъ съ европейскою жизнью и цивилизаціею. Осетины вѣровали, и отчасти вѣрують и теперь, въ покровительствующія божества—*дзуары*, кромѣ вѣрованія въ единого Бога по догмѣ христіанской или мухаммеданской религіи, которое передъ перваго рода вѣрованіями всегда отходило на второй планъ. Каждая мѣстность Осетіи имѣла своего *дзуара*, покровителя. Были впрочемъ и общіе *дзуары*, какъ *Уастырджи* и *Тбауацилла*. За этими общими божествами тянется цѣлый сонмъ второстепенныхъ мѣстныхъ божествъ, какъ *Хархи-дзуаръ* на Военно-Грузинской дорогѣ, *Фарниджи-дзуаръ* въ Гавалгомѣ въ горахъ, *Уасхо* въ Кани, *Кау-задъ* въ Тмени-кау въ горахъ, *Фыры-дзуаръ* въ Даргавсѣ, *Дзивгисы-дзуаръ* въ Куртатахъ, *Дзири-дзуаръ*—тоже, *Мкаль-габырта* въ Аллагирѣ, *Холмыты-Саниба*—тоже, *Хетаджи-дзуаръ* въ Суадагѣ, *Гудзи-дзуаръ* въ Редантѣ, *Татар-Тунъ* ниже Николаевской станицы, *Аларды* въ Куртатахъ въ Кора, *Авзандаджи-дзуаръ* въ Куртатахъ въ Кора,

Тхостъ въ Аллагирѣ въ Упалѣ, *Саубараджи-дзуаръ* въ Аллагирѣ, *Тутыры-дзуаръ* въ Нарахѣ и т. д. По представленіямъ и вѣрованіямъ народа, они были дателями всякихъ земныхъ благъ, заступниками и покровителями несчастныхъ и гонимыхъ, наставниками людей въ добръ и злѣ и неумолимыми карателями за людскія прегрѣшенія. Вѣрованья въ дзуары пользовались всегда большимъ уваженіемъ, большимъ кредитомъ у осетинъ: они, такъ сказать, были проникнуты до мозга костей этими вѣрованіями. Съ какого времени осетины держатся этихъ вѣрованій — неизвѣстно. Предметы живого почитанія составляли еще: память покойниковъ—*мардтае*, которая была дорога и свята для всякаго осетина, можно сказать, до самопожертвованія: осетинъ готовъ былъ пожертвовать собой, лишь-бы память его покойниковъ осталась непоруганною, въ неприкосновенности; святость неба; святость земли и, въ періодъ христіанства и мухаммеданства, святость «*Бога всемогущаго, Бога единаго, создателя свѣта*».

Всякія прегрѣшенія передъ *дзуарами*, *небомъ*, *землею*, передъ *своими покойниками* и *Богомъ* считались всегда страшными преступленіями, за которыя эти божества наказывали людей неумолимо строго, не только за прямую вину передъ ними, блиставшими въ сознаніи народа страшною карательною мощью, но и за одианъ призывъ, одно обращеніе къ нимъ, сдѣланное въ свое оправданіе ложно, и, какъ увидимъ ниже, не менѣе строго наказывались и общественною совѣстью. Оскорбившіе дзуара браннымъ словомъ наказывались имъ или лишеніемъ языка, лишеніемъ зрѣнія, или какимъ-либо неизлѣчимымъ увѣщемъ или тяжкою продолжительною болѣзною, или ударомъ молніи его самого или кого-либо изъ его ближнихъ. Глумившіеся надъ дзуарами превращались ими въ горныя скалы (см. «Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ» вып. III); неисправные и неопрятные жертвоприносители—тяжкою продолжительною болѣзною или ударами плети самого дзуара. Отвѣдавшіе изъ яствъ, предназначавшихся для воздаянія и приношенія дзуару, прежде совершенія обряда воздаянія, будутъ-ли тѣ мужчины, женщины или маленькія дѣти, — наказывались искалѣчиваньемъ. Но самая страшная кара дзуара постигала похитителей даровъ его изъ капища, лицъ, перестававшихъ вѣровать въ него и приносить жертвы, и клятвопреступниковъ его именемъ: они не только со всѣмъ домомъ, но и цѣлымъ родомъ обрекались на поголовную гибель, — по-осетински, *бин*. Оскорбившіе покойниковъ своихъ и провинившіеся передъ ними нака-

— —

зывались или нищетой, тяжкою болѣзнью или гибелью цѣлымъ домомъ. А такими оскорбителями покойниковъ и виновными передъ ними считались ближайшіе родственники, которые сами носили или допустили постороннихъ лицъ повосить ихъ и посвящать имъ разные гады, а не тѣ постороннія лица, которыя непосредственно оскорбляли ихъ. Оскорблявшіе-же святость неба и земли наказывались или ударомъ молніи, или нищетой, или гибелью цѣлымъ домомъ отъ заваловъ горныхъ, отъ наводненія и проч. Оскорблявшіе и оскорбляющіе святость «Бога единого, Бога всемогущаго и создателя свѣта» наказывались и наказываются безконечно разнообразно по волѣ Божіей.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ вѣровавъ осетинъ. Изъ этихъ общихъ чертъ можно уже видѣть, что они заключали много въ себѣ слишкомъ грознаго, суроваго, подобно природѣ горной Осетіи, дѣйствовавшего загранивающимъ образомъ на воображеніе и сознаніе народа, чтобы заставить его боязненно благоговѣть передъ тѣми высшими существами, вокругъ которыхъ группируются эти вѣровавъ. Дожный призывъ или произнесеніе имени высшаго существа, или святости, въ свое оправданіе или въ справедливость показываемаго, считались злѣйшимъ позоріемъ и поруганіемъ этого имени, слѣдовательно нарушеніемъ вѣры, за которыя должно ожидать свыше, по понятію народа, въ возмездіе страшныя кары — *фидар*, далеко превозмогавшія все выгоды, ожидавшіяся за ложнымъ призывомъ или произнесеніемъ имени. Отсюда понятно, какимъ высокимъ значеніемъ, кредитомъ должно было пользоваться въ обществѣ это обращеніе къ имени высшаго существа или высшей святости, какъ трудно было для осетина легкомысленно призывать высшее имя, по риску своимъ благоденствіемъ, земнымъ счастьемъ. Въ виду такой святости высшаго имени въ обществѣ, юридическое сознаніе осетинъ эксплуатировало его въ пользу народной юстиціи, установивъ присягу этимъ именемъ. И дѣйствительно, *ард*—присяга—была для всякаго осетина всегда не только святымъ актомъ, которымъ онъ, такъ сказать, застраховывался въ вѣрности и истинѣ, но самое слово «присяга» поражало его суевѣрную натуру даже своимъ чисто внѣшнимъ фонетическимъ строемъ: однакъ звукъ *ард'а* былъ страшенъ для осетина и онъ выслушивалъ его всегда съ какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ. Всякій осетинъ думалъ и былъ убѣжденъ, что онъ обратитъ карательную силу присяги на себя

и своихъ ближнихъ, — *манг-ард ил фацаудзан* (ложная присяга обратится на него), какъ говорятъ осетины, — если только присягнетъ ложно. Родъ Дудіевыхъ принялъ ложную присягу, говоритъ преданіе, именемъ *Саубараджи-дзуара* (патрономъ чернаго всадника, т. е. воровъ) въ Аллагирѣ и потому его постигла поголовная гибель—*бын*. Дуда М. съ его потомствомъ тоже, продолжаетъ преданіе, потому погибъ. Для Беслана С. съ его 7-ю сыновьями ничего не было святого,—ничего они не боялись, обижали обѣдныхъ людей, заводили на нихъ ужасъ своимъ хищничествомъ. Принять присягу для нихъ ничего не значило; когда даже видѣли ихъ въ лицо,—они легко отдѣлывались принятіемъ присяги. За это ихъ и постигла ложная присяга: они были сосланы въ Сибирь, гдѣ и погибли всѣ до одного». Вотъ нѣсколько изъ многихъ тысячъ преданій, въ которыхъ рассказываетъ народъ, какъ сила ложной присяги поражаетъ присягопринца и его ближнихъ. Святость присяги такъ далеко зашла въ сознаниі народа, что сама *присяга*—*ард*—стала святостью, которой можно было присягать. Такъ, осетины вклинуютъ и говорятъ теперь еще: *«Именемъ присяги божей уверяю тебя!»* *«Да обратится на меня присяга божія, если я солгалъ, слышалъ!»* *«Да обратится на меня присяга земли!»* *«Да обратится на меня присяга вотъ этого хлѣба!»* *«Да обратится на меня присяга золота, серебра!»* *«Присягой этимъ святымъ клянусь, я тебя не видѣлъ!»* *«Присягой вотъ этими людьми!»* А слова: *«Да обратится на тебя присяга божія,—да обратится на тебя присяга земли!»* и т. п. были словами пожеланія страшнаго проклятія Бога, земли и тому подобное. Въдъ одно слово *«ард»* великое дѣло! восклицали и восклинають и теперь осетины: *«какъ ее принять!»* Святость присяги была такъ велика въ сознаниі осетинъ, что было предосудительно прибѣгать въ ней часто; частое принятіе присяги умаляло честь и доброе имя каждаго присягопринца въ глазахъ общества, ибо предполагалось, что обѣщавшіеся къ этой святости часто—непремѣнно, хоть одинъ разъ, да нарушали ее, такъ-что на каждаго изъ нихъ смотрѣли какъ на смѣлаго и дерзкаго грѣшника, злоупотреблявшаго именемъ святости, и потому какъ на человѣка съ очень подозрительною честью и репутаціею, для котораго ничего не существовало святого или недозволенаго. Ихъ окрещивали *«манг-ард'ами»*—*лжеприсяжниками*, хотя-бы они не были никогда уличены или обвинены въ лжеприсягѣ, — или *«не имѣющими присяги»*, и они не могли уже пользоваться въ об-

ществу репутаціей «почетныхъ и справедливыхъ мужей» (хор раст лагта). Вотъ, почему было всегда очень много лицъ въ осетинскихъ обществахъ, которые, страшась святости присяги вообще, зарекались разъ навсегда никогда не принимать присяги, при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, чтобы не рисковать «обратить на себя ложную присягу»; потому они часто становились даже кровниками, уплачивали охотно за мнимую кровь или съ стоическимъ самопожертвованіемъ сами дѣлались невинными жертвами кровоместниковъ, оставаясь вѣрными все-таки своему заруку—«не присягать ни за что и никогда». Однако изъ того, что частое принятіе присяги колебало и роняло репутацію присягопріимца, не слѣдуетъ еще, какъ думаютъ нѣкоторые, не понимающіе значенія присяги въ судопроизводствѣ осетинъ, чтобы они имѣли право оскорбляться требованіемъ потерпѣвшаго—«дать ему *обычай страны*», т. е. присягнуть: присяга была судебнымъ доказательствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для обвиняемаго средствомъ судебной защиты. Значитъ, по обычному праву, прибѣгать къ ней можно было каждый разъ, когда это кому вужно было и, разумѣется, никто не имѣлъ права думать, что требованіемъ присяги отъ лица покушаются на его доброе имя, ибо потерпѣвшій, требуя присяги—*ард*—отъ подозрѣваемаго, требовалъ только удовлетворенія по народному праву, не больше.

Наконецъ, было много обстоятельствъ, которыя укрѣпляли и возвышали святость присяги еще болѣе въ сознаніи осетинъ. Легкомысленныхъ и недобросовѣстныхъ присягопріимцевъ общественная совѣсть наказывала непоѣрно строго: она публично, черезъ *крикуна* (*фидіог'а*) безславила ихъ, оглашая «*мангард'ами*» т. е. лжеприсяжниками, и съ той поры имъ уже бивально невозможно было оставаться въ томъ обществѣ, гдѣ они обезславлены, ибо они лишались всякаго кредита въ томъ обществѣ, и оно избѣгало ихъ, какъ опаснѣйшихъ своихъ враговъ; а въ частной жизни осетинъ ругань «*манг-ард*» — «лжеприсяжникъ» — служила очень часто началомъ кровавыхъ расправъ и родовой мести. Во-вторыхъ, *публичность*, въ иныхъ мѣстахъ Осетіи, и особенная *обрядность* и *торжественность*, съ коими сопровождалось принятіе присяги, обяательно располагали къ признанію святости присяги. Такъ-какъ принятіе присяги считалось дѣломъ весьма важнымъ въ общественномъ сознаніи, то оно,

понятно, всегда интересовало общество и происходило постоянно на его глазах. Въ важныхъ дѣлахъ, о днѣ и мѣстѣ присяги оповѣщались родные и знакомые, какъ потерпѣвшаго, такъ и присягопріимца, которые сходились къ назначенному для присяги мѣсту, по преимуществу—къ капищу мѣстнаго дзуара, такъ-какъ присяги по большей-части принимались именемъ дзуара; или къ могилѣ убитаго, или къ спорной землѣ и т. д. Собранія были особенно многочисленны на присягахъ по кровнымъ дѣламъ. Сюда стекались все сородичи потерпѣвшаго и присягопріимца въ полномъ вооруженіи. Въ почтительномъ отдаленіи отъ мѣста клятвы, по одну сторону становились одни, по другую—другіе, по срединѣ частные люди, обязанность которыхъ состояла въ обезоруженіи родственниковъ потерпѣвшаго и присягопріимца на мѣстѣ присяги, въ свидѣтельской роли принятія присяги и въ устраненіи возможнаго столкновенія между сторонами, если-бы возникло какое-либо недоразумѣніе относительно присяги. Затѣмъ, выступали потерпѣвшій и за нимъ уже присягопріимецъ съ своими присяжниками, становились передъ дзуаромъ и, съ простертою простою палочкою или съ святою съ головы шапкою по направлению дзуара, торжественно и громко, обнаживъ голову, произносили клятву именемъ дзуара: *«О Уаццлла (или о Уастырджи)! да съзмъ болѣзни твои,—сила твоя велика! если я знаю что-либо лихого или добраго касательно взводимаго на меня дѣла, то погуби меня вотъ со всеми тѣми родственниками! да обрати присягу твою на мое потомство!»* или именемъ дзуара и Бога вмѣстѣ: *«о Боже, создатель свѣта! о великіе дзуары! если я знаю что-либо добраго или лихого по настоящему дѣлу, то обратите на меня и потомство мое проклятiе ваше! Если же меня напрасно не оставляютъ въ покоѣ, то не прощайте имъ этого!»* После произнесенія клятвы, присягопріимецъ бросалъ впередъ палочку, которую держалъ въ рукѣ. Палочка служила, по народному понятію, присягопріимцу средствомъ отвода страшныхъ послѣдствій присяги отъ себя и своихъ ближнихъ: полагали, что присяга *«обращалась къ палочкѣ»*. Бросая отъ себя палочку, присягопріимецъ какъ-бы бросалъ отъ себя вмѣстѣ съ палочкой и послѣдствія присяги. По принятіи присяги обвиняемымъ, все многочисленное собраніе, оставивъ принявшаго присягу еще на мѣстѣ, поспѣшно, обыкновенно скорымъ бѣгомъ, удалялось оттуда и расходилось по домамъ, стараясь еще долго послѣ того, недѣли двѣ по-крайней-мѣрѣ, не встрѣчаться съ присягнувшимъ,

ибо каждый осетинъ, какъ я сказала выше, былъ того убѣжденія, что присягнувшій обращаетъ силу ложной присяги не только противъ себя и своихъ ближнихъ, но и противъ каждаго члена общества, который первый встрѣтится съ нимъ по принятіи ложной присяги. Поэтому неудивительно, что въ каждомъ говорило чувство самоохраненія и оттого каждый отъ присягнувшаго убѣгалъ и прятался долго, не исключая даже домашнихъ; оттого и онъ самъ, заранѣе заготовивъ себѣ достаточную провизію въ какомъ-либо уединенномъ мѣстѣ, не возвращался обыкновенно въ продолженіи двухъ и болѣе недѣль домоѹ. Особенно торжественно принималась присяга въ обществахъ Нарскомъ, Заккинскомъ и Мамисонскомъ. Тамъ присяга была обставлена болѣе обрядностью и торжественностью, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Сѣверной и Южной Осетіи. Вотъ какъ рассказываетъ о принятіи присяги въ этихъ обществахъ одинъ выходецъ изъ Заккинскаго общества: «Въ этихъ обществахъ присягали именемъ *Хохъ-дзуара* (горный дзуаръ). За недѣлю до принятія присяги, присягопріимецъ и его присяжники, если онъ присягалъ съ присяжниками, соблюдали необыкновенную чистоту, опрятность, скромность и воздержаніе въ половомъ отпращиваніи. Въ день принятія присяги, вечеромъ, они одѣвались въ бѣлое отѣваніе, въ бѣлую шапку и носки изъ бѣлой бумажной матеріи и, объявивъ жителямъ, что присягопріимецъ и его присяжники идутъ на присягу и чтобы поэтому никто не выходилъ изъ дому, отправлялись на присяжное мѣсто, гдѣ и принимали присягу. Однажды назначила намъ, нашей фамиліи, фамилія Гаджита присягу въ лицѣ лучшихъ мужей своихъ. Дѣло было такъ: какой-то Бобá изъ Гаджита, нарскій житель, былъ на охотѣ, свалился гдѣ-то въ пропасть и погибъ тамъ. Гаджита стали подозрѣвать насъ, именно Эпре изъ нашей фамиліи, въ убійствѣ Бобá, на томъ основаніи, что у Эпре была такая-же жирничка, какъ у Бобá; потому они стали требовать отъ него «обычай страны», т. е. присягу. Мы-же, родственники Эпре, убѣдились, что на него наговорили напрасно, поэтому согласились принять присягу. Въ присяжники Эпре фамилія Гаджита назначила: Таги, Цега, Идарыко, Занг'а и Бурдын'а. Вечеромъ они отправились къ сборному мѣсту—къ перевалу, взявъ съ собой шашлыкъ, араку и пышекъ. Гаджита были уже тамъ. Утромъ другого дня, не взошло еще солнце, какъ Эпре, съ своими присяжниками, и Гаджита пришли къ присяжному мѣсту—къ *Хохъ-дзуару*. «*О Боже и Хохъ-дзуаръ! если Дзайта* (это наша фамилія) виновны, то

пожалуйте насъ *), если - же не виновны, не накажите насъ, а накажите тѣхъ людей, которые подстрекали насъ! взмолился Хабилы Гаджита до присяги. Наши приступили къ присягѣ: «О Боже! не знаемъ даже, что за мужчина былъ Боба. О Хохы-дзуаръ! клянемся именемъ твоимъ, что мы ничего не знаемъ по настоящему дѣлу! Я-бы не заставилъ, добавилъ Эпре, своихъ родственниковъ вмѣсто кровной платы принимать ложную присягу!» Такъ приняли они присягу и воротились къ перевалу. Здѣсь провели весь день, по наступленіи - же ночи они разошлись. Съ того времени всѣ наши родственники ежегодно, по очереди, въ день принятія присяги устраивали торжественное моленіе. Тэуканъ Гаджита къ концу года погибъ, Хабилы тоже къ концу года, — Гаута Гаджита тоже: это потому, что они заставили насъ напрасно присягнуть. Говорить, когда Хабилы умиралъ, онъ восклицалъ: «Говорилъ я вамъ: не заставляйте напрасно присягать! — Сынвья! рѣжетъ меня Хохы-дзуаръ»!!.. Да, я забылъ сказать тебѣ, куда дѣлся Боба. Спустя немного времени послѣ принятія присяги нашей фамиліей, одинъ охотникъ нашель въ пропасти трупъ Боба, жирничка тоже оказалась при немъ. Вѣрно, онъ былъ снесенъ обваломъ». Въ этомъ разсказѣ довольно хорошо и полно изображена самая процедура присяги, а потому я отдѣльно повторять процедурную сторону присяги уже не буду.

Сказавъ о сущности, значеніи и процедурѣ присяги—ард'а, я сваяу теперь о родахъ и видахъ присяги. Родовъ присяги два: первый родъ—положительныхъ присягъ, т. е. произнесеніе клятвы именемъ народныхъ божествъ и святостей, въ широкомъ смыслѣ слова; второй родъ *фрдкаенд* или *фрнкаенд*, т. е. *соизволеніе посвящать покойникамъ гадовъ и падаль*.

Къ присягамъ перваго рода относится присяга *дзуар'ами*. Она считалась всегда присягой первостепенной важности, по такой - же важности и святости самихъ *дзуаровъ* въ сознаніи народа. Поэтому, къ ней прибѣгали чаще всего: въ ней

*) Т. е. иносказательно: «накажите Дзайта».

больше другихъ присягъ находили залога къ открытію истины. Она назначалась по преимуществу въ важныхъ дѣлахъ, какъ то: въ дѣлахъ по убійству — кровныхъ, пораненію, растлянію и изнасилованію дѣвѣцъ и женщинъ, по противоестественному совокупленію, по крупнымъ кражамъ и т. п., исключительно по желанію потерпѣвшаго, а въ дѣлахъ маловажныхъ, — въ малыхъ кражахъ, — судомъ.

Другой видъ присяги этого рода — присяга Богомъ — *ард хуцагой*, по правиламъ религіи христіанской и мухаммеданской. Клятва произносилась и произносится именемъ Бога Всемогущаго. Присяга эта стала входить въ употребленіе сравнительно очень недавно. Христіанство было извѣстно съ давняго времени осетинамъ, благодаря Грузіи. Только оно никогда не могло привиться къ нимъ, какъ формальная религія съ своими догмами. Они такъ-же легко, какъ принимали христіанство изъ устъ миссіонеровъ, приходившихъ изъ Грузіи періодически съять, возобновлять и освящать слово Божіе въ Осетіи *), — промѣнивали его опять на свои языческія вѣрованья и представленія, къ которымъ они, по уходѣ грузинскихъ миссіонеровъ, такъ охотно возвращались въ виду отсутствія правильной, постоянной пропаганды изъ школъ и церквей. Потому и въ своей юстиціи они, сроднившись съ собственными языческими представленіями, присягали по преимуществу именами своихъ народныхъ святыхъ и божествъ — дзуаровъ, сопоставляя впрочемъ также часто въ клятвѣ слово «*дзуаръ*» съ христіанскимъ «*Богомъ* — создателемъ свѣта», что видно изъ вышеприведенныхъ клятвъ. Это преобладаніе дзуаровъ въ вѣрованьяхъ осетинъ продолжалось очень долго, вплоть до нашихъ дней. Оно пораждало и преобладаніе присяги «дзуарами» надъ присягой «Богомъ», продолжавшееся тоже почти до нашихъ дней.

Въ 1858 году, полковникъ Мусса Кундуховъ, бывший начальникъ Осетинскаго округа, въ своей прокламаціи и запискахъ увѣщевалъ подвѣдомственныхъ ему осетинъ отказаться отъ «бездушныхъ истукановъ и идоловъ, заслуживающихъ лишь презрѣніе», и молиться христіанамъ и мухаммеданамъ въ церквяхъ и мечетяхъ.

*) Последнимъ миссіонеромъ, рассказывають, въ Осетіи былъ Николай Самаргудіани, проповѣдывавшій около 1820 г.

Съ утвержденіемъ русской власти въ Осетіи, т. е. съ 1831 года, правительство, въ устроенныхъ пмъ для народа судахъ, требовало отправления присяги по христіанскому или мухаммеданскому обрядамъ; съ того времени присягали, и то только въ правительственныхъ судахъ, по обрядамъ этихъ религій. Но народъ все-таки предпочиталъ свою присягу и потому чуть-ли не большинство его не обращалось къ правительственнымъ судамъ, кончалъ дѣла въ средѣ своей присягой дзуарами. Главнымъ образомъ и присяга передъ алкораномъ, по преимуществу въ мечети, не могла имѣть мѣста въ правосудіи осетинъ почти до водворенія русской власти въ Осетіи, т. е. до 1825 года, такъ-какъ только около этого года сталъ распространяться исламизмъ въ Дигоріи, въ Тагаурскомъ обществѣ—въ аулахъ Кобань, Саниба, Кави, Цми, Фудхузъ, жители конхъ частью впоследствии выселились на плоскость, и отчасти въ Куртатинскомъ и Аллагурскомъ обществахъ. Съ 1831 года правительство стало въ своихъ судахъ требовать отъ мухаммеданъ отправления присяги по мухаммеданскому обряду. Не смотря на это, мухаммедане-осетины въ своей средѣ, въ своихъ медиаторскихъ судахъ, не прибѣгали къ этой присягѣ вплоть до шестидесятыхъ годовъ; они видѣли въ ней мало святости и каръ для клятвopеступниковъ и, слѣдовательно, мало залога для открытія истины. Отъ этого, какъ мухаммедане, такъ и христіане, гораздо охотнѣе принимали мухаммеданскую или христіанскую присягу, чѣмъ собственно осетинскую народную присягу, шли даже на ложную присягу, оправдываясь: «что это за присяга (мухаммеданская или христіанская)! вотъ наша присяга, такъ это присяга настоящая, ее трудно принять!» Христіанская и мухаммеданская присяги получили окончательно постоянное дѣйствіе и примѣненіе въ юридической жизни осетинъ только съ правильной организаціей правительственныхъ судовъ, т. е. съ 1858 года, съ устройствомъ горскаго словеснаго суда.

Къ этому-же роду присягъ относится *присяга убитымъ миломъ*. Эта присяга была очень популярна въ жизни осетинъ и потому къ ней прибѣгали очень часто. Она состояла въ слѣдующемъ: лицо, которое подозрѣвали въ убійствѣ, — присягопріемецъ, — при многочисленномъ стеченіи народа, самъ одинъ или въ сопровожденіи присяжниковъ, долженъ былъ звиться на могилу убитаго, взяться за памятникъ убитаго одной рукой и произнести слѣдующую фразу: *«Покойникъ! Если я къ чему-либо причастенъ*

въ убійствѣ твоёмъ, да буду тебѣ конемъ на томъ свѣтѣ, да
взять мнѣ всѣ грѣхи твои на томъ свѣтѣ»!, послѣ которой три
раза обходилъ могилу покойника кругомъ. По произнесеніи этой
клятвы присягопріимецъ, потерпѣвшіе протягивали ему руку
примиренія, и онъ считался уже правымъ. Клятву эту называли
самопосвященіемъ—*кифаелдистн*. Въ ней заключалось, по понятію
народа, довольно много сраму для присягопріимца, потому мало
кто рѣшался принять эту присягу, дѣлаясь охотнѣе кровникомъ,
чѣмъ выносить посрамлявшее дѣйствіе этой присяги, и тѣмъ
болѣе еще, что принявшіе эту присягу пользовались подозритель-
ною репутаціей,—ихъ называли *фаелдгст*—*посвященными*. По-
срамлявшее дѣйствіе ея увеличивалось еще болѣе, когда потер-
пѣвшіе, имѣя темныя догадки или предчувствія о совершеніи
убійства присягопріимецъ, чтобы сдѣлать принятіе присяги бол-
ѣе труднымъ или даже невозможнымъ, надѣвали ему на шею
животную кишку съ кровью, называвшуюся *красной кишкой*, и,
водя его кругомъ могилы и коля кинжалами кишку, чтобы текла
изъ нея кровь, заставляли произносить вышеприведенную фразу.

Далѣе, присяги *золотомъ*, *серебромъ*, *скотомъ* и *хлѣбомъ*,
тоже виды этого рода присяги, имѣли мѣсто при кражахъ или
причиненныхъ убыткахъ въ такого-же рода имуществахъ, т. е.
въ *вещахъ золотыхъ*, *серебряныхъ* и т. п. Подозрѣваемый въ по-
хищеніи золотыхъ и серебряныхъ вещей обыкновенно присягалъ:
*«Клянусь присягой вотъ этого золота или серебра,—я ничего не
знаю по настоящему дѣлу!»* или: *«да обратится на меня при-
сяга этого золота или серебра, если только я знаю что-либо
по настоящему дѣлу!»* При такихъ присягахъ присягопріимецъ
и потерпѣвшій имѣли передъ собой какое-либо оправленное въ
золото или серебро оружіе. Что-же касается до присяги *скотомъ*,
то она состояла въ слѣдующемъ: присягопріимецъ подходилъ къ
какой-либо скотинѣ и, взявъ ее за ухо, произносилъ: *«Да по-
стигнетъ меня присяга вотъ этимъ скотомъ (указывается при
этомъ на весь скотъ), если только я виновенъ въ этомъ дѣлѣ!»*
или: *«Да погубитъ меня создатель этой скотинны, если только
я виновенъ!»* Присяга *хлѣбомъ* совершалась тоже просто: присяго-
пріимецъ бралъ хлѣбъ въ руку, или указывалъ только рукой на
хлѣбъ въ сиврадахъ, и произносилъ: *«Да обратится на меня при-
сяга хлѣбомъ, если въ чемъ я виновенъ!»*

Сюда-же надо причислить еще два вида оригинальныхъ при-

сягъ, къ которымъ обращались очень часто. Въ народѣ существовало повѣрье, что вѣщепреступникъ именемъ земли въ день смерти не находитъ мѣста для успокоенія въ лонѣ земли, что земля отказываетъ ему въ покоѣ, поэтому онъ испытываетъ страшно-мучительную агонію, служащую, по понятію народа, признакомъ грѣшной земной жизни умирающаго. Въ виду этого повѣрья, такъ-какъ оно достаточно заключало въ себѣ страха для всякаго суевѣрнаго осетина, обычнымъ правомъ установлена присяга *землей* въ поземельныхъ спорахъ. Ее принималъ обыкновенно отвѣтчикъ слѣдующимъ образомъ: присягопримецъ, набравши въ полу черкески или бешмета земли, долженъ былъ, обходя границы спорнаго участка и сыпая по нимъ находившуюся у него въ полѣ землю, произносить: *«Да обратится на меня присяга вотъ этой земли, если только по эти границы не принадлежитъ мнѣ земля эта!»* Обошедъ такимъ образомъ участокъ, онъ становился уже безспорнымъ его собственникомъ, ибо присяга принята.

Существовалъ еще слѣдующій видъ присяги. Потерпѣвшій подходилъ публично къ подозрѣваемому и требовалъ отъ него—протянуть ему, потерпѣвшему, «руку правдивую такого-то покойника своего», въ свое оправданіе. Избирался потерпѣвшимъ самый почтенный покойникъ подозрѣваемаго. Если подозрѣваемый, произнося: «На тебѣ правдивую руку моего такого-то покойника» (котораго онъ называлъ по имени), протягивалъ ему руку, то, значитъ, присяга принята. Это была важная присяга: передъ нею, такъ сказать, пасовали даже отъявленные воры.

• Въ Нарскомъ обществѣ, Л. К. признался передъ потерпѣвшимъ, когда этотъ послѣдній потребовалъ у него *«протянуть ему руку славнаго своего дяди Д.»*, что онъ, Ка...въ, въ воровствѣ двухъ лошадей его виновень.

Второй родъ присяги — *фрдкаенд* или *фринкаенд*, т. е. соизволеніе посвящать покойникамъ подозрѣваемаго лица *разныя гадости*, въ широкомъ смыслѣ слова. По повѣрьямъ и мифологическимъ представленіямъ осетинъ, покойники на томъ свѣтѣ живутъ такъ-же, какъ и мы живемъ: они имѣютъ надъ собою властелина, подобно намъ, въ лицѣ своего начальника *Барастыра* и, подобно намъ, тоже не могутъ быть безъ пищи; на этомъ пос-

гднемъ основывается дѣланіе поминокъ покойникамъ у осетинъ. Память покойниковъ составляла большую святость для всякаго осетина. Посвященіе-же гадостей, какъ-бы вмѣсто поминокъ, покойникамъ считалось поруганіемъ надъ ними, которое всякій осетинъ обязавъ былъ отводить отъ своихъ покойниковъ. Въ виду этого, обычай давалъ право потерпѣвшему отъ кражи эксплуатировать эту святость памяти покойниковъ въ пользу открытія похитителей или недоносителей-свидѣтелей, и ею дѣйствительно пользовались потерпѣшіе отъ кражи. Они посвящали покойникамъ воровъ и свидѣтелей-недоносителей разными гадостями. Это посвященіе происходило слѣдующимъ образомъ: потерпѣвшій, на публичномъ мѣстѣ, при стеченіи народа, на вколоченной въ землю вѣхѣ вѣшалъ кошекъ или собакъ и разстрѣливалъ ихъ, произнося слѣдующую фразу: *«Эти кошки и собаки да дудуть посвящены покойникамъ того, кто укралъ у меня лошадь, или кто, зная вора, скрываетъ его!»* Или онъ выходилъ съ большой палкой въ рукѣ, становился около навоза, или падали, и громко посвящалъ: *«Да съдятъ все это покойники того, кто укралъ у меня лошадь, или кто скрываетъ вора!»* Такія посвященія были страшны для осетинъ, потому воръ признавался въ кражѣ, а свидѣтели открывали вора и тѣмъ предупреждали эти оскорбительныя для покойниковъ посвященія. Иносказательно эти посвященія народъ называлъ *вытаскиваніемъ покойниковъ на солнце*.

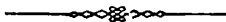
Было еще посвященіе другого рода: потерпѣвшій вынималъ кинжалъ подозрѣваемаго изъ ноженъ, втыкалъ его въ навозъ и, обратившись къ подозрѣваемому, говорилъ ему: *«если ты правъ, то пойди и возьми свой кинжалъ»*. Если онъ бралъ свой кинжалъ, то считается оправданнымъ; въ противномъ случаѣ отвѣчалъ за кражу.

Наконецъ, существовала еще присяга, которую нельзя отнести ни къ одному изъ этихъ двухъ родовъ присяги; она основывалась на суевѣрїи и состояла въ слѣдующемъ. При пропажахъ и кражахъ движимаго имущества, по преимуществу-же мелкихъ женскихъ вещей, подозрѣваемому назначалась потерпѣвшимъ лицомъ присяга: *«перепрыгиваніе черезъ зажженную волчью жилу»*. Бралась высушенная волчья жила, зажигалась и вдалась въ небольшую яму; потомъ прикрывалась землей, чтобы могла дымиться. Подозрѣваемый долженъ былъ перепрыгнуть черезъ нее.

Если подозрѣваемый былъ виновенъ въ похищеніи вещи и ложно, однако, присягнулъ, т. е. «перепрыгнулъ черезъ водчью жилу», то онъ, полагая, долженъ *«сдѣлаться калѣкой»*, долженъ *«искривиться»*.

Таковы роды и виды присяги по обычному осетинскому праву.

Джантемиръ Шаниевъ.

АДАТЫ ДАРГИНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ *).

Въ Даргинскомъ округѣ существуютъ адаты:

- 1) Общiе для всего округа.
- 2) Частныя въ каждомъ изъ семи обществъ, входящихъ въ составъ округа.
- 3) Адаты, установленныя на нѣкоторые случаи между жителями Даргинскаго округа и смежныхъ съ нимъ округовъ.

Жалобы между жителями двухъ разныхъ деревень, хотя-бы деревни эти принадлежали къ одному обществу, разбираются и рѣшаются по общимъ адатамъ.

Жалобы между жителями одной деревни, если въ обществѣ, къ которому принадлежатъ эта деревня, существуютъ соотвѣтствующiе жалобѣ частныя адаты, разбираются и рѣшаются по частнымъ адатамъ, а изъ общихъ адатовъ примѣняются только тѣ, которые въ томъ обществѣ существуютъ безъ измѣненiя.

Жалобы между жителями двухъ отселковъ (махи), принадлежащихъ къ одной деревнѣ, разбираются по частнымъ адатамъ, какъ и жалобы между односельцами.

Жалобы между жителями Даргинскаго округа и смежныхъ округовъ разбираются и рѣшаются по общимъ адатамъ; но въ тѣхъ случаяхъ, на которые между округами, къ коимъ принадлежатъ спорящiе, установленъ особый адатъ, общiе адаты замѣняются особо установленными.

а) ОБЩIЕ АДАТЫ.

Въ Даргинскомъ округѣ по адатамъ разбираются и рѣшаются претензiи по слѣдующимъ предметамъ:

*) Даргинскiя общества (Акуша, Цудакаръ, Муги, Микахя, Хюраки, Усиша и Сиргуа) въ административномъ отношенiи составляютъ Даргинскiй округъ.

- 1) По убійству.
- 2) По пораненію; по удовлетвореніе за рану и увѣще опредѣляется шаріатомъ.
- 3) По ссорамъ, дракамъ и побоямъ.
- 4) По увозу женщинъ.
- 5) По лъзасилованію женщинъ.
- 6) По разврату.
- 7) По воровству.
- 8) По грабежу.
- 9) По поджогамъ.
- 10) По порчамъ чужаго имущества.
- 11) По потерямъ и находкамъ.

12) По гражданскимъ спорамъ и искамъ всякаго рода; но сюда не относятся: а) тяжбы о принадлежности имущества, б) споры по куплѣ, продажѣ и мѣнѣ и в) дѣла о наслѣдствѣ и духовныхъ завѣщаніяхъ. Дѣла этихъ трехъ категорій разбираются по шаріату.

Тяжбы относительно принадлежности недвижимаго имущества, если они возникли между частнымъ лицомъ и цѣлымъ обществомъ деревни (джамаатомъ), разбираются по адату.

Дѣла по бракамъ разбираются по шаріату; но если послѣ номолвки бракъ почему-либо не состоится и возникнетъ споръ относительно подарковъ, сдѣланныхъ женихомъ невѣстѣ и невѣстою родственникамъ жениха, то споръ этотъ разбирается и рѣшается по адату.

Предъявленіе претензій. Претензіи предъявляются или самимъ обиженнымъ или ближайшимъ его родственникомъ *).

Когда баранта находится на пастьбѣ въ общихъ стадахъ, то претензіи по всѣмъ дѣламъ касательно стада предъявляетъ старшій пастухъ (одоманъ или хола-букунъ **). Онъ-же отвѣчаетъ за сдѣланныя стадами потравы, а также по всѣмъ претензіямъ по воровству, возводимымъ на пастуховъ стада, если только дѣйствительно виновный пастухъ не будетъ извѣстенъ.

*) По дѣламъ бывшихъ рабовъ (куловъ и каравашекъ) предъявляли за нихъ претензіи, а также отвѣчали по взведеннымъ на нихъ претензіямъ владѣльцы ихъ.

Всѣ претензіи между кулами и каравашками одного владѣльца разбирались самимъ владѣльцемъ.

**) Одоманъ — названіе старшаго пастуха, общее во всемъ округѣ; хола-букунъ — тоже названіе на Акушнскомъ нарѣчій.

Право предъявлять претензіи переходитъ къ наследникамъ, если умершему слѣдовало удовлетвореніе и онъ не потерялъ по-чему-либо права на оное, по слѣдующимъ дѣламъ: по убійству родственниковъ, по воровству, грабежу, поджогамъ, порчѣ имущества, потерямъ и находкамъ и по гражданскимъ спорамъ и искамъ.

Равнымъ образомъ по этимъ-же дѣламъ, за смертію отвѣтчика, претензія можетъ быть взведена на наследниковъ и родственниковъ его, но тогда только, если обвиненіе на умершаго заявлено еще при жизни его. По гражданскимъ искамъ, а также по воровству, когда уворованное найдено, претензіи принимаются, хотя-бы онѣ были заявлены и по смерти отвѣтчика.

Если истецъ состоитъ должнымъ отвѣтчику, то обязанъ сперва уплатить долгъ, безъ чего претензія его не разбирается. Исключеніе допускается только по такимъ дѣламъ, когда кредиторъ дѣлается кровнымъ врагомъ своего должника.

До окончательнаго рѣшенія одного дѣла, тяжущіеся не могутъ вводить другъ на друга новыхъ претензій, кромѣ такихъ, справедливость коихъ очевидна и не требуетъ никакихъ доказательствъ; но если при первоначальномъ предъявленіи жалобы истецъ объявлялъ претензію на одно лицо по нѣсколькимъ предметамъ, то разборъ всѣхъ претензій допускается и въ одно время.

Когда тяжущіеся согласились предоставить споръ свой разбору по маслаату *), то они не могутъ требовать разбора того-же дѣла по адату, если маслаатное рѣшеніе уже состоялось.

Претензіи по подозрѣніямъ. По однимъ подозрѣніямъ, безъ всякихъ другихъ поводовъ къ обвиненію, претензіи допускаются по убійству, воровству, поджогу, порчѣ чужаго имущества и утайкѣ найденной вещи.

Если невинность обвиняемаго будетъ очевидна для разбирающихъ дѣло, то претензія по одному подозрѣнію не принимается.

Не допускаются претензіи по одному подозрѣнію ни по какимъ дѣламъ, кромѣ убійства:

- 1) На кадевъ, картовъ, мангушей, будуновъ и гаджievъ.
- 2) На давшихъ обѣтъ передъ джамаатомъ не воровать.
- 3) На безумныхъ и сумасшедшихъ.

*) Разборъ черезъ посредниковъ.

4) Претензіи другъ на друга лицъ, состоявшихъ въ супружествѣ и потомъ разведенныхъ.

5) Претензіи между членами двухъ семействъ, состоящихъ между собою въ кровной враждѣ *)).

Претензіи между дальнѣйшими родственниками двухъ семействъ, состоящихъ между собою во враждѣ, а также между дальнѣйшими родственниками одного изъ этихъ семействъ и ближайшими членами другого, допускаются по подозрѣнію, но истецъ долженъ принять присягу *затунъ-талахъ* **), съ двумя родственниками, въ томъ, что онъ взводитъ обвиненіе не по враждѣ.

Если кто былъ прежде обвиненъ не доказательствами, а только по подозрѣнію въ одномъ изъ слѣдующихъ преступленій: воровствѣ, поджогѣ, порчѣ имущества и утайкѣ найденной вещи и, потомъ, до истеченія года со времени обвиненія на него будетъ взведено тѣмъ-же лицомъ новое обвиненіе въ одномъ изъ означенныхъ преступленій опять по одному подозрѣнію, или онъ взведетъ обвиненіе, тоже по подозрѣнію, на того, кто прежде обвинитъ его,—то такія претензіи хотя и принимаются, но разборъ ихъ отлагается до истеченія года со времени прежняго обвиненія.

Подозрѣніе можетъ быть объявлено въ одно время только на одно лицо.

Объявившій подозрѣніе на одного можетъ впоследствии объявить по тому-же дѣлу подозрѣніе на другого, но сперва долженъ потребовать отъ перваго обвиненнаго очистительную присягу, безъ чего претензія на другого не принимается.

Претензія по подозрѣнію по одному и тому-же дѣлу можетъ переходить такимъ-же порядкомъ на семь человекъ; на восьмого претензія безъ доказательствъ уже не принимается.

Присяга. При разборѣ дѣлъ по адагу, для дознанія справедливости иска, обвиненія или подозрѣнія, требуется, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или присяга истца, или очистительная присяга отъ отвѣтчика, или присяга свидѣтелей ***).

*) Въ числѣ членовъ семейства считаются всѣ родственники главы семейства первыхъ трехъ степеней, хотя-бы они жили отдѣльно.

**) См. ниже, о присягѣ.

***) Въ некоторыхъ случаяхъ показанія этихъ лицъ принимаются безъ присяги, что объяснено ниже по каждому роду дѣлъ.

Истецъ и отвѣтчикъ, а въ вѣкоторыхъ случаяхъ и свидѣтели, присягаютъ съ своими родственниками.

Присяга, смотря по роду дѣла, требуется: или кораномъ, или кебиномъ жены (хатунъ-талахъ). Если откроется, что присяга хатунъ-талахъ принята ложно, то присягнувшій долженъ развестись съ своею женою, и кебинъ, данный имъ женѣ при вступленіи въ бракъ, не возвращается ему.

Имѣющій нѣсколькихъ женъ присягаетъ кебиномъ одной изъ женъ по своему желанію и долженъ упомянуть объ этомъ въ присягѣ.

Когда тотъ, кто долженъ присягнуть хатунъ-талахъ, не женатъ или далъ обѣтъ никогда не присягать хатунъ-талахъ, то присягаетъ кораномъ.

Въ какихъ случаяхъ требуется присяга истца и въ какихъ случаяхъ очистительная присяга отъ отвѣтчика, будетъ объяснено ниже по каждому роду дѣлъ порознь.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда присяга требуется отъ истца, онъ, если не пожелаетъ присягать, можетъ потребовать отъ отвѣтчика очистительную присягу *).

По претензіямъ, предъявленнымъ лицами, давшими обѣтъ никогда не присягать, въ тѣхъ случаяхъ, когда положено присягу требовать отъ истца, всегда принимаетъ очистительную присягу отвѣтчикъ.

По претензіямъ на женщинъ, взводимымъ по одному подозрѣнію, присяга истца допускается только по убійству; по прочимъ-же дѣламъ; если подозрѣваемая не была прежде обвинена въ подобномъ преступленіи, присяга истца не допускается, а требуется очистительная присяга. При этой присягѣ всегда требуется 6-ть родственниковъ, хотя-бы по роду дѣла требовалось для присяги и больше родственниковъ.

Когда претензія предъявлена по одному подозрѣнію и за смертію отвѣтчика переходитъ на наследниковъ, то всегда тре-

*) При разборѣ дѣлъ, возникающихъ между жителями Кабадаргинскаго магала, а также по дѣламъ жителей этого магала съ жителями другихъ обществъ, присяга истца допускается только по убійству, грабежу и пораненію при ограбленіи, а также по нѣкоторымъ видамъ воровства, а въ остальныхъ дѣлахъ всегда требуется очистительная присяга отъ отвѣтчика.

буется очистительная присяга отъ наслѣдниковъ. Присяга-же истца допускается только по подозрѣнію въ убійствѣ.

Когда претензія по подозрѣнію изведена была на одного и съ него потребована очистительная присяга, то по объявленіи подозрѣнія по тому-же дѣлу на другихъ, присяга истца уже не допускается, а требуется очистительная присяга отъ обвиняемыхъ.

Но если истецъ при объявленіи перваго подозрѣнія изъ-явилъ готовность самъ присягнуть и только по просьбѣ подозрѣяемаго предоставилъ ему очистить себя присягою, то по объявленіи имъ подозрѣнія на другого, можетъ и самъ принять присягу.

Если потребуется очистительная присяга отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, то вмѣсто ихъ присягаютъ два ближайшіе родственника, и если присяга требуется хатунь-талахъ, но родственники эти не женаты, то присягаютъ кораномъ. Число этихъ родственниковъ не увеличивается и тогда, если по роду дѣла отъ отвѣтчика слѣдовала-бы присяга съ бѣльшимъ числомъ родственниковъ.

За женщинъ, малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ, когда они должны принять присягу въ качествѣ истцовъ или очистительную присягу по возводимымъ на нихъ претензіямъ, вмѣсто ихъ присягаетъ ближайшій родственникъ *), а за замужнихъ женщинъ присягаетъ мужъ.

Если въ назначенный для присяги истца, день, онъ или кто изъ родственниковъ его не можетъ явиться, то истецъ долженъ объявить объ этомъ и представить уважительную причину; если-же онъ этого не исполнитъ, или-же если кто изъ родственниковъ его откажется присягнуть, то отвѣтчикъ можетъ принять очистительную присягу, и истецъ теряетъ всякое право по претензіи своей.

Когда присяга требуется отъ отвѣтчика и онъ или кто изъ родственниковъ его въ назначенный день не явится и не объявитъ объ этомъ, а равно если онъ или родственники откажутся присягнуть, то отвѣтчикъ обвиняется.

Отказъ отвѣтчика или родственниковъ его принять очистительную присягу, считается полнымъ доказательствомъ его ви-

*) А если присяга требуется хатунь-талахъ, то ближайшій женатый родственникъ.

ны, наравнѣ съ доказательствомъ свидѣтелями или собственнымъ сознаниемъ, хотя-бы претензія на него была взведена по одному подозрѣнію.

Во всѣхъ дѣлахъ, разбираемыхъ по адату, когда нужна присяга свидѣтелей, требуется не болѣе двухъ свидѣтелей; если же болѣе одного свидѣтеля иѣтъ, то свидѣтель этотъ долженъ присягнуть съ двумя своими родственниками, которые присягаютъ хатунъ-талахъ.

Свидѣтели всегда требуются отъ истца или обвиняющаго; отъ отвѣтчика же свидѣтели требуются тогда только, когда онъ объявитъ, что взводимая на него претензія уже удовлетворена имъ, а также когда искъ предъявленъ цѣлымъ обществомъ на частныхъ лицъ.

Свидѣтели, представляемые истцомъ, должны быть жители той деревни или отселковъ той деревни, къ которой принадлежитъ отвѣтчикъ.

Кунакъ отвѣтчика можетъ быть представленъ въ свидѣтели истцомъ, если онъ его односелецъ; но если онъ житель другой деревни того общества, къ которому принадлежитъ истецъ, или посторонняго общества, то онъ въ свидѣтели не допускается.

Кунакъ истца, если онъ житель той деревни, или отселковъ той деревни, къ которой принадлежитъ отвѣтчикъ, можетъ быть представленъ въ свидѣтели истцомъ.

Кунакъ истца или отвѣтчика присягаетъ всегда съ двумя родственниками хатунъ-талахъ, и потому другого свидѣтеля съ нимъ не требуется.

Женщина допускается въ свидѣтели тогда только, если она куначка истца или отвѣтчика, но вмѣсто нея присягаютъ два родственника ея, сама же она присягаетъ тогда только, когда требуютъ этого присягающіе за нее родственники.

Не допускаются вовсе въ свидѣтели:

- 1) Давшіе обѣтъ никогда не присягать.
- 2) Родственники истца, если они имѣютъ участіе въ разбираемомъ дѣлѣ.
- 3) Кулы и каравани, пока они состоятъ въ рабствѣ *).
- 4) Имѣющіе тяжбу съ отвѣтчикомъ, до окончанія тяжбы.

*) Этотъ обычай существовалъ до освобожденія рабовъ въ Дагестанѣ.

5) Должники отвѣтчика, пока не уплатятъ долга *).

Состоящіе въ кровной враждѣ съ отвѣтчикомъ или-же родственниками его, хотя-бы и дальними, а также всѣ родственники лицъ, состоящихъ въ кровной враждѣ съ отвѣтчикомъ, въ свидѣтели не допускаются.

Если-же отвѣтчикъ дальній родственникъ одного изъ двухъ семействъ, состоящихъ между собою въ кровной враждѣ, то дальніе-же родственники другого изъ этихъ семействъ въ свидѣтели принимаются, но должны, кромѣ свидѣтельской присяги, присягнуть въ томъ, что они свидѣтельствуютъ не по враждѣ. Присяга въ этомъ случаѣ требуется такая-же, какъ и по претензіямъ между кровными врагами.

Если въ назначенный для присяги день свидѣтели не могутъ явиться, то истецъ долженъ предварительно объявить объ этомъ, въ противномъ-же случаѣ теряетъ всякое право претендовать.

Если изъ представленныхъ свидѣтелей кто-либо, на основаніи вышеизложеннаго, или по шаріату, не можетъ быть допущенъ къ свидѣтельству, или, если бывъ допущенъ въ свидѣтели, не можетъ дать свѣдѣній, нужныхъ для удовлетворенія въ справедливости претензіи, то другіе свидѣтели вмѣсто него допускаются только въ такомъ случаѣ, когда истецъ объявилъ при самомъ представленіи свидѣтелей, что у него есть еще свидѣтели. Въ противномъ-же случаѣ другіе свидѣтели не принимаются, а требуется очистительная присяга отъ отвѣтчика, и по принятіи отвѣтчикомъ присяги, истецъ теряетъ право иска.

Тоже самое наблюдается, когда свидѣтель долженъ былъ присягнуть съ родственниками, но родственники его отказались отъ присяги.

Если обнаружится, что представленные истцомъ свидѣтели подкуплены имъ, то онъ теряетъ всякое право претендовать.

Для подтвержденія подкупа свидѣтелей требуется: собственное сознаніе истца или подкупленныхъ свидѣтелей, или-же сама ясная доказательства, не требующія ничьей присяги.

Вышеизложенные адаты относительно свидѣтелей истца примѣняются и къ свидѣтелямъ отвѣтчика или прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, когда отъ нихъ будутъ потребованы свидѣтели.

*) Если лица, означенныя въ пунктахъ 4 и 5, кунаки истца, то они допускаются въ свидѣтели наравнѣ съ прочими.

Присяга родственниковъ. Число родственниковъ, съ которыми требуется присяга тяжущихся или свидѣтелей, и случаи когда присяга допускается безъ родственниковъ, будутъ означены ниже по каждому роду дѣлъ особо.

Когда за женщину принимается очистительную присягу мужъ или ближайшій ея родственникъ, то съ нимъ по всѣмъ дѣламъ присягаесть 6 родственниковъ.

Къ присягѣ требуются ближайшіе родственники присягающаго съ отцовской стороны, мужчины, достигшіе 15-ти лѣтъ.

Когда присяга должна быть хатунъ-талахъ, то требуются ближайшіе женатые родственники.

Не требуются вовсе къ присягѣ:

1) Родственники, находящіеся за Дербентомъ, за сибъговымъ хребтомъ Урхи, за Андійскимъ Койсу и за Сулакомъ; но если присяга съ родственниками требуется отъ отвѣтчика или его свидѣтелей, и истецъ не согласится, чтобы вмѣсто находящагося далѣ означенныхъ границъ родственника присягнулъ другой, то долженъ ожидать возвращенія отсутствующаго.

2) Переселившіеся на постоянное жительство въ другую деревню, хотя-бы и своего общества. Переселившіеся въ отселки своей деревни призываются наравнѣ съ состоящими на лицо.

3) Давшіе обѣтъ никогда не присягать.

4) Состоящіе въ кровной враждѣ съ однимъ изъ тяжущихся. Съ свидѣтелемъ также не могутъ присягать родственники его, состоящіе съ нимъ въ кровной враждѣ.

5) Тѣ родственники присягающаго, которые еще прежде, до начала разбираемаго дѣла, объявили ему при джамаатѣ, что они никогда не будутъ присягать за него.

Когда присяга должна быть хатунъ-талахъ, то не требуются къ присягѣ родственники, давшіе обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ.

Состоящіе въ тяжбѣ и ссорѣ съ однимъ изъ тяжущихся отъ присяги не освобождаются, и если они откажутся присягнуть, то должны доказать основательность такого отказа.

Для призыва родственниковъ, находящихся въ отлучкѣ, полагается 15 дней.

Когда кто изъ ближайшихъ родственниковъ, по одной изъ причинъ, изложенныхъ выше, не можетъ присягнуть, то вмѣсто него требуется родственникъ, слѣдующій за нимъ по степени родства; но всегда наблюдается: 1) чтобы число родственниковъ

было то, какое требуется адатомъ, и 2) чтобы не были представлены для присяги дальніе родственники, когда есть другіе, ближе ихъ по степени родства, могущіе быть допущенными къ присягѣ.

Поэтому присягающій съ родственниками принимаетъ другую присягу кораномъ въ томъ, что ближе представленныхъ имъ родственниковъ у него нѣтъ такихъ, которые должны быть представлены къ присягѣ.

За нарушение этого правила истцомъ, онъ теряетъ право иска; если-же присяга требовалась отъ отвѣтчика и онъ скроетъ ближайшихъ родственниковъ, то онъ признается виновнымъ и дѣло рѣшается въ пользу истца.

Порядокъ удовлетворенія претензіи и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Если по рѣшеніи дѣла спорная вещь возвращается тому, кто признавъ законнымъ ея владѣльцемъ, то она должна быть передана въ такомъ видѣ, въ какомъ была до неправильнаго завладѣнія ею. За приведеніе ея въ лучшій видъ или отдѣлку возвращающей оную никакого вознагражденія не получаетъ, но тѣ улучшения, которыя могутъ быть отдѣлены отъ вещи безъ поврежденія ея, могутъ быть оставлены возвращающимъ у себя.

Если возвращаемая вещь испорчена, то два постороннія лица, знавшія ее прежде, опредѣляютъ за присягою хатунъ-татахъ количество вознагражденія, которое долженъ получить владѣлецъ вещи съ неправильно владѣвшаго ею.

Когда, при возвращеніи вещи, на неправильно завладѣвшаго ею налагается еще какое-нибудь взысканіе въ пользу истца, въ видѣ наказанія, то за порчу вещи истецъ никакого удовлетворенія не получаетъ.

Получающій обратно скотину, если во время неправильнаго владѣнія ею, отъ нея былъ приплодъ, можетъ требовать удовлетвореніе и за приплодъ, если можетъ представить доказательства, что приплодъ былъ и употребленъ въ свою пользу неправильно владѣвшимъ этою скотиною.

За пользованіе спорною вещью съ неправильно завладѣвшаго ею взысканіе опредѣляется по шаріату.

Когда по рѣшенію предоставляется истцу, взявши уворованной у него или испорченной вещи, получить другую по выбору, то для этого выбирается у постороннихъ три вещи, подобныя той, взявши которой предоставляется выборъ, но луч-

шаго качества, а скотина выбирается одинаковых лѣтъ, также лучшая. Одна вещь или скотина берется изъ того селенія, къ которому принадлежит обвиненный, а двѣ съ другихъ деревень округа. Изъ этихъ трехъ вещей истецъ беретъ по своему выбору одну.

Если хозяинъ выбранной вещи не согласится уступить ее, то итецъ выбираетъ другую изъ этихъ трехъ вещей.

Если ни одинъ изъ трехъ хозяевъ выбранныхъ вещей не согласится на добровольную уступку, то берется вещь одного изъ нихъ по жребію и безъ согласія.

Хозяинъ выбранной вещи получаетъ за нее объявленную имъ самимъ цѣну отъ обвиняемаго.

По нѣкоторымъ дѣламъ опредѣлено два размѣра взысканій: большее, когда обвиненіе доказано свидѣтелями, сознаниемъ или другими фактами, и меньшее, когда обвиненіе введено по одному подозрѣнію. Последняя степень взысканія налагается только тогда, когда претензія введена была по одному подозрѣнію и подозрѣніе это подтверждено только присягою истца. Но если была потребована очистительная присяга отъ отвѣтчика, и онъ или призванные для присяги съ нимъ родственники не присягнули, то на отвѣтчика налагается взысканіе, опредѣленное для обвиненныхъ доказательствами, хотя-бы претензія первоначально введена была на него по одному подозрѣнію.

На покрытие падающаго на обвиняемаго взысканія, если онъ не можетъ уплатить всего, что присуждено съ него рѣшеніемъ, можетъ быть взято все имущество его и жены, за исключеніемъ необходимаго платья и оружія, а также пропитанія на нѣсколько дней.

Имущество жены не обращается на пополненіе падающаго на мужа взысканія только въ такомъ случаѣ, когда она сама заявила заблаговременно, что мужъ ея дѣлаетъ непомѣрные долги или другія обязательства, превышающія его состояніе, или когда она первая объявила о сдѣланномъ мужемъ ея преступленіи и притомъ представила несомнѣнныя доказательства.

Имущество мужа также можетъ быть обращено на пополненіе взысканія, присуждаемаго съ жены. Но если взысканіе на жену налагается по дѣлу, возникшему до вступленія ихъ въ бракъ, то мужъ своимъ имуществомъ не отвѣчаетъ.

Когда, на пополненіе взысканія, имущества обоихъ супруговъ окажется недостаточно, то недостающее количество нала-

гается на родственниковъ обвиняемаго. Для этого назначаются 40 ближайшихъ родственниковъ обоого пола, по 20-ти со стороны отца и со стороны матери обвиненнаго.

Родственники жены, когда взысканіе налагается на мужа, а также родственники мужа, когда взысканіе налагается на жену, взысканію не подвергаются.

Равнымъ образомъ не подвергаются взысканію лица, состоящіе въ супружествѣ съ тѣми родственниками и родственницами обвиненнаго, на которыхъ налагается взысканіе при несостоятельности самого обвиненнаго.

Въ случаѣ смерти обвиненнаго, наложенное взысканіе платятъ наследники изъ перешедшаго къ нимъ имущества умершаго. Если-же имущества этого окажется недостаточно, то взысканіе дѣлается съ родственниковъ, какъ и при несостоятельности *).

Если несостоятельный впоследствии пріобрѣтетъ имущество, то родственники, платившіе за него, могутъ требовать отъ него возврата всего ими уплаченнаго.

Если по рѣшенію присуждено будетъ кому-либо удовлетвореніе отъ мечети, то такіа претензіи удовлетворяются цѣлымъ джамаатомъ.

Если взысканіе сдѣлано по одному подозрѣнію и впоследствии откроется дѣйствительно виновный, то онъ обязанъ вознаграждать неправильно обвиненнаго за сдѣланное съ него взысканіе.

Убійство.

Претензіи объ удовлетвореніи за кровь убитаго предъвляются ближайшими его родственниками.

Въ убійствѣ всегда обвиняется только одинъ, а если убитому нанесено нѣсколько ранъ, то два, но не болѣе, хотя-бы число убійць или число нанесенныхъ ранъ было и болѣе.

*) Относительно ответственности родственниковъ въ случаѣ несостоятельности или смерти обвиненнаго, въ каждомъ обществѣ (кроме Акушинскаго и Усишинскаго) существуетъ и свой особый адатъ; поэтому, когда за несостоятельнаго или умершаго родственника должны удовлетворить нѣсколько истцовъ, между которыми есть односельцы отвѣтчика и жители другихъ деревень или обществъ, то первые удовлетворяются по частнымъ адатамъ своего общества, а послѣдніе по общимъ адатамъ.

Если есть постороннія лица, видѣвшія, что всѣ раны на несены убитому однимъ, или если убійца самъ это объявилъ, то обвиненіе другого не допускается, а обвиняется всегда только одинъ.

Когда при совершеніи убійства не было постороннихъ лицъ и убійца не объявилъ самъ о сдѣланномъ имъ убійствѣ, то для подтвержденія вводимаго истцомъ обвинения отъ него требуется присяга съ 6-ю родственниками кораномъ.

Если убійство совершено нѣсколькими лицами, а также когда оно произошло въ дракѣ, нападеніи и вообще въ такомъ столкновеніи, гдѣ участвовало нѣсколько человекъ, то истецъ, по его усмотрѣнію, обвиняетъ изъ участвовавшихъ одного или двухъ и обвиненіе свое подтверждаетъ присягою съ 6-ю родственниками кораномъ.

Если убійца самъ сознался въ убійствѣ, то обвиненіе на другого не допускается, хотя-бы истецъ представилъ свидѣтелей въ томъ, что убійство совершено не сознающимся, а другимъ.

Умирающій отъ раны присягаетъ одинъ, кораномъ, въ томъ, кѣмъ онъ раненъ.

Если смертельно раненый указалъ виновныхъ, но не присягнувъ умеръ, то претендующій за кровь можетъ взвести обвиненіе и присягнуть только на тѣхъ, кого обвинилъ умирающій.

Число обвиненныхъ раненымъ должно быть не болѣе того, какое допускается по числу ранъ вообще.

Когда виновные указаны самимъ раненымъ, то ни собственное сознание другихъ и никакія доказательства невинности обвиненныхъ не принимаются и кромѣ ихъ никто не можетъ быть обвиненъ.

Претензія въ убійствѣ можетъ быть взведена по одному подозрѣнію, но только на одного, хотя-бы убитому было нанесено нѣсколько ранъ.

Если почему-либо не можетъ быть допущена присяга истца, или онъ не желаетъ самъ принять присягу, то требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго съ 12-ю родственниками кораномъ.

Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ убійство считается *кара*:

- 1) Если кто убилъ на собственной своей землѣ.
- 2) Если кто, отправившись на воровство или съ другимъ

какимъ-либо злымъ умысломъ, будетъ открытъ хозяиномъ и, стараясь скрытси, убьетъ хозяина.

3) Убийство съ цѣлью ограбить убитаго.

4) Если кто убьетъ, хотя и не съ цѣлью ограбить, но по совершеніи убійства возьметъ какую-нибудь вещь, принадлежащую убитому.

5) Если кто задержитъ чужую скотину на своей пашнѣ или покосѣ, а хозяинъ скотины будетъ сопротивляться этому задержанію и убьетъ задержавшаго.

6) Убийство соннаго и вообще убійство совершенное не открытымъ нападеніемъ, а такимъ образомъ, что убитый не могъ защититься отъ удара.

7) Убийство при нападеніи изъ засады.

8) Когда кто будетъ вызванъ обманомъ въ безлюдное мѣсто и тамъ убитъ.

9) Когда совершившій убійство будетъ стараться скрыть преступленіе.

10) Убийство ночью.

11) Убийство въ мечети.

12) Убийство въ присутствіи кадіа и картовъ при разборѣ ими жалобъ и общественныхъ дѣлъ.

13) Всякое убійство на урочищахъ: Дюзъ-майданъ, Чумракака, Ая-кака, Дяквa-Дюзъ, Какбарцъ, Маква-Цильда, Чартла-Ирца и Уркутъ *).

14) Убийство по подкуну другихъ.

Когда убійца не открытъ, а обвиненіе взводится на кого-либо присягою истца по подозрѣнію, то обвиненный отвѣчаетъ, какъ за убійство кара.

Но когда истецъ присягаетъ только для указанія убійцы изъ числа участвовавшихъ, то обвиненный такою присягою отвѣчаетъ какъ за простое убійство, если нѣтъ другихъ причинъ считать убійство за кара.

Обвиненный въ убійствѣ считается кровнымъ врагомъ (башъ-канлы) родственниковъ убитаго и до примиренія подвергается кровомщенію.

*) Убийство на этихъ мѣстностяхъ положено считать кара, потому что по безлюдности и отдаленности ихъ отъ населенныхъ мѣстъ здѣсь часто повторялись случаи убійства.

Вмѣстѣ съ нимъ считаются малъ-канлы 6-ть ближайшихъ его родственниковъ изъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ *).

Если въ убійствѣ обвинено двое, то малъ-канлы считается трое родственниковъ—одинъ убійцы и двое—другого.

За убійство взыскивается съ башъ-канлы:

1) За кровь убитого (адумъ), наследникамъ его 7 быковъ, въ 4 рубля каждый, и 49 кары бязи **) , и 2) джамаату того селенія, откуда убитый, для примиренія двухъ джамаатовъ, 1 быкъ.

За убійство кара къ алуму прибавляется еще 7 быковъ въ ту-же цѣну, а если убійство произошло при ограбленіи, то и штрафъ тургакамъ ***) всего Даргинскаго округа (букъ)—7 котловъ, по 2 рубля каждый.

Если башъ-канлы два, то съ обоихъ вмѣстѣ дѣлается взысканіе, равное опредѣленному выше за убійство кара, безъ различія, было-ли убійство кара или нѣтъ.

За убійство однимъ нѣсколькихъ человекъ, малъ-канлы считается тоже число родственниковъ, но взысканіе въ пользу родственниковъ дѣлается порознь за cadaго убитого полностью, штрафъ-же всегда взыскивается по числу башъ-канлы.

За неумышленное убійство взыскивается, какъ и за умышленное, но если неумышленно нанесена смертельная рана и умирающій отъ оной проститъ ранившаго, то послѣдній никакому взысканію не подвергается.

За убійство по подкупу подкупавшій никакому взысканію не подвергается.

За убійство беременной женщины, сверхъ обыкновеннаго взысканія по адату, опредѣляется взысканіе по шаріату.

За убійство кула и каравашки дѣлается вознагражденіе владѣльцу и болѣе никакому взысканію виновный не подвергается. За убійство куломъ кого-либо взысканіе дѣлается съ владѣльца и онъ-же дѣлается канлы родственниковъ убитого. Но если владѣлецъ не согласится быть канлы, то долженъ освободить куда изъ

*) *Канлы*—кровный врагъ: такъ называется убійца въ отношеніи родственниковъ убитого, подвергающійся ихъ преслѣдованію. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, вмѣстѣ съ убійцею, дѣлаются канлы и родственники или соучастники убійцы, которые называются *малъ-канлы*, а убійца въ такихъ случаяхъ называется *башъ-канлы*. Канлы бываютъ также по увозу женщинъ, изнасилуванію и др.

**) *Кары*—мѣра длины, составляющая $\frac{3}{4}$ аршина.

***) *Тургаки*—лица, ведущія въ деревняхъ порядокъ въ отбываніи общественныхъ повинностей, а также исполняющія всѣ полицейскія обязанности.

крѣпостной зависимости, и тогда кулъ, сдѣлавшись свободнымъ (узденемъ), признается самъ канлы *).

Если кто застанетъ свою жену, или родственницу, въ прелюбодѣйной связи съ постороннимъ мужчиною и убьетъ обоихъ, то убійца никакому взысканію не подвергается; но если будетъ убитъ только мужчина, то убійца подвергается взысканію на общемъ основаніи. Если-же будетъ убита женщина, а мужчина, бывший съ нею въ связи, остался живъ, то подвергается взысканію за убійство и дѣлается канлы родственникамъ убитой женщины не убійца, а мужчины, бывший съ нею въ связи.

Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ убійца не подвергается никакому взысканію:

1) За убійство своего кровнаго врага (башъ-канлы).

2) Если кто совершитъ убійство, защищаясь отъ нападенія, сдѣланнаго изъ засады.

3) При защитѣ отъ ограбленія, и

4) если кто, отправившись на воровство или съ другимъ злымъ умысломъ, будетъ застигнутъ на мѣстѣ хозяиномъ и хозяинъ убьетъ его.

Если въ общей дракѣ будутъ убиты съ обѣихъ сторонъ, то за каждого убитаго дѣлается взысканіе по адату и избираются канлы, кромѣ двухъ случаевъ:

1) если двое нанесутъ другъ другу смертельныя раны, отъ которыхъ оба умрутъ, и

2) если убитый одного будетъ самъ убитъ родственникомъ убитаго имъ.

Право кровомщенія принадлежитъ всеѣмъ родственникамъ убитаго.

Башъ-канлы можетъ быть убитъ вездѣ при встрѣчѣ съ родственниками убитаго имъ.

Малъ-канлы хотя и не могутъ быть убиты, но до примиренія должны избѣгать встрѣчи съ родственниками убитаго и не имѣютъ права выѣзжать въ ту деревню, гдѣ живутъ эти родственники.

Каждый родственникъ убитаго, имѣющій надобность быть въ той деревнѣ, гдѣ живетъ его башъ-канлы, обязанъ предупредить его объ этомъ.

Если-же онъ зайдетъ въ деревню, не предупредивъ объ

*) Адаты о кулахъ и каравахахъ имѣли, безъ сомнѣнія, примѣненіе до ихъ освобожденія.

этомъ канлы, то джамаатъ той деревни можетъ задержать его и заставить примириться съ канлы, приче́мъ если родственники убитаго примирятся съ канлы только лично за себя, то другіе родственники не терпятъ права кровомщенія.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то онъ подвергается наказанію, опредѣленному за это въ каждомъ обществѣ.

Когда родственники убитаго согласятся примириться, то канлы платитъ имъ условленную сумму *) и дѣлаетъ угощеніе. Послѣ этого вражда между ними прекращается.

Маль-канлы могутъ примириться съ родственниками убитаго, когда сами пожелаютъ, но при примиреніи каждый изъ нихъ долженъ дать этимъ родственникамъ одного быка.

Если канлы умретъ до примиренія, то ближайшій родственникъ его обязанъ заплатить родственникамъ убитаго этимъ канлы 13 рублей деньгами или вещами.

Если-же канлы будетъ убитъ по кровомщенію родственниками убитаго имъ или хотя посторонними, но будетъ доказано, что убійство совершено по подкупу кровомстителей, то упомянутые 13 рублей не платятся и кромѣ того уплаченный отъ канлы первоначально алумъ возвращается наслѣдникамъ его, и также въ этомъ случаѣ штрафъ джамаату, бугъ, и взыскиваемыя съ маль-канлы по одному быку не возвращаются.

Если родственники убитаго, желая изъ кровомщенія убить канлы, нанесутъ какой-нибудь ущербъ имуществу его, напр., убьютъ или ранятъ подъ нимъ лошадь и т. п., то безъ различія, будетъ-ли или не будетъ убитъ при этомъ канлы, они должны вознаградить за убытки канлы, а если онъ убитъ, то его родственниковъ.

Если по одному убійству бываетъ два башъ-канлы, то смерть или примиреніе одного изъ нихъ не освобождаетъ друго-го отъ преслѣдованій со стороны родственниковъ убитаго.

Если канлы обвиненъ по одному подозрѣнію и впоследствии откроется дѣйствительный убійца, то вмѣсто неправильно обвиненнаго дѣлается канлы дѣйствительный убійца.

*) Съ учрежденіемъ окружного управленія установлена одна общая сумма, которую канлы долженъ дать при примиреніи родственникамъ убитаго, а именно: или деньгами 100 рублей, или вещами на 120 рублей.

Пораненіе.

Если кому нанесена рана, то раненый, или родственники его, обязаны тотчасъ-же объявить объ этомъ джамаату, безъ чего въ послѣдствіи жалоба не принимается.

Взысканіе полагается за всякую рану, требующую лѣченія.

Для опредѣленія, дѣйствительно-ли нанесена рана, требующая лѣченія, посылается по одному довѣренному отъ джамаатовъ, къ которымъ принадлежатъ ранившій и раненый.

Когда при пораненіи не было постороннихъ лицъ и ранившій не сознается въ пораненіи, тогда истецъ долженъ подтвердить взводимое имъ обвиненіе присягою кораномъ, безъ родственниковъ.

Если пораненіе сдѣлано въ дракѣ, нападеніи и вообще при участіи нѣсколькихъ лицъ, то раненый взводитъ обвиненіе на одного изъ участвовавшихъ въ дракѣ, по своему усмотрѣнію, подтверждаетъ обвиненіе присягою.

Если въ дракѣ, нападеніи и проч. одному нанесено нѣсколько ранъ, то обвиненіе можетъ быть взведено на столько изъ участвовавшихъ, сколько нанесено ранъ. При этомъ, хотя-бы одинъ изъ участвовавшихъ самъ сознался, что рана нанесена имъ, а также, когда нанесено нѣсколько ранъ, хотя-бы одинъ изъ участвовавшихъ объявилъ, что всѣ раны нанесены имъ однимъ, то такія признанія не принимаются, и раненый, въ первомъ случаѣ, можетъ обвинить того, кого находитъ дѣйствительно виновнымъ, а во-второмъ — взвести обвиненіе на столько изъ участвовавшихъ, сколько ему нанесено ранъ. Свидѣтели отъ соизнающихся не принимаются.

Если потерпѣвшій не можетъ быть допущенъ къ присягѣ или-же самъ не пожелаетъ присягнуть, то требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, съ 12-ю родственниками, кораномъ.

Если пораненіе сдѣлано въ дракѣ, нападеніи и проч., то, по принятіи очистительной присяги отъ перваго обвиненнаго, потерпѣвшій можетъ взвести обвиненіе на другого изъ участвовавшихъ.

За нанесеніе раны взыскивается съ виновнаго въ пользу раненаго 3 рубля.

Рана лѣчится на собственный счетъ раненаго.

По излѣченіи раны, сверхъ взысканія по адату, опредѣляется удовлетвореніе по шаріату.

Если раненый умретъ отъ раны, то съ виновнаго взыскивается какъ за убійство.

За нанесеніе нѣсколькихъ ранъ, если всѣ онѣ нанесены однимъ, взысканіе полагается тоже, что и за одну рану.

Если въ пораненіи обвинены нѣсколько лицъ, то каждый обвиненный платитъ полную сумму.

За нанесеніе ранъ однимъ человѣкомъ нѣсколькимъ лицамъ, онъ платитъ каждому раненому выше опредѣленную сумму.

За неумышленное пораненіе взысканіе дѣлается тоже что и за умышленное.

За пораненіе по подкупу подкупившій не отвѣчаетъ *).

Если кто застанетъ жену или родственницу свою въ прелюбодѣйной связи съ мужчиною и ранитъ одного изъ нихъ или обоихъ, то никакому взысканію не подвергается.

Взысканіе за пораненіе не дѣлается также въ тѣхъ случаяхъ, когда не полагается взысканіе и за убійство **).

При обоюдномъ пораненіи, оба могутъ требовать удовлетворенія по шариату. Но если обоюдное пораненіе произошло при обстоятельствахъ, при которыхъ не полагается взысканіе за убійство, то тѣ лица, за убійство коихъ въ этихъ случаяхъ никакого взысканія не полагается, и за раны не получаютъ удовлетворенія, а за нанесеніе ими ранъ противной сторонѣ дѣлается съ нихъ опредѣленное взысканіе.

Если при пораненіи раненый убьетъ ранившаго, то за рану никакого удовлетворенія не получаетъ, а за убійство или отвѣчаетъ на общемъ основаніи, или, какъ указано въ предыдущемъ пунктѣ, не подвергается никакой отвѣтственности.

Если пораненіе сдѣлано въ дракѣ и ранившій въ той-же дракѣ убьетъ кого-нибудь, то за рану получаетъ удовлетвореніе, а за убійство подвергается отвѣтственности; если-же убитый былъ родственникъ ранившаго, то за рану удовлетвореніе не дѣлается.

Ссоры, драки и побои.

За нанесеніе мужчинѣ побоевъ, хотя-бы остались и знаки,

*) За нанесеніе раны куду или каравашкѣ удовлетвореніе опредѣлялось по шариату.

**) См. выше, стр. 16.

а также за нанесеніе раны, не требующей лѣченія, виновный никакому взысканію не подвергается.

За нанесеніе побоевъ женщицѣ, если не она первая начала драку, взыскивается въ ея пользу одинъ бычокъ.

Если женщина была беременна и послѣдствіемъ побоевъ былъ выкидышъ, то сверхъ того дѣло разбирается по шаріату.

Если въ ссорѣ кто-либо изъ ссорящихся сдѣлаетъ выстрѣлъ, съ намѣреніемъ убить противника, то съ него взыскивается одинъ бычокъ въ пользу того, по кому сдѣланъ выстрѣлъ.

Но если онъ только обнажилъ оружіе или намѣревался сдѣлать выстрѣлъ, то никакому взысканію не подвергается.

Увозъ женщинъ.

За увозъ дѣвицы и вдовы или разведенной съ мужемъ, если она увезена съ ея согласія, съ увезшаго взыскивается: въ пользу родственниковъ увезенной 30 рублей, штрафъ въ пользу тургаковъ всего округа (букъ), т. е. 7 котловъ, по 2 руб. каждый.

За насильственный увозъ, вмѣсто 30 руб., взыскивается 50 руб.

За увозъ замужней женщины, съ ея согласія, съ увезшаго взыскивается: въ пользу мужа 50 рублей и кебинъ ихъ поступаетъ въ собственность мужа; штрафъ тотъ же, какъ и за увозъ дѣвицы, вдовы и разведенной *).

За содѣйствіе къ увозу женщины взыскивается опредѣленный выше штрафъ тургакамъ (букъ) съ каждаго содѣйствовавшего.

Изнасилованіе женщинъ.

Изнасилованная должна огласить крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе и тогда никакихъ доказательствъ болѣе не требуется. Если-же она этого не сдѣлаетъ, то жалоба отъ нея не принимается.

Если насиліе сдѣлано въ безлюдномъ мѣстѣ, то потерпѣвшая должна объявить объ этомъ при входѣ въ деревню.

*) Относительно увоза замужней женщины насильно адата не существуетъ, такъ-какъ не было еще такого случая.

Отъ женщины, извѣстной своимъ развратнымъ поведеніемъ, жалобъ объ изнасилованіи не принимается.

За изнасилованіе женщины замужней, вдовы и дѣвицы совершеннолѣтней и несовершеннолѣтней въ пользу ея взыскивается съ виновнаго 30 руб. и штрафъ джамаату, по его умотрѣнію.

Если-же изнасиловавшій при этомъ задержитъ изнасилованную у себя въ домѣ или въ другомъ мѣстѣ, то въ пользу изнасилованной взыскивается, вмѣсто 30 руб., 50 руб.

За намѣреніе изнасиловать, даже за прикосновеніе къ женщинѣ, если она огласитъ это крикомъ, дѣлается тоже взысканіе, какъ и за изнасилованіе.

Развратъ.

Обвиненіе въ прелюбодѣйной связи мужчины съ женщиною тогда только допускается, когда есть хотя одинъ очевидецъ этой связи. Въ этомъ случаѣ не требуется болѣе никакихъ доказательствъ. Но если не было очевидцевъ, то претензія не принимается.

За прелюбодѣйную связь мужчины и женщины дѣлается тоже взысканіе, какъ за увозъ женщины по ея согласію.

За мужеложство, соединенное съ насиліемъ, если подвергшійся насилію огласилъ крикомъ сдѣланное надъ нимъ насиліе, виновный подвергается взысканію, какъ и за убійство, и дѣлается канды *).

Воровство.

О сдѣланномъ воровствѣ заявляется тотчасъ-же кадію.

Если хозяинъ уворованной вещи или скотины опознаетъ ее въ другомъ аулѣ, то представляетъ того, у кого опознано уворованное, вмѣстѣ съ уворованною вещью, кадію того общества или селенія, гдѣ найдено уворованное, и по распоряженію кадія опознанное оставляется или у кунака опознавашаго, или у кого другого. Послѣ этого хозяинъ уворованнаго представляетъ къ своему кадію двухъ односельцевъ своихъ, знавшихъ уворованное (айнамаль-шагатъ). Кадій, разспросивъ представленныхъ лицъ о примѣтахъ, по которымъ можно узнать уворованную вещь,

*) Случаевъ мужеложства по обоюдному согласію не было.

и о времени пропажи, отправляетъ ихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ къ тому кадю, въ вѣдѣніи котораго оставлена опознанная вещь, при бумагѣ (айнамаль-кагазъ). Въ айнамаль-кагазѣ должно быть непременно объяснено: 1) кто у кого и что именно опозналъ; 2) кто именно лицо, удостовѣряющее принадлежность вещи опознавшему; 3) время пропажи вещи; 4) примѣты уворованной вещи, а если это скотина, то и лѣта ея. Кадій того селенія, гдѣ оставлена опознанная вещь, повѣряетъ противъ айнамаль-кагаза показанія представленныхъ лицъ, требуетъ отъ нихъ присягу хатунъ-талахъ въ томъ, что они не видѣли опознанной вещи, ни при опознаніи, ни прежде съ того времени, какъ она уворована. Потомъ лица эти указываютъ опознанную вещь, которая для этого помѣщается между нѣсколькими подобными-же вещами, сходными съ нею по примѣтамъ. Затѣмъ вещь передается тому, кто такимъ образомъ доказалъ принадлежность ему оной, а айнамаль-кагазъ тому, у кого вещь отобрана.

Если одно изъ лицъ, представленныхъ для указанія вещи, не укажетъ этой вещи, то опознавшій ее и другой, представленный имъ, односелецъ присягаютъ хатунъ-талахъ, что вещь эта дѣйствительно принадлежитъ опознавшему.

Получившій айнамаль-кагазъ передаетъ его тому, отъ кого пріобрѣтена отобранная вещь, и такимъ образомъ айнамаль-кагазъ переходитъ изъ рукъ въ руки между лицами, владѣвшими уворованною вещью.

Кто изъ получившихъ айнамаль-кагазъ не можетъ указать, отъ кого пріобрѣлъ вещь, тотъ подвергается взысканію, опредѣленному за воровство.

Если получившій айнамаль-кагазъ укажетъ, отъ кого пріобрѣтена имъ вещь, а тотъ откажется, что вещи этой у него не было и онъ ея не передавалъ, то отъ указывающаго требуется присяга хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками или свидѣтели, которые присягаютъ также хатунъ-талахъ, въ томъ, что вещь получена имъ отъ того, на кого онъ указываетъ; и съ обвиненнаго этою присягою или свидѣтелями дѣлается взысканіе за воровство.

Если опознана скотина и одинъ изъ владѣвшихъ ею можетъ доказать, что она его доморощенная, то долженъ присягнуть въ этомъ (хатунъ-талахъ) съ двумя свидѣтелями, односельцами.

Если скотина однимъ изъ владѣвшихъ ею пріобрѣтена гдѣ-

нибудь въ дальнихъ мѣстахъ, именно дальше сосѣдняго округа, такъ что розыскать продавца не представится возможности, то въ такомъ случаѣ требуется завѣреніе, также присягою хатунъ-талахъ, съ двумя свидѣтелями. Свидѣтели эти могутъ быть и изъ постороннихъ деревень. При такомъ-же случаѣ, если отобрана другая какая-нибудь вещь, а не скотина, дѣло разбирается по шаріату.

Если одинъ изъ владѣвшихъ скотиною объявитъ, что она находилась у него раньше показаннаго въ айнамаль-кагазѣ времени пропажи скотины у отобравшаго, то дѣло разбирается по шаріату.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда неправильность отобранія будетъ доказана, отобранное возвращается тому, у кого отобрано.

Если опознанъ уворованный баранъ, то опознавшій и пастухъ его, послѣдній съ однимъ родственникомъ, присягаютъ хатунъ-талахъ въ томъ, что баранъ этотъ дѣйствительно принадлежитъ опознававшему. Но если опознаніе сдѣлано не въ стадѣ, то тотъ, у кого баранъ найденъ, можетъ послѣ этой присяги присягнуть также въ томъ, что баранъ этотъ его доморощенный, и такимъ образомъ опровергнуть присягу опознавашаго.

Если найдены такія уворованныя вещи, о которыхъ постороннія лица не могутъ подтвердить, что онѣ дѣйствительно принадлежатъ претендующему на нихъ, то обвиненіе на того, у кого такія вещи найдены, допускается только какъ по подозрѣнію вообще, т. е. какъ если-бы изъ уворованнаго ничего не было найдено.

Не допускается ни въ какомъ случаѣ опознаніе и отображеніе такихъ вещей, которыя не могутъ имѣть особенныхъ примѣтъ, напр., нескроенная матерія, хлѣбъ въ зернѣ и въ мукѣ и проч. На того, у кого найдены такія вещи, допускается только обвиненіе по подозрѣнію.

Если найдены уворованныя вещи, но въ числѣ этихъ вещей есть часть такихъ, которыя могутъ быть опознаваемы, а другая часть такихъ, которыя не могутъ быть опознаны, то принадлежность первыхъ доказывается вышеуказаннымъ порядкомъ, а о послѣднихъ претензія предъявляется какъ по подозрѣнію.

Когда уворованная вещь найдена лежащею во дворѣ, или въ другомъ подобномъ мѣстѣ, и хозяинъ двора объявитъ, что она подброшена, то двумя посланными отъ джамаата осматри-

вается, была-ли возможность пройти во дворъ не черезъ ворота, и если найдено будетъ, что вещь могла быть принесена во дворъ безъ вѣдома хозяина, то претензія допускаета только какъ по подозрѣнію. Если-же по осмотрѣ найдено будетъ, что вещь не могла быть подброшена, а также если замѣчено будетъ, что хозяинъ двора старался ее скрыть, то вещь отбрасается, и съ хозяина двора дѣлается взысканіе, какъ за воровство, хотя-бы найденная вещь принадлежала къ такимъ вещамъ, которыя не могутъ быть опознаны.

Если найдены будутъ у кого въ домѣ мясо, голова, кожа или только часть кожи уворованной скотины, или обломки и обрѣзки уворованной вещи, и тотъ, у кого сдѣлано воровство, признаетъ, что это отъ скотины, или вещи, уворованной у него, то долженъ подтвердить это присягою. Виновнымъ въ воровствѣ признается или хозяинъ дома, гдѣ найдено вышеозначенное, или тотъ, отъ кого вещь ему передана.

Кто не допуститъ домъ свой до обыска, а равно, если тотъ, у кого опознана уворованная вещь, не дозволитъ исполнить все, что требуется при опознаніи, тотъ признается воромъ наравнѣ съ тѣмъ, вина котораго доказана; но хозяинъ дома можетъ прежде обыска самъ обыскать приходившихъ для обыска, не принесено-ли ими такихъ вещей, которыя могутъ быть подброшены.

Если вмѣстѣ съ найденною вещью были уворованы и другія вещи, принадлежащія тому-же самому, или другому лицу, то хозяинъ уворованныхъ и не найденныхъ вещей можетъ объявить подозрѣніе въ этомъ воровствѣ на того, кто обвиненъ въ воровствѣ найденной вещи, хотя-бы прежде на него обвиненіе по подозрѣнію не допускалось.

Если на мѣстѣ воровства оставлена воромъ кака-нибудь собственная вещь, то хозяинъ этой вещи признается за вора, и болѣе никакихъ доказательствъ не требуется *).

Если изъ уворованныхъ вещей ничего не найдено и никакихъ уликъ къ обвиненію нѣтъ, то допускается обвиненіе или свидѣтелями, которые присягаютъ хатунъ-талахъ, или по подозрѣнію.

*) Для доказательства, что оставленная вещь действительно принадлежитъ обвиняемому, требуется, чтобы принадлежность ему этой вещи подтвердили односельцы его безъ присяги, безъ чего претензія можетъ быть введена только какъ по подозрѣнію вообще.

Если обыскъ сдѣланъ только въ одномъ домѣ и ничего не найдено, то на хозяина этого дома претензія по подозрѣнію не допускается. Если-же обыскъ сдѣланъ въ нѣсколькихъ домахъ, то подозрѣніе допускается и на хозяевъ этихъ домовъ, хотя-бы при обыскѣ ничего не найдено.

Когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то истецъ присягаетъ кораномъ, съ родственниками. Число родственниковъ при присягѣ опредѣляется цѣнностью уворованнаго: если цѣна уворованнаго не превышаетъ стоимости одной лошади, то присягаютъ 6-ть родственниковъ; при воровствѣ на большую сумму—12-ть родственниковъ.

Когда потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ кораномъ, съ родственниками, также сообразно цѣнѣ уворованнаго.

Кто былъ прежде обвиненъ въ воровствѣ, не по одному только подозрѣнію, а доказательствами, тотъ, въ случаѣ учиненной у него покражи, не можетъ ни на кого присягать по подозрѣнію, а если не можетъ представить свидѣтелей, то требуетъ очистительная присяга отъ подозрѣяемаго.

Оцѣнка уворованныхъ вещей дѣлается безъ присяги посторонними, знавшими уворованное. Оцѣнку такихъ вещей, которыхъ посторонніе не могли знать, напр. домашняя утварь и проч., дѣлаютъ также два постороннія лица, безъ присяги, основываясь на показаніи хозяина, сколько какихъ вещей уворовано, и опредѣляютъ цѣну уворованнаго, а хозяинъ эту оцѣнку подтверждаетъ присягою съ двумя родственниками хатунъ-талахъ.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Когда уворованная вещь найдена, то возвращается, а если уворована скотина, то при этомъ истцу дается еще одна такая-же.

2) Если вещь не возвращается, или когда обвиненіе сдѣлано по подозрѣнію, то дается подобная уворованной вещи, по выбору истца.

3) Если уворована скотина, и она адатнымъ порядкомъ опознана, то сверхъ опредѣленнаго въ 1 п. взысканія, берется съ обвиняемаго за издержки на отысканіе уворованнаго (рушпетъ): за каждую лошадь, или каждого буйвола, катера, по 2 р.; за быка и корову (не менѣе трехъ лѣтъ), жеребенка (менѣе 3-хъ лѣтъ) и эшака 1 рубль. За прочую скотину и за другія вещи рушпетъ не платится.

Сверхъ удовлетворенія потерпѣвшаго, взыскивается штрафъ, опредѣленный въ томъ обществѣ, къ которому принадлежитъ обвиняемый.

За воровство изъ мечети, мельницы, съ пашни и гумна и хлѣба въ колосьяхъ штрафъ взыскивается вдвое.

Если воръ сознается добровольно въ учиненномъ воровствѣ, когда на него не падало никакого подозрѣнія, и другой въ воровствѣ этомъ не былъ обвиненъ по подозрѣнію, то кромѣ возврата уворованнаго, онъ никакому взысканію не подвергается.

Если хозяинъ уворованнаго самъ прежде подвергался взысканію за воровство, то, кромѣ удовлетворенія по цѣнѣ воровства, онъ ничего не получаетъ.

При обвиненіи въ одномъ воровствѣ нѣсколькихъ человѣкъ, штрафъ берется съ каждаго, а удовлетвореніе хозяину дѣлается всѣми обвиненными въ этомъ воровствѣ.

За уворованную чужую вещь удовлетворяетъ хозяина тотъ, у кого она уворована, и потомъ онъ-же розыскиваетъ вора, и если найдетъ, то получаетъ съ него удовлетвореніе.

Если воръ пойманъ на воровствѣ, то взыскивается съ него только одинъ быкъ въ пользу того, кто поймалъ этого вора.

За покушеніе на воровство, если ничего не уворовано и воръ не пойманъ, никакого взысканія не дѣлается.

За взломъ при воровствѣ взысканія не полагается, но если отъ взлома сдѣлана порча имуществу, то съ вора взыскивается соотвѣтственно убытку, происшедшему отъ этой порчи.

За сокрытіе вора и ворованыхъ вещей взысканіе опредѣлено въ каждомъ обществѣ особое.

Кто найдетъ уворованную у него вещь и, не объявивъ объ этомъ джамаату, самъ получить удовлетвореніе съ вора, тотъ подвергается взысканію, опредѣленному за это особо въ каждомъ обществѣ.

Грабежъ.

Для доказательства ограбленія истецъ долженъ принять присягу кораномъ съ 6-ю родственниками.

Если ограбившій будетъ при этомъ раненъ, или оставитъ свою вещь, и односельцамъ его будетъ извѣстно, что вещь эта действительно принадлежитъ обвиняемому, то никакихъ доказательствъ не требуется.

Цѣнность отнятыхъ вещей подтверждается присягою потерпѣвшаго отъ грабежа, съ 6-ю родственниками, кораномъ; но если истецъ принимаетъ присягу для подтвержденія обвиненія, то въ этой-же присягѣ упоминаетъ и о цѣнѣ ограбленнаго.

Если грабежъ произведенъ человѣкомъ неизвѣстнымъ ограбленному и впослѣдствіи послѣдній найдетъ у кого-либо свои вещи, то претензія ведется какъ и при опознаніи уворованныхъ вещей.

Отъ обвиненнаго въ грабежѣ отбираются ограбленные вещи или взыскивается ихъ стоимость и штрафъ, опредѣленный за воровство въ томъ обществѣ, откуда обвиняемый.

Если у кого отняты находившіяся у него чужія вещи, то онъ за вещи эти не отвѣчаетъ, пока не будетъ найденъ виновный.

За нападеніе съ цѣлью ограбить, если не сдѣланъ грабежъ, никакого взысканія не полагается.

Поджоги.

Для доказательства справедливости претензіи по поджогу требуются свидѣтели; если-же свидѣтелей нѣтъ, то—присяга истца или очистительная присяга обвиняемаго.

Оцѣнка понесенныхъ убытковъ опредѣляется, какъ и по воровству.

За поджогъ взыскивается:

- 1) когда вина отвѣтчика доказана: въ пользу понесшаго убытки взыскивается вдвое противъ стоимости сгорѣвшаго;
- 2) когда отвѣтчикъ обвиненъ только по подозрѣнію, взыскивается только стоимость сгорѣвшаго.

Сверхъ того взыскивается въ штрафъ тургакамъ Даргинскаго округа 7 котловъ, по 2 руб.; но при обвиненіи по подозрѣнію штрафъ не берется.

При неумышленномъ поджогѣ поджогшій пополняетъ убытки, но штрафъ съ него не берется*).

Хозяинъ дома, гдѣ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи.

*) Неумышленнымъ считается поджогъ, когда виновный самъ объявить объ этомъ тотчасъ-же.

Порча чужого имущества.

Если порча сдѣлана тайно и виновный не сознается, то доказательства претензіи требуются тѣже, какъ и по воровству, и оцѣнка порчи дѣлается тоже какъ по воровству.

Съ обвиненнаго въ порчѣ чужого имущества взыскивается цѣна порчи и сверхъ того штрафъ, установленный въ томъ обществѣ, къ которому принадлежитъ обвиненный, и таргакамъ всего округа (букъ) 7 котловъ, по 2 рубля.

Если умышленная порча сдѣлана въ мечети, на мельницѣ, на гумнѣ или на пашнѣ (кромѣ потравы), то штрафъ тургакамъ (букъ) взыскивается вдвое.

Если кто ранитъ или инымъ образомъ испортитъ чужую скотину, то испорченная отдается испортившему, а на мѣсто ея хозяинъ получаетъ другую, по выбору, и штрафъ, опредѣленный въ томъ обществѣ, откуда обвиненный. Если же обвиненіе въ порчѣ сдѣлано по одному подозрѣнію, то вмѣсто испорченной лошади хозяину дается другая, ей подобная, но не по выбору, а за порчу другой скотины доплачивается только по цѣнѣ порчи, и испорченная скотина остается у хозяина, причѣмъ штрафъ не берется.

Если кто обрѣжетъ хвостъ или гриву у чужой лошади, то съ виновнаго взыскивается въ пользу хозяина 1 быкъ и въ пользу джамаата штрафъ, особый въ каждомъ обществѣ; но при обвиненіи по подозрѣнію штрафъ не берется. Если же при этомъ повреждена и кожа лошади, то взысканіе дѣлается какъ за пораненіе или порчу чужой лошади *).

За неумышленную порчу чужого имущества штрафъ ни въ какихъ случаяхъ не берется.

За намѣреніе сдѣлать порчу никакого взысканія не полагается.

За порчу нанятой скотины или вещи, взятой для пользованія за плату, разборъ производится по шаріату.

За потраву посѣвовъ, покосовъ и пастбищъ дѣлается тоже взысканіе, какъ и за порчу чужой собственности; но штрафъ тургакамъ (букъ) не взыскивается.

*) Если хвостъ обрѣзанъ у другой скотины, то взысканіе дѣлается только тогда, когда порѣзана кожа.

Потери и находки.

Какъ потерявшій, такъ и нашедшій какую-либо вещь, долженъ заявить о потерѣ или находкѣ кадію и картамъ.

Если къмъ-либо представлена будетъ найденная вещь и найдется хозяинъ ея, то, для доказательства принадлежности ему этой вещи, онъ долженъ объяснить ея примѣты и потомъ отъ него требуется присяга кораномъ.

Если потерявшій вещи опознаетъ ихъ у кого-нибудь, или часть ихъ, или-же только части одной вещи, то дѣло разбирается какъ и по опознанію уворованныхъ вещей.

Потерявшій вещь можетъ заявить на кого-либо обвиненіе или подозрѣніе въ находкѣ и утайкѣ его вещи, и отъ заподозрѣннаго требуется очистительная присяга съ родственниками по цѣнѣ утерянныхъ вещей *).

Нашедшій возвращаетъ вещи хозяину въ такомъ видѣ и въ такомъ количествѣ, какъ найдены, и никакой части изъ найденнаго не получаетъ.

Если нашедшій самъ объявилъ о найденныхъ вещахъ, но хозяинъ вещей будетъ претендовать, что вещи утеряны въ лучшемъ видѣ или въ большемъ количествѣ противъ того, какъ онѣ представлены нашедшимъ, то отъ нашедшаго требуется очистительная присяга въ томъ, что вещи найдены имъ въ томъ видѣ и въ такомъ количествѣ, какъ представлены; не принявшій присяги обвиняется въ утайкѣ или порчѣ вещей.

Въ вышеозначенныхъ случаяхъ отъ потерявшаго вещь претензія принимается тогда только, когда онъ заявить о потерѣ вещи.

Обвиненный въ утайкѣ найденной вещи подвергается взысканію, какъ и за воровство; но не считается утайкою, если найдена будетъ въ стадѣ чужая скотина, приставшая отъ другого стада.

За потерю чужой вещи отвѣчаетъ потерявшій и дѣло разбирается по шаріату.

Гражданскіе иски и споры.

Для доказательства справедливости претензіи по спорамъ и

*) По подозрѣніямъ въ утайкѣ и продажѣ найденной въ полѣ пригульной скотины допускается и присяга истца.

искавъ требуются отъ истца свидѣтели, которые присягаютъ хатунъ-талахъ.

При неимѣннн свидѣтелей, отъ отвѣтчика берется очистительная присяга кораномъ съ родственниками, число коихъ опредѣляется цѣною иска.

Когда искъ предъявленъ цѣлымъ обществомъ на частное лицо, то свидѣтели требуются не отъ претендующаго общества, а отъ отвѣтчика, и если онъ свидѣтелей не представитъ, то обвиняется.

Когда искъ предъявленъ частнымъ лицомъ на общество, то безъ свидѣтелей претензія не принимается.

Если отвѣтчикъ отзовется, что предъявленная на него претензія уже удовлетворена, то для дознанія справедливости такого отзыва доказательства требуются уже не отъ истца, а отъ отвѣтчика, а при неимѣннн доказательствъ требуется очистительная присяга отъ истца.

По исковымъ дѣламъ удовлетвореніе дѣлается по цѣнѣ иска, признаннаго справедливымъ.

О лицахъ, извѣстныхъ своею расточительностію или не платящихъ долговъ и вообще замѣченныхъ въ неблаговидныхъ поступкахъ, а также о безумныхъ, — объявляется въ мечети, для того чтобы никто не вступалъ съ ними ни въ какія обязательства. Поэтому все условія и обязательства, заключенныя съ такими людьми, послѣ опубликованія ихъ, считаются недѣйствительными и претензіи на нихъ по гражданскимъ спорамъ и искамъ не принимаются.

б) ЧАСТНЫЕ АДАТЫ *).

Адаты Анушинскаго общества.

Предъявленіе претензій. Претензіи по подозрѣнію не допускаются только на кадія и картовъ.

*) Изъ частныхъ адатовъ Даргинскихъ обществъ будутъ перечислены ниже только тѣ, которые составляютъ отступленія отъ общихъ.

Въ числѣ членовъ семейства, не могущихъ претендовать по подозрѣнію, считаются только родители, дѣти, братья и сестры.

На лицъ, посвятившихъ себя изученію духовныхъ книгъ, претензіи по подозрѣнію допускаются только по убійству; по прочимъ-же дѣламъ претензіи по одному подозрѣнію не допускаются, если лица эти прежде никогда не были обвинены въ подобномъ-же поступкѣ.

Претензіи по подозрѣнію можетъ быть взведена въ одно время только на одного; но по убійству, если къ подозрѣнію есть достаточныя причины, допускается обвиненіе и нѣсколькихъ лицъ.

Претензіи по подозрѣнію можетъ переходить обычнымъ порядкомъ на семь человекъ; но по убійству, послѣ очистительной присяги первоначально обвиненныхъ, на другого подозрѣніе не допускается.

Присяга. Истецъ и свидѣтели, если должны присягнуть хатунъ-талахъ, но они не женаты, или дали обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, присягаютъ кораномъ. Когда-же отвѣтчикъ долженъ присягнуть хатунъ-талахъ, но онъ не женатъ, или далъ обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, то вмѣсто него присягаетъ ближайшій женатый родственникъ. Родственникъ, присягающій вмѣсто неженатаго отвѣтника, можетъ, для своего удостовѣренія, потребовать отъ того, за кого присягаетъ, присягу кораномъ.

У жителей Акушинскаго общества издавна установился адатъ на то, что никто изъ нихъ не можетъ принимать никакой присяги, за что-бы то ни было возложенной на него, впродолженіи промежутка времени, отъ той поры когда станетъ колоситься на нивахъ хлѣбъ и до окончательной уборки хлѣба съ поля. По истеченіи-же этого промежутка времени, присяга должна быть выполнена установленнымъ порядкомъ и тѣмъ лицомъ, на которое въ вышеозначенное время она была возложена.

По претензіямъ, предъявленнымъ, за смертію отвѣтника, на наследниковъ, присяга истца допускается на общемъ основаніи по всѣмъ дѣламъ.

Когда претензіи по подозрѣнію взведена была на одного и отъ него потребована очистительная присяга, то при объявленіи подозрѣнія на другихъ, истецъ можетъ или потребовать очистительную присягу отъ подозрѣваемаго, или-же самъ присягнуть, если нѣтъ другихъ причинъ, по которымъ-бы онъ не могъ быть допущенъ къ присягѣ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга никогда не требуется, а если истецъ на основаніи адатовъ не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то долженъ для подтвержденія своей претензіи представить свидѣтелей или другія доказательства.

Вдовы, разведенныя и совершеннолѣтнія дѣвицы могутъ присягать сами; но если участникомъ въ тяжбѣ есть совершеннолѣтній родственникъ, а у вдовы или разведенной есть совершеннолѣтній сынъ, то сами онѣ не присягаютъ. За замужнихъ женщинъ присягаетъ мужъ; за малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ—ближайшій родственникъ.

По претензіямъ, по подозрѣнію взводимымъ на малолѣтнихъ, присяга истца допускается только по убійству; по прочимъ-же дѣламъ всегда требуется очистительная присяга отъ родственниковъ малолѣтняго.

Свидѣтели должны быть жители той деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или-же жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели допускаются только въ такомъ случаѣ, когда одинъ свидѣтель есть мужчина, причемъ двѣ женщины считаются за одного свидѣтеля.

Не допускаются въ свидѣтели карты и тургаки, пока состоятъ въ этихъ званіяхъ.

Показаніе кадія безъ присяги считается наравнѣ съ показаніемъ двухъ свидѣтелей за присягою.

Когда представленные свидѣтели не приняты, то другіе свидѣтели вмѣсто ихъ не принимаются, а требуется очистительная присяга отъ отвѣтчика, послѣ чего претендующій терять право иска.

Когда присяга должна быть съ родственниками, то для присяги требуются ближайшіе родственники—совершеннолѣтніе мужчины со стороны отца. Допущеніе къ присягѣ родственниковъ по матери зависитъ отъ противной тяжущейся стороны.

Когда требуется присяга хатунъ-талахъ, то неженатые родственники присягаютъ кораномъ.

За ложную присягу взыскивается штрафъ въ пользу джамаата, три руб.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Когда, по рѣшенію, истцу предоставляется получить вещь по выбору взятѣмъ уворованной или ис-

порченной, то онъ выбираетъ по желанію своему въ цѣломъ селеніи и принадлежащихъ къ оному отсѣлкахъ вещь, подобную той, взаи́мнѣ которой предоставляется ему выборъ, но лучшаго достоинства. Если хозяинъ выбранной вещи не согласится ее продать, то претендующій выбираетъ другую.

По выборѣ трехъ вещей, если ни одинъ изъ хозяевъ не уступитъ вещь добровольно, то берется одна изъ нихъ, безъ согласія хозяина, по жребію.

За оказавшихся несостоятельными по несчастному какому-либо случаю родственники платить не обязаны.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ можетъ быть обвинено столько человѣкъ, сколько нанесено убитому ранъ.

Если для подтвержденія обвиненія по убійству потребуются доказательства, то претендующій долженъ или представить свидѣтелей, которые присягаютъ хатунъ-талахъ, или самъ присягнуть кораномъ, съ 6-ю родственниками, причемъ наблюдается:

1) Когда обвиненіе подтверждено присягою свидѣтелей, то обвиняются только тѣ, на которыхъ укажутъ свидѣтели, хотя-бы число этихъ обвиненныхъ было и меньше числа нанесенныхъ ранъ.

2) Если число обвиняемыхъ свидѣтелями будетъ превышать число нанесенныхъ убитому ранъ, то изъ нихъ признаются убійцами столько человѣкъ, по указанію претендующаго, сколько на убитомъ ранъ.

3) Если свидѣтелей нѣтъ, то претендующій можетъ обвинить по своему усмотрѣнію столькохъ, сколько на убитомъ ранъ, и принять въ этомъ присягу.

Когда убійство произошло въ столкновеніи, гдѣ участвовало нѣсколько лицъ, то претендующій можетъ обвинить въ убійствѣ столько человѣкъ изъ участвовавшихъ, сколько на убитомъ ранъ, хотя-бы были постороннія лица, видѣвшія, что всѣ или нѣсколько изъ этихъ ранъ нанесены однимъ лицомъ.

Если одинъ или нѣсколько убійць сами сознаются, то обвиненіе другихъ допускается тогда только, когда убійцы объявятъ, что нѣкоторыя изъ ранъ на убитомъ нанесены не ими.

Обвиненіе по подозрѣнію можетъ быть взведено на столькохъ лицъ, сколько на убитомъ ранъ, если только къ подозрѣнію есть достаточныя причины; въ противномъ-же случаѣ подозрѣніе допускается только на одного.

Если вмѣсто присяги претендующаго будетъ потребована отъ обвиняемаго очистительная присяга, то онъ присягаетъ съ 12-ю родственниками хатунъ-талахъ.

Обвиненный въ убійствѣ присягою претендующаго по подозрѣнію можетъ обвинить въ взводимомъ на него убійствѣ другого, и отъ того, на кого онъ укажетъ, требуется очистительная присяга. Если этотъ послѣдній откажется присягнуть, то обвиняется въ убійствѣ, а обвиненный прежде—оправдывается; если-же присягнетъ, то обвиненный прежде не можетъ уже ни на кого взвести обвиненіе и признается убійцею.

Убійство считается *кара* въ тѣхъ-же случаяхъ, какъ и по общему даргинскому адату, кромѣ убійства по подкупу; сверхъ того убійство считается кара, если два имѣющіе тяжбу отправятся вмѣстѣ для шаріатскаго разбора и на дорогѣ одинъ другого убьетъ.

Если обвиненіе въ убійствѣ сдѣлано присягою претендующаго по подозрѣнію, то убійство не считается кара, если оно не принадлежитъ къ кара по другимъ причинамъ.

Обвиненный въ убійствѣ дѣлается одинъ канлы; малъ-канлы не назначаются.

Если въ убійствѣ обвинены нѣсколько человѣкъ, то всѣ оны считаются за башъ-канлы.

За убійство взыскивается:

1) Алумъ наслѣдникамъ убитаго — два быка, если-же быковъ нѣтъ, то деньгами по 8 руб.—16 рублей.

2) Родственникамъ убитаго, не получающимъ алума, одинъ быкъ; но только въ такомъ случаѣ, когда убійство сдѣлано открыто въ деревнѣ и родственники эти вышли на мѣсто убійства съ оружіемъ.

3) Штрафъ джамаату семь быковъ, но при обвиненіи по подозрѣнію присягою истца штрафъ не берется.

За убійство кара алумъ взыскивается вдвое.

Если въ убійствѣ обвинены нѣсколько человѣкъ, то съ нихъ взыскивается сообща: алумъ—вдвое и родственникамъ, не получающимъ алума, одинъ быкъ, штрафъ-же полный съ каждаго виновнаго порознь.

За убійство однимъ нѣсколькихъ, определенное взысканіе дѣлается полностію за каждаго убитаго.

За убійство кула и каравашки, кромѣ удовлетвореніи владѣльца, взыскивался и штрафъ, определенный за убійство.

Въ случаяхъ, когда, по общимъ адатамъ, убійца не подвергается никакому взысканію, у агушинцевъ убійца не только не подвергается никакому взысканію, но сверхъ того, если кто от-

кроеть въ своемъ домѣ вора или пришедшаго съ другимъ какимъ-либо злымъ умысломъ и убьеть его на мѣстѣ, то родственники убитаго обязаны дать еще хозяину дома одного быка за дозволеніе вынести тѣло убитаго.

Отецъ, убившій сына или дочь, дѣлается канлы родственниковъ своей жены, и наоборотъ, мать, за убійство сына или дочери, дѣлается канлы родственникововъ мужа. Но если убитый имѣлъ свое семейство, то убійца дѣлается канлы этого семейства.

За убійство мангуша, алумъ и штрафъ взыскиваются вчетверо; за убійство тургака—вдвое.

Если убійство совершено чужимъ оружіемъ и окажется, что оно было дано для совершенія этого убійства, то съ хозяина оружія взыскивается штрафъ—одинъ быкъ.

Если хозяинъ оружія заявитъ, что оружіе дано было имъ не для совершенія убійства, то отъ него требуется присяга хатунъ-талахъ съ однимъ родственникомъ. Если-же онъ объявитъ, что оружіе взято безъ его вѣдома, то долженъ присягнуть кораномъ съ двѣнадцатью родственниками.

Канлы, тотчасъ-же по совершеніи убійства или по смерти раненаго имъ, а если обвиненіе требовало подтвержденія присягою, то по признаніи его канлы, долженъ удалиться съ мѣста жительства и не можетъ возвратиться въ свою деревню до примиренія съ родственниками убитаго.

Если онъ замедлитъ выходомъ изъ своей деревни, то съ него взыскивается въ пользу джамаата столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву втеченіи промедленнаго имъ времени.

Канлы можетъ поселиться въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ родственникововъ убитаго, но въ отселкахъ своей деревни ему поселиться не дозволяется.

Если канлы до примиренія придетъ въ свою деревню или отселки оной и родственники убитаго окружаютъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допуститъ, то съ него взыскивается за приходъ въ деревню одинъ быкъ родственникамъ убитаго.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то съ него взыскивается штрафъ джамаату семь быковъ. Если-же канлы черезъ содѣйствіе это будетъ убитъ, то сверхъ того домъ содѣйствовавшаго разорлется.

Если канлы умретъ до примиренія, то родственники его должны дать родственникамъ убитаго имъ—быка и 12 кусковъ

бумажной матеріи (мирчей), а до уплаты ближайшій родственникъ умершаго считается канлы.

Если-же канлы будетъ убитъ по кровомщенію, то родственники убитаго имъ ничего не получаютъ и сверхъ того обязаны возвратить алумъ.

Адаты по пораненію. Взысканіе налагается за всякую рану, хотя-бы она и не требовала лѣченія, а также за всякій знакъ отъ удара на лицѣ и вообще на головѣ.

За нанесеніе раны взыскивается съ виновнаго въ штрафъ джамаату: за рану—быкъ, въ 4 рубля; за знакъ на лицѣ и головѣ, если ударъ нанесенъ камнемъ или палкою,—2 рубля, а если рукою—1 рубль.

Раненый никакого удовлетворенія не получаетъ.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ, то онъ удовлетворяетъ каждого раненаго по шаріату и штрафъ платитъ какъ и за одного.

При обоюдномъ пораненіи, штрафъ, опредѣленный за пораненіе, взыскивается съ каждого, хотя-бы раненые и не претендовали другъ на друга за пораненіе.

Если пораненіе сдѣлано чужимъ оружіемъ, то хозяинъ оружія отвѣчаетъ какъ и по убійству чужимъ оружіемъ.

Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ штрафъ въ пользу джамаата взыскивается вдвое:

1) за пораненіе карта, мангуша, тургака и будува, при исполненіи ими своихъ обязанностей, и

2) если кто, отправившись на воровство или съ другимъ злымъ умысломъ, будетъ открытъ и, стараясь скрыться, ранитъ хозяина дома.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе мужчинѣ побоевъ, хотя-бы остались и знаки на тѣлѣ (кромѣ знаковъ на лицѣ и вообще на головѣ), виновный никакому взысканію не подвергается.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, если не она первая начала драку, взыскивается въ пользу ея и джамаата по 1 быку, по 4 рубля каждый, а если она была берсменна, то и взысканіе по шаріату.

За выстрѣлъ въ ссорѣ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата—одинъ бычокъ. Если-же выстрѣлъ сдѣлаемъ покушавшимся на воровство или на другой какой-либо злой умыселъ, то штрафъ въ пользу джамаата семь быковъ. Сверхъ того въ обо-

ихъ случаяхъ взыскивается одинъ бычокъ въ пользу того, въ кого сдѣланъ былъ выстрѣлъ.

Съ обнажившаго оружіе взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 2 рубля.

За выстрѣлъ или обнаженіе оружія въ присутствіи кадія и на базарѣ, оружіе ломается и взыскивается штрафъ—одинъ быкъ.

За нанесеніе побоевъ и обоюдную драку въ присутствіи кадія и картовъ, при разборѣ ими дѣлъ, съ виновныхъ взыскивается по одному быку въ пользу джамаата.

За нанесеніе побоевъ карту, мангушу, будуну и тургагу (последнему только при исполненіи имъ своихъ обязанностей) взыскивается штрафъ въ пользу джамаата два быка, по 4 рубля.

Адаты по увозу женщины. За увозъ дѣвицы, вдовы и разведенной съ мужемъ, по ея согласію, съ обоихъ взыскивается штрафъ по семи быковъ въ пользу джамаата. Увезшій сверхъ того долженъ сдѣлать угощеніе родственникамъ увезенной.

За насильственный увозъ съ одного увезшаго взыскивается штрафъ, семь быковъ, и если родственники увезенной согласятся на бракъ, то онъ платитъ деньгами или вещами: за дѣвицу—ей 100 рублей и родственникамъ ея 100 рублей; за вдову и разведенную, какъ ей, такъ и родственникамъ ея, по 50 рублей. Если же родственники не согласятся на бракъ, то увезшій на годъ удаляется изъ деревни, если только онъ изнасиловалъ увезенную *).

Если женщина сама бѣжитъ къ мужчинѣ, то съ нея взыскивается въ пользу джамаата семь быковъ, а отъ мужчины требуется присяга съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ въ томъ, что онъ не былъ съ нею въ связи; если онъ не очиститъ себя присягою, то штрафъ взыскивается и съ него, и кромѣ того онъ на годъ дѣлается канлы родственниковъ бѣжавшей и удаляется изъ деревни, а по окончаніи срока платитъ имъ 50 руб. и дѣлаетъ угощеніе.

Удаляемый на годъ канлы не подвергается кровомщенію, но не долженъ до истеченія срока входить въ свою деревню; за нарушеніе этого адата взыскивается съ него по одному быку за каждый приходъ въ пользу родственниковъ увезенной.

За содѣйствіе къ увозу взыскивается по одному быку джамаату съ cadaго содѣйствовавшаго.

*) Случаевъ увоза замужней женщины въ Акушинскомъ обществѣ не было.

Адаты по изнасилованію женщины. Для доказательства обвиненія по изнасилованію, сверхъ огласки, требуется еще присяга свидѣтелей хатунъ-талахъ. Если-же свидѣтелей нѣтъ, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ 7-ю родственниками хатунъ-талахъ.

Отъ женщины, извѣстной развратнымъ поведеніемъ, претензіи принимаются наравнѣ съ прочими.

За изнасилованіе женщины взыскивается: родственникамъ ея 1 быкъ; штрафъ джамаату 7 быковъ. Виновный дѣлается канлы родственникамъ изнасилованной и подвергается преслѣдованію ихъ, какъ и по убійству.

За намѣреніе изнасиловать опредѣляется тоже взысканіе, какъ и за изнасилованіе, но виновный не дѣлается канлы, а долженъ сдѣлать угощеніе родственникамъ женщины.

За прикосновеніе къ женщинѣ, если не будетъ доказано намѣреніе изнасиловать ее, взыскивается штрафъ джамаату одинъ быкъ.

Если обвиненіе будетъ падать на карта, мангуша, тургака или будуна, то опредѣленное взысканіе налагается вдвое.

За содѣйствіе къ изнасилованію взыскивается по одному быку джамаату съ каждаго содѣйствовавашаго.

Адаты по разврату. Обвиненіе признается не требующимъ никакого доказательства, если мужчину и женщину заставеть въ прелюбодѣйной связи хотя одинъ человекъ, а также, если застанутъ посторонняго мужчину ночью въ саклѣ наединѣ съ женщиною.

За прелюбодѣйную связь взыскивается штрафъ въ пользу джамаата по семи быковъ, и сверхъ того мужчина, обвиненный въ связи съ замужней женщиной, дѣлается канлы мужа. Если-же мужъ разведется съ женою, то какъ мужчина, такъ и женщина, дѣлаются канлы родственниковъ ея. Обвиняемый въ связи съ незамужнею женщиною дѣлается канлы родственниковъ ея тогда только, когда не согласится жениться на ней.

Канлы по прелюбодѣйной связи подвергается преслѣдованію наравнѣ съ убійцами.

Адаты по соровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамаль-кагаза. Айнамаль-кагазь выдается тогда только, когда

при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь приобрѣтена изъ другой деревни, или когда уворованное опознано въ другомъ отселѣ своей деревни.

Если изъ уворованныхъ вещей ничего не найдено, то допускается претензія или по обвиненію свидѣтелями, которые присягаютъ кораномъ, или по подозрѣнію.

Когда потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ слѣдующимъ числомъ родственниковъ:

При воровствѣ лошади, одной и нѣсколькихъ.....	12
— — кобылицъ: одной.....	7
— — — нѣсколькихъ	12
— — жеребятъ (менѣе 3-хъ лѣтъ), быковъ, коровъ и эшаконъ, одной штуки.....	6
— — нѣсколькихъ.....	12
— — теленка и барана, одного.....	2

(если нѣсколько штукъ, то за каждую прибавляется по одному родственнику).

За прочія вещи—сообразно съ ихъ цѣною, примѣнялся къ означенному числу, но не болѣе 12 родственниковъ.

Оцѣнка уворованнаго дѣлается на основаніи общихъ адатовъ, но при оцѣнкѣ такихъ вещей, которыхъ посторонніе не могли знать, хозяинъ дома присягаетъ съ двумя родственниками не хатуць-галахъ, а кораномъ.

За воровство опредѣляется слѣдующее взыскаііе:

1) Если вещь найдена, то возвращается хозяину, а если не найдена, то хозяинъ получаетъ подобную ей по выбору; сверхъ того въ обоихъ случаяхъ взыскивается еще девять вещей одной цѣны съ уворованною.

2) Если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію по присягѣ итца, то онъ получаетъ вещь, подобную уворованной, по выбору.

3) Деньги всегда взыскиваются въ томъ-же количествѣ, въ какомъ уворованы.

4) Рушпетъ платится виновнымъ на основаніи общаго адата.

5) Во всѣхъ случаяхъ, когда воровство сдѣлано со двора, то сверхъ всего, за приходъ вора во дворъ, въ пользу хозяина взыскивается 3 барана.

Штрафъ за воровство берется въ пользу джамаата 7 быковъ, по 4 рубля каждый; но при обвиненіи по одному подозрѣнію штрафъ не берется.

За воровство изъ мечети штрафъ взыскивается:

- 1) Джамаату 17 быковъ, по 4 рубли каждый.
- 2) Мангушу и тургакамъ 17 быковъ, по 4 рубля каждый.
- 3) Тургакамъ цѣлаго общества 5 котловъ, по 3 рубля, или 7 быковъ, по 3 рубля.

4) За открытіе дверей, будуну 1 быкъ. Остальное взысканіе полагается какъ за воровство вообще.

За воровство изъ мельницы, пашни, гумна и за воровство хлѣба въ колосьяхъ штрафъ вдвое. Когда-же обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то налагается обыкновенное взысканіе.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на мѣстѣ, то съ него взыскивается штрафъ, какъ за воровство, и въ пользу поймавшего его 1 быкъ. А если онъ приходилъ во дворъ, то и хозяину 3 барана. Если онъ пойманъ самимъ хозяиномъ, то хозяинъ получаетъ только одного быка.

Если обвиняемый задержанъ въ намѣреніи сдѣлать воровство и не будетъ достаточныхъ причинъ къ обвиненію его, то дозволяется ему очистить себя присягою съ 12-ю родственниками кораномъ, въ томъ, что онъ не имѣлъ намѣренія воровать.

За покушеніе на воровство опредѣляется тоже взысканіе, кромѣ одного быка, положеннаго поймавшему вора *).

Если воръ приходилъ черезъ сосѣдній дворъ или токъ, то въ пользу сосѣда-хозяина взыскивается 3 барана **).

Обвиненный въ сокрытіи вора и воровскихъ вещей признается соучастникомъ въ воровствѣ и подвергается взысканію наравнѣ съ ворами; но скрывавшій вещи можетъ присягнуть съ 6-ю родственниками хатуи-талахъ, въ томъ, что онъ не зналъ, что вещи тѣ уворованныя.

Обвиняемый въ томъ, что зналъ вора, но не объявилъ,

*) Доказательствомъ покушенія на воровство можетъ служить и то обстоятельство, что покушавшійся на воровство оставилъ на мѣстѣ свою вещь, по которой и будетъ открытъ, а если улики никакихъ нѣтъ, то требуется очистительная присяга.

**) Взысканіе это, при обвиненіи присягою истца по одному подозрѣнію, не дѣлается, но когда обвиненіе доказано, то взысканіе дѣлается и въ такомъ случаѣ, когда было только намѣреніе сдѣлать воровство, но ничего не украдено.

если не очистить себя присягою съ двумя родственниками хатунъ-талахъ, отвѣчаетъ наравнѣ съ воромъ.

Если хозяинъ уворованнаго найдетъ вора, но, не объявивъ объ этомъ, получить съ него удовлетвореніе, по обоюдному согласію, то съ него взыскивается одинъ быкъ въ пользу тургаковъ и онъ лишается права претендовать по этому воровству, а съ вора взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ указать соучастниковъ, отъ которыхъ требуется, чтобы 12-ть родственниковъ каждаго очистили ихъ присягою; изъ этихъ родственниковъ 4 присягаютъ хатунъ-талахъ, а 8 кораномъ; если-же они не присягнутъ, то обвиняемые въ соучастіи подвергаются отвѣтственности наравнѣ съ воромъ.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу претендующій присягаетъ одинъ, кораномъ.

Когда потребована будетъ очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ шестью родственниками хатунъ-талахъ.

Оцѣнка убытковъ дѣлается такъ-же, какъ и оцѣнка уворованныхъ вещей; но если потребуются присяга претендующаго, то онъ присягаетъ хатунъ-талахъ.

Обвиненный въ поджогѣ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества: если вина доказана — вдвое; если-же обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то по цѣнѣ убытковъ. Сверхъ того съ него взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

Хозяинъ, отъ неосторожности котораго произойдетъ пожаръ въ его-же домѣ, отвѣчаетъ за всѣ убытки, если отъ этого пожара сгоритъ имущество его сосѣдей.

Хозяинъ дома отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи, если причина пожара не зависѣла отъ хозяина, а поджогъ сдѣланъ другимъ; если-же поджогъ произошелъ по неосторожности того, у кого были чужія вещи, или членовъ его семейства, то дѣло разбирается по шаріату.

Адаты по порчамъ чужого имущества. Для доказательства требуется показаніе одного посторонняго лица, безъ присяги.

Если вѣтъ свидѣтеля, то требуется или присяга претендующаго, кораномъ, или очистительная присяга хатунъ-талахъ отъ обвиняемаго, съ родственниками *).

*) По порчамъ, сдѣланнымъ днемъ, присяга претендующаго не допускается, а всегда требуется очистительная присяга.

Оцѣнка явной порчи и потравы, сдѣланной днемъ, дѣлается двумя лицами, назначенными отъ истца и отвѣтчика. Оцѣнка тайной порчи и ночной потравы опредѣляется присягою хозяина съ двумя родственниками хатунъ-талахъ. При неумышленной потравѣ назначаются по одному лицу со стороны истца и отвѣтчика, которые осматриваютъ потравленное мѣсто и по снятіи посѣвовъ сравниваютъ умототъ съ потравленного мѣста съ прочимъ и такимъ образомъ опредѣляютъ количество убытковъ отъ потравы.

Обвиненный въ порчѣ чужой собственности вознаграждаетъ хозяина по оцѣнкѣ и сверхъ того за умышленную порчу взыскивается штрафъ—1 быкъ въ пользу джамаата.

За порчу, сдѣланную въ мечети, мельницѣ, гумнѣ и на пашнѣ (кромя потравы), взыскивается штрафъ вдвое и сверхъ того въ пользу тургаковъ всего округа 14 котловъ, по 2 рубля.

Если кто ранитъ чужую скотину или сдѣлаетъ ей другую порчу, то скотина эта отдается испортившему, а на его счетъ хозяинъ беретъ другую такую-же скотину по выбору.

Если кто обрѣжетъ хвостъ у лошади, то въ пользу хозяина взыскивается одинъ быкъ; но когда хвостъ обрѣзанъ такъ, что прорѣзана кожа, то взысканіе дѣлается какъ за пораненіе *).

Въ обоихъ предъидущихъ случаяхъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ, если обвиненіе сдѣлано не по одному подозрѣнію.

За потраву, сверхъ удовлетворенія хозяина, опредѣляется штрафъ въ пользу джамаата: если скотина усмотрѣна на мѣстѣ потравы и при ней находился хозяинъ или пастухъ—7 быковъ, по 4 рубля; если-же будетъ только извѣстно, чьей скотиной сдѣлана потрава, то штрафъ 3 рубля.

За неумышленную потраву и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію присягою истца,—штрафъ не берется.

Для предупрежденія потравъ установлены слѣдующіе адаты:

1) Ни одному хозяину не дозволяется держать во дворѣ болѣе двухъ барановъ; если-же кто будетъ держать болѣе этого, то хозяину дѣлается замѣчаніе, потомъ взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ отъ 20 до 25 копѣекъ, а послѣ этого, если

*) Если хвостъ обрѣзанъ у другой скотины, кромя лошади, и не прорѣзана при этомъ кожа, то взысканіе не полагается.

хозяинъ будетъ держать въ дворѣ барановъ, то тургаки могутъ зарѣзать ихъ.

2) Зимой дозволяется держать въ деревнѣ барановъ и болѣе двухъ.

3) Въ то время, когда лошади и скоть всего селенія ходятъ вмѣстѣ, въ деревнѣ дозволяется держать однихъ только жеребцовъ, а также рогатую скотину, когда она нужна; если-же другая скотина не будетъ выгнана въ стадо, то съ хозяина взыскивается въ пользу тургаковъ штрафъ по усмотрѣнiю джамаата.

Адаты по потерямъ и находкамъ. По потерямъ и находкамъ въ Акушинскомъ обществѣ существуютъ общiе даргинскiе адаты, съ тою только разницею, что по претензiямъ объ утайкѣ найденной чужой вещи требуются свидѣтели, которые присягаютъ кораномъ. Когда-же свидѣтель одинъ, то вмѣстѣ съ нимъ присягаетъ и претендующiй; если-же претензiя предъявляется по одному подозрѣнiю, то очистительная присяга отъ обвиняемаго требуется, какъ и по воровству.

Адаты по гражданскимъ искамъ и спорамъ. По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ и невѣстою родственникамъ жениха, установлены слѣдующiе адаты:

1) Когда причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то онъ долженъ возратить невѣстѣ полученные отъ нея подарки; сдѣланные-же имъ невѣстѣ подарки остаются у нея.

2) Если бракъ не состоялся по несогласiю невѣсты, то она должна возратить полученные отъ жениха подарки вдвое, а ея подарки женихомъ не возвращаются.

3) Если женихъ откажется отъ брака, потому что замѣтилъ невѣсту въ развратномъ поведенiи, то относительно подарковъ поступаютъ какъ если-бы бракъ не состоялся по несогласiю невѣсты, но обвиненiе свое женихъ долженъ подтвердить присягою съ двумя свидѣтелями хатунъ-талахъ, а если свидѣтель одинъ, то вмѣстѣ съ нимъ присягаетъ и женихъ, кораномъ.

4) При спорѣ относительно количества подарковъ требуется завѣренiе тѣхъ лицъ, черезъ которыхъ подарки передавались; безъ этихъ завѣренiй никакiя претензiи не принимаются.

Адаты Микахинскаго общества.

Предъявленiе претензiй. Претензiи по воровству, поджогу,

порчѣ имущества и утайкѣ найденной вещи, предъявляемая, за смертью самихъ обиженныхъ, наследниками ихъ, безъ доказательства, по однимъ подозрѣніямъ, не принимаются, если претензіи эти не начаты еще самимъ умершимъ.

Претензіи по подозрѣнію не допускаются только на кадіевъ и картовъ.

Претензія по подозрѣнію можетъ быть взведена въ одно время только на одного; но по убійству, если убитому нанесено нѣсколько ранъ и одинъ виновный самъ сознался, то можетъ быть взведено подозрѣніе еще на другого, но не болѣе.

Претензія по подозрѣнію можетъ переходить порядкомъ общихъ адатовъ на семь человекъ только по воровству, поджогу, порчѣ имущества и утайкѣ найденной вещи; по убійству-же, послѣ очистительной присяги одного обвиненнаго, на другого подозрѣніе не допускается.

Присяга. Когда тотъ, кто долженъ присягнуть хатунъ-талахъ, не женатъ или далъ обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, то присягаетъ кораномъ и кромѣ того одинъ женатый его родственникъ, по выбору противной тяжущейся стороны, присягаетъ за него хатунъ-талахъ.

По претензіямъ на женщинъ допускается или присяга претендующаго, или очистительная присяга отвѣтчицы, какъ и по претензіямъ на прочихъ лицъ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга никогда не требуется, а если претендующій на основаніи адатовъ не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то для подтвержденія претензіи своей долженъ представить свидѣтелей или другія доказательства.

Вдовы, разведенныя и совершеннолѣтнія дѣвицы присягаютъ сами, а за замужнихъ женщинъ присягаютъ мужья. За малолѣтнихъ присягаетъ ближайшій родственникъ; но достигшій 7 лѣтъ, когда отъ него требуется очистительная присяга, присягаетъ и самъ кораномъ. За безумныхъ и сумасшедшихъ присягаютъ родственники.

Когда на основаніи общихъ адатовъ одинъ свидѣтель присягаетъ съ 2 родственниками, то родственники эти требуются къ присягѣ по выбору того, противъ кого представленъ свидѣтель.

Свидѣтели должны быть жители той деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или-же жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели допускаются только въ томъ слу-

чаѣ, когда одинъ свидѣтель есть мужчина. Въ такомъ случаѣ двѣ женщины считаются за одного свидѣтеля.

Не допускаются въ свидѣтели сверхъ лицъ, указанныхъ въ общихъ адатахъ: 1) кадій и карты; 2) тургави, по такимъ дѣламъ, по которымъ въ ихъ пользу можетъ быть взысканъ штрафъ.

Когда представленные отвѣтчикомъ свидѣтели не приняты, то другіе свидѣтели вмѣсто ихъ не принимаются, а требуется очистительная присяга отъ отвѣтчика.

Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ томъ, когда свидѣтели въ назначенный день не явились или оказались подкупленными, претендующій не теряетъ права объявить обвиненіе по тому-же дѣлу на другого, но это допускается только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ обвиненіе можетъ переходить на нѣсколькихъ.

Когда свидѣтели присягали хатунъ-талахъ и впоследствии окажется, что присяга ихъ ложна, то сверхъ обязанности развестись съ женою, съ нихъ взыскивается штрафъ по одному быку въ пользу джамаата.

Когда присяга требуется съ родственниками, то для присяги требуются, смотря по роду дѣла: или ближайшіе родственники со стороны отца, или-же тѣ родственники, на которыхъ уважаетъ противная тяжущаяся сторона. Въ последнемъ случаѣ родственники должны быть выбраны поровну съ отцовской и материнской сторонъ, если только мать присягающаго не изъ другой деревни.

Когда присяга требуется кораномъ, то въ числѣ родственниковъ могутъ быть и женщины.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Когда истцу предоставляется получить вещь по выбору, то для этого выбираются три вещи изъ того селенія, гдѣ живутъ тяжущіеся, и изъ принадлежащихъ къ нему отселковъ, и изъ этихъ трехъ истецъ беретъ одну.

Если хозяинъ выбранной вещи не согласится уступить ее, то обвиненный платитъ истцу деньгами ту сумму, во что будетъ оцѣнена выбранная вещь.

При несостоятельности обвиненнаго взысканіе дѣлается съ родственниковъ его обоого пола слѣдующимъ порядкомъ:

1) Сперва берется имущество самаго ближайшаго родственника; если-же имущества этого окажется недостаточно, то берется имущество слѣдующаго за нимъ по степени родства, и такимъ порядкомъ подвергаются взысканію всѣ родственники, со-

стоящіе съ обвиненнымъ въ такой степени родства, въ которой, по мусульманской религіи, не допускается вступленіе въ бракъ.

2) Каждый родственникъ, у котораго уже взято все имущество, при переходѣ обязанности платить къ слѣдующему за нимъ родственнику, долженъ присягнуть хатунъ-талахъ въ томъ, что у него болѣе нѣтъ никакого имущества. Присягу эту онъ принимаетъ съ двумя родственниками (тусевами). Родственниковъ для присяги выбираетъ тотъ, къ кому переходить обязанность платить за обвиненнаго.

3) Если имущества всѣхъ родственниковъ, состоящихъ въ означенной выше степени родства, окажется недостаточно на пополненіе всѣхъ взысканій, то для платежа остального количества назначаются слѣдующіе родственники—15 со стороны отца и 15 со стороны матери, которые и уплачиваютъ падающее на нихъ взысканіе поровну.

За оказавшихся несостоятельными по несчастному какому-нибудь случаю родственники платить не обязаны.

Адатъ по убійству. Въ убійствѣ всегда обвиняется только одинъ; но если убитому нанесено нѣсколько ранъ и одинъ убійца самъ сознается, то можетъ быть обвиненъ еще одинъ, но не болѣе.

Обвиненіе двоихъ при нѣсколькихъ ранахъ допускается и въ такомъ случаѣ, когда есть посторонніе, видѣвшіе, что всѣ раны нанесены однимъ.

Когда обвиненіе требуется подтвердить, то претендующій присягаетъ хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками (тусевами).

Отъ претендующаго зависитъ обвинить въ убійствѣ, кого онъ считаетъ виновнымъ, и въ такомъ случаѣ, когда другой самъ сознается. Въ такомъ случаѣ считается убійцею тотъ, кого обвинилъ претендующій.

Если убитому нанесено нѣсколько ранъ и убійца сознается, то претендующій можетъ взвести обвиненіе еще на одного, и обвиняются оба.

Если убитому нанесено нѣсколько ранъ и двое сознаются въ убійствѣ, то и въ такомъ случаѣ истецъ можетъ одного изъ сознавшихся отравить, а на мѣсто его обвинить кого пожелаетъ.

Предоставляемое претендующему право обвиненія допускается тогда только, когда убійство совершено въ дракѣ, нападеніи и вообще въ столкновеніи, при участіи нѣсколькихъ лицъ, на ко-

торыхъ можетъ быть взведено обвиненіе, или когда убійство совершено въ безлюдномъ мѣстѣ, гдѣ не было постороннихъ.

Умирающій отъ раны присягаетъ съ двумя родственниками хатунъ-талахъ въ томъ, кѣмъ онъ раненъ.

Когда нужна очистительная присяга, то она требуется не отъ обвиняемаго, а отъ его родственниковъ. Число родственниковъ опредѣляется претендующимъ и бываетъ отъ 6-ти до 40 человекъ. Когда претендующій потребуетъ менѣе 12-ти родственниковъ, то берутся тусевы и присягаютъ хатунъ-талахъ, а когда болѣе 12-ти, то берутся ближайшіе родственники и присягаютъ кораномъ. Родственники эти могутъ требовать, чтобы прежде присягнулъ обвиняемый *).

Убійство считается *кара* въ тѣхъ-же случаяхъ, которые исчислены въ общихъ адатахъ, и сверхъ того убійство кадія, карта и тургака, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей.

Обвиненный въ убійствѣ считается канлы одинъ; малъ-канлы не назначаются.

За убійство взыскивается: 1) алумъ (наслѣдникамъ убитаго): съ обвиненнаго—два быка и бычокъ трехгодовалый; съ семейства его 1 рубль; съ 14 ближайшихъ родственниковъ по 50 копѣекъ; 2) штрафъ съ обвиненнаго—два быка въ пользу джамаата.

За убійство кара прибавляется къ алуму и къ штрафу по два быка.

Если въ убійствѣ обвинены двое, то и другой подвергается тому-же взысканію.

За убійство однимъ нѣсколькихъ человекъ взысканіе въ пользу родственниковъ убитыхъ дѣлается порознь за cadaго убитаго, а штрафъ взыскивается по числу канлы.

Если убитый и убійца принадлежали къ двумъ семействамъ, состоящимъ между собою въ кровной враждѣ (за исключеніемъ убійства башъ-канлы), то съ убійцы взыскивается штрафъ вдвое.

При убійствѣ родственникомъ родственника, убійца или дѣлается канлы, или остается безъ преслѣдованія, по усмотрѣнію прочихъ родственниковъ; въ первомъ случаѣ съ него взыскивается алумъ и штрафъ. При разногласіи родственниковъ опредѣленіе дѣлается по большинству голосовъ; при равенствѣ голосовъ убійца дѣлается канлы.

*) Когда потребована будетъ очистительная присяга отъ родственниковъ обвиняемаго и они присягнутъ, то обвиненіе другого въ томъ-же убійствѣ уже не допускается.

Канлы тотчасъ-же по совершеніи убійства или по смерти равненнаго имъ, а если обвиненіе требовало подтвержденія присягою, то по признаніи его канлы, должейъ удалиться съ мѣста жительства и не можетъ возвратиться въ свою деревню до примиренія съ родственниками убитаго.

Если онъ замедлитъ выходомъ изъ своей деревни, то съ него взыскивается въ пользу джамаата столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву втеченіи промедленнаго имъ времени *).

Канлы можетъ поселиться въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ родственниковъ убитаго, но въ отселкахъ своей деревни ему поселиться не дозволяется.

Если канлы до примиренія придетъ въ свою деревню, или ея отседки, и родственники убитаго окружаютъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустятъ, то съ него взыскивается за приходъ въ деревню два быка въ пользу джамаата.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы, будетъ подозрѣваемъ въ содѣйствіи убійству канлы, то отъ подозрѣваемаго требуется очистительная присяга хатунъ-талахъ, съ двумя родственниками, по выбору хозяина дома, гдѣ живетъ канлы. Если подозрѣваемый не очиститъ себя присягою, то съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 8 быковъ и домъ его разоряется.

Если канлы умретъ до примиренія, то за дозволеніе привезти тѣло его для погребенія въ свою деревню родственники его обязаны дать родственникамъ убитаго одного быка.

Если-же канлы будетъ убитъ по кровомщенію родственниками убитаго имъ или по ихъ подкупу, то они не только ничего не получаютъ, но должны возвратить полученный ими алумъ.

Если одинъ изъ главныхъ родственниковъ убитаго не пойдетъ на угощеніе къ канлы, то послѣдній посылаетъ ему 20 сабъ шеницы вмѣсто угощенія.

Адатъ по пораненію. Взысканіе полагается за всякую рану, хотя-бы она и не требовала лѣченія.

Порядокъ обвиненія и число обвиняемыхъ полагается тѣже, какъ и по убійству, но претендующій присягаетъ не съ 6-ю, а съ двумя родственниками *).

*) Въ селеніяхъ-же Ханта, Гурки и Бутри, въ этомъ случаѣ съ канлы взыскиваются, вмѣсто быковъ, бараны.

**) Но свидѣтели, бывшіе при пораненіи, не принимаются. Если ранив-

За нанесеніе раны взыскивается: штрафъ джамаату. 1) если рана нанесена огнестрѣльнымъ или острымъ оружіемъ—2 быка; 2) если рана нанесена камнемъ, палкою и т. п. — одинъ быкъ; 3) за рану, не требующую лѣченія,—3 рубля. Раненому, только за огнестрѣльную рану, одинъ бычокъ.

Рана лѣчится на счетъ виновнаго.

До лѣченія раны ранившій не долженъ встрѣчаться съ раненымъ и родственниками его, но можетъ оставаться въ своей деревнѣ, хотя-бы раненый жилъ въ той-же деревнѣ.

За неисполненіе этого адата съ него взыскивается въ штрафъ джамаату одинъ быкъ, и если отъ встрѣчи его съ раненымъ или родственниками его произойдетъ драка и онъ будетъ раненъ, то не получаетъ за рану никакого удовлетворенія.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ, то онъ удовлетворяетъ каждаго раненаго полностью, а штрафъ платитъ одинъ.

За неумышленное пораненіе удовлетвореніе дѣлается тоже, какъ и за умышленное, но штрафъ не взыскивается.

При обоюдномъ пораненіи, штрафъ взыскивается съ каждаго, хотя-бы раненые и не претендовали другъ на друга за пораненіе.

Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ штрафъ въ пользу джамаата взыскивается вдвое:

- 1) за нанесеніе раны кадю и карту;
- 2) за нанесеніе раны тургаку при исполненіи имъ своей обязанности;
- 3) если кто, отправившись на воровство, или съ другимъ злымъ умысломъ, будетъ открытъ и, стараясь скрыться, ранитъ хозяина дома;
- 4) если ранившій и раненый принадлежать къ двумъ семействамъ, находящимся въ кровной враждѣ между собою *).

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе побоевъ мужчинѣ, хотя-бы остались и знаки, если не нанесено раны, никакого взысканія не полагается.

За нанесеніе женщинѣ побоевъ, если не она первая начала драку, виновный долженъ дать ей, по своему усмотрѣнію: или

шій не сознается самъ въ пораненіи, то обвиняется присягою раненаго съ родственниками, хотя-бы даже пораненіе случилось на глазахъ всего джамаата.

*) Этотъ адатъ не относится до пораненія канлы изъ кровомщенія.

деньгами 1 рубль 50 копѣекъ, или шесть сабъ пшеницы, или сдѣлать ей угощеніе съ 15 родственникамъ. Сверхъ того съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ. Если же женщина была беременна, то и взысканіе по шаріату.

Если въ ссорѣ сдѣлаетъ кто-нибудь выстрѣлъ, то съ выстрѣлившаго взыскивается въ пользу того, по кому сдѣланъ выстрѣлъ, одинъ бычокъ и штрафъ, въ пользу джамаата одинъ быкъ. Если же выстрѣлъ сдѣланъ покушавшимся на воровство или имѣвшимъ другой какой-либо умыселъ, то штрафъ взыскивается вдвое.

Съ обнажившаго въ ссорѣ оружіе или намѣривавшагося сдѣлать выстрѣлъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 3 руб.

За нанесеніе побоевъ и обоюдную драку въ присутствіи кадія и картовъ, при разборѣ ими дѣлъ, съ виновныхъ взыскивается по одному быку въ пользу джамаата.

За нанесеніе побоевъ тургаку при исполненіи имъ своихъ обязанностей, взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ. Если же побои тургаку нанесены на настбишныхъ мѣстахъ, въ то время когда онъ замѣтилъ, что стадо не на мѣстѣ, то взыскивается одинъ козелъ въ пользу тургаковъ и штрафъ 3 руб. въ пользу джамаата.

Адаты по увозу женщины. За увозъ дѣвicy, вдовы и разведенной съ мужемъ взыскивается:

1) Если она увезена по ея согласію, взыскивается въ пользу джамаата по четыре быка съ обоихъ.

2) За насильственный увозъ штрафъ въ четыре быка взыскивается только съ увезшаго и онъ долженъ сдѣлать угощеніе родственникамъ увезенной.

3) Если женщина увезена въ другую деревню, то въ обоихъ случаяхъ штрафъ взыскивается вмѣсто четырехъ по восьми быковъ *).

Въ деревняхъ Михаинскаго общества, находящихся на сѣверозападѣ отъ горнаго хребта Хапъ, опредѣленный въ 1 и 2 п. штрафъ взыскивается вдвое.

Если увезшій укроется съ увезенною въ той-же деревнѣ, въ чужомъ домѣ, и хозяинъ дома дозволить имъ остаться вмѣстѣ и не разведетъ ихъ по разнымъ саклямъ, то съ хозяина взыскивается штрафъ одинъ быкъ въ пользу джамаата.

*) Случаевъ увоза замужней женщины никогда не было.

За содѣйствіе въ увозѣ женщины взыскивается по одному быку въ пользу джамаата.

Адаты по изнасилованію женщины. Если не было очевидцевъ сдѣланнаго надъ женщиною насилія и объявляемый самъ не сознается, то, хотя-бы женщина и огласила крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе, при предъявленіи жалобы, для доказательства ея справедливости, требуется или присяга хатунъ-талахъ съ 7-ю ея родственниками (тусевы), или очистительная присяга хатунъ-талахъ отъ обвиняемаго съ 6-ю родственниками (тусевы).

Отъ женщины извѣстной развратнымъ поведеніемъ претензіи принимаются наравнѣ съ прочими.

За изнасилованіе незамужней женщины съ виновнаго взыскивается: въ пользу изнасилованной пахатное мѣсто, цѣна котораго не опредѣлена, и одинъ бычокъ, и штрафъ въ пользу джамаата—четыре быка. Сверхъ того виновный долженъ сдѣлать угощеніе всѣмъ родственникамъ изнасилованной.

Если обвиненіе изведено присягою родственниковъ женщины, то взыскивается только штрафъ и дѣлается угощеніе ея родственникамъ.

За изнасилованіе замужней женщины взыскивается штрафъ джамаату четыре быка и виновный удаляется изъ деревни.

Удаленный за изнасилованіе замужней женщины, хотя и не можетъ быть убитъ, какъ канлы по убійству, но до примиренія съ мужемъ изнасилованной не долженъ приходить въ свою деревню.

Если удаленный изъ деревни придетъ въ оную, то съ него взыскивается въ пользу джамаата два быка за каждый приходъ.

Когда мужъ изнасилованной согласится примириться съ изнасиловавшимъ, то послѣдній долженъ удовлетворить его по обоюдному условію и тогда можетъ возвратиться въ свою деревню.

За намѣреніе изнасиловать и за прикосновеніе къ женщинѣ взысканіе дѣлается тоже, какъ и за изнасилованіе. Но обвиненный въ намѣреніи изнасиловать незамужнюю женщину, если на ней не осталось никакихъ знаковъ насилія и обвиненіе подтверждено только присягою родственниковъ ея, платитъ только штрафъ джамаату два быка и дѣлаетъ угощеніе 15-ти родственникамъ обвинившей его.

За содѣйствіе изнасилованію взыскивается по одному быку въ пользу джамаата.

Адаты по разврату. Если кто застанетъ женщину въ прелюбодѣйной связи съ мужчиною, то болѣе никакихъ доказательствъ не требуется и съ обоихъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата по четыре быка, а если эта женщина замужняя, то мужчина, ваходящійся съ нею въ связи, сверхъ того подвергается ответственности, опредѣленной за изнасилованіе замужней женщины.

Если незамужняя женщина сама сознается въ связи съ мужчиною, то отъ обвиняемаго ею требуется очистительная присяга хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками (тусевами).

Если-же сознавшаяся женщина, по освидѣтельствованіи ея черезъ женщинъ, окажется беременною, то вводимое ею обвиненіе подтверждается присягою хатунъ-талахъ семи ея родственниковъ (тусевоу).

Съ отказавшагося принять очистительную присягу или обвиненнаго присягою родственниковъ взыскивается штрафъ четыре быка въ пользу джамаата.

Но если обвиненіе, сдѣланное самою женщиною, не будетъ доказано, то съ предъявившихъ жалобу ея родственниковъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата восемь быковъ.

По мужеложству съ насиліемъ требуется, чтобы изнасилованный огласилъ крикомъ сдѣланное надъ нимъ насиліе, и сверхъ того: или присяга хатунъ-талахъ семи родственниковъ (тусевоу) изнасилованнаго, или очистительная присяга хатунъ-талахъ семи родственниковъ (тусевоу) обвиняемаго.

За мужеложство съ насиліемъ съ виновнаго взыскивается штрафъ въ пользу джамаата два быка. Онъ дѣлается канлы родственниковъ изнасилованнаго и удаляется изъ деревни, какъ и за убійство. Но право мщенія принадлежитъ одному изнасилованному.

За намѣреніе изнасиловать взысканія не дѣлается.

За скотоложство взыскивается въ пользу хозяина скотины одна пара поршней, но тогда только, когда обвиненіе будетъ доказано присягою хатунъ-талахъ, или двухъ свидѣтелей, или одного свидѣтеля и хозяина скотины.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась;

по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамаль-кагаза; айнамаль-кагазъ-же выдается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь приобрѣтена изъ другой деревни, или когда уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Когда тотъ, у кого опознана вещь или у кого она находилась прежде, укажетъ, что она досталась ему отъ его односельца, а этотъ односелецъ откажется, что вещи этой у него не было и онъ ея не передавалъ, и если притомъ свидѣтелей къ обвиненію его нѣтъ, то отъ отказывающагося требуется очистительная присяга съ 6-ю ближайшими родственниками, кораномъ.

Обвиненіе по оставленной на мѣстѣ воровства вещи допускается какъ и по общимъ адатамъ; но для доказательства, что оставленная на мѣстѣ воровства вещь дѣйствительно принадлежитъ обвиняемому, требуется показаніе свидѣтелей, знающихъ эту вещь, за присягою хатунъ-талахъ.

Когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то претендующій присягаетъ кораномъ съ слѣдующимъ числомъ ближайшихъ родственниковъ:

по воровству:	число родственниковъ:
одного барана.....	3.
двухъ —	4.
трехъ —	5.
четырехъ — и болѣе.....	6.
одного быка и эшака.....	7.
двухъ быковъ и эшаковъ и болѣе.....	12.
одной коровы.....	5.
двухъ коровъ.....	10.
трехъ — и болѣе.....	12.
лошадей, буйволовъ и катеровъ, безъ различія числа штукъ.....	12.
одного жеребенка, менѣ 3-хъ лѣтъ.....	6.
— теленка одного года.....	3.
— бычка двухъ лѣтъ.....	5.
— — трехъ —	6.
одной телки двухъ —	3.
— — трехъ —	5.
одного буйволена одного года.....	5.
— — двухъ лѣтъ.....	6.
— — трехъ —	12.

По воровству другихъ предметовъ взыскивается по цѣнѣ уворованнаго, принимаясь къ означенному выше числу.

Если потребована будетъ очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ такимъ-же числомъ родственниковъ; но когда претензія предъявлена лицомъ, подвергавшимся прежде взысканію за воровство, и очистительная присяга требуется потому, что претендующій присягнуть самъ не можетъ, то родственники для присяги требуются не ближайшіе, а тусевы.

Оцѣнка уворованныхъ вещей дѣлается на основаніи общихъ адатовъ, но родственники при присягѣ хозяина требуются не ближайшіе, а тусевы.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Если уворованное найдено, возвращается вдвое, а за воровство барана вдесятеро.

2) Если взысканіе дѣлается по найденнымъ остаткамъ вещей, то дается одна вещь, подобная уворованной, по выбору, и другая одной цѣны съ уворованною.

3) Въ остальныхъ случаяхъ претендующему дается вещь, подобная уворованной, по выбору.

4) Деньги взыскиваются въ томъ-же количествѣ, какъ уворованы.

5) Рушпетъ платится виновнымъ на основаніи общаго на этотъ случай адата.

6) Во всѣхъ случаяхъ, если воровство сдѣлано со двора, то сверхъ всего, за приходъ вора во дворъ, въ пользу хозяина взыскивается одинъ бычокъ.

Штрафъ въ пользу джамаата взыскивается:

за воровство на сумму до 1 рубля — 2 быка, по 8 рублей.

— — — выше 1 — — — 4 — — — —

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Кадій, карты, мангуши, тургаки, будуны и гаджіи, обвиненные въ воровствѣ, платятъ штрафъ вдвое.

Если воръ пойманъ на воровствѣ, то съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата четыре быка и въ пользу пойманнаго его одинъ бычокъ. Если воръ для воровства приходилъ во дворъ, то и хозяину двора одинъ бычокъ, въ 3 рубля. Если вора поймалъ самъ хозяинъ двора, то получаетъ только одного бычка.

За покушеніе на воровство взыскивается (только тогда,

если покушавшійся на воровство приходилъ во дворъ) въ пользу хозяина одинъ бычокъ. Доказательствомъ покушенія на воровство можетъ служить оставленная вещь. Если-же никакихъ уликъ къ обвиненію нѣтъ, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками (тусевами).

За укрывательство вора и скрытіе уворованныхъ вещей съ виновнаго взыскивается штрафъ джамаату четыре быка; но если тотъ, у кого скрывались вещи, приметъ присягу хатунъ-талахъ, что онъ не зналъ, что вещи тѣ воровскія, то съ него никакого взысканія не дѣлается.

Если хозяинъ уворованнаго найдетъ вора, но, не обвинивъ объ этомъ, получить съ него удовлетвореніе по обоюдному согласію, то онъ лишается права претендовать по этому воровству, а съ вора взыскивается штрафъ—четыре быка.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ указать соучастниковъ, отъ которыхъ требуется очистительная присяга кораномъ съ 6-ю родственниками, ближайшими, и если они не очистятъ себя присягою, то подвергаются отвѣтственности наравнѣ съ воромъ.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу претендующій присягаетъ съ женою или съ однимъ ближайшимъ родственникомъ, кораномъ.

Когда потребована будетъ очистительная присяга отъ отвѣтчика, то онъ присягаетъ кораномъ съ 12-ю ближайшими родственниками.

О цѣнѣ убытковъ претендующій упоминаетъ въ своей присягѣ; если-же требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то предварительно претендующій объявляетъ безъ присяги о цѣнѣ убытковъ.

Обвиненный въ поджогѣ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества на основаніи общихъ адатовъ по поджогу.

Сверхъ того съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата четыре быка; но если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то штрафъ не берется.

Хозяинъ, отъ неосторожности котораго произошелъ пожаръ въ его-же домѣ, отвѣчаетъ за всѣ убытки, если отъ этого пожара сгоритъ имущество сосѣдей.

Хозяинъ дома отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи, если причина пожара не зависѣла отъ хозяина и поджогъ сдѣланъ другимъ; если-же поджогъ произошелъ по неосторожно-

сти того, у кого были чужія вещи, или членовъ его семейства, то дѣло разбирается по шаріату.

Адаты по порчамъ чужого имущества. Если порча сдѣлана тайно, то для подтвержденія обвиненія требуется присяга претендующаго кораномъ:

при порчѣ до 1 рублн	съ 3-мя ближайшими родственниками.
— 2 руб.	— 6-ю — — —
— 3 —	— 9-ю — — —
— 4 — и болѣе	— 12-ю — — —

Когда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ кораномъ съ тѣмъ-же числомъ родственниковъ.

Оцѣнка порчи опредѣляется двумя посторонними лицами, назначаемыми отъ джамаата, безъ присяги. Послѣ этого хозяинъ подтверждаетъ присягою кораномъ, съ женою или съ однимъ ближайшимъ родственникомъ, что дѣйствительно порча стоитъ столько, во сколько оцѣнена назначенными отъ джамаата лицами.

Обвиненный удовлетворяетъ за порчу хозяина по цѣнѣ и сверхъ того съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата: за порчу до 1 рубля одинъ быкъ, а свыше 1 рубля два быка; но при обвиненіи по одному подозрѣнію и за неумышленную порчу штрафъ не берется.

За порчу, сдѣланную въ мечети, мельницѣ, гумнѣ и на пашнѣ (кромѣ погравы), какъ убытокъ, такъ и штрафъ, взыскиваются вдвое и сверхъ того тургакамъ всего округа 14-ть котловъ, по 2 рубля.

Если кто ранитъ или инымъ образомъ испортитъ чужую скотину, то скотина эта отдастся испортившему, а онъ долженъ дать хозяину другую такую-же скотину, по выбору самого хозяина.

Если кто обрѣжетъ хвостъ или гриву у чужой лошади, то въ пользу хозяина взыскивается одинъ бычокъ; если хвостъ обрѣзанъ у другой скотины, то взыскивается, или одинъ баранъ, или 1 рубль, или 4 сабы пшеницы. Если-же при этомъ обрѣзана кожа, то взысканіе дѣлается какъ за пораненіе. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, взыскивается и штрафъ въ пользу джамаата — одинъ быкъ, если только обвиненіе сдѣлано не по одному подозрѣнію.

За намѣреніе сдѣлать порчу никакого взысканія не полагается.

За порчу скотины или вещи, взятой для пользованія за плату, разборъ дѣлается по шаріату.

За поправу, хозяину дѣляется вознагражденіе въ половину противъ сдѣланной оцѣнки и дается одинъ трехъ-годовалый бычокъ; кромѣ того взыскивается штрафъ въ пользу джамаата, одинъ быкъ.

За неумышленную поправу, а также когда обвиненіе сдѣлано присягою истца по подозрѣнію, хозяинъ получаетъ только вознагражденіе въ половину противъ оцѣнки, а штрафъ не берется. Но если скотина задержана на пашнѣ, то въ пользу тургаковъ взыскивается штрафъ два серпа, сверхъ удовлетворенія хозяина.

Если скотина зайдетъ на покосное мѣсто, то взыскивается съ хозяина скотины, а если она принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ, то съ каждого хозяина, штрафъ въ пользу джамаата по 3 рубля, или по одному бычку, хотя-бы скотина и не была умышленно выгнана на покосы.

Для предупрежденія поправъ установлены слѣдующіе адаты:

1) Никому не дозволяется держать въ деревнѣ болѣе одного барана или одного козла; если-же кто будетъ держать больше этого, то тургаки имѣютъ право зарѣзать.

2) Въ то время, когда лошади и скотъ всего селенія ходятъ вмѣстѣ, въ деревнѣ дозволяется держать только жеребцовъ, рабочую скотину и каждому хозяину одного эшака. Если-же будетъ другая скотина не выгнана въ стадо, то за каждый день взыскивается въ пользу тургаковъ 2 серпа, по 20 копѣекъ, со всей принадлежащей одному хозяину скотины.

За рубку дѣса безъ дозволенія кадія и картовъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ.

Адаты по потерямъ и находкамъ вещей. Для доказательства принадлежности найденной вещи требуется присяга хатунъ-талахъ свидѣтелей, а если свидѣтель одинъ, то присяга свидѣтеля и самого претендующаго; безъ свидѣтелей-же претензія не принимается.

По претензіямъ объ утайкѣ потерянной вещи требуются также свидѣтели, но если претензія предъявлена по одному подозрѣнію, то очистительная присяга отъ обвиняемаго требуется съ такимъ числомъ ближайшихъ родственниковъ, какое определено по воровству.

Адаты по гражданскимъ искамъ и спорамъ. По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ

невѣстѣ и невѣстою родственникамъ жениха, если послѣ помолвки бракъ не состоится, существуютъ слѣдующіе адаты:

1) Если причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то онъ долженъ возвратитъ невѣстѣ подарки, сдѣланные ею родственникамъ его; подарки-же, сдѣланные имъ невѣстѣ, остаются у нея и сверхъ того въ пользу джамаата съ него взыскивается одна быкъ въ 8 рублей.

2) Если-же бракъ не состоялся по причинамъ со стороны невѣсты, то она подвергается такому-же взысканію и возвращаетъ подарокъ вдвое.

3) Если женихъ объявитъ, что кромѣ подарковъ, сдѣланныхъ имъ невѣстѣ при постороннихъ людяхъ, онъ дѣлалъ ей еще другіе подарки, то требуется очистительная присяга отца и матери невѣсты, причемъ отецъ присягаетъ хатунъ-талахъ; если-же у невѣсты нѣтъ родителей, то она присягаетъ съ двумя ближайшими родственниками.

4) По претензіямъ этого рода, взводимымъ невѣстою на жениха, требуется такимъ-же порядкомъ очистительная присяга жениха.

Адаты Мугинскаго общества.

Предъявленіе претензій. Согласившіеся на разборъ претензій по маслаату не могутъ требовать разбора ея по адату, если уже назначены лица для маслаатскаго разбора.

Претензій по подозрѣнію не допускаются только на кадія и будуновъ.

Претензій по подозрѣнію между членами двухъ семействъ, состоящихъ въ кровной враждѣ, не допускаются только по воровству *).

Не допускается раньше года претензія по подозрѣнію прежде обвиняемаго на обвинившаго; взводившій-же прежде претензію по подозрѣнію можетъ и раньше года предъявить новую претензію на того-же.

Претензій по воровству, поджогу, порчѣ имущества и утай-

*) Въ числѣ членовъ семейства, не могущихъ претендовать по подозрѣнію въ воровствѣ, считаются только родители, дѣти, братья и сестры. Присяга въ томъ, что претензія взводится не по враждѣ, ни въ какихъ случаяхъ не требуется.

въ вайденой вещи, взводимые, за смертію обвиняемаго, на наследниковъ, по однимъ подозрѣніямъ, не допускаются.

Присяга. Если тотъ, кто долженъ присягнуть хатунъ-талахъ, не можетъ или далъ обѣтъ никогда не принимать этой присяги, то присягаетъ кораномъ; но съ истцомъ и отвѣтчикомъ, когда они женаты, но не могутъ присягнуть хатунъ-талахъ по обѣту, присягаетъ одинъ ближайшій женатый родственникъ, независимо отъ тѣхъ родственниковъ, которые вообще требуются при присягѣ.

За ложную присягу взыскивается съ виновнаго штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ, въ 4 рубля.

По претензіямъ на женщинъ допускается или присяга пства, или очистительная присяга, какъ и по претензіямъ на прочихъ лицъ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга никогда не требуется; но если претендующій, на основаніи адатовъ, не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то для подтвержденія претензіи своей онъ долженъ представить свидѣтелей или другія доказательства.

Вдовы, разведенныя и совершеннолѣтнія дѣвѣцы присягаютъ сами, а за замужнихъ женщинъ присягаетъ мужъ. За малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ присягаетъ ближайшій родственникъ; но малолѣтній отвѣтчикъ, достигшій 7 лѣтъ, вмѣстѣ съ присягающимъ за него родственникомъ, присягаетъ и самъ.

Когда требуется засвидѣтельствовать случай, произшедшій въ полѣ или на мельницѣ, то достаточно подтвержденіе безъ присяги одного свидѣтеля—мужчины, женщины или и несовершеннолѣтняго.

Свидѣтели должны быть жителями той деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или отселковъ той деревни.

Женщины допускаются также въ свидѣтели по претензіямъ объ извасилованіи; по этимъ претензіямъ признается достаточнымъ показаніе одной женщины, безъ присяги.

Показаніе кадіи, безъ присяги, по вѣсьмъ дѣламъ считается наравнѣ съ показаніемъ двухъ свидѣтелей за присягою.

Когда представленные отвѣтчикомъ свидѣтели не приняты, то другіе свидѣтели вмѣсто ихъ не допускаются, а требуется очистительная присяга отвѣтчика.

Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ томъ, когда свидѣтели въ назначенный день не явились или обазались подкупленными,

претендующій не теряетъ права объявить обвиненіе по тому-же дѣлу на другого; но это допускается только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ, на основаніи общихъ даргинскихъ адатовъ, обвиненіе можетъ переходить на нѣсколькихъ.

Когда для присяги требуется менѣе 12-ти родственниковъ, то всѣ они должны быть со стороны отца; если-же 12 или болѣе, то требуется ихъ поровну со стороны отца и матери, но только при условіи, чтобы мать присягающаго была не уроженка другой деревни. Женщины для присяги въ числѣ родственниковъ не допускаются.

Не требуются вовсе къ присягѣ, кромѣ родственниковъ, означенныхъ въ общихъ адатахъ, еще и родственники, отсутствующіе изъ своего общества, если мѣсто нахождения ихъ неизвѣстно.

Родственники, переселившіеся въ другую деревню (ближе границъ, означенныхъ при исчисленіи общаго на такой случай адата*), если они родились въ той деревнѣ, откуда присягающій, требуются къ присягѣ наравнѣ съ состоящими налицо.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Когда истцу предоставляется получить вещь по выбору, то для этого выбираются три вещи у жителей всего селенія, гдѣ живетъ отвѣтчикъ, и изъ этихъ трехъ истецъ беретъ одну.

Для опредѣленія вознагражденія за порчу назначаются кадіемъ два человѣка, знавшіе прежде испорченную вещь, которые и оцѣниваютъ порчу безъ присяги.

При несостоятельности обвиненнаго платятъ сперва родители, братья и сестры его. Когда имущества ихъ окажется недостаточно, то требуется отъ нихъ присяга хатунъ-талахъ, въ томъ, что болѣе у нихъ нѣтъ никакого имущества, и для платежа назначаются 10 ближайшихъ родственниковъ, по 5 со стороны отца и со стороны матери, съ которыхъ взыскивается по одному быку, въ 10 рублей каждый. Если сумма эта окажется недостаточною, то назначаются такимъ-же порядкомъ слѣдующіе 10 родственниковъ, и какъ съ нихъ, такъ и съ заплатившихъ прежде, взыскивается опять по одному быку; потомъ, если то нужно, прибавляется еще 10 родственниковъ и вновь взыскивается по одному быку уже со всѣхъ 30-ти, и т. д., прибавляя по 10 родственниковъ, пока не пополнится все взысканіе.

*) См. стр. 9.

Родственники не могут требовать возврата уплаченного ими, хотя-бы несостоятельный впоследствии и приобрѣлъ имущество.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ обвиняются всѣ дѣйствительно участвовавшіе, но не болѣе числа ранъ, оказавшихся на убитомъ; если-же при убійствѣ не было постороннихъ, которые могли-бы указать виновныхъ, и сами убійцы не сознаются, то обвиняется только одинъ.

Для обвиненія въ убійствѣ требуется или собственное сознание виновнаго, или показаніе одного свидѣтеля безъ присяги; если-же виновный самъ не сознался и если при убійствѣ не было постороннихъ свидѣтелей, то допускается обвиненіе присягою претендующаго съ 6-ю родственниками, кораномъ.

Умирающій отъ раны присягаетъ также съ 6-ю родственниками. Показаніе умирающаго допускается въ тѣхъ-же случаяхъ, какъ и присяга претендующаго за кровь.

Если при убійствѣ не было постороннихъ свидѣтелей и виновный не сознался, но смертельно-раненый самъ указалъ убійцу и, не присягнувъ, умеръ, то претендующій за кровь его родственникъ можетъ предъявить претензію только на обвиненнаго умершимъ.

Обвиненіе по одному подозрѣнію вводится также присягою претендующаго.

Когда вмѣсто присяги претендующаго потребована очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 12-ю родственниками хатунъ-талахъ.

Убійство ни въ какомъ случаѣ не считается *кара*.

Обвиненный въ убійствѣ дѣлается канды одинъ; малъ-канды не назначаются.

Съ обвиненнаго взыскивается: алумъ (наслѣдникамъ убитаго): два лучшихъ быка и 14 кары бязи; родственникамъ убитаго, не получающимъ алума, если только они не сдѣлаютъ убійцѣ никакого вреда и оскорбленія, — на 8 рублей вещей или деньгами.

Если убійца старался скрыть свое преступленіе и обвиненъ онъ не присягою претендующаго, а показаніемъ свидѣтелей, или потому что онъ самъ отказался, или-же кто изъ родственниковъ его, принять очистительную присягу, то сверхъ алума у него берется въ пользу наслѣдниковъ убитаго пахатное мѣсто въ 40 рублей.

Если въ убійствѣ обвинено нѣсколько человѣкъ, то всѣ они дѣлаются канлы; но определенное выше взысканіе платятъ всѣ сообща, въ томъ-же размѣрѣ.

За убійство однимъ нѣсколькихъ человѣкъ, съ убійцы взыскивается алумъ и проч. полностью, за каждаго убитаго порознь, и убійца всѣмъ родственникамъ убитаго дѣлается канлы.

Обвиняемый присягою претендующаго по подозрѣнію можетъ самъ объявить подозрѣніе въ томъ-же убійствѣ на другого, какъ по подозрѣнію вообще, и отъ того, на кого онъ объявитъ подозрѣніе, требуется очистительная присяга съ 12-ю родственниками хатунъ-галахъ; но послѣ этой присяги подозрѣніе на другого уже не допускается, а виновнымъ признается тотъ, на котораго присягнулъ претендующій.

Адаты относительно канлы тѣ-же, что и въ Михагинскомъ обществѣ, съ нижеслѣдующими измѣненіями:

Если канлы придетъ въ свою деревню или отселокъ ея и родственники убитаго окружаютъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустятъ, то съ него взыскивается одинъ быкъ родственникамъ убитаго.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то домъ его разоряется.

Если-же кто изъ жителей самъ убьетъ канлы по подговору или поддупу кровомстителей, то сверхъ обыкновенной отвѣтственности за убійство и наказанія, определеннаго за содѣйствіе къ убійству, съ него взыскивается одинъ быкъ хозяину дома, гдѣ жилъ канлы.

По смерти канлы, если она послѣдовала не отъ кровомщенія, родственники его должны дать родственникамъ убитаго имъ одного быка, въ 12 рублей, за дозволеніе перевезти тѣло его для погребенія въ свою деревню.

Если-же канлы будетъ убитъ по кровомщенію, то быкъ не дается, и сверхъ того убійцы должны возратить родственникамъ убитаго алумъ, взысканный съ него при удаленіи съ мѣста жительства.

Адаты по пораненію. Относительно обвиненій по пораненію существуютъ тѣ-же адаты, какъ и по убійству, но раневый присягаетъ безъ родственниковъ, кораномъ.

Собственное сознаніе виновнаго принимается только въ томъ случаѣ, когда сознающійся неизвѣстенъ въ дурномъ поведеніи.

Очистительная присяга требуется отъ обвиняемаго съ 6 родственниками хатунъ-талахъ.

За нанесеніе раны взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 10 рублей; по излѣченіи раны, ранившій дѣлаетъ угощеніе раненому, съ родственниками его, число которыхъ опредѣляетъ лѣчившій рану.

Рана лѣчится на счетъ виновнаго.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ въ одно время, то онъ платитъ тотъ-же штрафъ и лѣчитъ всѣхъ раненыхъ, а по излѣченіи ранъ каждому дѣлаетъ угощеніе съ родственниками.

За неумышленное пораненіе штрафъ взыскивается въ половинномъ количествѣ и число родственниковъ при угощеніи должно быть вдвое меньше.

Не подвергается взысканію за пораненіе тургакъ, если при исполненіи имъ своей обязанности онъ встрѣтитъ сопротивленіе и въ происшедшей отъ этого дракѣ ранитъ кого-нибудь.

При обоюдномъ пораненіи, штрафъ, опредѣленный за пораненіе, взыскивается, хотя-бы раненые и не претендовали другъ на друга за пораненіе.

Штрафъ за пораненіе взыскивается вдвое: 1) за пораненіе въ мечети и на кладбищѣ; 2) за пораненіе тургака при исполненіи имъ своей обязанности.

За пораненіе женщины, опредѣленное за пораненіе взысканіе дѣлается на половину, а за неумышленное пораненіе—четвертая часть.

Адатъ по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За побои женщинъ, если не она первая начала драку, нанесшій побои долженъ заплатить ей отъ 1 до 2 руб.

За выстрѣлъ въ ссорѣ никакого взысканія не положено, но если выстрѣлъ сдѣланъ изъ засады, то взыскивается въ пользу того, по кому сдѣланъ выстрѣлъ, 10 рублей.

Если-же изъ засады стрѣляли нѣсколько человекъ и однимъ изъ нихъ учинено убійство или пораненіе, то прочіе за стрѣльбу никакому взысканію не подвергаются.

За нанесеніе побоевъ кадю, карту, мангушу, тургаку и будуну, при исполненіи ими своихъ обязанностей, хотя-бы и они первые начали драку, взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ, въ 10 рублей.

Адатъ по увозу женщинъ. За увозъ дѣвцы, вдовы и раз-

веденной съ мужемъ, по обоюдному согласію, взыскивается: штрафъ въ пользу джамаата съ обоихъ по 12 рублей и сверхъ того съ увезшаго родственникамъ увезенной 8 рублей; самъ увезшій дѣлается канлы ихъ и удаляется изъ деревни, а увезенная возвращается.

За насильственный увозъ, съ увезенной штрафъ не взыскивается; увезшій-же подвергается тому-же взысканію, какъ и за увозъ по согласію. Но если родственники насильно увезенной согласятся на бракъ ея съ увезшимъ, то и съ нею взыскивается штрафъ.

Канлы по увозу незамужнихъ женщинъ не подвергаются кровомщенію, но до примиренія не должны входить въ свою деревню. За нарушение этого адата взыскивается по одному быку, въ 8 рублей, въ пользу родственниковъ увезенной за каждый приходъ.

За увозъ замужней женщины, по ея согласію: 1) взыскивается съ обоихъ штрафъ по 12 рублей, 2) имѣніе жены поступаетъ въ собственность мужа и 3) оба дѣлаются канлы мужа и родственниковъ увезенной и подвергаются преслѣдованію ихъ, какъ по убійству.

Если мужъ возвратитъ къ себѣ жену, то увезшій можетъ возвратиться въ свою деревню и безъ примиренія съ мужемъ и родственниками; но смерть одного изъ канлы не освобождаетъ другого канлы отъ преслѣдованія.

Если увезшій укроется съ увезенною въ той-же деревнѣ, въ чужомъ домѣ, и хозяинъ дома дозволитъ имъ остаться вмѣстѣ и не разведетъ ихъ по разнымъ саклямъ, то съ хозяина взыскивается штрафъ одинъ быкъ, въ 4 рубля, въ пользу джамаата.

За содѣйствіе къ увозу женщины взыскивается по одному быку въ пользу джамаата съ каждого содѣйствовавшего.

Если незамужняя женщина сама бѣжитъ къ мужчине, то, кромѣ штрафа, ни она, ни мужчина никакому взысканію не подвергаются.

Адаты по изнасилованію женщинъ. Для доказательства насилія требуется, чтобы женщина огласила крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе. Если-же насиліе надъ женщиною сдѣлано не въ деревнѣ, а также хотя и въ деревнѣ, но въ ночное время, то долженъ быть одинъ свидѣтель, показаніе котораго принимается безъ присяги; если-же свидѣтеля нѣтъ, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга, съ двумя родственниками, хатунъ-талахъ.

По изнасилованію ночью принимается также за доказательство, когда у женщины останется какая-нибудь вещь изнасиловавшаго и постороннія лица подтвердятъ, что вещь эта принадлежитъ обвиняемому.

Отъ женщины извѣстной развратнымъ поведеніемъ претензія по изнасилованію принимается наравнѣ съ прочими.

За изнасилованіе женщины и за намѣреніе изнасиловать, а равно за прикосновеніе къ ней, виновный подвергается той-же отвѣтственности, какъ и за насильственный увозъ.

За содѣйствіе къ изнасилованію женщины, взыскивается по одному быку въ пользу джамаата съ каждаго содѣйствовавшаго.

Адаты по разврату. По связи съ женщиною обвиненіе взводится какъ по изнасилованію въ ночное время и виѣ деревни, а если незамужняя женщина забеременѣтъ, то показаніе ея принимается безъ всякихъ доказательствъ.

Взысканіе за связь опредѣляется какъ и за увозъ по обоюдному согласію.

По мужеложству былъ только одинъ случай: обвиненіе въ мужеложствѣ съ насиліемъ подтверждено было показаніемъ одного свидѣтеля, безъ присяги; съ виновнаго взысканъ въ пользу родственниковъ изнасилованнаго одинъ быкъ и самъ онъ признанъ канлы, какъ за убійство.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамалъ-кагаза; этотъ-же послѣдній дается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь приобретена изъ другой деревни, или когда уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Если одинъ изъ владѣвшихъ вещью укажетъ, что она ему досталась отъ его односельца, односельецъ-же этотъ покажетъ, что вещи этой у него не было и онъ ее не передавалъ, то требуется присяга двухъ свидѣтелей хатунъ-талахъ, а если свидѣтель одинъ, то онъ присягаетъ съ двумя родственниками и вмѣстѣ съ нимъ присягаетъ самъ указывающій; если-же свидѣтелей вовсе нѣтъ, то отъ отказывающагося требуется очистительная присяга съ шестью родственниками хатунъ-талахъ.

Когда хозяинъ дома, у котораго при обыскѣ найдено будетъ во дворѣ что-нибудь изъ уворованныхъ вещей, объявить,

что вещи тѣ подброшены, то разборъ дѣлается на основаніи, указанномъ на такой случай въ общихъ адатахъ, съ тою только разницею, что требующуюся при этомъ присягу претендующій принимаетъ съ тремя родственниками кораномъ; но если хозяинъ двора объявитъ, что вещь подброшена кѣмъ-нибудь изъ пришедшихъ для обыска, то отъ обвиняемаго въ этомъ требуется очистительная присяга съ двумя родственниками хатунъ-талахъ.

Когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то претендующій присягаетъ съ тремя родственниками кораномъ.

Очистительная присяга отъ обвиняемаго требуется съ 6-ю родственниками хатунъ талахъ.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство по взводимымъ имъ претензіямъ можетъ присягать наравнѣ съ прочими.

Когда претензія по подозрѣнію предъявляется на того, кто прежде не былъ замѣченъ въ воровствѣ, то присяга претендующаго не допускается, а всегда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, но въ такомъ случаѣ съ нимъ должны присягнуть, кромѣ родственниковъ, и два ближайшіе сосѣда *).

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Если уворованное найдено, то возвращается; если-же не найдено, то въ пользу истца взыскивается вещь, подобная уворованной, по выбору.

2) Сверхъ того въ обоихъ случаяхъ истецъ получаетъ отъ обвиняемаго: если воровство сдѣлано на сумму 30 рублей и болѣе—еще одну вещь, такую-же, какъ и уворованная; если воровство сдѣлано на сумму менѣе 30 рублей, то въ 9 разъ противъ уворованнаго.

3) Если для воровства была отворена дверь, или ворота, черезъ которыя воръ прошелъ, то сверхъ всего взыскивается еще въ пользу хозяина три барана.

4) Когда обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію присягою претендующаго, то въ пользу его взыскивается по его выбору вещь, подобная уворованной.

Штрафъ за воровство въ пользу джамаата взыскивается три быка, по 4 рубля; но при обвиненіи по одному подозрѣнію штрафъ не берется.

За воровство изъ мечети, если обвиненіе сдѣлано не по

*) Сосѣди должны быть женатые и не состоящіе въ родствѣ или враждѣ съ претендующимъ или обвиняемымъ.

одному подозрѣнію, сверхъ означеннаго взысканія, домъ виновнаго сожигается.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на мѣстѣ, то съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата, какъ за воровство; въ пользу пойманнаго взыскивается съ вора одинъ быкъ, въ 4 рубли, и сверхъ того, если онъ приходилъ во дворъ, то подвергается взысканію въ пользу хозяина трехъ барановъ.

Если воръ не пойманъ, но оставилъ свою вещь, то съ него взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство, хотя-бы воровство и не было сдѣлано, а если онъ оставилъ вещь въ домѣ или во дворѣ, то въ пользу хозяина дома взыскивается съ вора три барана.

За покушеніе на воровство, если въ этомъ покушеніи воръ не уличенъ оставленною вещью, никакого взысканія не дѣлается.

За взломъ при воровствѣ и при покушеніи на воровство опредѣляется тоже взысканіе, какъ и за открытіе дверей въ домъ, но только тогда, когда вина будетъ доказана.

За укрывательство вора, а также если кто зналъ, кѣмъ воровство сдѣлано, но не объявилъ объ этомъ, взысканіе не опредѣлено.

За сокрытіе уворованныхъ вещей взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство; но если скрывавшій уворованныя вещи очиститъ себя присягою хатунъ-талахъ (безъ родственниковъ), въ томъ, что онъ не зналъ, что вещи тѣ уворованы, то никакому взысканію не подвергается.

За полученіе съ вора удовлетворенія безъ вѣдома джамаата взысканіе не опредѣлено.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ указать соучастниковъ, отъ которыхъ требуется очистительная присяга, какъ по обвиненію въ воровствѣ; не присягнувшіе отвѣчаютъ наравнѣ съ ворами.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу претендующій присягаетъ съ 3-ми родственниками кораномъ.

Когда потребована будетъ очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ.

О цѣнѣ убытковъ претендующій присягаетъ съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ.

Обвиненный въ поджогъ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества: за убытки на сумму 30 рублей и болѣе — вдвое; при убыткѣ меньше этой суммы—вдесятеро. Сверхъ того съ него взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

При неумышленномъ поджогѣ удовлетвореніе опредѣляется по шаріату.

Адаты по порчамъ чужого имущества. Для доказательства претензій требуются свидѣтели, которые присягаютъ хатунъ-талахъ, а когда свидѣтелей нѣтъ, то претендующій присягаетъ съ тремя родственниками съ отцовской стороны кораномъ.

Очистительная присяга отъ обвиняемаго требуется также съ тремя родственниками съ отцовской стороны хатунъ-талахъ.

Оцѣнка порчи опредѣляется двумя посторонними лицами, безъ присяги, и по этой оцѣнкѣ удовлетворяется претендующій *).

За порчу въ мечети, на мельницѣ, гумнѣ и пашнѣ (кромѣ потравы) убытокъ взыскивается вдвое (кромѣ порчи жернововъ на мельницѣ, за что взыскивается вдесятеро). Сверхъ того берется штрафъ въ пользу тургаковъ всего округа—14 котловъ, по 2 рубля.

Если кто ранитъ или испортитъ чужую скотину или обрѣжетъ у нея хвостъ или гриву, то испорченная скотина отдается испортившему, а на его счетъ хозяинъ беретъ одну по выбору.

Если-же обвиненіе въ порчѣ скотины сдѣлано по одному подозрѣнію присягою претендующаго, то съ обвиненнаго взыскивается въ пользу хозяина скотины: за порчу лошади одинъ быкъ, въ 10 рублей; за порчу всякой другой скотины котелъ, въ 2 рубля.

За траву удовлетвореніе дѣлается по оцѣнкѣ.

Если чужая скотина будетъ задержана на посѣвѣ или покосѣ ночью, то отъ хозяина ея требуется очистительная присяга хатунъ-талахъ въ томъ, что скотина неумышленно пущена на посѣвы; если-же онъ не присягнетъ, то, сверхъ удовлетворенія по оцѣнкѣ, взыскивается въ пользу хозяина посѣва или покоса 4 рубля.

Для предупрежденія потравъ установлены слѣдующіе адаты:

1) Съ послѣдняго мѣсяца весны до половины осени, въ

*) Штрафъ за порчу чужого имущества не опредѣленъ.

деревнѣ не дозволяется держать никому изъ хозяевъ болѣе одного барана, въ противномъ случаѣ тургаки имѣютъ право зарѣзать невыгнанныхъ барановъ.

2) За невыговъ втеченіи того-же времени въ стадо скотины взыскивается за каждый день по одному серпу, въ 20 копѣекъ, въ пользу тургаковъ, но рабочую скотину дозволяется держать въ деревнѣ, а также и лошадь, 1 день.

Адаты по потерямъ и находкамъ. Для доказательства утайки найденной вещи требуются свидѣтели безъ присяги, а если свидѣтель одинъ, то присягаетъ хатунъ-талахъ. Когда-же претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ двумя родственниками хатунъ-талахъ.

Для удостовѣренія, что вещи найдены въ такомъ видѣ и въ такомъ количествѣ, въ какомъ представлены отъ нашедшаго, требуется очистительная присяга хатунъ-талахъ безъ родственниковъ.

За утайку найденной чужой вещи взыскивается только штрафъ въ пользу джамаата 4 рубля.

Адаты по искамъ и спорамъ. При разборѣ дѣлъ по искамъ и спорамъ очистительная присяга отъ отвѣтчика требуется съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ.

По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ и невѣстою родственницамъ жениха, установлены слѣдующіе адаты:

1) Когда причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то онъ долженъ возратить невѣстѣ полученные отъ нея подарки; сдѣланные-же имъ невѣстѣ подарки остаются у нея.

2) Если бракъ не состоялся по несогласію невѣсты, то она должна возратить полученные отъ жениха подарки вдвое, а ея подарки женихомъ не возвращаются.

3) Сверхъ того тотъ изъ нихъ, кто былъ причиною размолвки, платитъ штрафъ въ пользу джамаата три быка, по 4 рубля.

4) Если женихъ откажется отъ брака по развратному поведенію невѣсты, то бракъ считается несостоявшимся по винѣ невѣсты. Обвиненіе это женихъ долженъ подтвердить показаніемъ одного свидѣтеля безъ присяги.

5) При спорѣ относительно количества подарковъ, которые должны быть возвращены, требуется присяга хатунъ-талахъ отъ того, кто, по обычаю, передаетъ подарки, а безъ такового подтвержденія претензія не принимается.

Адаты Сиргинскаго общества.

Предъявленіе претензіи. Въ порядкѣ предъявленія претензіи примѣняются общіе даргинскіе адаты, съ тою лишь разницею, что:

1) претензія принимается по одному подозрѣнію на всякаго, и

2) подозрѣніе можетъ быть введено въ одно время только на одного, но поворовству скотины въ одно время можетъ быть заподозрѣно столько человѣкъ, сколько штукъ скота уворовано.

Присяга. Если тотъ, кто долженъ присягнуть, женатъ, то всегда присягаетъ хатунъ-талахъ, а если неженатъ, то — кораномъ *).

По подозрѣніямъ на женщинъ допускается или присяга претендующаго, или очистительная присяга отвѣтчицы, какъ и по претензіямъ на прочихъ лицъ.

Когда претензія по подозрѣнію введена была на одного и отъ него потребована очистительная присяга, то при объявленіи подозрѣнія на другихъ претендующій можетъ или потребовать очистительную присягу отъ подозрѣвавшаго, или-же самъ присягнуть, если нѣтъ другихъ причинъ, по которымъ-бы онъ не могъ быть допущенъ къ присягѣ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга никогда не требуется, а если претендующій на основаніи адатовъ не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то для подтвержденія претензіи своей долженъ представить свидѣтелей или другія доказательства.

Женщины присягаютъ сами, кораномъ; но когда онѣ присягаютъ, какъ претендующія или отвѣтчицы, то мужъ, или ближайшій родственникъ, подтверждаетъ присягу эту своею присягою хатунъ-талахъ. Если присяга должна быть съ родственниками, то въ числѣ родственниковъ присягнувшій уже мужъ или родственникъ присягаетъ вторично. За малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ присягаетъ ближайшій родственникъ. Но малолѣтній отвѣтчикъ, достигшій 7-я лѣтъ, вмѣстѣ съ присягающимъ за него родственникомъ, присягаетъ и самъ.

Когда больше одного свидѣтеля нѣтъ, но свидѣтель этотъ

*) Давшихъ обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ и присягающихъ кораномъ, въ обществѣ нѣтъ

женатъ или былъ женатъ, но овдовѣлъ или развелся съ женою, то присягаетъ одинъ, безъ родственниковъ, и болѣе доказательствъ не требуется; если-же онъ не былъ женатъ, то съ нимъ присягаетъ одинъ женатый родственникъ его хатунъ-талахъ.

Свидѣтели должны быть жители той деревни, къ которой принадлежатъ тажущіеся, или-же жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели допускаются только тогда, когда одинъ свидѣтель есть неженатый мужчина. Въ такомъ случаѣ двѣ женщины считаются за одного свидѣтеля.

Лица, давшія обѣтъ не присягать, въ свидѣтели принимаются, и показаніе ихъ безъ присяги считается наравнѣ съ присяжнымъ показаніемъ.

По воровству, грабежу, поджогамъ и порчѣ, если претензія предъявлена за смертію обвиняемаго на наследниковъ, свидѣтели не допускаются, а всегда требуется очистительная присяга отъ наследниковъ.

Для присяги требуются ближайшіе женатые родственники присягающаго, безъ различія—будутъ-ли они съ отцовской стороны или съ матерней. Вдовцы и разведенные съ женами допускаются наравнѣ съ женатыми.

Когда требуется присяга съ 40 родственниками, то въ числѣ родственниковъ допускаются неженатые мужчины и женщины.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Количество доплаты при возвращеніи вещи испорченною опредѣляется двумя знавшими ее лицами, за присягою.

Когда претендующему предоставляется получить вещь по выбору, то для этого выбирается три вещи со всего селенія, гдѣ живетъ отвѣтчикъ, и отселковъ онаго, и изъ этихъ вещей претендующій беретъ одну.

Если ни одинъ изъ трехъ хозяевъ выбранныхъ вещей не согласится продать свою вещь, то выбираются другія три вещи.

При несостоятельности обвиненнаго взысканіе дѣлается съ родственниковъ его обоюго пола слѣдующимъ порядкомъ:

1) Сперва берется имущество самаго ближайшаго родственника, если-же имущества его окажется недостаточно, то берется имущество слѣдующаго за нимъ по степени родства, и т. д. подвергаются взысканію всѣ родственники, состоящіе съ обвиненнымъ въ такой степени родства, въ которой, по мусульманской религіи, не допускается вступленіе въ бракъ.

2) Каждый родственникъ, у котораго уже взято его имущество, при переходѣ обязанности платить къ слѣдующему за нимъ родственнику, долженъ присягнуть съ двумя родственниками въ томъ, что у него болѣе нѣтъ никакого имущества.

3) Если имущества всѣхъ родственниковъ, состоящихъ въ означенной выше степени родства, окажется недостаточно для пополненія всѣхъ взыскацій, то для платежа остального количества назначаются слѣдующіе 40 родственниковъ, по 20-ти со стороны отца и со стороны матери, которые и уплачиваютъ падающее на нихъ взысканіе поровну.

Родственники не могутъ требовать возврата уплаченного ими, хотя-бы несостоятельный въ послѣдствіи и пріобрѣлъ имущество.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ всегда обвиняется одинъ, хотя-бы число убійцъ или число нанесенныхъ ранъ было и болѣе.

Когда при убійствѣ не было постороннихъ лицъ и самъ убійца не объявилъ о сдѣланномъ имъ убійствѣ и потому обвиненіе нужно подтвердить, то отъ претендующаго требуется присяга съ 12-ю родственниками.

Если умирающій отъ раны самъ указалъ виновнаго, то болѣе никакихъ доказательствъ не требуется, и обвиненный умирающимъ признается убійцею.

Если обвиненіе взводится по одному подозрѣнію, то претендующій присягаетъ съ 12-ю родственниками.

Если потребована будетъ очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ, по назначенію претендующаго, или съ 24-ми родственниками, или съ 40 родственниками.

Убійство считается *кара* въ тѣхъ-же случаяхъ, какіе указаны въ общихъ адатахъ, и сверхъ того убійство кадія, карта, мангуша, тургака и будуна, при исполненіи ими своихъ обязанностей.

Если обвиненіе въ убійствѣ сдѣлано присягою претендующаго по подозрѣнію, то убійство не считается кара, если только оно не принадлежитъ къ кара по другимъ причинамъ.

Вмѣстѣ съ обвиненнымъ (башъ-канлы), избираются шесть малъ-канлы изъ родственниковъ башъ-канлы. Если-же въ убійствѣ участвовало нѣсколько лицъ, то малъ-канлы избираются изъ участвовавшихъ. Выборъ малъ-канлы зависитъ отъ претендующихъ за кровь.

Съ обвиненнаго въ убійствѣ взыскивается:

1) Алумъ наслѣдникамъ убитаго: 22 рубля серебромъ; одинъ быкъ, по выбору получающихъ алумъ; семь кары бязи; 2) родственникамъ убитаго, не получающимъ алума: одинъ быкъ въ 12 рублей, три сабы пшеницы; 3) штрафъ въ пользу джамаата 6 руб.

За убійство кара взыскивается вдвое.

За убійство однимъ нѣсколькихъ человекъ, малъ-канлы выбираются по 6-ти за cadaго убитаго, и опредѣленное выше взысканіе дѣлается также полностью за cadaго убитаго.

За неумышленное убійство дѣлается опредѣленное взысканіе, какъ и за умышенное, если только претендующіе за кровь убитаго родственники не согласятся простить убійцу. Взысканіе это валагается и тогда, когда неумышленно нанесена смертельная рана и умирающій отъ этой раны простить ранившаго.

За убійство беременной женщины, сверхъ обыкновеннаго взысканія за убійство и взысканія по шаріату, взыскивается еще 30 рублей родственникамъ убитой.

Если кто откроетъ въ своемъ домѣ вора или пришедшаго съ другимъ какимъ-либо злымъ умысломъ и убьетъ его на мѣстѣ, то убійца не только не подвергается никакому взысканію, но родственники убитаго обязаны дать еще хозяину дома одного быка, за дозволеніе вынести тѣло.

Если убившій въ дракѣ будетъ самъ убитъ родственниками убитаго имъ, то взысканіе дѣлается на общемъ основаніи, именно: за убитаго прежде дѣлается удовлетвореніе за кровь, а убитый послѣ считается убитымъ по кровомщенію, и потому родственники его никакого удовлетворенія не получаютъ. Если-же двое нанесутъ другъ другу раны и оба умрутъ отъ этихъ ранъ, то ни за одного изъ нихъ родственники не получаютъ удовлетворенія.

Отецъ, за убійство сына или дочери, платитъ только штрафъ.

При убійствѣ братомъ брата, сестры, если у убійцы нѣтъ жены и дѣтей, онъ дѣлается канлы одинъ, безъ малъ-канлы.

При убійствѣ родственникомъ родственника, малъ-канлы назначаются только тогда, когда у убійцы есть родственники ближе той степени, въ которой онъ состоялъ съ убитымъ.

Башъ-канлы, тотчасъ-же по совершеніи убійства или по смерти раненнаго имъ, а если обвиненіе требовало подтвержденія присягою, то по признаніи его канлы, долженъ удалиться съ мѣста жительства и не можетъ возвратиться въ свою деревню до примиренія съ родственниками убитаго.

Вмѣстѣ съ нимъ удаляются и малъ-канлы на 40 дней.

Если канлы замедлятъ выходомъ изъ своей деревни, то съ каждаго промедлившаго взыскивается въ пользу джамаата столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву втеченіи промедленнаго имъ времени.

Канлы могутъ поселиться въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ родственниковъ убитаго, но въ отселкахъ своей деревни имъ поселиться не дозволяется.

Если башъ-канлы прійдетъ въ свою деревню или ея отселокъ и родственники убитаго окружаютъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустить, то съ него взыскивается за приходъ въ деревню одинъ быкъ родственникамъ убитаго.

За каждый прїѣздъ малъ-канлы туда, гдѣ живутъ родственники убитаго, съ него также взыскивается одинъ быкъ въ пользу этихъ родственниковъ.

Родственники убитаго ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права зайти въ ту деревню, гдѣ живетъ башъ-канлы; если-же кто изъ нихъ зайдетъ, то джамаатъ можетъ заставить его примириться съ канлы.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ поселился башъ-канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то, безъ различія, будетъ-ли черезъ его содѣйствіе канлы убить или не будетъ,—съ него взыскивается въ пользу джамаата штрафъ 30 рублей.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ поселился башъ-канлы, убьетъ его, то отъ убійцы требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками, въ томъ, что убійство это сдѣлано имъ не по подкупу. Если онъ очиститъ себя присягою, то подвергается взысканію, какъ за убійство вообще; если-же откажется принять очистительную присягу, то съ него взыскивается въ пользу джамаата 30 руб. и убійство это считается *кара*.

Малъ-канлы, по истеченіи 40 дней, примиряются съ родственниками убитаго и ничего при этомъ не платятъ. Но если убійство произошло въ дракъ, причемъ убитому было нанесено нѣсколько ранъ и малъ-канлы были выбраны изъ участвовавшихъ въ этой дракъ, то, по истеченіи 40-ка дней, родственники убитаго выбираютъ изъ малъ-канлы такое число, чтобы вмѣстѣ съ башъ-канлы оно равнялось числу ранъ, нанесенныхъ убитому, и требуютъ отъ этихъ выбранныхъ малъ-канлы очистит-

тельную присягу съ 24-мя родственниками каждаго въ томъ, что раны не ими были нанесены. Съ отказавшихся принять присягу взыскивается по 20 рублей въ пользу родственниковъ убитаго.

Если башъ-канлы умретъ до примиренія, то хотя-бы причиною смерти его было кровомщеніе, родственники его, за дозволеніе перевезти тѣло въ свою деревню, должны дать родственникамъ убитаго имъ одного быка, въ 10 рублей; алумъ-же, уплаченный канлы, ни въ какомъ случаѣ не возвращается.

По смерти башъ-канлы, малъ-канлы, если 40-а-дневный срокъ удаленія ихъ еще не окончился, возвращаются въ свою деревню въ такомъ только случаѣ, когда причиною смерти башъ-канлы было кровомщеніе. Если-же смерть башъ-канлы послѣдовала отъ другой причины, то малъ-канлы не возвращаются до истеченія 40-ка-дневнаго срока. Но тѣ изъ малъ-канлы, отъ которыхъ должна быть отобрана присяга въ томъ, что не ими были нанесены раны убитому, во всякомъ случаѣ остаются до окончанія срока.

Если умретъ до истеченія 40-ка-дневнаго срока малъ-канлы, отъ котораго слѣдовало отобрать очистительную присягу, то присяга эта требуется отъ 24-хъ родственниковъ его; если-же они не присягнутъ, то платятъ установленные 20 рублей.

Обвиненный въ убійствѣ остается башъ-канлы до примиренія, даже и въ такомъ случаѣ, если-бы впоследствии обнаружилось, что онъ обвиненъ неправильно и открытъ былъ дѣйствительно виновный.

Адаты по пораненію. Взысканіе дѣлается за всякую рану, хотя-бы она не требовала лѣченія.

Для доказательства претензіи по пораненію требуются или свидѣтели, или присяга претендующаго съ 12 родственниками.

Если пораненіе сдѣлано въ дракѣ и вообще при участіи нѣсколькихъ лицъ и претендующій не представитъ свидѣтелей, которые могли-бы указать виновныхъ, то онъ можетъ обвинить присягою только одного изъ участвовавшихъ, хотя-бы раненому было нанесено нѣсколько ранъ. Въ этомъ случаѣ претендующій можетъ обвинить, кого находитъ виновнымъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда другой участвовавшій въ дракѣ самъ объявитъ, что рана нанесена имъ.

Если потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 24-мя родственниками.

За нанесеніе раны взыскивается: штрафъ въ пользу джа-

маата 1 рубль и по излѣченіи раны ранившій дѣлаеть угощеніе раненому, съ нѣсколькими его родственниками.

Рана лѣчится на счетъ виновнаго.

Если одинъ нанесеть раны нѣсколькимъ, то удовлетворяеть каждого раненаго и платить штрафъ полный за каждого.

При обоюдномъ пораненіи, оба раненые могутъ претендовать другъ на друга за пораненіе, но штрафъ, опредѣленный за пораненіе, взыскивается полностью съ каждого порознь, хотя-бы раненые и не претендовали другъ на друга.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе побоевъ мужчинѣ, хотя-бы остались и знаки, никакого взысканія не дѣлается.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, если не она первая начала драку, взыскивается: въ пользу ея одинъ быкъ и 3 сабы пшеницы, штрафъ въ пользу джамаата—одинъ бычокъ въ 3 рубля; причинившій побои на 40 дней удаляется изъ деревни, наравнѣ съ малъ-канлы по убійству, а по истеченіи 40-ка дней дѣлаеть ей угощеніе съ 40-ка родственниками.

Если женщина была беременна и послѣдствіемъ побоевъ былъ выкидышъ, то сверхъ опредѣленнаго взысканія по адату и удовлетворенія по шаріату, въ пользу ея взыскивается еще 30 рублей *).

За выстрѣлъ и обнаженіе оружія въ ссорѣ и дракѣ, никакого взысканія не положено; но если выстрѣлъ сдѣланъ изъ засады, то взыскивается въ пользу того, въ кого стрѣляли, 3 рубля и штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

За нанесеніе побоевъ кадію, карту, мангушу и тургаку, при отправленіи ими своихъ обязанностей, если только не они первые начали драку, взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ бычокъ и нанесшій побои дѣлаеть угощеніе обиженному.

За ссору и драку въ присутствіи кадія и картовъ взыскивается штрафъ—1 саба пшеницы.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ, по обоюдному согласію, дѣвицы, вдовы и разведенной съ мужемъ взыскивается съ увезшаго и увезенной штрафъ въ пользу джамаата по 3 рубля и

*) Взысканіе этихъ 30-ти рублей дѣлается и тогда, если женщина первая начала драку.

сверхъ того съ увезшаго въ пользу родственниковъ увезенной— 3 сабы пшеницы и одинъ быкъ.

За насильственный увозъ, взысканіе это дѣлается съ одного увезшаго.

Въ обоихъ-же случаяхъ, если родственники увезенной не согласятся выдать ее замужъ за увезшаго, то отъ него требуется очистительная присяга, съ 24-мя родственниками, въ томъ, что онъ не имѣлъ съ увезенной связи, и если онъ не очиститъ себя присягою, то удаляется изъ деревни на 40 дней, какъ малъ-канлы по убійству. По истеченіи 40-ка дней онъ можетъ возвратиться въ свою деревню и дѣлаетъ угощеніе родственникамъ увезенной.

За увозъ замужней женщины, по ея согласію, дѣлается тоже взысканіе, какъ и за увозъ незамужней, и увезшій удаляется на 40 дней изъ деревни, какъ малъ-канлы по убійству, и по истеченіи срока платитъ мужу увезенной 30 рублей *).

За содѣйствіе къ увозу женщины взыскивается по 3 рубля въ пользу джамаата съ каждаго содѣйствовавшаго.

Адаты по изнасилованію женщинъ. Отъ женщины, извѣстной развратнымъ поведеніемъ, претензій объ изнасилованіи принимаются, но должны быть представлены свидѣтели; если-же свидѣтелей нѣтъ, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками.

За изнасилованіе женщины взыскивается: близкимъ родственникамъ изнасилованной 30 рублей; дальнимъ родственникамъ одинъ быкъ въ 12 рублей и 3 сабы пшеницы; штрафъ въ пользу джамаата — 3 рубля. Виновный на 40 дней дѣлается канлы родственникамъ изнасилованной и подвергается удаленію изъ деревни, наравнѣ съ малъ-канлы по убійству.

По претензіямъ о намѣреніи изнасиловать женщину, отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками; если-же онъ не очиститъ себя присягою, то подвергается тому-же взысканію, какъ и за изнасилованіе.

За содѣйствіе къ изнасилованію взыскивается съ виновнаго штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

Адаты по разврату. Для доказательства претензій по любопытной связи мужчины съ женщиною достаточно показанія хотя одного очевидца, безъ присяги; если-же очевидцевъ нѣтъ,

*) Случая насильственнаго увоза замужней женщины не было.

то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками.

За прелюбодѣйную связь мужчины и женщины, съ нихъ взыскивается какъ и за увозъ женщины по ся согласію, и оба удаляются на 40 дней изъ деревни, какъ малъ-канлы по убійству.

Если незамужняя женщина забеременѣтъ и сама сознается, отъ кого она забеременѣла, то болѣе никакихъ доказательствъ не требуется, и какъ съ мужчины, такъ и съ женщины, взыскивается штрафъ въ пользу джамаата по 30 рублей, а мужчина сверхъ того подвергается и прочему взысканію, опредѣленному за связь съ женщиною.

Съ женщины, подозрѣваемой въ развратномъ поведеніи, джамаатъ можетъ потребовать очистительную присягу съ 24-мя родственниками, и если она не очиститъ себя присягою, то подвергается взысканію, какъ и за связь съ мужчиною.

За сводничество съ виновнаго взыскивается въ пользу джамаата 30 рублей.

По мужеложству, соединенному съ насиліемъ, относительно обвиненія и взысканія существуютъ тѣ-же адаты, какъ и по изнасилованію женщины; случаевъ-же мужеложства по обоюдному согласію не было.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознать се въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по этому указанію отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамаль-кагаза. Этотъ-же послѣдній выдается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь пріобрѣтена изъ другой деревни, или если уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Если тотъ, у кого въ дворѣ найдены уворованныя вещи или только остатки вещей, объявитъ, что вещи тѣ подброшены, то безъ всякихъ предварительныхъ удостовѣреній въ томъ, могло-ли быть подброшено, нашедшій вещь объявляетъ обвиненіе на хозяина дома и подтверждаетъ обвиненіе присягою, съ 12-ю родственниками; но если вещи найдены въ дворѣ состоящаго въ кровной враждѣ съ хозяиномъ вещей, то отъ послѣдняго требуется еще присяга и въ томъ, что вещи эти не подброшены имъ изъ мести.

Если-же замѣчено, что хозяинъ дома старался скрыть найденное у него, то нашедшій вещи присягаетъ съ 6-ю родственниками.

Не допустившій домъ свой до обыска не подвергается никакой отвѣтственности; но если тотъ, у кого опознано уворованное, не допуститъ исполнить все требующееся при опознаніи, то признается воромъ.

Если изъ уворованныхъ вещей ничего не найдено, то допускается претензія по подозрѣнію.

Когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то требуется присяга претендующаго съ 12-ю родственниками.

Когда претензія по подозрѣнію взводится на нѣсколькихъ человекъ, то претендующій не можетъ въ одинъ день присягать на всѣхъ подозрѣваемыхъ, а присягаетъ въ одинъ день на одного, въ другой день на другого и т. д.

Когда потребована очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 24-мя родственниками; но по воровству изъ мечети, мельницы, съ гумна и пашни можетъ быть потребована очистительная присяга отъ обвиняемаго съ 40 ка родственниками.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство, по взводимымъ имъ претензіямъ можетъ присягать наравнѣ съ прочими.

Оцѣнка уворованныхъ вещей дѣлается двумя посторонними, знавшими уворованное, безъ присяги; но о цѣнѣ такихъ вещей, которыхъ посторонніе не могли знать, объявляетъ самъ хозяинъ, за присягою съ двумя родственниками.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

- 1) Если уворованное найдено, то возвращается хозяину.
- 2) Если оно не найдено, то взысканіе дѣлается по цѣнѣ уворованнаго, но за уворованную скотину, если она не возвращается, взыскивается вдесятеро противъ цѣны.
- 3) Когда обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію присягою претендующаго, то этотъ послѣдній получаетъ удовлетвореніе по цѣнѣ, а если уворована скотина, то получаетъ одну, подобную уворованной, по выбору, а другую одной цѣны съ уворованною.
- 4) Деньги взыскиваются всегда въ томъ-же количествѣ, въ какомъ уворованы.
- 5) За воровство скотины, сверхъ опредѣленнаго выше, взыскивается въ пользу хозяина: за лошадь 3 рубля, за быка, корову и эшакъ 1 рубль и за барана 20 копѣекъ,—если, однако, хозяинъ уворованнаго докажетъ, что на отысканіе вора дѣйствительно издержаны имъ эти деньги.
- 6) Во всѣхъ случаяхъ, если воровство сдѣлано изъ дому или со двора, сверхъ означеннаго въ предъидущихъ пунктахъ взысканія, виновный платитъ хозяину 1 рубль.

Штрафъ за воровство въ пользу джамаата взыскивается 2 рубля.

За воровство изъ мечети, мельницы, съ пашни и гумна и за воровство хлѣба въ колосьяхъ, уворованное взыскивается десятикрато и штрафъ въ пользу джамаата—30 рублей.

Если воръ сознался добровольно въ воровствѣ, когда на него не подало подозрѣнія и другой не былъ обвиненъ по подозрѣнію, то съ него опредѣляется слѣдующее взысканіе: если онъ сознался въ мечети, въ дни курбанъ-байрама и ураза-байрама, то удовлетворяетъ хозяина уворованнаго по цѣнѣ и штрафа не платитъ; если-же сознался въ другой день, то хозяина удовлетворяетъ по цѣнѣ и платитъ штрафъ, установленный за воровство.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на мѣстѣ, то съ него взыскивается: штрафъ, опредѣленный за воровство, въ пользу поймавшего 3 рубля и кромѣ того поймавшій можетъ отобрать отъ него всѣ собственныя его вещи, находившіяся на немъ. Если воръ приходилъ въ домъ или во дворъ, то сверхъ того подвергается взысканію, опредѣленному выше въ п. 6.

За покушеніе на воровство, взыскивается 1 рубль въ пользу того, къ кому приходили воровать, но только въ такомъ случаѣ, если воръ заходилъ на дворъ.

Доказательствомъ покушенія на воровство можетъ служить оставленная вещь; если-же никакихъ уликъ нѣтъ, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками.

За сокрытіе вора и воровскихъ вещей взысканіе не опредѣлено.

Если хозяинъ уворованнаго найдетъ вора, но, не объявивъ объ этомъ, получитъ съ него удовлетвореніе по обоюдному согласію, то онъ лишается права претендовать по этому воровству, а съ вора взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ объявить соучастниковъ, кромѣ тѣхъ, на которыхъ претензія по подозрѣнію не допускается; отъ обвиненныхъ имъ требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками, и если они не присягнутъ, то обвиненные подвергаются взысканію наравнѣ съ воромъ.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи тре-

буется присяга свидѣтелей и каждый изъ нихъ присягаетъ съ 2-мя родственниками. Одинъ свидѣтель не принимается.

Когда двухъ свидѣтелей нѣтъ, то присяга претендующаго, или очистительная присяга отъ отвѣтчика, требуется какъ и по воровству.

Оцѣнка убытковъ опредѣляется какъ и по воровству.

Обвиненный въ поджогъ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества по цѣнѣ. Сверхъ того съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 30 рублей, но только въ такомъ случаѣ, если поджогъ былъ умышленный *).

Хозяинъ дома, въ которомъ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за всѣ сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи и за всѣ убытки, причиненные пожаромъ сосѣдямъ.

Адатъ по порчамъ чужого имущества. Для доказательства претензіи требуются свидѣтели; если свидѣтель одинъ, то присягаютъ свидѣтель и претендующій.

Если претензія вводится по одному подозрѣнію, то требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго съ двумя родственниками.

Оцѣнка порчи дѣлается двумя посторонними лицами, назначаемыми отъ джамаата, безъ присяги.

Съ обвиненнаго въ порчѣ чужого имущества взыскивается цѣна порчи, а за умышленную порчу и штрафъ въ пользу джамаата, 1 рубль.

За порчу въ мечети, на мельницѣ, гумнѣ и пашнѣ (кромя потравы), взыскивается убытокъ вдесятеро и штрафъ въ пользу джамаата 30 рублей; за порчу водопроводной канавы въ мельницѣ, штрафъ взыскивается 3 рубля и виновный исправляетъ порчу.

Если кто ранитъ или сдѣлаетъ какую-либо порчу чужой скотины, то удовлетворяетъ хозяина по опредѣленію постороннихъ лицъ, которыя оцѣниваютъ, насколько потеряла цѣны скотина отъ этой порчи, и платитъ штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

Если кто обрѣжетъ хвостъ или гриву у чужой лошади, то взыскивается въ пользу хозяина одинъ бычокъ въ 3 рубля и штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля; если-же при этомъ порѣ-

*) Умышленнымъ считается поджогъ, если виновный самъ не объявилъ о поджогѣ тотчасъ-же.

зана кожа, то взысканіе дѣлается какъ за порчу. Но если хвостъ или грива обрѣзаны потому, что лошадь заходила на чужіе посявы или покосы и хозяинъ оныхъ предупреждалъ прежде объ этомъ хозяина лошади, то виновный никакому взысканію не подвергается *).

За поправу посявовъ и покосовъ виновный платитъ хозяину по цѣнѣ поправы и штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

Въ сел. Цагни и Урарп, для предупрежденія поправъ, въ лѣтнее время не позволено держать въ деревнѣ барановъ; прочая скотина должна быть также выгоняема въ стадо. За неисполненіе этого взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ: за барана 20 коп., за прочую скотину одна саба пшеницы. Лошадь дозволяется держать въ деревнѣ безъ надобности три дня **).

Адаты по потерямъ и находкамъ. По претензіямъ объ утайкѣ найденной вещи разборъ дѣлается какъ и по претензіямъ о воровствѣ.

Для удостовѣренія, что вещи найдены въ такомъ видѣ и въ такомъ количествѣ, какъ и представлены, требуются отъ нашедшаго свидѣтели; если-же свидѣтелей оныхъ не представитъ, то хозяинъ найденнаго можетъ принять присягу съ 12-ю родственниками въ томъ, что порча найденныхъ вещей или утайка части ихъ сдѣлана самимъ нашедшимъ.

Адаты по гражданскимъ искамъ и спорамъ. Очистительная присяга отъ отвѣтчика требуется всегда съ 24-мя родственниками.

По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ, установлены слѣдующіе адаты:

1) Если причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то сдѣланные имъ невѣстѣ подарки остаются у нея, а если невѣста, то она должна возвратитъ жениху подарки ***).

2) Сверхъ того, тотъ, кто былъ причиною размолвки, платитъ штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

3) Если женихъ откажется отъ брака по развратному поведенію невѣсты, то бракъ считается несостоявшимся по винѣ невѣсты, но только въ такомъ случаѣ, если развратное поведеніе невѣсты будетъ обнаружено или она забеременѣтъ.

*) Если обрѣзанъ хвостъ у другой скотины, то взысканіе не полагается.

**) Въ прочихъ деревняхъ Сиргинскаго общества такого ограниченія нѣтъ.

***) Невѣста подарковъ жениху не дѣлаетъ.

4) При спорѣ относительно количества подарковъ требуется присяга отъ трехъ ближайшихъ родственниковъ невѣсты.

Эти-же адаты примѣняются и тогда, когда возникнетъ споръ относительно подарковъ между мужемъ и женою при разводѣ; но при этомъ штрафъ не берется, а при спорѣ о количествѣ подарковъ требуется присяга мужа съ двумя родственниками или очистительная присяга жены, также съ двумя родственниками.

Адаты Урахлинскаго (Хюркилинскаго) общества.

Предъявленіе претензій. Претензіи по подозрѣнію не допускаются только на кадїя и картовы.

Претензіи по воровству, поджогу, порчѣ имущества и утайкѣ найденной вещи, предъявляемыя наслѣдниками, если эти претензіи не были начаты умершими,—безъ доказательствъ, по одному подозрѣнію, не принимаются.

Присяга. По претензіямъ на женщинъ допускается или присяга претендующаго, или очистительная присяга, какъ и по претензіямъ на мужчинъ.

Когда претензія по подозрѣнію взведена была на одного и отъ него потребована очистительная присяга, то, при объявленіи подозрѣвія на другихъ, претендующій можетъ или потребовать очистительную присягу отъ подозрѣваемаго, или-же самъ присягнуть, если нѣтъ причинъ, по которымъ-бы онъ не могъ быть допущенъ къ присягѣ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга не требуется, а если претендующій на основаніи адатовъ не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то для подтвержденія претензіи своей долженъ представить свидѣтелей или другія доказательства.

Вдовы, разведенныя и совершеннолѣтнія дѣвицы присягаютъ сами, а за замужнихъ женщинъ присягаютъ мужья. За малолѣтнихъ и безумныхъ присягаетъ ближайшій родственникъ, но малолѣтній отвѣтчикъ, достигшій 7-ми лѣтъ, вмѣстѣ съ присягающимъ за него родственникомъ присягаетъ и самъ.

Свидѣтели должны быть жители той-же деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или-же жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели допускаются только тогда, когда

одинъ свидѣтель есть мужчина. Въ такомъ случаѣ двѣ женщины считаются за одного свидѣтеля.

Не допускаются въ свидѣтели карты и тургаки, пока состоятъ въ этихъ званіяхъ.

Показанія кадія безъ присяги считается наравнѣ съ показаніемъ двухъ свидѣтелей за присягою.

За ложную присягу, съ претендующаго, отвѣтчика или свидѣтеля взыскивается въ штрафъ джамаату одинъ быкъ.

Когда присяга требуется съ родственниками, числомъ не болѣе 6-ти, то для присяги требуются родственники со стороны отца—мужчины; но когда присяга требуется съ 40-ка родственниками, то въ числѣ ихъ могутъ быть и женщины, а также родственники со стороны матери; если-же мать присягающаго уроженка другого аула, то всѣ родственники должны быть со стороны отца. При этомъ, если у присягающаго нѣтъ 40-ка родственниковъ, то изъ присягнувшихъ родственниковъ присягаетъ въ другой разъ столько человѣкъ, сколько не достаетъ до сорока.

Когда требуется присяга хатунъ-талахъ, то родственники, не женатые и давшіе обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, присягаютъ кораномъ.

На представленіе родственниковъ, находящихся въ отлучкѣ, полагается: если для присяги требуется 6-ть родственниковъ—3 дня, если 40 родственниковъ—15 дней.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Порядокъ этотъ такой-же, вакой установленъ адатами Мияхинскаго общества (стр. 45—46), съ тѣми-лишь измѣненіями, что 1) при несостоятельности обвиняемаго, когда за него взыскивается съ его родственниковъ, каждый изъ этихъ послѣднихъ, при переходѣ обязанности платить къ слѣдующему за нимъ родственнику, долженъ присягнуть хатунъ-талахъ въ томъ, что у него болѣе нѣтъ никакого имущества, и присягу эту онъ принимаетъ съ 4-мя родственниками по выбору того, кто послѣ него долженъ платить за обвиненнаго; и 2) если имущества всѣхъ родственниковъ, состоящихъ въ опредѣленной степени родства, окажется недостаточно на пополненіе всѣхъ взысканій, то для платежа остального количества назначаются слѣдующіе родственники — 3 со стороны отца и 2 со стороны матери, изъ которыхъ четыре уплачиваютъ падающее на несостоятельнаго взысканіе въ пользу претендующаго, а пятый уплачиваетъ налагаемые на несостоятельнаго штрафы.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ всегда обвиняется одинъ, хотя-бы участвовало въ убійствѣ нѣсколько лицъ и убитому было нанесено нѣсколько ранъ.

Когда убійца самъ не сознается, то для подтвержденія обвиненія претендующій присягаетъ съ 40-ка родственниками кораномъ.

Если въ убійствѣ участвовало нѣсколько лицъ или когда оно произошло въ дракѣ, то претендующій обвиняетъ, по своему усмотрѣнiю, одного изъ участвовавшихъ и обвиненіе это подтверждаетъ также присягою съ 40-ка родственниками кораномъ.

Умирающій отъ раны присягаетъ съ 6-ю родственниками кораномъ, въ томъ, кѣмъ онъ раненъ.

Если смертельно раненный указалъ виновнаго, но, не присягнувъ, умеръ, то претендующій за кровь родственникъ его присягаетъ съ 6-ю другими родственниками кораномъ.

Если обвиненіе взводится по одному подозрѣнiю, то претендующій присягаетъ съ 40-ка родственниками кораномъ.

Если, вмѣсто присяги претендующаго, потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 40-ка родственниками кораномъ.

Если обвиненіе въ убійствѣ сдѣлано присягою претендующаго по подозрѣнiю, то убійство не считается *кара*, если оно не принадлежитъ къ кара по другимъ причинамъ.

Вмѣстѣ съ обвиненнымъ въ убійствѣ (башъ-канлы), признаются малъ-канлы три ближайшихъ родственника его; малъ-канлы могутъ быть и женщины, если онъ, по степени родства, ближайшія родственницы обвиненнаго, а если онъ женатъ, то первымъ малъ-канлы назначается жена.

Если убійство произошло въ дракѣ, при участіи нѣсколькихъ лицъ, то, за назначеніемъ изъ участвовавшихъ одного башъ-канлы, изъ остальныхъ избираются малъ-канлы, вмѣсто родственниковъ башъ-канлы.

За убійство полагается слѣдующее взысканіе съ башъ-канлы: 1) алумъ наследникамъ убитаго положенъ въ восемь быковъ, но взысканіе дѣлается такимъ образомъ: два быка или, вмѣсто ихъ, деньгами по 8 рублей за cadaго; вмѣсто четырехъ быковъ, взыскивается: 5 сабъ пшеницы, одинъ коверъ мѣстной работы въ 2 рубля, одинъ котель въ 2 рубля, одинъ баранъ, одинъ козелъ, 14 кары бязи; вмѣсто остальныхъ четырехъ быковъ берется па-

хатное мѣсто, соответствующее стоимости четырехъ быковъ; 2) въ пользу тургаковъ взыскивается штрафъ одинъ быкъ.

За убійство кара добавляется къ алуму два быка и къ штрафу одинъ быкъ.

За неумышленное убійство, штрафъ взыскивается, хотя-бы умирающій отъ неумышленно нанесенной раны и простилъ ранившаго.

При убійствѣ по подкупу, подкупившій считается малъ-канлы, вмѣсто самого близкаго родственника убійцы. Но если подкупъ сдѣланъ по кровомщенію, то подкупившій никакой отвѣтственности не подвергается.

При обвиненіи въ подкупѣ требуется или присяга свидѣтелей, хагунъ-талахъ, или очистительная присяга отъ обвиняемаго съ шестью родственниками, кораномъ.

Если убійство совершено при защитѣ отъ ограбленія, то убійца не считается канлы и никакому взысканію не подвергается.

Если кто застанетъ родственника своего на мужеложствѣ съ другимъ мужчиною и убьетъ обоихъ, то не подвергается никакой отвѣтственности.

При обоюдномъ нанесеніи ранъ, если оба раненые умрутъ, родственники умершаго прежде получаютъ алумъ съ родственниковъ умершаго послѣ.

Если убитый и убійца принадлежали къ двумъ семействамъ, состоящимъ между собою въ кровной враждѣ (за исключеніемъ убійства башъ-канлы), то съ убійцы взыскивается штрафъ вдвое.

Если убійство совершено чужимъ оружіемъ, то съ хозяина оружія взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ одинъ быкъ.

Но когда будетъ доказано, что оружіе дано было именно для совершенія убійства, то слѣдующій родственникамъ убитаго алумъ разлагается поровну на убійцу и хозяина оружія.

За убійство своего кадія избирается семь башъ-канлы изъ участвовавшихъ въ убійствѣ; если убійца одинъ, то шесть башъ-канлы избираются изъ его родственниковъ. Съ нихъ взыскивается 7 алумовъ и штрафъ восемь быковъ. Семь домовъ канлы или ихъ родственниковъ разоряются до основанія.

За убійство карта въ своей деревнѣ взыскивается два алума и штрафъ восемь быковъ.

Отецъ, за убійство сына, дѣлается канлы только тогда, когда у убитаго есть жена и дѣти.

При убійствѣ братомъ брата или сестры, если у убійцы нѣтъ жены и дѣтей, онъ дѣлается канлы одинъ, безъ малъ-канлы.

При убійствѣ родственникомъ родственника, малъ-канлы назначаются только въ такомъ случаѣ, когда у убійцы есть родственники ближе той степени, въ которой онъ состоялъ съ убитымъ.

Башъ-канлы, тотчасъ-же по совершеніи убійства, или по смерти раненнаго имъ, а если обвиненіе требовало подтвержденія присягою, то по признаніи его канлы, долженъ удалиться съ мѣста жительства и не можетъ возвратиться въ свою деревню до примиренія съ родственниками убитаго.

Вмѣстѣ съ нимъ удаляются и малъ-канлы—одинъ изъ нихъ на годъ, а остальные два на 40 дней.

Если канлы замедлятъ выходомъ изъ своей деревни, то съ cadaго промедлившаго взыскивается въ пользу джамаата столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву втеченіи промедленнаго имъ времени.

Канлы могутъ поселиться въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ родственниковъ убитаго, но въ отселкахъ своей деревни имъ поселиться не дозволяется.

Если башъ-канлы до примиренія прійдетъ въ свою деревню или ея отселки и родственники убитаго окружаютъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустятъ; то съ него взыскивается за приходъ въ деревню одинъ быкъ въ пользу родственниковъ убитаго и одинъ быкъ въ пользу джамаата.

За каждый прїѣздъ малъ-канлы туда, гдѣ живутъ родственники убитаго, съ него также взыскивается одинъ быкъ въ пользу джамаата и одинъ быкъ въ пользу живущихъ тамъ родственниковъ убитаго.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ башъ-канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то съ него взыскивается: одинъ быкъ въ пользу тургаковъ, два быка въ пользу джамаата, два быка въ пользу хозяина дома, въ которомъ поселился канлы, и жилище его разоряется; онъ дѣлается канлы хозяина дома, гдѣ жилъ канлы, къ убійству котораго онъ содѣйствовалъ, на годъ изгоняется изъ деревни и подвергается преслѣдованію наравнѣ съ малъ-канлы.

Если-же черезъ содѣйствіе это канлы будетъ убить, то содѣйствовавшій, сверхъ означеннаго взысканія, дѣлается башъ-канлы родственниковъ убитаго канлы.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ поселился башъ-

канлы, убьеть его, то отъ убійцы требуется очистительная присяга съ 40-ка родственниками, кораномъ, въ томъ что убійство это сдѣлано имъ не по подкупу. Если онъ очиститъ себя присягою, то подвергается взысканію, какъ за убійство вообще; если-же откажется принять очистительную присягу, то съ него дѣлается взысканіе, опредѣленное за содѣйствіе къ убійству канлы, и оно считается кара.

Маль-канлы, по истеченіи срока своего изгнанія, возвращаются въ свою деревню и дѣлають угощеніе родственникамъ убитаго.

Если канлы, удаленный изъ своей деревни, умретъ до примиренія, то онъ можетъ быть перевезенъ для погребенія въ свою деревню; но за дозволеніе перевезти умершаго башъ-канлы, родственники его обязаны дать родственникамъ убитаго имъ трехъ-годовалаго бычка.

По смерти башъ-канлы, ни алумъ, ни штрафъ не возвращаются; но маль-канлы могутъ возвратиться въ свою деревню, хотя-бы срокъ изгнанія ихъ и не кончился.

Обвиненный по одному подозрѣнію, канлы не возвращается, хотя-бы впослѣдствіи обнаружилось, что онъ обвиненъ неправильно, и открытъ былъ дѣйствительный убійца.

Адатъ по пораненію. Взысканіе полагается за всякую рану, хотя-бы она и не требовала лѣченія, а также за всякій знакъ на тѣлѣ отъ удара оружія или рукою.

Когда при пораненіи не было постороннихъ и ранившій самъ не сознается, то для подтвержденія обвиненія отъ претендующаго требуется присяга съ 6-ю родственниками, кораномъ.

Если пораненіе сдѣлано въ дракѣ и вообще при участіи нѣсколькихъ лицъ, то обвиненіе взводится изъ участвовавшихъ только на одного, по выбору раненаго, а если нанесено нѣсколко ранъ, то на двоихъ, но не болѣе. Въ этомъ случаѣ требуются два свидѣтеля, которые присягаютъ хатунъ-талахъ; если-же двухъ свидѣтелей нѣтъ, то присягаетъ раненый. Одинъ свидѣтель не принимается.

Когда одинъ изъ участвовавшихъ въ дракѣ самъ сознался въ нанесеніи раны или когда онъ объявитъ, что всѣ раны нанесены имъ однимъ, то обвиненіе на другого не допускается.

Когда потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками, кораномъ.

За нанесеніе раны взыскивается съ виновнаго:

1) За рану до кости, за рану въ грудь или въ животъ, проходящую вовнутрь и за сквозную рану: раненому одинъ быкъ, въ 10 рублей, и штрафъ въ пользу тургаковъ одинъ быкъ, въ 8 рублей; по излѣченіи раны, ранившій долженъ сдѣлать угощеніе раненому, съ 40-ка его родственниками.

2) За всякую рану, требующую лѣченія, кромѣ означенныхъ въ 1 п., раненому и штрафъ въ пользу тургаковъ по 5 рублей и угощеніе родственникамъ раненаго, число коихъ опредѣляетъ лѣчившій рану.

3) За рану, не требующую лѣченія: раненому пять кары бязи и угощеніе съ 6-ю родственниками.

4) За ударъ, отъ котораго остался знакъ на тѣлѣ: штрафъ въ пользу тургаковъ три котла, по 50 копѣекъ каждый. Того-же, кому нанесенъ ударъ, долженъ угостить съ двумя родственниками.

Рана, требующая лѣченія, лѣчится на счетъ виновнаго.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ, то онъ удовлетворяетъ cadaго раненаго полностью, а штрафъ платитъ одинъ.

За неумышленное пораненіе, удовлетвореніе дѣлается тоже, какъ и за умышленное, но штрафъ не взыскивается.

При обоюдномъ пораненіи, оба раненые могутъ претендовать другъ на друга за пораненіе, но штрафъ взыскивается полный съ cadaго изъ нихъ, хотя-бы они и не претендовали другъ на друга.

Если ранившій и раненый принадлежатъ къ двумъ семействамъ, находящимся между собою въ кровной враждѣ, то съ ранившаго штрафъ въ пользу тургаковъ взыскивается вдвое. Адатъ этотъ не относится къ тому случаю, когда башъ-канлы раненъ по кровомщенію.

Если кто, отправившись на воровство или съ другимъ на-нимъ-нибудъ злымъ умысломъ, будетъ открытъ хозяиномъ и, стараясь уйти, ранитъ хозяина, то съ него, какъ удовлетвореніе раненому, такъ и штрафъ, взыскивается вдвое.

Если рана нанесена чужимъ оружіемъ, то съ хозяина оружія взыскивается въ пользу тургаковъ одинъ быкъ.

За пораненіе кадія и карта опредѣленное по адату удовлетвореніе раненому взыскивается вдвое и штрафъ въ пользу тургаковъ восемь быковъ.

За пораненіе тургака удовлетвореніе раненому и штрафъ взыскиваются вдвое.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе побоевъ мужчинѣ, если на тѣлѣ не осталось никакихъ знаковъ, виновный никакому взысканію не подвергается.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, хотя-бы она первая начала драку, взыскивается въ пользу тургаковъ штрафъ 5 рублей.

За нанесеніе побоевъ карту взыскивается два быка, за побои тургаку—одинъ быкъ,—въ обоихъ случаяхъ въ пользу тургаковъ.

За выстрѣлъ въ ссорѣ и дракѣ взыскивается одинъ бычокъ въ пользу того, въ кого послѣдовалъ выстрѣлъ, и одинъ быкъ въ 8 рублей тургакамъ.

За обнаженіе оружія и намѣреніе сдѣлать выстрѣлъ взыскивается въ пользу тургаковъ 1 $\frac{1}{2}$ рубля.

Если покушавшійся на воровство или имѣвшій какой-нибудь другой умыселъ будетъ открытъ и, стараясь скрыться отъ слѣдованія, сдѣлаетъ выстрѣлъ, то къ выше опредѣленному взысканію добавляется еще одинъ быкъ въ пользу тургаковъ.

Если кто выйдетъ на мѣсто драки, случившейся днемъ, съ ружьемъ или пистолетомъ, хотя-бы онъ и не участвовалъ въ дракѣ, то съ него взыскивается въ пользу тургаковъ одинъ быкъ *).

За ссору и драку въ присутствіи кадія и картовъ, при разборѣ ими дѣлъ, взыскивается въ пользу тургаковъ по одному быку съ cadaго изъ ссорившихся.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ, по обоюдному согласію, дѣвицы, вдовы и разведенной съ мужемъ, взыскивается съ обоихъ въ пользу джамаата штрафъ по одному быку въ 8 рублей и оба удаляются изъ деревни на 40 дней.

За насильственный увозъ, или намѣреніе увезти, если увезенная и родственники ея не согласятся на бракъ, увезшій платитъ штрафъ два быка и удаляется на 40 дней. Если-же согласятся на бракъ, то увезшій, сверхъ штрафа, долженъ дать родственникамъ увезенной пахатное мѣсто: за дѣвушку на 8 сабъ, а за вдову и разведенную на 4 сабы посѣва **).

За увозъ замужней женщины, по ея согласію, взыскивается

*) На драку, происшедшую ночью, дозволяется выходить и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

**) Родственники увезенной, и при согласіи на бракъ, могутъ требовать удаленія изъ деревни увезшаго на 40 дней.

съ обоихъ штрафъ въ пользу джамаата по три быка, и сверхъ того:

1) если мужъ согласится развестись съ увезенною женою, то съ увезшаго взыскивается въ пользу мужа 100 рублей, все имущество жены остается въ пользу мужа и оба, увезшій и увезенная, удаляются изъ деревни на одинъ годъ;

2) если-же мужъ потребуетъ жену обратно, то увезшій въ пользу мужа ничего не платитъ и одинъ удаляется изъ деревни на годъ *).

Адаты относительно удаляемыхъ по убійству малъ-канлы распространяются и на удаляемыхъ по увозу женщинъ на годъ или на 40 дней.

Если увезшій укроется съ увезенною въ той-же деревнѣ, въ чужомъ домѣ, и хозяинъ дома дозволитъ имъ оставаться вмѣстѣ и не разведетъ ихъ по разнымъ саклимъ, то съ хозяина взыскивается штрафъ одинъ быкъ въ 8 рублей въ пользу джамаата.

Съ содѣйствовавшихъ къ увозу женщины взыскивается штрафъ въ пользу джамаата по одному быку съ каждаго.

Адаты по изнасилованію женщины. Для доказательства насилія требуется, чтобы женщина огласила крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе.

Отъ женщины, извѣстной своимъ развратнымъ поведеніемъ, жалоба принимается, если она представитъ свидѣтелей, которые присягнуть хатунъ-талахъ, или другое доказательство.

За изнасилованіе женщины, съ виновнаго взыскивается: семь быковъ, по 8 рублей, изнасилованной, два быка джамаату и одинъ быкъ тургакамъ; виновный дѣлается на годъ канлы родственникамъ изнасилованной, наравнѣ съ малъ-канлы по убійству.

За намѣреніе изнасиловать взыскивается:

если у женщины изорвано платье или остались другіе знаки насилія, взысканіе дѣлается, какъ и за изнасилованіе; если-же никакихъ знаковъ нѣтъ, а также и за прикосновеніе къ женщинѣ, то взыскивается два быка ей и одинъ быкъ тургакамъ.

За содѣйствіе къ изнасилованію взыскивается по одному быку въ пользу тургаковъ.

Адаты по разврату. Если кто застанетъ свою жену, или

*) Случаевъ насильственного увоза замужней женщины не было.

родственнику, въ прелюбодѣйной связи съ женщиною и оба они успѣютъ бѣжать, то болѣе никакихъ доказательствъ связи ихъ не требуется; если-же обвиняемые не бѣжали и будутъ отказываться отъ взводимого на нихъ обвиненія, то требуется или присяга свидѣтелей хатунъ-талахъ, или очистительная присяга отъ обвиняемаго мужчины съ 40-ка родственниками, кораномъ.

Если женщина сама сознается въ связи своей съ женщиною, то болѣе никакихъ доказательствъ не требуется.

За прелюбодѣйную связь взыскивается съ мужчины и женщины штрафъ въ пользу джамаата по два быка и въ пользу тургаковъ по одному быку и оба на годъ удаляются изъ деревни.

Если женщина—замужняя, и мужъ ея пожелаетъ развестись съ нею, то съ обвиняемаго въ связи съ нею взыскивается сверхъ того въ пользу мужа 100 рублей.

За мужеложство по обоюдному согласію, если оба не убиты на мѣстѣ родственниками, взыскивается въ пользу джамаата по три быка съ каждаго, дома ихъ разоряются и оба удаляются изъ деревни на годъ.

Если мужеложство совершено по насилію, то съ насилловавшаго взыскивается: родственникамъ изнасилованнаго восемь быковъ, въ пользу джамаата одинъ быкъ, домъ его разоряется и онъ удаляется на годъ изъ деревни.

За скотоложство опредѣляется взысканіе только съ совершеннолѣтняго (15-ти лѣтъ), и если скотоложство совершено надъ скотиною, мясо которой употребляется въ пищу; въ такомъ случаѣ съ виновнаго взыскивается: въ пользу джамаата одинъ быкъ и въ пользу хозяина скотины одна пара поршней *).

По мужеложству и скотоложству, для обвиненія достаточно показаніе одного или двухъ человѣкъ, безъ присяги; но по мужеложству допускается обвиненіе и безъ свидѣтелей, и въ такомъ случаѣ требуется очистительная присяга обвиняемаго: въ мужеложствѣ съ 40-ка родственниками и скотоложствѣ съ 7-ю родственниками, кораномъ.

Относительно удаляемыхъ по обвиненію въ развратѣ существуютъ тѣже адаты, какъ и относительно малъ-канды по убійству.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное

*) Конины считаются дозволенною въ пищу.

опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамаль-кагаза; этотъ-же послѣдній выдается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь приобрѣтена изъ другой деревни, или если уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Обвиненіе по оставленной воромъ на мѣстѣ воровства вещь дѣлается какъ и по общему даргинскому адату; но для доказательства, что оставленная на мѣстѣ воровства вещь дѣйствительно принадлежитъ обвиняемому, требуется или показаніе постороннихъ лицъ, безъ присяги, или присяга претендующаго.

Когда претензія предъявляется по подозрѣнію, то претендующій присягаетъ одинъ кораномъ.

Когда потребуются очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками кораномъ.

Когда претензія по подозрѣнію вводится на того, кто прежде не былъ обвиненъ въ воровствѣ, то присяга претендующаго не допускается, а всегда требуется очистительная присяга.

Оцѣнка уворованныхъ вещей дѣлается на основаніи общихъ адатовъ, но о цѣнѣ такихъ вещей, коихъ посторонніе не могутъ оцѣнить, хозяинъ дома присягаетъ кораномъ съ двумя родственниками.

За воровство дѣлается слѣдующее взысканіе:

1) За воровство скотины (кромѣ барановъ):

Если уворованная скотина найдена, то возвращается хозяину и, сверхъ того, съ виновнаго взыскивается въ пользу хозяина:

за лошадь, катера и буйвола одинъ быкъ, въ 10 рублей.

— быка—одинъ бычокъ въ 6 рублей.

— корову и эшака—3 рубля.

— молодую скотину (меньше 3-хъ лѣтъ)—половина противъ большой.

Если уворованная скотина не найдена, то хозяинъ, взаимно каждой уворованной, получаетъ одну такую-же скотину, по выбору, и двѣ подобныхъ, одной цѣны съ уворованною.

2) За воровство барановъ взыскивается по десяти барановъ за cadaго.

3) Когда обвиненіе въ воровствѣ скота и барановъ введено по одному подозрѣнію, то хозяинъ получаетъ, взаимно уворованной, только такую-же скотину, по выбору.

4) За воровство другихъ предметовъ: если уворованное

найдено, то возвращается, а если не найдено, то хозяинъ получаетъ вещь, подобную уворованной, по выбору.

5) Если воровство сдѣлано изъ дому или со двора, то, сверхъ опредѣленнаго за воровство взысканія, въ пользу хозяина взыскивается еще за приходъ вора въ дворъ трехъ-годовалый бычокъ.

Штрафъ за воровство взыскивается:

1) если обвиненіе доказано, то въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ одинъ быкъ, по 8 рублей каждый;

2) если обвиненіе взведено по одному подозрѣнію присягого претендующаго, то только въ пользу тургаковъ 5 рублей.

За воровство изъ мечети, какъ уворованное, такъ и штрафъ, взыскивается вдвое; за воровство изъ мельницы, если взысканіе дѣлается не по одному подозрѣнію, уворованное взыскивается въ 10 разъ и штрафъ вдвое; за воровство съ пашни, гумна и за воровство хлѣба въ колосьяхъ. взысканіе полагается обыкновенное.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на воровствѣ, то съ него взыскивается въ пользу пойманшаго одинъ быкъ, штрафъ, опредѣленный за доказанное воровство, а если онъ для воровства приходилъ во дворъ, то и хозяину двора одинъ бычокъ. Если воръ пойманъ во дворѣ хозяиномъ, то съ него взыскивается въ пользу хозяина два быка и за приходъ во дворъ одинъ бычокъ и штрафъ какъ за воровство.

За покушеніе на воровство, если воръ не пойманъ, взыскивается въ пользу того, къ кому онъ приходилъ воровать, одинъ бычокъ и штрафъ какъ за воровство, но взысканіе это налагается только въ такомъ случаѣ, когда воръ заходилъ на дворъ *).

За укрывательство вора и сокрытіе уворованныхъ вещей съ виновнаго взыскивается штрафъ три быка; но если тотъ, у кого скрывались вещи, приметъ присягу хатунъ-талахъ, что онъ не зналъ, что вещи тѣ ворованныя, то съ него взыскивается штрафъ только одинъ быкъ.

Съ того, кто хотя не скрывалъ вора и вещей, но зналъ, кѣмъ сдѣлано воровство, взыскивается штрафъ одинъ быкъ.

*) Доказательствомъ покушенія на воровство можетъ служить оставленная воромъ вещь; если-же никакихъ уликъ къ обвиненію нѣтъ, то отъ обвиняемаго въ покушеніи на воровство требуется очистительная присяга съ 6-ю родственниками, кораномъ.

Если хозяинъ уворованнаго найдетъ вора и, не объявивъ объ этомъ, получить съ него удовлетвореніе по обоюдному согласію, то съ него взыскивается одинъ быкъ въ пользу тургаковъ и онъ лишается права претендовать по этому воровству, а съ вора взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

Кадіи, варты, мангуши, тургаки, будуны и гаджіи, обвиненные въ воровствѣ, платятъ штрафъ вдвое.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ указать соучастниковъ (кромѣ тѣхъ лицъ, на нихъ обвиненіе по одному подозрѣнію не допускается); показаніе свое онъ долженъ подтвердить присягою съ 6-ю родственниками, кораномъ. Присяга эта допускается и тогда, когда въ соучастіи обвиняется не подвергавшійся прежде взысканію за воровство.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу требуется или присяга претендующаго, кораномъ, безъ родственниковъ, или очистительная присяга, кораномъ, отъ обвиняемаго, съ 6-ю родственниками.

Цѣна убытковъ объявляется тремя старшими членами семейства, за присягою кораномъ.

Обвиненный въ поджогѣ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества по цѣнѣ.

Сверхъ того, за умышленный поджогъ взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

За поджогъ хлѣба на корнѣ или въ стогахъ, убытки взыскиваются вдесятеро; но если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то дѣлается обыкновенное взысканіе.

Хозяинъ дома, въ которомъ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за всѣ убытки, причиненные пожаромъ имуществу сосѣдей.

Хозяинъ дома, въ которомъ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи, если причина пожара не зависѣла отъ хозяина и поджогъ сдѣланъ другимъ; если же пожаръ произошелъ по неосторожности того, у кого были чужія вещи, или членовъ его семейства, то дѣло разбирается по шаріату.

Адаты по порчамъ чужого имущества. Для доказательства претензіи по порчамъ чужого имущества требуются свидѣтели, которые присягаютъ хатунъ-талахъ.

Если вѣтъ свидѣтелей, или когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то присягаетъ претендующій одинъ, кораномъ.

Если будетъ потребована очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками, кораномъ.

Оцѣнка порчи дѣлается какъ и по воровству.

Обвиненный въ порчѣ чужой собственности обязанъ исправить порчу и сверхъ того съ него взыскивается штрафъ за порчу: въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ одинъ быкъ.

За порчу въ мечети, на мельницѣ, гумнѣ и пашнѣ взыскивается убытокъ вдвое. За порчу на мельницѣ жернова — десяти-теро.

Если кто умышленно ранитъ чужую скотину или сдѣлаетъ ей другую порчу, то скотина эта отдается испортившему, а на его счетъ хозяинъ беретъ другую такую-же скотину, по выбору.

Если кто обрѣжетъ хвостъ у лошади, то въ пользу хозяина взыскивается одинъ быкъ; но когда хвостъ обрѣзанъ такъ, что прорѣзана кожа, то взысканіе дѣлается какъ за пораненіе.

Если хвостъ обрѣзанъ у другой скотины, кромѣ лошади, и не прорѣзана при этомъ кожа, то взысканія не полагается.

Въ обоихъ случаяхъ, сверхъ взысканія въ пользу хозяина, взыскивается и штрафъ въ пользу тургаковъ: когда вина отвѣтчика доказана — одинъ быкъ, если-же онъ обвиненъ только по подозрѣнію присягою претендующаго—5 котловъ, по 50 копѣекъ.

За выпускъ скотины на пашни до сбора посѣвовъ, если еще не показались колосья, въ пользу хозяина пашни взыскивается за каждую лошадь, буйвола и катера одна саба, за быка $\frac{1}{2}$ сабы, за корову и эшака два саха, за теленка, барана и козла одинъ сахъ. Взысканіе это дѣлается только въ томъ случаѣ, если скотина задержана хозяиномъ пашни, безъ различія, была ли потрава, или только истоптаны скотиною посѣвы.

Если-же на посѣвѣ есть колосья, то платится убытокъ по цѣнѣ въ такомъ только случаѣ, когда была потрава.

Сверхъ того, если при скотинѣ будетъ хозяинъ оной или пастухъ, или если будетъ доказано, что она выпущена на пашню съ умысломъ, или-же хотя она зашла на пашню и отъ недосмотра хозяина, но если будетъ задержана тургакомъ, то въ пользу тургаковъ дѣлается взысканіе, определенное выше въ пользу хозяина пашни, на которой еще не было колосьевъ. Штрафъ этотъ взыскивается, безъ различія, были-ли колосья на пашнѣ, или нѣтъ.

За выгонъ на общественное покосное или пастбищное мѣс-

то общественнаго стада не въ дозволенное время, взыскивается съ пастуховъ въ пользу тургаковъ: за барановъ — два лучшихъ барана, за рогатую скотину — одинъ быкъ въ 5 рублей.

Если-же зайдетъ на пашню одна или нѣсколько штукъ скота, то взыскивается съ хозяина онаго за каждую лошадь, катера, буйвола и быка по 1 рублю, за каждую корову и эшака по 50 коп., но въ такомъ только случаѣ, если скотина будетъ задержана тургакомъ.

Если скотина зайдетъ на чужое покосное мѣсто, то въ пользу хозяина покоса взыскивается по цѣнѣ убытковъ, и въ пользу тургаковъ штрафъ 3 рубля. Штрафъ этотъ взыскивается въ тѣхъ-же случаяхъ, какъ и за выпускъ скота на пашню.

Для предупрежденія погравъ установлены слѣдующіе адаты:

1) Ни одинъ хозяинъ не имѣетъ права держать въ деревнѣ болѣе одного барана или одного козла. За другого барана съ него взыскивается въ пользу тургаковъ одинъ сахъ пшеницы или ячменя. Если-же кто будетъ держать болѣе двухъ барановъ или козловъ, то тургаки имѣютъ право зарѣзать ихъ.

2) Когда лошади находятся въ табунѣ, то хозяинъ не имѣетъ права держать въ конюшнѣ лошадь болѣе 3-хъ дней. За продержку сверхъ этого времени съ хозяина взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ 3 рубля.

3) Когда скотина ходитъ въ стадѣ, то съ cadaго хозяина, не выгнавшаго въ стадо свою скотину, взыскивается: за быка и буйвола 1 рубль, за корову и эшака $\frac{1}{2}$ сабы и за теленка одинъ сахъ пшеницы *).

За самовольную рубку лѣса взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ одинъ быкъ.

Адаты по потерямъ и находкамъ. По дѣламъ о потеряхъ и находкахъ примѣняются общіе даргинскіе адаты, но для доказательства принадлежности найденной вещи претендующему, допускается и присяга свидѣтелей хатунъ-талахъ.

Адаты по спорамъ и искамъ. По гражданскимъ спорамъ и искамъ примѣняются общіе даргинскіе адаты, съ тою разницею, что очистительная присяга всегда требуется съ шестью родственниками, кораномъ.

По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ и невѣстою родственникамъ жениха,

*) Въ рабочую пору дозволяется рабочую скотину не выгонять въ стадо.

если послѣ помолвки бракъ не состоится, установлены слѣдующіе адаты:

1) Когда причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то онъ долженъ возвратитъ невѣстѣ всѣ подарки, сдѣланные ею родственникамъ его; подарки-же, сдѣланные имъ невѣстѣ, остаются у нея. Сверхъ того съ него взыскивается въ пользу джамаата штрафъ одинъ быкъ, въ 8 рублей.

2) Если-же бракъ не состоялся по причинамъ со стороны невѣсты, то она подвергается тому-же взысканію.

3) Если женихъ объявитъ, что кромѣ подарковъ, сдѣланныхъ имъ невѣстѣ при постороннихъ, онъ дѣлалъ ей еще другіе, о которыхъ не можетъ представить свидѣтелей, то отъ невѣсты требуется очистительная присяга съ 12-ю родственниками. Родственники присягаютъ хатуль-талахъ.

4) Отъ невѣсты претензія, подобная изложенной въ 3 п., если иѣтъ постороннихъ свидѣтелей, не принимается.

Изложенные адаты примѣняются и въ тѣхъ случаяхъ, когда возникнетъ споръ о подаркахъ между мужемъ и женою при разводѣ, но только въ такомъ случаѣ, если разводъ состоялся до истеченія года со дня вступленія въ бракъ; при разводахъ-же по истеченіи года претензіи относительно подарковъ не принимаются.

Адаты Усишинскаго общества.

Предъявленіе претензій. Отъ наследниковъ не принимаются претензіи, основанныя на одномъ подозрѣніи, если подозрѣніе это не было заявлено умершимъ.

По гражданскимъ искамъ, претензіи на наследниковъ и родственниковъ отвѣтчика принимаются во всякомъ случаѣ. По прочимъ-же дѣламъ, за смертію отвѣтчика, на наследниковъ и родственниковъ принимаются только тѣ претензіи, по которымъ еще при жизни отвѣтчика названы были свидѣтели, которые могутъ подтвердить справедливость претензіи, или-же назначенъ былъ день для присяги претендующаго или отвѣтчика. Если-же этого не было сдѣлано при жизни отвѣтчика, или если претензія предъявлена по смерти его, то должны быть представлены явные доказательства, не требующія ничьей присяги.

Согласившіеся на разборъ претензіи по маслаату не мо-

гутъ требовать разбора оной по адату, когда уже назначены лица для маслаатскаго разбора.

Претензіи по одному подозрѣнію не допускаются только: 1) на кадія, 2) на безумныхъ и сумасшедшихъ и 3) другъ на друга лицъ, состоявшихъ въ супружествѣ и потомъ разведенныхъ.

Претензія по подозрѣнію можетъ быть взведена въ одно время только на одного; но по убійству допускается и на нѣсколькихъ лицъ въ одно время.

Присяга. Когда претендующій, или отвѣтчикъ, долженъ присягнуть хатунъ-талахъ, но онъ не женатъ или далъ обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, то вмѣсто него присягаетъ родственникъ, который, для своего удостовѣренія, можетъ потребовать отъ того, за кого присягаетъ, присягу кораномъ. Свидѣтели, если они не женаты или дали обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, присягаютъ кораномъ.

Вмѣсто лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительную присягу принимаетъ самый близкій ихъ родственникъ, съ такимъ числомъ другихъ родственниковъ, какое требуется по роду дѣла.

Когда претензія на этихъ лицъ взведена по одному подозрѣнію, то присяга претендующаго не допускается, а всегда требуется очистительная присяга.

Вдовы, разведенныя и совершеннолѣтнія дѣвцы присягаютъ сами, а за замужнихъ женщинъ присягаетъ мужъ. За малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ присягаетъ ближайшій ихъ родственникъ.

По претензіямъ между ближайшими членами (родители, дѣти, братья и сестры) двухъ семействъ, состоящихъ въ кровной враждѣ, предъявляемымъ по одному подозрѣнію, присяга претендующаго не допускается, а всегда требуется очистительная присяга.

Свидѣтели должны быть жители той деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или-же жители отседковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели не допускаются.

Лица, давшія обѣтъ никогда не присягать, допускаются въ свидѣтели, но вмѣсто ихъ присягаетъ ближайшій родственникъ.

Не допускаются въ свидѣтели карты, мангуши и тургаки, пока состоятъ въ своихъ званіяхъ.

Показаніе кадія безъ присяги считается наравнѣ съ показаніемъ двухъ свидѣтелей за присягою.

За ложную присягу претендующаго, отвѣтчика или свидѣтеля, съ виновнаго взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 12 рублей.

Когда присяга требуется съ родственниками, то срокъ на представленіе отсутствующихъ родственниковъ опредѣляется противною тяжущею стороною, но не менѣе 3-хъ дней. Претендующій, когда присягаетъ отвѣтчикъ, можетъ требовать, чтобы вмѣсто находящихся въ ближней отлучкѣ родственниковъ присягнули слѣдующіе за ними по степени родства наличные родственники, и присягающій не имѣетъ права отказаться отъ этого требованія.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Когда претендующему предоставляется получить вещь по выбору, то для этого выбираются три вещи у жителей всего селенія, въ которомъ живетъ отвѣтчикъ, и принадлежащихъ къ одному отселковъ, и изъ этихъ трехъ вещей претендующій беретъ одну.

За оказавшихся несостоятельными по несчастному какому-либо случаю родственники платить не обязаны.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ можетъ быть обвинено столько человекъ, сколько убитому нанесено ранъ.

Если для подтвержденія обвиненія по убійству потребуются доказательства, то претендующій долженъ представить свидѣтелей, которые присягаютъ хатунъ-талахи, каждый съ 1 своимъ родственникомъ; если свидѣтель одинъ, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками; если свидѣтелей нѣтъ, то присягаетъ претендующій хатунъ-талахъ тоже съ 6-ю родственниками.

Когда обвиненіе подтверждено присягою свидѣтелей, то обвиняются только тѣ, на которыхъ укажутъ свидѣтели, хотя-бы число этихъ обвиненныхъ было и меньше числа нанесенныхъ ранъ.

Если число обвиненныхъ свидѣтелями будетъ превышать число нанесенныхъ убитому ранъ, то изъ обвиненныхъ признаются убійцами столько человекъ, по указанію претендующаго, сколько на убитомъ ранъ.

Если свидѣтелей нѣтъ, то претендующій можетъ обвинить, по своему усмотрѣнію, столькоихъ, сколько ранъ на убитомъ, и принять въ томъ присягу.

Если убійство произошло въ столкновеніи, въ коемъ участвовало нѣсколько лицъ, то истецъ можетъ обвинить въ убійствѣ столько человекъ изъ участвовавшихъ, сколько на убитомъ ранъ, хотя-бы были постороннія лица, видѣвшія, что всѣ или нѣсколько изъ этихъ ранъ нанесены однимъ лицомъ.

Если убитому нанесена одна рана и убійца самъ сознается, то обвиненіе на другого не допускается; но когда убитому нанесено нѣсколько ранъ, то хотя-бы сознавшійся въ убійствѣ объявилъ, что всѣ раны нанесены имъ однимъ, обвиненіе можетъ быть возбуждено, кромѣ сознавашагося, и на другихъ; но отстранить сознавашагося и на мѣсто его обвинить другого— претендующій не можетъ.

Когда обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то претендующій присягаетъ съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ.

При обвиненіи по подозрѣнію, когда убитому нанесено нѣсколько ранъ, подозрѣніе на нѣсколькихъ человекъ въ одно время допускается только въ такомъ случаѣ, если къ этому подозрѣнію есть достаточныя причины, а въ противномъ случаѣ подозрѣніе можетъ быть возбуждено только на одного.

Когда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ: или хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками, или кораномъ, съ родственниками отъ 12 до 40 человекъ. Назначеніе, какая должна быть присяга и какое число родственниковъ при присягѣ кораномъ, зависитъ отъ претендующаго.

Убійство считается *кара*, согласно общихъ адатовъ, и сверхъ того: убійство своего кадія, во всякомъ случаѣ, а убійство карта, мангуша и тургака, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей.

Если обвиненіе въ убійствѣ сдѣлано присягою претендующаго по подозрѣнію, то убійство не считается кара, если оно не принадлежитъ къ кара по другимъ причинамъ.

Обвиненные въ убійствѣ дѣлаются канлы одни; малъ-канлы не назначаются.

За убійство взыскивается: 1) алумъ родственникамъ убитаго: одинъ быкъ безъ оцѣнки, одинъ быкъ въ 10 рублей, одинъ баранъ въ 2 рубля, 3 сабы пшеницы и 7 кары бязи; 2) штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

За убійство кара, алумъ и штрафъ взыскиваются вдвое.

Во всѣхъ случаяхъ, если обвиненіе сдѣлано присягою претендующаго по подозрѣнію, штрафъ не берется.

Если въ убійствѣ обвинено нѣсколько человѣкъ, то алумъ и штрафъ взыскиваются полностью съ cadaго порознь.

За убійство однимъ нѣсколькихъ человѣкъ, алумъ взыскивается за cadaго убитаго, а штрафъ одинъ.

За неумышленное убійство взыскивается какъ и за умышленное; но если неумышленно нанесена смертельная рана и умирающій отъ оной простилъ ранившаго, то послѣдній платитъ только штрафъ.

Если убійство сдѣлано по подкупу, то съ подкупившаго взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 12 рублей, въ пользу тургаковъ 6 рублей и алумъ наследникамъ убитаго, независимо отъ алума, взыскиваемого съ убійцы. Но если убитый былъ канлы подкупившаго, то послѣдній никакому взысканію не подвергается.

Если кто откроетъ въ своемъ домѣ вора или пришедшаго съ другимъ какимъ-либо злымъ умысломъ и убьетъ его на мѣстѣ, то родственники убитаго обязаны дать хозяину дома одного быка за дозволеніе вынести тѣло.

Если кто застанетъ родственника своего въ мужеложствѣ съ другимъ мужчиною и убьетъ обоихъ, то не подвергается никакой отвѣтственности.

При обоюдномъ нанесеніи смертельныхъ ранъ, взыскивается съ родственниковъ обоихъ раненыхъ только штрафъ; но съ родственниковъ умершаго на мѣстѣ драки штрафъ не берется.

Если убійство сдѣлано чужимъ оружіемъ и окажется, что оружіе даво было для совершения этого убійства, то съ хозяина оружія взыскиваются алумъ и штрафъ, независимо отъ алума и штрафа, платимыхъ убійцею.

Для доказательства, что оружіе дано съ умысломъ, требуется или присяга свидѣтелей (какъ и по убійству), хатунъ-талахъ, или очистительная присяга хозяина оружія: хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками, или кораномъ съ 12-ю родственниками.

Отецъ, убившій сына или дочь, дѣлается канлы прочихъ дѣтей.

Адаты относительно канлы тѣ-же, что и въ Акушинскомъ обществѣ, съ слѣдующими измѣненіями:

Если доказано будетъ, что канлы приходилъ на землю, принадлежащую къ той деревнѣ и отселкамъ той деревни, откуда онъ удаленъ, то съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата на 4 рубля.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то съ него, безъ различія, убить-ли канлы при его содѣйствіи, или не убить, взыскивается штрафъ въ пользу джамаата три быка, по 12 рублей, и домъ его сожигается.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ поселился канлы, убьетъ его, то отъ него требуется очистительная присяга съ шестью родственниками, хатуць-талахъ, или съ 12-ю родственниками, кораномъ, въ томъ, что убійство это сдѣлано имъ не по подкупу. Если онъ очиститъ себя присягою, то подвергается взысканію, какъ за убійство вообще; если-же откажется принять очистительную присягу, то сверхъ общаго взысканія за убійство съ него взыскивается въ пользу джамаата штрафъ, три быка, по 12 рублей, и домъ его сожигается.

Если канлы умретъ до примиренія, то за дозволеніе привезти тѣло для погребенія въ свою деревню, родственники его обязаны дать родственникамъ убитаго этимъ канлы одного быка, въ 12 рублей.

Если-же канлы будетъ убитъ по кровомщенію родственниками убитаго имъ, или по ихъ подкупу, то они не только ничего не получаютъ, но должны возратить полученный ими алумъ.

Адаты по пораненію. За нанесеніе раны взыскивается: раненому 3 вакіи масла *) и 3 кары бязи; по излѣченіи раны, ранившій долженъ сдѣлать раненому угощеніе, съ 15-ю его родственниками; штрафъ въ пользу джамаата на 3 рубля **).

Рана лѣчится на счетъ ранившаго.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ, то онъ удовлетворяетъ каждаго раненаго полностью, а штрафъ платитъ одинъ.

За неумышленное пораненіе удовлетвореніе дѣлается тоже, какъ и за умышленное, но штрафъ не взыскивается.

При обоюдномъ пораненіи, оба раненые могутъ претендовать другъ на друга за пораненіе, но штрафъ взыскивается полный съ каждаго изъ нихъ, хотя-бы они и не претендовали другъ на друга.

Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ въ пользу раненаго и штрафъ взыскивается вдвое:

*) 1 вакіа = 1¼ фунта.

**) Когда обвиненіе введено на участвовавшихъ въ дракъ присягою претендующаго, то штрафъ не берется.

1) за пораненіє кадія и будуна;

2) если кто, отправившись на воровство, или съ другимъ умысломъ, будетъ открытъ и, стараясь уйти, ранитъ хозяина дома.

При пораненіи чужимъ оружіемъ, съ хозяина онаго берет-ся штрафъ 3 рубля на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и по убійству.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе муж-чинѣ побоевъ, хотя-бы остались изъзнаки на тѣлѣ, и раны, за ко-торую, по общему даргинскому адату, не слѣдуетъ удовле-твореніе, а равно и за драку, съ виновныхъ взыска-ніе дѣлается по усмотрѣнію кадія и картовъ.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, виновный долженъ дать ей новую рубаху и платокъ и сдѣлать угощеніе съ 6-ю родствен-никами; сверхъ того взыскивается штрафъ, по усмотрѣнію кадія и картовъ.

За нанесеніе побоевъ будуну, ему дѣлается угощеніе, съ 15-ю родственниками, и штрафъ въ пользу картовъ 3 рубля.

За нанесеніе побоевъ тургаку, ему дается поясъ изъ бу-мажной матеріи и штрафъ картамъ, по усмотрѣнію кадія.

За нанесеніе побоевъ гаджію, дѣлается взыска-ніе по усмо-трѣнію кадія и картовъ.

За выстрѣлъ и обнаженіе оружія въ дракѣ взыскивается штрафъ по усмотрѣнію кадія и картовъ; сверхъ того, если сдѣ-ланъ выстрѣлъ, то въ пользу того, въ кого былъ выстрѣлъ, взыскивается бычокъ въ 4 рубля.

Адаты по увозу женщины. За увозъ дѣвицы, вдовы и раз-веденной съ мужемъ, по обоюдному согласію, взыскивается съ обонхъ штрафъ по 3 рубля, и если родственники увезенной не согласятся на бракъ, то оба дѣлаются канлы ихъ, какъ по убійству.

За насильственный увозъ, увезшій платитъ штрафъ 6 руб-лей, и если родственники не согласились на бракъ, то онъ одинъ дѣлается канлы ихъ.

Съ родственниковъ увезенной, согласившихся на бракъ ея съ увезшимъ, взыскивается въ пользу джамаата штрафъ на 50 рублей.

Если женщина увезена въ другую деревню, то съ увезша-го, за все время до его возвращенія, взыскивается столько бы-ковъ въ пользу джамаата, сколько было призывовъ на молитву со времени увоза.

Если увезшій укроется съ увезенною въ той-же деревнѣ, въ чужомъ домѣ, и хозяинъ дома дозволить имъ остаться вмѣстѣ и не разведетъ ихъ по разнымъ саклямъ, то съ хозяина взыскивается штрафъ 3 рубля.

За содѣйствіе къ увозу взыскивается штрафъ по одному быку въ 3 рубля съ каждаго содѣйствовавшаго *).

Адаты по изнасилованію женщины. Изнасилованная должна огласить крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе, и тогда никакихъ доказательствъ болѣе не требуется. Если-же она этого не сдѣлала, то при предъявленіи претензіи требуется очистительная присяга обвиняемаго, съ 6-ю родственниками, хатунъ-талахъ, другія-же никакія доказательства не допускаются.

Отъ женщинъ, извѣстныхъ развратнымъ поведеніемъ, претензіи принимаются наравнѣ съ прочими.

За изнасилованіе и за намѣреніе изнасиловать женщину и даже за одно прикосновеніе къ ней, виновные подвергаются тому-же взысканію, какъ и за насильственный увозъ.

За содѣйствіе къ изнасилованію взыскивается по одному быку въ 3 рубля въ пользу джамаата съ каждаго содѣйствовавшаго.

Адаты по разврату. По претензіямъ о прелюбодѣйной связи мужчины и женщины, для доказательства обвиненія требуются свидѣтели, которые присягаютъ хатунъ-талахъ съ родственниками, какъ по убійству; если-же свидѣтелей нѣтъ, то требуется очистительная присяга обвиняемаго, какъ и по изнасилованію.

За связь мужчины съ незамужнею женщиною, виновные подвергаются тому-же взысканію, какъ и за увозъ по обоюдному согласію.

За связь мужчины съ замужнею женщиною взыскивается съ обоихъ штрафъ по одному быку въ пользу джамаата; оба дѣлаются канлы мужа и родственниковъ женщины, какъ и по убійству; все имущество жены переходитъ въ собственность мужа.

За посредничество въ связи взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ.

По мужеложству съ насиліемъ, для обвиненія требуется: если насиліе сдѣлано надъ малолѣтнимъ, то присяга 7 родственниковъ хатунъ-талахъ, или-же очистительная присяга обвиняемаго, съ 6-ю родственниками, хатунъ-талахъ, или съ 12-ю родственника-

*) Случаевъ увоза замужнихъ женщинъ не было.

ми, кораномъ, по требованію претендующихъ; если сдѣлано насиліе надъ совершеннолѣтнимъ, то относительно обвиненія существуетъ тотъ-же порядокъ, какъ и по изнасилованію жевачины, но допускается и присяга свидѣтелей, какъ по убійству.

За мужеложство съ насиліемъ, съ виновнаго взыскивается одинъ быкъ и онъ дѣлается канлы родственниковъ изнасилованнаго, какъ по убійству.

За содѣйствіе къ изнасилованію дѣлается тоже взысканіе.

По скотоложству, для обвиненія требуются свидѣтели; если же свидѣтелей нѣтъ, то очистительная присяга обвиняемаго, съ 6-ю родственниками, хатунъ-талахъ. Съ обвиненнаго взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля, скотина отдается ему, а вмѣсто нея онъ долженъ хозяину дать другую.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамаль-кагаза; этотъ-же послѣдній выдается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь пріобрѣтена изъ другой деревни, или если уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Обыскъ въ домѣ дозволяется дѣлать только одинъ разъ.

Если изъ уворованныхъ вещей ничего не найдено, то допускается претензія по подозрѣнію.

Если претензія предъявлена по подозрѣнію, то претендующій присягаетъ одинъ, кораномъ.

Когда потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ, по желанію претендующаго, или съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ, или съ 12-ю родственниками кораномъ.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Хозяинъ получаетъ уворованное у него всеситеро. Если же обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, присягою претендующаго, то, вмѣсто уворованной, хозяинъ получаетъ подобную ей вещь, по выбору.

2) Деньги всегда возвращаются въ томъ-же количествѣ, какъ уворованы.

3) Рушпеть взыскивается на основаніи общаго на этотъ случай адата.

4) Если воровство сдѣлано со двора, то за приходъ вора во дворъ, въ пользу хозяина взыскивается одинъ быкъ.

Штрафъ за воровство полагается: джамаату одинъ быкъ въ 12 рублей, картамъ четыре котла, по 75 коп. *), и тургакамъ одна саба пшеницы. При обвиненіи по одному подозрѣнію, штрафъ не взыскивается.

За воровство изъ мечети, мельницы, съ пашни и гумна и за воровство хлѣба въ колосьяхъ, взысканіе увеличивается вдвое.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на воровствѣ, то онъ подвергается штрафу, опредѣленному за воровство; сверхъ того, съ него взыскивается въ пользу поймавшего одинъ быкъ въ 12 рублей. Если онъ приходилъ во дворъ, то въ пользу хозяина одинъ быкъ. Но если онъ пойманъ самимъ хозяиномъ, то хозяинъ получаетъ только одного быка.

За покушеніе на воровство, взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство; сверхъ того, если воръ приходилъ во дворъ, то и въ пользу хозяина двора взыскивается одинъ быкъ.

Обвиненіемъ въ покушеніи на воровство служитъ оставленная вещь; если-же вещь не оставлена, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга.

За укрывательство вора и сокрытіе уворованныхъ вещей взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство. Если имѣвшій у себя уворованныя вещи присягнетъ съ двумя родственниками хатунъ-талахъ, что онъ не зналъ, что вещи тѣ уворованы, то никакому взысканію не подвергается.

Съ того, кто хотя не скрывалъ вора и вещей, но зналъ, кѣмъ сдѣлано воровство, взыскивается штрафъ одинъ быкъ.

Если хозяинъ уворованнаго найдетъ вора и, не объявивъ объ этомъ, получитъ съ него удовлетвореніе по обоюдному условію, то какъ съ него, такъ и съ вора, взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство, и хозяинъ уворованнаго лишается уже права претендовать по этому воровству.

Съ кадія, обвиненнаго въ воровствѣ, штрафъ взыскивается вдвое.

*) Изъ опредѣленныхъ картамъ четырехъ котловъ, они два отдають хозяину, у котораго сдѣлано воровство, независимо отъ прочаго, слѣдующаго въ его пользу, удовлетворенія.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ указать соучастниковъ, отъ которыхъ требуется очистительная присяга, какъ и по обвиненію въ воровствѣ; не присягнувшіе отвѣчаютъ наравнѣ съ воровъ.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу требуются свидѣтели, которые присягаютъ хатунь-талахъ, съ такимъ числомъ родственниковъ, какое назначить обвиненный, но не болѣе 6-ти.

Когда претензія вводится по одному подозрѣнію, то присяга требуется какъ и по воровству.

Оцѣнку убытковъ опредѣляетъ хозяинъ, за присягою съ двумя ближайшими родственниками.

Обвиненный въ поджогъ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества по цѣнѣ. Сверхъ того, съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ въ 12 рублей; но если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, а также за неумышленный поджогъ, то штрафъ не берется.

Хозяинъ дома, въ которомъ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за все убытки, причиненные пожаромъ имуществу сосѣдей.

Хозяинъ дома отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи, если причина пожара не зависѣла отъ хозяина и пожаръ сдѣланъ другимъ; если-же пожаръ произошелъ по неосторожности того, у кого были чужія вещи, или членовъ его семейства, то дѣло разбирается по шаріату.

Адаты по порчѣ чужого имущества. Для доказательства претензіи требуются свидѣтели, которые присягаютъ хатунь-талахъ, каждый съ 1 родственникомъ. Если свидѣтель одинъ, то присягаетъ и самъ претендующій *).

Когда претензія предъявляется по подозрѣнію, то требуется присяга, какъ и по воровству.

Оцѣнка убытка опредѣляется двумя посторонними лицами, безъ присяги, или-же однимъ, за присягою кораномъ; если-же виновный самъ сознался, то оцѣнщики назначаются по одному отъ претендующаго и отвѣчика.

Обвиненный въ порчѣ пополняетъ убытки по оцѣнкѣ; штрафъ взыскивается 3 рубля въ пользу джамаата только за умышленную порчу, и притомъ когда умыселъ будетъ доказанъ.

*) По потравамъ посѣвовъ и покосовъ достаточно показанія одного свидѣтеля, безъ присяги.

За умышленную порчу въ мечети, на мельницѣ, гумнѣ и пашнѣ, убытокъ взыскивается вдвое, штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ въ 12 рублей и въ пользу тургаковъ всего округа 14 котловъ, по 2 рубля.

Если кто умышленно ранитъ чужую скотину или сдѣлаетъ ей другую порчу, то скотина эта отдается испортившему, а на его счетъ хозяинъ беретъ другую скотину, по выбору.

Если кто обрѣжетъ хвостъ у лошади, то въ пользу хозяина взыскивается одинъ быкъ; но когда хвостъ обрѣзанъ такъ, что прорѣзана кожа, то взысканіе дѣлается какъ за пораненіе. Въ обоихъ случаяхъ назначается штрафъ, а если сдѣлана порча скотины или обрѣзанъ у ней хвостъ во дворѣ, то и взысканіе въ пользу хозяина, какъ и по воровству.

Если обрѣзанъ хвостъ у быка или другой скотины и при этомъ не порѣзана кожа, то въ пользу хозяина взыскивается одинъ баранъ, а штрафъ въ пользу джамаата опредѣляется по усмотрѣнію кадія и картовъ.

За потравы дѣлается удовлетвореніе по оцѣнкѣ и взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ:

за потраву посѣвовъ днемъ—1 рубль.

— — — — ночью—3 рубля.

— — — — покосовъ—1 серпъ, въ 20 коп., или 1 сахъ пшеницы.

Когда взысканіе дѣлается по одному подозрѣнію, то штрафъ не берется.

Для предупрежденія потравъ установленъ слѣдующій адатъ: въ деревнѣ дозволяется держать каждому хозяину: отъ выгона скота на кутаны (хутора) до перевода на горы—не болѣе трехъ барановъ; съ этого времени до начала лѣта—не болѣе двухъ барановъ, и потомъ до спуска съ горъ скота—не болѣе одного барана. Лишнихъ противу положеннаго числа тургаки могутъ зарѣзать. Зимой дозволяется держать дома и больше барановъ.

За рубку общественнаго лѣса взыскивается штрафъ въ пользу джамаата: если порублено менѣе эшачьяго вьюка — 3 рубля, если вьюкъ болѣе—одинъ быкъ.

За выпускъ скота въ лѣсъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ, въ 12 рублей.

Адаты по потерямъ и находкамъ. Для доказательства принадлежности найденной вещи, предъявляющей на оную права присягаетъ хатунъ-талахъ съ двумя родственниками.

По претензіямъ объ утайкѣ найденной вещи требуется отъ обвиняемаго очистительная присяга, какъ по воровству.

Адаты по гражданскимъ искамъ и спорамъ. При разборѣ дѣлъ по искамъ и спорамъ, очистительная присяга всегда требуется съ 6-ю родственниками, кораномъ.

По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ, установлены слѣдующіе адаты:

1) Если причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то сдѣланные имъ невѣстѣ подарки остаются у нея; а если невѣста, то она должна возратить жениху подарки вдвое *).

2) Сверхъ того, тотъ, кто былъ причиною размолвки, платитъ штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

3) Если женихъ откажется отъ брака, потому-что замѣтитъ невѣсту въ развратномъ поведеніи, то бракъ считается несостоявшимся по винѣ невѣсты и съ нея дѣлается взысканіе, определенное въ 1 п. Но обвиненіе свое женихъ долженъ подтвердить присягою хатунъ-талахъ двухъ свидѣтелей, каждаго съ однимъ родственникомъ, или одного свидѣтеля съ 6-ю родственниками.

4) При спорѣ относительно количества подарковъ, требуется присяга хатунъ-талахъ съ тремя родственниками отъ того, черезъ кого подарки посылались, а безъ этого претензія не принимается.

Адаты Цудахарснаго общества.

Предъявленіе претензій. Претензіи по подозрѣнію не допускаются только на кадія и картовъ.

По претензіямъ по подозрѣнію между дальними родственниками двухъ семействъ, состоящихъ въ кровной враждѣ, претендующій присягаетъ въ томъ, что обвиненіе взводится имъ не по враждѣ, съ тремя своими родственниками, по указанію подозреваемаго.

Не допускается раньше года претензія по подозрѣнію обвиненнаго прежде на обвинившаго; взводившій-же прежде претензію по подозрѣнію можетъ и раньше года предъявить новую претензію на того-же.

Претензія по подозрѣнію можетъ быть взведена въ одно

*) Невѣста подарковъ жениху не дѣлаетъ.

время только на одного, а по воровству въ нѣкоторыхъ случаяхъ на двухъ, но не болѣе.

Претензія по подозрѣнію можетъ переходить общимъ адатынымъ порядкомъ на семь человекъ, но по убійству вообще, послѣ очистительной присяги первоначально обвиненныхъ, на другихъ подозрѣніе не допускается.

Присяга. Когда тотъ, кто долженъ присягнуть, женатъ, то всегда присягаетъ хатунъ-талахъ, а если не можетъ, то кораномъ. Давшихъ обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ въ Цудахарскомъ обществѣ нѣтъ.

По претензіямъ на женщинъ допускается или присяга претендующаго, или очистительная присягаотвѣтчика, какъ и по другимъ претензіямъ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга никогда не требуется, а если претендующій, на основаніи адатовъ, не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то для подтвержденія претензіи своей долженъ представить свидѣтелей или другія доказательства.

Свидѣтелей можетъ быть два или одинъ. Въ обоихъ случаяхъ они присягаютъ всегда съ 6-ю своими родственниками.

Свидѣтели должны быть жители той-же деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели не допускаются.

Лица, состоящіе въ первыхъ четырехъ степеняхъ родства съ претендующимъ, въ свидѣтели не принимаются, хотя-бы они и не имѣли участія въ спорномъ дѣлѣ.

Не допускаются въ свидѣтели тургаки и карты, пока состоятъ въ этихъ званіяхъ.

Показаніе кадія безъ присяги считается наравнѣ съ показаніемъ двухъ свидѣтелей за присягою.

По воровству, грабежу и порчѣ, когда претензія за смертію обвиняемаго предъявляется на наследниковъ, свидѣтели къ обвиненію умершаго не принимаются, а требуется отъ наследниковъ и родственниковъ его очистительная присяга.

Число родственниковъ, съ которыми требуется присяга тяжущихся, означено ниже по каждому роду дѣлъ особо. Свидѣтели-же присягаютъ всегда съ шестью родственниками.

Для присяги требуются всегда ближайшіе родственники со стороны отца—мужчины; но при присягѣ съ 40-ка родственниками, только 20-ть должны быть непременно со стороны отца,

въ числѣ-же остальныхъ 20-ти, при недостаткѣ родственниковъ по отцу, могутъ быть и родственники со стороны матери, если она не уроженка другого аула, и даже посторонніе.

Срокъ для представленія отсутствующихъ родственниковъ опредѣляется по обоюдному согласію тяжущихся, но не болѣе 40-ка дней.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ, въ Цудахарскомъ обществѣ тотъ-же, что и въ Микахинскомъ, только съ слѣдующими измѣненіями:

1) если при переходѣ обязанности платить за несостоятельнаго къ одному изъ его родственниковъ, этотъ послѣдній объявитъ, что у родственника, платившаго прежде него, осталось какое-нибудь имущество, то долженъ представить двухъ постороннихъ лицъ, могущихъ подтвердить это безъ присяги, и

2) если имущества всѣхъ родственниковъ окажется недостаточно на пополненіе всѣхъ взысканій, то для платежа остального количества назначаются слѣдующіе родственники—12 со стороны отца и 12 со стороны матери, которые и уплачиваютъ падающее на нихъ взысканіе поровну.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ всегда обвиняется одинъ; но когда нанесено нѣсколько ранъ и умирающій отъ нихъ самъ назоветъ убійцу, а также если убійцы сами сознаются, то можетъ быть обвинено двое, но не болѣе.

Если-же кто, бывши на мѣстѣ убійства (т. е. при совершеніи убійства), не укажетъ убійцу, то самъ признается убійцей.

Если при убійствѣ не было постороннихъ лицъ и виновный самъ не сознается, то тотъ, кого претендующій за кровь обвинить въ этомъ убійствѣ, удалится на 40 дней изъ деревни, а по истеченіи 40 дней отъ него требуется очистительная присяга съ 40 родственниками, и если онъ не очиститъ себя присягою, то признается убійцею.

Если обвиняемый окажется раненымъ или замѣчена будетъ у него кровь на платкѣ или на оружіи, а также если обвиняется односельецъ убитаго и будетъ замѣчено стараніе его вынести изъ дому своего вещи, то очистительная присяга отъ обвиняемаго не требуется, и онъ признается убійцею безъ всякихъ другихъ доказательствъ.

Если убійство произошло въ дракѣ и вообще при участіи нѣсколькихъ лицъ, то претендующій за кровь можетъ по своему

усмотрѣнію обвинить одного изъ участвовавшихъ, и отъ него требуется очистительная присяга.

Если умершій отъ раны самъ указалъ виновнаго, то болѣ никакихъ доказательствъ не требуется и обвиненный умершимъ признается убіицею.

По обвиненіямъ, взводимымъ по одному подозрѣнію, требуется очистительная присяга.

Если обвиненный приметъ очистительную присягу, то обвиненіе въ томъ-же убійствѣ другого не допускается.

Мѣстѣ съ обвиненнымъ считается канлы и все семейство его, живущее въ одномъ съ нимъ домѣ; оно подвергается кровомщенію родственниковъ убитаго наравнѣ съ самимъ убіицею.

Обвиценный въ убійствѣ подвергается слѣдующему наказанію: 1) платитъ алумъ родственникамъ убитаго: два быка или деньгами 16 рублей; три сабы пшеницы, 1 батманъ курдючьяго сала *), 7 кары бязи;

2) домъ его разоряется и садъ вырубливается;

3) лѣсъ изъ дому, деревья изъ сада и все движимое имущество, какое будетъ найдено въ домѣ, обращается въ пользу родственниковъ убитаго **);

4) если у обвиненнаго есть баранта на кутанѣ, то онъ долженъ перевести ее на нѣкоторое время на другой кутанѣ.

За убійство кара къ алуму прибавляется два быка и взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ всего округа 7 котловъ, по 2 рубля каждый.

Если въ убійствѣ обвинены двое, то каждый изъ нихъ подвергается выше опредѣленному взысканію.

За неумышленное убійство дѣлается выше опредѣленное взысканіе, если только претендующіе за кровь убитаго родственники не согласятся простить убіицу. Взысканіе это дѣлается и въ такомъ случаѣ, если-бы умирающій отъ неумышленно нанесенной раны самъ простилъ ранившаго.

За убійство кровнаго врага не дѣлается взысканіе только съ тѣхъ, кто имѣлъ право мстить.

При убійствѣ отцомъ сына, отецъ дѣлается канлы одинъ; если-же убитый сынъ жилъ отдѣльно, то дѣлаются канлы всѣ

*) 1 батманъ=6 фунт.

**) Если обвиненный успѣетъ вынести что-нибудь изъ движимаго имущества изъ своего дома въ другое мѣсто, то такое имущество не берется.

жившіе съ убійцею въ одномъ домѣ. Неотдѣленные сыновья его (братья убитаго) могутъ, если пожелаютъ, сами принять на себя отпущеніе за кровь брата и тогда не дѣлаются канлы.

При убійствѣ родственника, жившаго съ убійцею въ одномъ семействѣ, если у убійцы нѣтъ жены и дѣтей, онъ дѣлается канлы одинъ.

Право вровомщенія принадлежитъ родственникамъ убитаго не далѣе четвертой степени родства.

Кровомщенію подвергается какъ канлы, такъ и все его семейство, живущее въ одномъ домѣ.

Канлы, тотчасъ-же по совершеніи убійства или по смерти раненаго имъ, долженъ удалиться съ семействомъ изъ мѣста жительства и не имѣетъ права возвращаться до примиренія съ родственниками убитаго.

Если канлы, или кто изъ семейства его, замедлитъ выходомъ изъ своей деревни, то съ каждаго промедлившаго взыскивается въ пользу джамаата столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву втеченіи промедленнаго имъ времени.

Канлы и семейство его могутъ поселиться въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ родственниковъ убитаго; но въ отселкахъ своей деревни имъ поселиться не дозволяется.

Канлы не дозволяется ни продать оставшееся въ прежнемъ мѣстѣ жительства его недвижимое имущество, ни пользоваться этимъ имуществомъ до примиренія.

Если канлы, или кто-либо изъ членовъ его семейства, прійдетъ до примиренія въ свою деревню, или отселки оной, и родственники убитаго окружаютъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустятъ, то съ него взыскивается за приходъ въ деревню одинъ быкъ родственникамъ убитаго.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы и его семейство, будетъ содѣйствовать родственникамъ убитаго убить канлы или кого изъ его семейства и убійство будетъ совершено, то содѣйствовавшій дѣлается канлы родственниковъ убитаго при его содѣйствіи, цѣлаго своего джамаата и хозяина дома, гдѣ жилъ канлы; все что останется отъ разоренія его дома получаетъ тотъ, въ чьемъ домѣ жилъ убитый канлы *).

*) Алумъ съ содѣйствовавшаго взыскивается только родственникамъ убитаго канлы.

Если канлы не убитъ, то за содѣйствіе никакого взыска-
нія не опредѣлено.

Когда родственники убитаго согласятся примириться, то канлы платитъ имъ условленную сумму и дѣлаетъ угощеніе; послѣ этого вражда прекращается, и какъ канлы, такъ и семейство его, могутъ возвратиться на прежнее мѣсто жительства.

Если канлы, или кто изъ удаленныхъ съ нимъ членовъ его семейства, умретъ до примиренія, то можетъ быть перевезенъ для погребенія въ свою деревню; но за дозволеніе перевести родственники его обязаны дать родственникамъ убитаго трех-
годоваго бычка.

По смерти канлы (если она послѣдовала не по кровомщенію) семейство его остается въ изгнаніи и сверхъ того ближай-
шій его родственникъ изъ оставшихся на мѣстѣ жительства платитъ родственникамъ убитаго 30 руб., а до уплаты считается канлы.

Если канлы, или одинъ изъ членовъ семейства его, находящагося въ изгнаніи, будетъ убитъ по кровомщенію родственниками убитаго имъ, или по ихъ подкупу, то остальное семейство канлы возвращается на прежнее мѣсто жительства и получаетъ обратно, какъ алумъ, взысканный съ канлы при удаленіи его, такъ и всѣ убытки, причиненные разореніемъ его дома и сада, а равно и взятое родственниками убитаго движимое имущество. Но если кровомщеніе совершено на землѣ, принадлежащей той деревнѣ, съ ея отселками, откуда удаленъ канлы и куда онъ и семейство его не имѣли права приходить, то ни алумъ, ни убытки не возвращаются; семейство-же можетъ возвратиться на родину.

Обвиненный въ убійствѣ самимъ умирающимъ остается канлы до примиренія и въ такомъ случаѣ, если-бы впоследствии открылось, что онъ обвиненъ несправедливо и виновный въ убійствѣ самъ сознался.

Адамъ по пораненію. Взысканіе полагается за всякую рану, требующую лѣченія, а также за всякую рану на головѣ, хотя-бы рана эта и не требовала лѣченія.

Когда при пораненіи не было постороннихъ и ранившій самъ не сознается, то для подтвержденія обвиненія отъ претендующаго требуется присяга съ 6-ю родственниками.

Если пораненіе сдѣлано въ дракѣ и вообще при участіи нѣсколькихъ лицъ то обвиненіе возводится только на одного изъ

участвовавшихъ, по усмотрѣнію раненаго, а если претендующему нанесено нѣсколько ранъ, то на двухъ, но не болѣе. Въ этомъ случаѣ также требуется присяга претендующаго.

Когда одинъ изъ участвовавшихъ въ дракъ самъ сознается въ нанесеніи раны, или одинъ объявить, что всѣ раны нанесены имъ, то обвиненіе другого не допускается.

Когда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками.

Послѣ очистительной присяги обвиненіе на другого уже не допускается.

За нанесеніе раны взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ; раненый-же никакого удовлетворенія не получаетъ.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ, то онъ удовлетворяетъ по шаріату cadaго раненаго, а штрафъ платитъ одинъ.

За неумышленное пораненіе удовлетвореніе дѣлается тоже, какъ и за умышленное, но штрафъ не взыскивается.

За пораненіе канлы или кого-либо изъ его семейства по кровомщенію, не дѣлается никакого взысканія, если пораненіе сдѣлано такимъ родственникомъ убитаго канлы, который имѣлъ право на кровомщеніе; прочіе-же родственники за пораненіе канлы отвѣчаютъ наравнѣ съ посторонними.

При обоюдномъ пораненіи, оба раненые могутъ претендовать другъ на друга за пораненіе, но штрафъ взыскивается полный съ cadaго изъ нихъ, хотя-бы они и не претендовали за пораненіе.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе мужчинѣ побоевъ и раны, за которую не полагается взысканіе, виновный не подвергается никакой отвѣтственности.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, если не она первая начала драку, взыскивается въ пользу джамаата одинъ быкъ.

За нанесеніе побоевъ въ присутствіи кадіа и картовъ, при разборѣ ими дѣлъ, съ виновныхъ взыскивается по одному быку въ пользу джамаата.

За выстрѣлъ въ ссорѣ взыскивается одинъ быкъ въ пользу того, въ кого сдѣланъ выстрѣлъ.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ женщинъ взыскивается:

1) родственникамъ увезенной (адумъ): 3 сабы пшеницы, 1 батманъ курдючьяго сала, 1 палась въ 50 копѣекъ; изъ до-

машней утвари вещей на 3 рубля; сѣна, хлѣба или другихъ продуктовъ на 6 рублей; съ дома снимается крыша, или-же увезшій долженъ заплатить родственникамъ увезенной еще 2 рубля;

2) штрафъ: за увозъ замужней женщины, въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ всего округа 7 котловъ, по 2 рубля каждый; за увозъ незамужней женщины: если она укрыта въ той-же деревнѣ—въ пользу джамаата одинъ быкъ; если она увезена изъ деревни въ отселки своей деревни—въ пользу джамаата одинъ быкъ и въ пользу тургаковъ 7 котловъ; если она увезена въ другую деревню—въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ 7 котловъ.

Если женщина увезена въ другое общество, то увезшій дѣлается канлы родственниковъ увезенной и подвергается преслѣдованію, какъ и канлы по убійству, но удалится изъ деревни одинъ, безъ семейства.

Увезшій замужнюю женщину, если и примирится съ мужемъ увезенной, то остается канлы родственниковъ ея.

Если увозъ женщины сдѣланъ по ея согласію, то и съ нея взыскивается штрафъ въ пользу джамаата два быка.

Увезенную въ другую деревню женщину мужъ или родственники не могутъ возвратитъ, хотя-бы она была увезена насильно.

Если увезшій укроется въ своей деревнѣ, въ чужомъ домѣ, и потомъ хозяинъ дома дозволитъ ему уйти съ увезенною въ другую деревню, то съ хозяина взыскивается штрафъ одинъ быкъ, въ пользу джамаата.

Если увозъ сдѣланъ насильно и при содѣйствіи другихъ, то одинъ изъ содѣйствовавшихъ, по выбору родственниковъ увезенной, подвергается тому-же взысканію, какое опредѣлено за увозъ, но канлы не дѣлается. Прочіе-же содѣйствовавшіе никакому взысканію не подвергаются.

Адаты по изнасилованію женщинъ. Претензіи по изнасилованію принимаются безъ всякихъ доказательствъ, по одному показанію изнасилованной.

Претензія по одному показанію принимается и въ томъ случаѣ, когда женщина извѣстна своимъ развратнымъ поведеніемъ.

За изнасилованіе полагается тоже взысканіе, какъ и за увозъ.

Штрафъ взыскивается: за изнасилованіе незамужней женщины—одинъ быкъ въ пользу джамаата; за изнасилованіе замуж-

ней женщины—въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ 7 котловъ, по 2 рубля каждый.

Если незамужняя женщина изнасилована своимъ односельцемъ, но въ другой деревнѣ, то штрафъ взыскивается, какъ за изнасилованіе замужней женщины.

Если изнасилованіе сдѣлано на мельницѣ, то, кромѣ алума изнасилованной, берется съ изнасиловавшаго въ пользу хозяина мельницы одинъ быкъ въ 4 рубля.

Содѣйствовавшій изнасилованію подвергается тому-же взысканію, какъ изнасиловавшій, но каны не дѣлается, и если изнасилованію содѣйствовало иъсколько человекъ, то обвиняется изъ нихъ одинъ.

За намѣреніе изнасиловать и даже за прикосновеніе къ женщинѣ опредѣляется тоже взысканіе, какъ и за изнасилованіе.

Если женщина изнасилована односельцемъ своимъ въ чужой деревнѣ и послѣ изнасилованія задержана изнасиловавшимъ, то послѣдній дѣлается каны родственникамъ изнасилованной, какъ и по увозу.

Адаты по разврату. Основаніями къ обвиненію въ прелюбодѣйной связи мужчины съ женщиною, служатъ: 1) сознаніе самой женщины и 2) обнаруженіе кѣмъ-либо связи ихъ на мѣстѣ.

Мужчина за прелюбодѣйную связь съ женщиною подвергается тому-же взысканію, какъ за увозъ и изнасилованіе.

Штрафъ взыскивается: 1) за связь съ замужнею женщиною—въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ семь котловъ, по 2 рубля каждый; 2) за связь съ незамужнею женщиною—одинъ быкъ въ пользу джамаата; но если въ связи обвинены мужчина и незамужняя женщина, находящіеся въ своей деревнѣ, то штрафъ взыскивается какъ за связь съ замужней женщиною.

Если въ связи обвинены мужчина и женщина, находящіеся въ чужой деревнѣ, то мужчина дѣлается каны, какъ и по увозу.

Съ женщины взыскивается штрафъ въ пользу джамаата два быка, но только въ такомъ случаѣ, если, по обнаруженіи связи ея съ мужчиною, она бѣжала съ нимъ.

По мужеложству съ насиліемъ обвиненіе и взысканіе дѣлаются какъ и по изнасилованію незамужней женщины въ своей деревнѣ, и сверхъ того взыскивается въ пользу тургаковъ всего округа семь котловъ, по 2 руб. каждый *).

*) Случаевъ мужеложства по обоюдному согласію не было.

За скотоложство взыскивается только съ совершеннолѣтнего (15 лѣтъ) одинъ быкъ въ пользу картовъ.

Для доказательства жалобы по скотоложству требуется присяга хозяина съ 6-ю родственниками; очистительная присяга не допускается.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамаль-кагаза; этотъ-же послѣдній выдается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь приобрѣтена изъ другой деревни, или если уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Когда тотъ, у кого опознана вещь или у кого она находилась прежде, укажетъ, что она досталась ему отъ односельца его, а этотъ односелецъ покажетъ, что вещи этой у него не было и онъ ее не передавалъ, то отъ указывающаго требуются свидѣтели; если-же свидѣтелей нѣтъ, то отъ того, на кого онъ указываетъ, требуется очистительная присяга съ 6-ю родственниками, въ томъ, что опознанной вещи у него не было и онъ ее не передавалъ.

Когда изъ уворованныхъ вещей ничего не найдено и никакихъ уликъ къ обвиненію не открыто, то допускается претензія по подозрѣнію.

Когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то обвиненіе можетъ быть введено въ одно время только на одного; если-же по количеству уворованныхъ вещей можно заключать, что воровство не могло быть сдѣлано однимъ лицомъ, а также если уворовано больше одной скотины, то подозрѣніе можетъ быть объявлено въ одно время на двоихъ, но не болѣе.

При предъявленіи претензіи по подозрѣнію, относительно присяги соблюдается слѣдующее: 1) когда подозрѣніе введено на того, кто и прежде былъ подвергаемъ взысканію за воровство, то претендующій присягаетъ одинъ, безъ родственниковъ, или требуетъ очистительную присягу отъ подозрѣваемаго, съ родственниками его.

2) Когда претензія по подозрѣнію вводится на того, кто прежде никогда не былъ обвиненъ въ воровствѣ, то присяга претендующаго не допускается, а требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, съ его родственниками.

3) Но если претендующій не согласится допустить обвиняемаго очистить себя присягою, то карты выбираютъ изъ общества 3-хъ человекъ, которымъ предлагается, чтобы они очистили присягою обвиняемаго, и если изъ нихъ хотя двое присягнуть за обвиняемаго, то присяга претендующаго уже не допускается, а принимаетъ очистительную присягу обвиняемый, съ родственниками.

4) Послѣ этой присяги подозрѣніе на другого уже не допускается.

5) Если-же изъ 3-хъ выбранныхъ картами двое откажутся присягнуть, то только тогда допускается присяга претендующаго съ родственниками.

6) По обоюдному согласію претендующаго и обвиняемаго, претендующій можетъ присягнуть одинъ, безъ родственниковъ, но тогда получаетъ меньшее удовлетвореніе *).

7) Если претендующій за воровство прежде самъ подвергался взысканію за воровство-же, а подозрѣніе взводитъ на того, кто прежде въ воровствѣ никогда не былъ обвиняемъ, то всегда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, который присягаетъ одинъ, безъ родственниковъ, а присяга претендующаго и выбранныхъ картами лицъ не допускается.

Когда присяга претендующаго, или отвѣтчика, должна быть съ родственниками, то требуется слѣдующее число родственниковъ:

по воровству лошади и катера, а также по воровству вещей изъ сакли.....	12
во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.....	6.

Когда претензія по воровству предъявлена на одомана, то онъ, если не пожелаетъ очистить присягою всѣхъ пастуховъ стада отъ взводимаго на нихъ обвиненія, можетъ предоставить претендующему обвинить одного изъ пастуховъ, самъ-же отвѣчаетъ только за воровство, учиненное имъ самимъ.

Цѣнность уворованнаго претендующій упоминаетъ въ принимаемой имъ присягѣ; если-же требуется присяга отъ отвѣтчика, то претендующій, прежде этой присяги, объявляетъ о цѣнѣ уворованнаго, безъ присяги.

Если-же у претендующаго уворована чужая вещь, за кото-

*) См. ниже.

рюю онъ долженъ удовлетворить хозяина оной, то о цѣнѣ такой вещи присягаетъ хозяинъ ея съ 6-ю родственниками.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Если обвиненіе сдѣлано по какимъ-либо доказательствамъ или по отказу обвиняемаго отъ очистительной присяги, то уворованное возвращается вдесятеро.

2) Если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то уворованное возвращается вдвое.

3) Если претендующій, по обоюдному согласію съ отви́чикомъ, присягалъ одинъ, то съ обвиненнаго взыскивается только стоимость уворованнаго.

4) Если цѣнность уворованнаго менѣе рубль, то, кромѣ удовлетворенія по цѣнѣ, никакого взысканія не полагается.

5) Рушпеть взыскивается на основаніи общаго адата.

Штрафъ берется: если взысканіе дѣлается на основаніи вышеприведеннаго 1 п., то въ пользу джамаата 1 быкъ и въ пользу тургаковъ всего округа семь котловъ, по 2 руб. каждый; если взысканіе дѣлается на основаніи 2-го п., то только въ пользу джамаата 4 руб. 80 коп.

За воровство изъ мечети штрафъ берется вдвое, уворованное взыскивается вдесятеро, обвиненный дѣлается канлы всего джамаата, какъ и за убійство, и удаляется изъ деревни.

Если обвиненіе взведено по одному подозрѣнію, то подозрѣваемый удалится на 40 дней изъ деревни, а по истеченіи этого времени отъ него требуется очистительная присяга съ 40-ка родственниковъ, и если онъ не присягнетъ, то подвергается взысканію, опредѣленному выше.

За воровство съ мельницы, пашни, гумна и за воровство хлѣба въ колосьяхъ, штрафъ взыскивается вдвое.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на мѣстѣ, то съ него взыскивается: въ пользу джамаата 1 быкъ, въ пользу тургаковъ всего округа семь котловъ, по 2 руб. каждый, и пойманшему одинъ быкъ.

Если воръ не пойманъ, но оставилъ свою вещь, по которой и открытъ, то съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 4 руб. 80 коп. и въ пользу тургаковъ семь котловъ, по 2 руб.

Обвиняемый въ покушеніи на воровство, если онъ не пойманъ и не оставилъ своей вещи, долженъ очистить себя при

сягою съ 6-ю родственниками; если-же онъ не присягнетъ, то съ него взыскивается одинъ быкъ въ пользу картовъ.

За взломъ при воровствѣ взыскивается въ пользу хозяина 4 руб. 80 коп., но съ обвиняемаго присягою претендующаго по одному подозрѣнію взысканіе это не дѣлается.

За укрывательство вора и сокрытіе уворованныхъ вещей, съ виновнаго взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство; но если тотъ, у кого скрывались вещи, приметъ присягу, что онъ не зналъ, что вещи тѣ уворованныя, то съ него никакого взысканія не дѣлается.

Когда хозяинъ уворованнаго найдетъ вора, но, не объявивъ объ этомъ, получить съ него удовлетвореніе по обоюдному согласію, то онъ лишается права претендовать по этому воровству, а съ вора взыскивается штрафъ, опредѣленный за доказанное воровство.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу требуется присяга претендующаго съ 6-ю родственниками.

Когда потребована очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ также присягаетъ съ 6-ю родственниками.

Оцѣнка убытковъ дѣлается, какъ по воровству.

Обвиненный въ поджогъ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества, если вина доказана, вдеситеро; если-же обвиненіе сдѣлано по подозрѣнію, вдвое.

Сверхъ того, за умышленный поджогъ взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

Хозяинъ дома, въ которомъ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за всѣ убытки, причиненные пожаромъ сосѣдямъ.

Хозяинъ дома отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи, если причина пожара не зависѣла отъ хозяина и поджогъ сдѣланъ другимъ; если-же пожаръ произошелъ по неосторожности того, у кого были чужія вещи, или членовъ его семейства, то дѣло разбирается по шаріату.

Адаты по порчѣ чужого имущества. Если порча имущества сдѣлана тайно, то доказательства обвиненія требуются какъ и по поджогамъ.

О цѣнѣ порчи претендующій упоминаетъ въ своей присягѣ; если-же виновный самъ сознался, то порча оцѣнивается двумя посторонними, безъ присяги.

Обвиненный въ порчѣ удовлетворяетъ хозяина по цѣнѣ, и

сверхъ того, за умышленную порчу взыскивается штрафъ въ пользу картовъ 4 руб. 80 коп.

За порчу на мельницѣ взыскивается убытокъ вдесятеро и, сверхъ общаго штрафа, еще въ пользу тургаковъ всего округа четырнадцать котловъ, по 2 руб.; но если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то дѣлается обыкновенное взысканіе.

Если кто ранитъ или инымъ образомъ испортитъ чужую скотину, или обрѣжетъ у лошади хвостъ или гриву, то испорченная скотина возвращается испортившему, а на мѣсто ея хозяинъ получаетъ насчетъ виновнаго другую, по выбору. Сверхъ того, съ виновнаго взыскивается штрафъ за порчу*).

За поправу поствовъ, покосовъ и пастбищъ опредѣляется тоже взысканіе, какъ и за порчу, а за выпускъ на эти мѣста скотины, если поправы не сдѣлано, взыскивается только штрафъ.

Для предупрежденія поправъ, не дозволяется держать въ деревнѣ барановъ болѣе двухъ штукъ въ каждомъ дворѣ; если же у кого окажется болѣе этого, то тургаки имѣютъ право зарѣзать ихъ.

За рубку чужими лицами для своей надобности лѣса, принадлежащаго мечети, взыскивается въ пользу джамаата: если нарублено не болѣе значающаго выюка—1 рубль, если болѣе—одинъ быкъ.

Адаты по потерямъ и находкамъ. При предъявленіи объ утайкѣ найденной вещи требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго; но если утеряна скотина, то допускается и присяга претендующаго. Какъ претендующій, такъ и отвѣтчикъ, присягаютъ: за лошадь съ 12-ю родственниками, а въ остальныхъ случаяхъ—съ 6-ю родственниками.

Адаты по спорамъ и искамъ. Очистительная присяга всегда требуется съ шестью родственниками.

По спорамъ между женихомъ и невестою относительно подарковъ, никакія доказательства о количествѣ подарковъ не требуются, такъ-какъ обычаемъ установлено, какіе должны дѣлать подарки другъ другу вступающіе въ бракъ, и сверхъ того, что установлено этимъ обычаемъ, никакихъ подарковъ не дѣлается.

Если послѣ помолвки бракъ почему-либо не состоится, то женихъ и невеста получаютъ обратно сдѣланные ими другъ другу подарки.

*) Если обрѣзанъ хвостъ у другой скотины, кромѣ лошади, и при этомъ не порѣзана кожа, то никакого взысканія не дѣлается.

В) Адаты, установленные на нѣкоторые случаи между жителями Даргинскаго округа и сосѣднихъ съ нимъ частей Дагестана.

Предъявленіе претензій. По претензіямъ между жителями Цудахарскаго общества и жителями Казивумухскаго округа, одоманъ (старшій пастухъ) отвѣчаетъ только за поправы; за воровство-же, учиненное кѣмъ-либо изъ пастуховъ, онъ не отвѣчаетъ.

Претензіи по одному подозрѣнію не допускаются на шамхала, хановъ, уцмиевъ и бековъ, происходящихъ отъ бывшихъ въ Дагестанѣ владѣтельныхъ фамилій, а также претензіи этихъ лицъ на жителей Даргинскихъ обществъ.

Присяга. Евреи допускаются къ присягѣ только по взводимымъ ими претензіямъ, когда требуется доказать цѣну исва; въ остальныхъ случаяхъ, ни по своимъ дѣламъ, ни по взводимымъ на нихъ претензіямъ, евреи къ присягѣ не допускаются и въ свидѣтели не принимаются.

Относительно присяги претендующаго и отвѣтчика установлены слѣдующія отступленія отъ общихъ даргинскихъ адатовъ:

1) По дѣламъ даргинцевъ со всеми жителями Кайтаго-Табасаранскаго округа, кромѣ сел. Мюрага, присяга претендующаго допускается только по убійству, пораненію и грабежу, а по остальнымъ дѣламъ требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго.

2) По дѣламъ даргинцевъ съ жителями Казикумухскаго округа, присяга претендующаго никогда не допускается, а всегда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго.

3) По дѣламъ жителей Урахлинскаго общества съ жителями Мехтулинскаго ханства и Шамхальства Тарковскаго *), присяга претендующаго допускается только по убійству, пораненію и грабежу.

4) По дѣламъ жителей Спргинскаго общества со всеми сосѣдними частями Дагестана, присяга претендующаго никогда не допускается **).

*) Нынѣ Т.-Х.-Шуринскій округъ.

**) Въ 1862 году, по взведенному жителями сел. Согратль (Андалалскаго общества, Гунибскаго округа) на жителя сел. Худи (Цудахарскаго общества, Даргинскаго округа) по подозрѣнію въ убійствѣ родственника, возникъ вопросъ, кому должна быть предоставлена въ этомъ дѣлѣ присяга: претендующимъ.

Когда отъ обвиняемаго требуется присяга съ 40-ка родственниками, но у него нѣтъ этого числа родственниковъ со стороны отца, то отъ претендующаго зависитъ: или допустить къ присягѣ родственниковъ со стороны матери, или потребовать, чтобы изъ родственниковъ со стороны отца присягнули въ другой разъ столько человѣкъ, сколько не доставеть до 40-ка.

Удовлетвореніе претензій. На удовлетвореніе претензій и взысканій берется все имущество отвѣтчика и его семейства; но родственники его и отдѣленные сыновья платить за него не обязаны.

Убийство. Въ убійствѣ всегда обвиняется одинъ; если же убитому нанесено нѣсколько ранъ, то можетъ быть обвинено двое, но только тогда, когда оба убійцы сами сознаются, или же уважатся посторонними лицами, бывшими при убійствѣ.

При убійствѣ въ столкновеніи, при участіи нѣсколькихъ лицъ, если убитому нанесено нѣсколько ранъ, и одинъ изъ убійцъ самъ сознается, то претендующій можетъ взвести обвиненіе еще на одного изъ участвовавшихъ и обвиненіе свое подтвердить присягою; если же присяга претендующаго не можетъ быть допущена, то онъ можетъ требовать отъ всѣхъ участвовавшихъ очистительную присягу съ 40-ка родственниками, хатунъ-талахъ.

Если сознавшійся въ убійствѣ объявитъ, что всѣ раны нанесены имъ, то и въ такомъ случаѣ претендующій можетъ потребовать очистительную присягу отъ прочихъ участвовавшихъ.

По претензіямъ съ жителями Казикумухскаго и Гунпбскаго округовъ, убійство никогда не считается *кара*; съ шамхальцами же, мехтулинцами и кайтаго-табасаранцами, въ отношеніи

ли за кровь убитаго родственникамъ его, или же подозрѣваемому? Такъ-какъ до того времени между этими обществами не было подобнаго случая, и потому адата не существовало, то для постановленія новаго адата вызваны были свѣдущіе люди отъ обоихъ обществъ. Но вслѣдствіе происшедшаго между ними разногласія, претензія сопратинцевъ на хулинца передана была на обсужденіе и рѣшеніе Дагестанскаго народнаго суда, съ тѣмъ чтобы рѣшеніе этого суда было принято Андалалскимъ и Цудахарскимъ обществами въ адатъ на будущее время въ соответствующихъ случаяхъ. Народный судъ, рѣшеніемъ, состоявшимся въ 17 день октября 1864 года, постановилъ: присягу, согласно существующему въ Цудахарскомъ обществѣ адату, предоставить обвиняемому съ 40-ка его родственниками, съ тѣмъ что если впоследствии будутъ найдены какіе-нибудь факты и доказательства, избличающіе виновнаго въ дѣлѣ, то приговоръ, основанный на присягѣ, можетъ подлежать отиѣвѣ.

признавія убійства за кара, прамѣняются адаты того общества, въ которому принадлежитъ убитый.

Штрафъ въ пользу тургаковъ (букъ) за убійство никогда не берется.

Если канлы умереть до примиренія, то опредѣленные об- щимъ даргинскимъ адатомъ на такой случай 13 рублей не пла- тятся.

Пораненіе. По пораненію, если виновные сами не созна- ются и постороннія лица, бывшія при пораненіи, не укажутъ, кѣмъ нанесены раны, то обвиняется всегда только одинъ.

При пораненіи въ столкновеніи, при участіи нѣсколькихъ лицъ, обвиненіе допускается, какъ и по убійству.

За пораненіе даргинцемъ шамхальца, мехтулинца или кайта- го-табасаранца, а также и этими даргинца, взыскивается въ пользу раненаго 3 руб., рана лѣчится на счетъ виновнаго и бо- лѣе никакого удовлетворенія, ни по адату, ни по шаріату, ране- ный не получаетъ. Претензіи по пораненію даргинцевъ съ кази- вумухцами и андалалцами удовлетворяются только по шаріату.

Ссоры и драки. За выстрѣлъ, которымъ никакого вреда не причинено, взысканіе не дѣлается.

Увозъ женщинъ. За увозъ женщинъ взысканіе адатомъ не опредѣлено и удовлетвореніе дѣлается по обоюдному согласію увезшаго и родственниковъ увезенной. Только между даргинца- ми и кайтаго-табасаранцами, за насильственный увозъ женщинъ, опредѣлено взыскивать алумъ, положенный по общему даргинско- му адату за убійство.

Изнасилованіе женщинъ. По претензіямъ объ изнасилованіи женщины, требуется отъ обвиняемаго очистительная присяга съ 40-ка родственниками, кораномъ. По дѣламъ съ кайтаго-табаса- ранцами, вмѣсто этой присяги, допускаются очистительная при- сяга съ 12 родственниками, хатунъ-талахъ, или же свидѣтели.

За изнасилованіе женщины полагается взысканіе: по пре- тензіямъ съ шамхальцами и мехтулинцами—три платья изъ си- ней бязи и сверхъ того изнасилованной дѣлается угощеніе съ 40-ка родственниками; по претензіямъ съ казиковухцами—по- ловина алума, опредѣленнаго по общему даргинскому адату за убійство.

Между микахинцами и шамхальцами положено изнасилован- ной давать одну овцу съ барашкомъ.

Связь съ женщиною. По связи мужчины и женщины, между

даргинцами и кайтаго-табасаранцами положено обвинение считать не требующимъ никакихъ доказательствъ, когда мужчину и женщину застанутъ наединѣ въ домѣ, если только мужчина, пришедшій къ женщинѣ, не кунакъ ея.

За связь съ женщиною, между даргинцами и кайтаго-табасаранцами положено взыскивать алумъ, какъ за убійство.

Воровство. Обыскъ дома между даргинцами и казикумухцами не допускается.

Уворованная вещь возвращается въ такомъ видѣ, какъ она найдена, хотя-бы она была и испорчена; но уворованная скотина возвращается съ доплатою противъ прежней цѣны и съ определеннымъ рупшетомъ; если-же уворованное не найдено, то удовлетворение дѣлается по цѣнѣ, объявленной претендующимъ за присягою съ двумя родственниками, кораномъ.

Между даргинцами и казикумухцами положено, за уворованную кобылицу, если она не возвращается, платить не по цѣнѣ, а всегда 20 рублей.

Порча чужого имущества. Если кто обрѣжетъ хвостъ у чужой лошади или-же инымъ образомъ испортитъ лошадь или другую скотину, то испорченная скотина отдается испортившему, а съ него взыскивается такой-же цѣны скотина.

За поправу удовлетворение дѣлается по цѣнѣ убытковъ, но штрафъ не берется.

Примѣчанія.

1) Напечатанный выше сборникъ даргинскихъ адатовъ составленъ въ 1865-мъ году Даргинскимъ Окружнымъ Управленіемъ. Редакція „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, печатавъ эти адаты, позволила себѣ сдѣлать нѣкоторыя отступленія отъ первоначальной формы ихъ изложенія, касающіяся, впрочемъ, нумераціи параграфовъ, оглавленія отдѣловъ и исключенія нѣкоторыхъ повтореній.

2) Каждое изъ Даргинскихъ обществъ управлялось въ прежнее время своимъ кадѣмъ, а съ 1867 года эти общества, вошедши въ составъ Даргинскаго округа, образовали шесть наибствъ, для управления коими назначены наибы, на основаніи общаго положенія для всей Дагестанской области. Въ обществахъ Акушинскомъ, Цудахарскомъ и Сиргинскомъ званіе кадїа было наследственнымъ, въ остальныхъ-же кадїи избирались народомъ на опредѣленный срокъ.

3) Примѣненіе въ полной мѣрѣ всѣхъ изложенныхъ адатныхъ постановленій имѣло мѣсто только въ прежнее время, до образованія Даргинскаго Окружнаго Управленія. Само собою разумѣется, это такія адатныя постановленія, какъ, напр., сожиганіе или разореніе дома отвѣтника, въ настоящее время не могутъ уже имѣть примѣненія.

4) Для болѣе систематическаго ознакомленія съ адатами Даргинскихъ обществъ, какъ равно и съ адатами жителей прочихъ частей Дагестана, мы отсылаемъ читателей къ статьѣ г. Комарова: „Адаты и судопроизводство по нимъ“, помѣщенной въ первомъ выпускѣ нашего „Сборника“. Въ этой-же статьѣ находятся и объясненія нѣкоторыхъ мѣстныхъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ даргинскихъ адатовъ.

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

ИЗЪ ОСЕТИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЙ.

НАРТОВСКІЯ СКАЗАНІЯ *).

I.

Вариантъ о Сосрыко.

Выпалъ однажды глубокой, преглубокой снѣгъ у Нартовъ, такъ-что никто изъ нихъ не могъ выйти выгнать скотину. Сосрыко, однако, проложилъ дорогу и сталъ кливать: «Эй, Нарты! Если кто изъ васъ еще живъ и хочетъ выгнать скотину на пасьбу, пусть выгоняетъ!»—«Да умножатся дни жизни твоей, Сосрыко!» благодарили Нарты и стали отовсюду гнать къ нему скотину. Собравши скотину, Сосрыко погналъ ее на пасьбу къ самому берегу Чернаго моря. Въ морѣ у берега былъ большой камень. На камень этомъ были ступеньки. Сосрыко взобрался по нимъ на камень, посмотрѣлъ оттуда въ подзорную трубу и увидѣлъ вдали, подъ большими скалами, приближавшагося къ нему, огромнаго роста, челоуѣка. Ъхалъ онъ прямо на него.

— «Ну, это непростой всадникъ», сказалъ съ нѣкоторой боязнью про себя Сосрыко. И въ самомъ дѣлѣ, это былъ непростой всадникъ, а *Трхы-фиртз* **) *Мукара*. Подѣхавъ близко къ Сосрыко, онъ привѣтствовалъ его: «Добрый день тебѣ, добрый мужъ! да умножится стадо твое!»—«Да будетъ тебѣ милость

*) См. «Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ», вып. V.

**) *Трхъ* (тыхъ)—сила. *Фиртз*—сынъ. Отсюда *трхы-фиртз*—сынъ силы, сильчъ.

божья!» отвѣтил Сосрыко.—«Ты, добрый мужъ, выглядишь Нартовцемъ?»—«Да, я Нартовецъ», былъ отвѣтъ Сосрыко.—«Такъ ты долженъ знать Нартовскихъ знаменитостей». —«Знаю, какъ не-знать. Знаменитѣ всѣхъ прежде всего Урызмагъ, потомъ Хамицъ, потомъ Сосланъ и затѣмъ Батразъ», перечислилъ Сосрыко Нартовскихъ мужей, за исключеніемъ себя.—«Но ты самого знаменитаго не упомянулъ,—какъ же ты не упомянулъ Сосрыко?! Онъ считается знаменитѣ всѣхъ». —«Да, и онъ знаменитъ», отвѣтилъ едва слышно Сосрыко. О себѣ ему не хотѣлось отзываться съ похвалою. —«Значитъ, ты долженъ знать, какъ у васъ играютъ». —«Да; знаю, какъ играютъ у насъ». —«Ну, такъ слѣзай съ камня и покажи, какъ играютъ у васъ». Нехотя слѣзъ Сосрыко съ камня, горюя въ душѣ, что этотъ здоровякъ не оставитъ его, не причинивши какой-либо бѣды. «А вотъ какъ у насъ играютъ: я помѣчу себѣ на груди, стану поодаль, а ты долженъ попасть мнѣ въ помѣченное мѣсто на груди стрѣлой; если я выдержу—это значитъ хорошо; или ты станешь, а я буду стрѣлять», сказалъ Сосрыко.—«Хорошо: стрѣлай ты, а я стану», сказалъ Мукара и сталъ поодаль, обнаживши грудь. Сосрыко порадовался, конечно, что избавится отъ безумнаго страшилища.пустилъ онъ ему въ грудь одну стрѣлу, другую, третью, четвертую и много еще другихъ, но ни одна не брала изъ нихъ, хотя онъ попадалъ въ помѣченное мѣсто: стрѣлы ломались и отскакивали назадъ.—«Нѣтъ, плохая, пустая игра эта!» воскликнулъ Мукара: «покажи что-нибудь другое». —«Покажу: есть у насъ еще другія игры», сказалъ Сосрыко, измышляя средство вѣрнѣе избавиться отъ него. «Есть у насъ еще слѣдующія игры: я стану вотъ подъ этой скалой и подставляю тебѣ свой лобъ, а ты ступай наверхъ, и попади мнѣ камнемъ въ лобъ; если выдержу—хорошо; а то ты подставь свой лобъ, я буду попадать въ него камнемъ», сказалъ Сосрыко.—«Хорошо, иди попадай ты», пригласилъ Мукара Сосрыко и подставилъ лобъ. А Сосрыко только этого и желалъ. Взобрался онъ на скалу и сбросилъ ему на лобъ величиною вотъ съ этотъ домъ камень. Ударившись о лобъ, рассыпался камень по сторонамъ мелкимъ пескомъ. «И это пустая игра!» злобно усмѣхнулся Мукара. «Покажи что-нибудь еще». Сосрыко отчаявался уже въ душѣ, что не можетъ найти средства избавиться отъ страшилища.—«Еще есть у насъ игры: вотъ стань въ море; когда оно замерзнетъ отъ верху до низу, то повернись въ немъ и разбей ледъ,—это—хорошая игра; если сможешь,—ты богатырь», сказалъ Сосрыко. Мукара полѣзъ въ воду. Сосрыко-же, снявъ

шапку, взмолился Богу: «О Боже боговъ *)! если ты создалъ меня на что-нибудь, пошли такой морозъ, чтобы это море отъ верху и до низу покрылось сплошнымъ льдомъ!» Такъ-какъ Богъ ни въ чемъ не отказывалъ Нартамъ, то и молитва Сосрыко была услышана, и онъ послалъ такой морозъ, что море замерзло отъ верху до низу. Попытался Мукара повернуться, но гдѣ-же ему взломать сплошной морской ледъ!—«Что-же мнѣ теперь дѣлать съ тобой?» спросилъ Сосрыко.—«Надулъ ты меня, Нартовецъ! Ты хочешь убить меня; но своимъ оружіемъ тебѣ не убить меня, поэтому ступай къ моей женѣ, въ *галуанъ* **) мой,—вонъ, видишь, она смотритъ на насъ,—и возьми въ *хадзаръ* ***) булатный кинжалъ мой въ шерстяномъ чехлѣ: этимъ только кинжаломъ ты убьешь меня». Попробовалъ-было Сосрыко своимъ кинжаломъ снять ему голову, но кинжалъ не бралъ. Онъ отправился въ галуанъ Мукара; Мукара былъ князь скалъ. На дорогѣ встрѣтился онъ съ одиночной ****). Одиночная посоветовала ему войти въ хадзаръ Мукара, не говоря ни единого слова. «Въ противномъ случаѣ, если скажешь что-нибудь, кинжалъ соскочитъ съ гвоздя и вонзится тебѣ въ грудь», предупредила одиночная. Онъ поблагодарилъ ее за совѣтъ. Пришедши въ галуанъ, онъ вошелъ молча въ хадзаръ, взялъ кинжалъ и возвратился къ Мукара.

— «Провелъ меня, Нартовецъ!» воскликнулъ съ досады Мукара, когда увидѣлъ, что кинжалъ былъ въ рукѣ Сосрыко и не причинилъ ему никакого вреда. Сосрыко снялъ голову Мукара. Затѣмъ отправился въ его галуанъ, взялъ красавицу жену его и все его имущество. Пріѣхавши домой, онъ кликнулъ: «Эй, Нарты! Идите каждый къ своей скотинѣ, и если у кого что пропало, пусть заявитъ, я могу заплатить!» Вышли Нарты и загнали каждый свою скотину. Сосрыко пригналъ добычу и привелъ жену Мукара къ Сатанѣ, которая много радовалась подви-

*) Обращеніе къ Богу, въ высшей степени ярко характеризующее религиозныя представленія осетинъ.

**) *Галуанъ*—это усадьба въ видѣ крѣпости, съ башнею; такъ строили осетины свои усадьбы въ горахъ, чтобы онѣ могли служить оплотомъ противъ нападений.

***) *Хадзаръ*—это помѣщеніе, комната, соответствующая кухнѣ у еврейцевъ и служащая иногда пріемною у осетинъ.

****) *Кулдадаг-ус*—собственно значитъ одиночная вдова. Въ сказаніяхъ осетинъ этихъ вдовъ рисуютъ обыкновенно или злыми колдуньями, или вѣдуньями, вѣщими женщинами, предсказывающими тайны будущаго.

гамъ своего нерожденного сына. Справила она много *чиндз-ах-савовъ*^{*)}, гдѣ Нарты, по обыкновенію, много веселились.

Еще вариантъ о Сосрыко.

Однажды Сосрыко отправился изъ дому куда-то на семь лѣтъ; ни одинъ изъ Нартовъ не узналъ объ этомъ. «Пропалъ Сосрыко!» сказали Нарты. «Онъ былъ единственнымъ славнымъ мужемъ между нами, единственнымъ весельчакомъ, приводившимъ насъ въ живость, заставлявшимъ забывать насъ тяжелые часы жизни!» И не на шутку стали горевать Нарты: перестали веселиться, пѣть пѣсни, танцовать или играть на скрипкѣ. Вышелъ къ нимъ однажды Сырдонъ и спросилъ съ усмѣшкой: «Что вы, Нарты, горюете: перестали веселиться, словно кого оплакиваете?! — Эга собака все причааетъ съ своимъ весельемъ, когда намъ не до веселья: пропалъ у насъ мужъ, котораго не стоили всѣ Нарты; а онъ намъ говорить, чтобы мы веселились!» отвѣтили обиженные Нарты.

— «Подождите немного, ваши дома увидятъ, какъ онъ пропалъ»^{**)}! сказалъ имъ Сырдонъ. Сосрыко, между-тѣмъ, отправившись изъ дому на семь лѣтъ, нанялся гдѣ-то къ одному армянину. По прошествіи семи лѣтъ, онъ сталъ уходить отъ армянина. «Ухоишь, мой добрый малый?» спросилъ армянинъ Сосрыко. (Армянинъ этотъ впродолженіи семи лѣтъ не узналъ, что къ нему нанялся Сосрыко Нартовскій). «Ухожу», отвѣтилъ Сосрыко. Армянинъ между-тѣмъ собрался ѣхать въ одно мѣсто, гдѣ играли въ альчики. Онъ взялъ три альчика и отправился. Съ нимъ отправился также смотрѣть, какъ армянинъ будетъ играть, Сосрыко. Сталъ армянинъ играть и обѣигралъ всѣхъ; его-же никто не могъ обѣиграть. Альчики были какіе-то особенные, не простые. Сосрыко смотрѣлъ, какъ армянинъ обѣигралъ всѣхъ, и много дивился чуднымъ альчикамъ.

*) *Чиндз-ахсавъ* — невѣстина ночь. Такъ называется вечерній пиръ, устраиваемый обыкновенно осетинами на третью ночь по взятіи невѣсты въ домъ жениха, по случаю представленія невѣсты къ домашнему очагу жениха.

**) «*Ваши дома увидятъ, какъ онъ пропалъ*». Здѣсь заключается угроза въ такомъ смыслѣ, что Сосрыко возвратится и причинитъ каждому изъ нихъ, Нартовъ, такую бѣду, которая отзовется на домъ cadaго изъ нихъ. Эта аллегорія весьма употребительна въ обыкновенномъ языкѣ осетинъ.

Вернулся армянинъ домой съ Сосрыко. «Семь лѣтъ я служилъ у тебя», обратился Сосрыко къ армянину, и ты впродолженіи этихъ семи лѣтъ не могъ узнать, кто я такой,—знай-же: я Сосрыко Нартовскій. Желаю тебѣ, чтобы семилѣтняя служба моя пошла тебѣ на пользу. Я прошу у тебя теперь одного: отдай мнѣ эти три альчика за семилѣтнюю работу мою,—больше я у тебя ничего не прошу.— «Отдамъ, отдамъ, сдѣлаю все, что хочется тебѣ», отвѣтилъ армянинъ и отдалъ ему сейчасъ-же альчики, вмѣсто слѣдовавшей ему платы. «Не зналъ я до-сихъ-поръ, что ты Нартовецъ; теперь я не пушу тебя пѣшкомъ», сказалъ армянинъ и отдалъ ему хорошаго коня съ сѣдломъ, съ уздой, съ плетью и проч. Сосрыко отправился домой. Сѣтана^{*)} очень любила Сосрыко, хотя и не родила его. Со дня отлучки Сосрыко, она каждый день отправлялась на седьмой этажъ своего дома и оттуда въ подзорную трубу старалась высмотрѣть его. Однажды она увидѣла ѣхавшаго по берегу моря всадника, конь котораго взбрасывалъ землю большими комками. «Если поинтеръ онъ броду», сказала Сѣтана про себя, «то онъ простой всадникъ, не мой сынъ и не изъ нашихъ; если же онъ не простой человекъ, то вѣдетъ въ самую глубь моря». Проѣхавши немного еще по берегу моря, всадникъ вѣхалъ въ самую глубь моря и подобно рыбѣ переплылъ на своемъ бѣломъ шаулохѣ^{**)} море. «Вдетъ къ вамъ, Нарты, отрядъ цѣлый или по-крайней-мѣрѣ¹ полотряда—такой всадникъ будетъ здѣсь сейчасъ!»¹ увѣдомила Сѣтана Нартовъ въ ныхасѣ^{*)}.

Когда подвѣхалъ всадникъ къ ныхасу, Сѣтана узнала въ немъ Сосрыко. Она начала обнимать его: «Гдѣ ты пропадалъ семь лѣтъ, нерожденный сынъ мой»?! восклицала Сѣтана много разъ. Она задала пиръ по случаю благополучнаго возвращенія Сосрыко изъ дальняго странствованія, куда были приглашены все Нарты. Нарты тоже много радовались возвращенію Сосрыко. Явился сюда-же и бѣдовый Сырдонъ: «О, Нарты, Нарты! вы семь лѣтъ чуть не носили траура по Сосрыко. Говорилъ я вамъ, что онъ возвратится,—что ему не писана смерть. Теперь видите его, и онъ опять покажетъ вамъ себя въ чемъ-нибудь». — «Семь лѣтъ, Сосрыко, ты странствовалъ,—ты долженъ показать намъ какую-нибудь новую игру!» пристала къ нему Нартовская молодежь.

*) Это сестра и вмѣстѣ съ тѣмъ жена Нартовскаго героя Урызага.

**) Т. е. на бѣломъ конѣ изъ завода Шаулохова, который славится на сѣв. Кавказѣ между всеми кабардинскими заводами.

***) *Ныхасъ*—говорильня.

— «Да, я знаю игры», сказала Сосрыко: «кто играет въ альчики, пусть идетъ со мною играть». Многіе вызвались играть съ Сосрыко. «Ну, какъ, на какихъ условіяхъ играютъ обыкновенно у васъ?» спросилъ Сосрыко. — «Какъ я на какихъ условіяхъ будешь играть ты, такъ и мы будемъ», отвѣчали ему. — «Если кто выиграетъ у меня, сказалъ Сосрыко, «тогъ можетъ или отрубить мнѣ руку, или отрѣзать ухо, или выколоть глазъ, или-же снять мнѣ со спины кожу на подобіе ремня длиннаго, а я кого обьиграю, тому сдѣлаю то-же самое: кто на такихъ условіяхъ играетъ, тогъ пусть, играетъ». — «Всѣ мы играемъ», отвѣтили молодые Нарты, — «потому мы и славимся храбрыми, что не побоимся и на этотъ разъ». — «Ну такъ хорошо», сказалъ Сосрыко: «будемъ играть».

Да будетъ такъ врагу твоему, что онъ надѣлалъ имъ: обьигралъ ихъ, поэтому кому отрѣзалъ руку, кому — носъ, кому выколоть глазъ, — словомъ, изуродовалъ всѣхъ, — и такимъ образомъ разошлись по окончаніи игры. Встрѣтился имъ Сырдонъ: «А-а-а, Нарты! Вотъ вы семь лѣтъ носили трауръ по Сосрыко, а теперь вы видите, надѣюсь, что онъ живъ: надѣлалъ онъ вамъ добрыя тавра, — теперь вы нигдѣ не можете пропасть: признаки хороши! Кто изъ васъ былъ съ носомъ — теперь безъ носа, кто съ ухомъ — теперь безъ уха, кто съ рукой — теперь безъ руки!... Хорошо погибъ Сосрыко, — нечего сказать! Злились на Сырдона Нарты, но что-же дѣлать, когда все это была правда, — оставалось имъ только попрыгаться по угламъ своимъ».

Узнавши о проказахъ Сосрыко, Сѣтана стала укорять его: «Ай, ай, Сосрыко! Нарты семь лѣтъ по тебѣ трауръ носили, никто изъ нихъ не взялъ скрипки въ руки за эти семь лѣтъ, — а ты ихъ теперь такъ изуродовалъ, — не слѣдовало тебѣ такъ поступать!» — «Что-же дѣлать, — какъ условились при игрѣ, такъ я и поступилъ», отвѣтилъ Сосрыко.

У славнаго Нартовца *Уазина* былъ единственный сынъ, по имени *Дзехъ*. Дзехъ умеръ. «О боже, я доволенъ тобою: ты далъ мнѣ этого отрока, потомъ ты-же разсудилъ и отнялъ его у меня!» взмолился Уазинъ. Могила Дзеха очутилась возлѣ *Барастыра**) по волѣ божіей. Богу показался слишкомъ уже оскорбительнымъ поступокъ Сосрыко, поэтому могилу Дзеха вдругъ сталъ освѣщать тонкій лучъ на подобіе паутины. Дзехъ заше-

*) По мифологическимъ представленіямъ осетинъ, это начальникъ покойниковъ, усопшихъ.

велился въ могилѣ, которую разметалъ потомъ, забросивъ доски могильныя вверхъ, и всталъ; поклонился онъ Барастыру въ ноги и сталъ просить отпустить его на этотъ свѣтъ. «Какъ-же я отпущу тебя? Эти покойники пойдутъ тоже все за тобой». — «Я найду средство удержать ихъ здѣсь, только отпусти меня», сказалъ Дзехъ. — «Въ такомъ случаѣ—ступай», согласился Барастыръ и отпустилъ. Дзехъ взмолился: «О Боже боговъ! пошли такой сиѣгъ, который хваталъ-бы по колѣно!» Богъ послалъ ему такой сиѣгъ. Тогда онъ подковалъ свою лошадь подковами назадъ, одѣлся и выѣхалъ. Покойники ринулись было за нимъ, но ихъ остановили. Они стали жаловаться, что не пускаютъ ихъ, тогда-какъ кто-то поѣхалъ. «Подите посмотрите, куда направленъ слѣдъ: впередъ или назадъ?» приказалъ Барастыръ. — «Слѣды направлены назадъ, къ намъ», донесли ему. — «Ну, такъ упасть по могиламъ! Это кто-нибудь ѣдетъ къ намъ», успокоилъ ихъ Барастыръ. Покойники попадали по своимъ могиламъ. Дзехъ между-тѣмъ пріѣхалъ на игорную площадь Нартовскую. «Сосрыко, выйди къ гостю!» кликнулъ Дзехъ къ Сосрыко. — «Бѣжай сюда!» отозвался ему въ отвѣтъ Сосрыко изъ дому. — «Нельзя мнѣ туда, — выйди ко мнѣ сюда!» кликнулъ опять Дзехъ. — «Нѣтъ, не выйду туда!» былъ отвѣтъ отъ Сосрыко. — «Ай, ай! какъ мало у тебя уважается гость!» укорилъ мальчикъ Сосрыко. Сосрыко не вышелъ къ нему. На ночь онъ остался на томъ мѣстѣ, легши около своего коня. Утромъ посмотрѣла Сатана на игорную площадь и увидѣла вчерашняго мальчика, спавшаго около своего коня. «Ну, нерожденный сынъ мой, иди испробуй себя и съ этимъ всадникомъ. Онъ ожидаетъ тебя». Сѣлъ Сосрыко на коня и выѣхалъ къ нему. «Сосрыко, отчего въ глазахъ твоихъ гость такъ мало значитъ?» спросилъ мальчикъ. «Пріѣхалъ я къ тебѣ узнать и увидѣть какую-нибудь новую игру, а ты и глазъ не кажешь». — «Прости меня, гость, не зналъ я этого и не могъ явиться къ тебѣ вчера», извинялся Сосрыко. — «На этотъ разъ прощаю, но покажи что-нибудь новаго». — «Играю я въ альчики», сказалъ Сосрыко. — «Хорошо, — будемъ играть въ альчики». — «Если ты обиграешь меня три раза, дѣлай со мной, что заблагоразсудится тебѣ; если я обиграю тебя, я сдѣлаю съ тобой, что мнѣ захочется». — «Хорошо, идетъ», согласился мальчикъ. Начали они такимъ образомъ играть. «Начни», сказалъ Сосрыко. — «Нѣтъ, начни ты, ты старше: мнѣ не слѣдуетъ начинать прежде тебя», отвѣтилъ

мальчикъ. Бросилъ Сосрыко три алычика на землю,—изъ нихъ вылетѣло три голубя, которые сѣли на деревъ. Бросилъ потомъ алычики Дзехъ,—изъ нихъ вылетѣло три коршуна, которые винулись на голубей и обезглавили ихъ. Поблѣднѣлъ Сосрыко: не легко ему было на сердцѣ, что съ такимъ необыкновеннымъ мальчикомъ заспорилъ. «Ну, теперь я не стану бросать первымъ, бросай ты», закапризничалъ-было Сосрыко.—«Нѣтъ, нельзя: я не имѣю права бросать первымъ!» отказался мальчикъ. Бросилъ опять Сосрыко алычики: изъ нихъ вышла красивая арба, нагруженная просомъ. Улыбнулся Дзехъ и бросилъ тоже алычики: изъ нихъ выскочили тысяча насѣдокъ съ цыплятами, которые жадно бросились на арбу и не оставили тамъ ни одного зернышка. «Брось теперь ты!» горячился Сосрыко.—«Нѣтъ, Сосрыко, я не смѣю: ты старше меня,—бросай,—кстати, это послѣдній разъ!» отвѣтилъ мальчикъ. Сосрыко бросилъ третій разъ алычики. Изъ нихъ выскочили три кабана, которые бросились бѣжать. Потомъ бросилъ Дзехъ; изъ алычиковъ выскочили три борзые собаки, которые пустились за кабанами, догнали ихъ и разорвали на мелкіе куски. Тогда мальчикъ сѣлъ на коня. Онъ то дернетъ за ухо Сосрыко, то за носъ, то потеревитъ ему руку или поднесетъ ему къ глазу кончикъ своего булатнаго кинжала, съ руганью, что онъ, Сосрыко, такъ безцеремонно наругался надъ Нартовскою молодежью. Наконецъ, когда мальчикъ въ свою очередь наругался надъ Сосрыко вдоволь, то всадилъ ему пику въ воротъ и, подвѣвши на воздухъ, сталъ таскать его на остріи пики. «Что ты мучаешь меня? Если что хочешь сдѣлать со мною, опусти меня на землю и дѣлай, что хочешь!» взмолился Сосрыко. Когда тотъ дотащилъ его довольно долго, то бросилъ его на землю; Сосрыко лежалъ на землѣ, какъ мертвый, не вставалъ на ноги. «Это тебѣ за безчинство противъ Нартовъ», сказалъ Дзехъ: «знай, что ты наказанъ сыномъ Узавиа, Дзехомъ». Немного еще оставалось до захода солнца, такъ онъ приударилъ коня и поспѣшилъ на тотъ свѣтъ, взмолившись прежде: «О Боже боговъ! останови еще немного солнце, чтобы я свѣтомъ добрался до мѣста». Богъ внялъ его просьбѣ и остановилъ солнце. Вотъ, теперь вечеромъ солнце, при заходѣ, бросаетъ красные лучи: это, говорятъ, въ память того событія. «Ахъ, перожденный сынъ мой, говорила я тебѣ: наткнешься когда-нибудь на равнаго себѣ, вотъ такъ и случилось», говорила Сатана Сосрыко, который, прихрамывая, на-силу дотащился до Сатаны. «Такъ мнѣ надо», сказалъ Сосрыко: «я слишкомъ многое позволялъ себѣ».

О томъ, какъ великанъ поймалъ Урызмага ¹²).

Однажды Урызмагъ возвратился изъ странствія, а Нарты сидѣли въ ныхасѣ ^{12*)} и, какъ видно было, унывали что-то сильно: едва привѣтствовали, сказавшаго «добрый день!», Урызмага. «Что это съ Нартами, что такъ приуныли?» спросилъ Урызмагъ у Сатаны. — «Да прислушались къ своему желудку», отвѣтила Сатана. — «Ай, ай, молодые Нарты, вы такъ упали духомъ, что, подумаешь, каждый изъ васъ похоронилъ того, кто ему былъ дороже всего на свѣтѣ! упрекнулъ нартовскую молодежь Урызмагъ, когда вошелъ въ ныхасъ. «Такъ, кто зовется мужемъ, садись: поѣдемъ со старымъ малымъ, авось раздобудемъ чего-нибудь! Поѣхали лучшіе представители Нартовъ съ Урызмагомъ. Ъхали они долго-долго. Наконецъ до того стали изнемогать отъ усталости и голода, что хотѣли остановиться и протянуть ноги. Вдругъ Урызмагъ замѣтилъ у подошвы горъ пастуха громаднаго роста, со стадомъ овецъ. «Ну, младшіе, кто поскачетъ и привезетъ намъ на ужинъ барановъ вонъ изъ того стада?» спросилъ Урызмагъ своихъ младшихъ. Никто изъ Нартовъ не отозвался. «Видно, старому самому придется поѣхать», проговорилъ Урызмагъ и полетѣлъ стрѣлой къ пастуху. Прискакавъ къ нему, онъ соскочилъ съ лошади, какъ рѣзвый царень, и поймалъ лучшаго барана, величиною съ порядочнаго быка. Онъ не могъ удержать барана: баранъ поволокъ его за собой, и Урызмагъ попался въ руки косому ¹³ одноглазому великану-пастуху. «А, мое солнышко Бодзоль ^{13**)}! Спасибо тебѣ, что доставилъ мнѣ, чѣмъ можно будетъ вечеромъ помазать себя по-крайней-мѣрѣ по губамъ и по пальцамъ», обрадовался великанъ и бросилъ Урызмага въ пастушью суму. «Что ты тамъ шевелишься? Вѣдь если придавлю вотъ этакъ, ребра у тебя посыпятся во внутрь! Сиди тамъ смирно! грозилъ великанъ шевелившемуся въ сумѣ Урызмагу, который принялся за съестные припасы великана. Междутѣмъ солнце заходило; великанъ, поэтому, прыгнулъ свое стадо домой, — въ одну пещеру, входъ въ которую заваливалъ за

*) Сказаніе это очень интересно: какъ увидитъ читатель, оно напоминаетъ намъ одинъ эпизодъ изъ странствованій Одиссея: Одиссей у Полихея, и имѣетъ, значитъ, историческій смыслъ.

***) Говорильня.

****) Это имя любимаго барана великана.

собою громадной скалой, а она, скала эта, такъ плотно приходилась, что не пропускала въ пещеру ни одного луча дневнаго свѣта. «Поди принеси, сынокъ, вертелъ, и вотъ лакомый кусокъ жарю, который сегодня приташилъ мнѣ Бодзолъ!» обратился великанъ къ сыну. Сынъ принесъ желѣзный вертелъ. Великанъ взялъ вертелъ и надѣлъ на него Урызмага и поставилъ его у огня, а самъ, усталый, въ ожиданіи шашлыка, повалился у очага спать. Вертелъ не прошелъ съвозъ Урызмага, а прошелъ между тѣломъ и платьемъ; поэтому, только великанъ повалился спать и захрапѣлъ, Урызмагъ соскочилъ съ вертела, разжегъ вертелъ докрасна и воткнулъ его въ хорошій глазъ великана. Поревѣлъ, побѣсновался великанъ и, слѣпой, долженъ былъ усмириться, пригрозивъ только, что все-таки онъ и слѣпой доберется до маленькаго лукавца. Урызмагъ убилъ и сына его. Съ досады и злости, великанъ кусалъ себѣ пальцы, но ничто не помогало, разумѣется: отомстить онъ, слѣпой, не могъ. Къ утру овцы стали блеять,—это значило: настало утро и пора выпускать ихъ на пастбу. «Но будетъ бѣда дому твоему. Ты отъ меня все-таки не уйдешь!» пригрозилъ великанъ опять Урызмагу и, отваливъ отъ входа скалу, сѣлъ на порогъ и сталъ по-одиночкѣ выпускать овецъ. Въ стадѣ великана былъ большой бѣлый съ длинными рогами козель, любимый козель великана. Урызмагъ наскоро зарѣзалъ этого козла, снялъ съ него шкуру съ рогами, одѣлся въ нее и пошелъ на четверенькахъ первымъ. «Это Гурчи ^{*)},—иди уминца, Гурчи, иди попаси стадо до вечера, и пригони вечеромъ домой; да, я ужъ слѣпъ, къ тому-же хочу мерзавца наказать! Иди, иди!»... Онъ погладилъ его по шерсти и пустилъ. Урызмагъ выскочилъ такимъ образомъ и ожидалъ выхода всего стада. Когда стадо вышло, онъ вскрикнулъ: — «А я здѣсь вѣдь, слѣпой осель!» Великанъ съ досады тутъ-же околѣлъ. Урызмагъ погналъ большое стадо къ Нартамъ, а Нарты чуть живые. Сталъ онъ рѣзать барановъ и угощать Нартовъ. —«Ну, что, Нарты, довольны? Еще?» спрашивалъ Урызмагъ, угощая ихъ. — «Довольны, сыты!» сказали Нарты. Что уцѣлѣло отъ стада, они, отправившись домой, погнали съ собой. Пригнали овецъ въ выхась, и стали дѣлать. Подѣлили поровну между всѣми. «Не такъ, не такъ, господа!» сказалъ одинъ Нартовецъ: «Урызмагу слѣдуетъ еще доля старшаго; мы умерли-бы съ голоду, если

*) Гурчи—это названіе любимаго козла великана.

бы не повелъ настъ снѣжно-бородый (т. е. Урызмагъ), — все это вѣдь досталъ Урызмагъ!» Никто не сталъ возражать: каждый изъ нихъ отдѣлилъ известную часть своей доли для Урызмага, и Урызмагъ получилъ еще такимъ образомъ долю старшаго. Стали веселѣй высматривать Нарты.

Нарты и Сырдонъ.

Однажды собрались странствовать *Сосрыко*, *Урызмагъ*, *Хамицъ* и *Сосланъ*. За младшаго ^(*) они пригласили сопровождать ихъ Сырдона. «Да какъ-же сопровождать васъ, господа мои, — бѣда мнѣ, право, съ вами: опять наградите меня изъ быковъ трехлѣтками, изъ овецъ — первоплодными, опять обидите меня ^(**)!» сказалъ Сырдонъ. — «Не бойся, не бойся: такая доля будетъ тебѣ, какая будетъ намъ, если только раздобудемъ чего-нибудь», обнадежили Нарты хитраго Сырдона. Отправились Нарты. На дорогѣ пришлось имъ переправляться черезъ одну рѣку. Такъ-какъ у Сырдона не было лошади, то онъ взялъ за хвостъ Сосрыкова коня. Посреди рѣки Сосрыко обратился къ Сыррону: «Сырдонъ, а скажи-ка, когда удобнѣе всего срѣзать ногти съ пальцевъ?» — «Когда вспомнишь», последовалъ отвѣтъ. — «Ну, такъ тебѣ немного будетъ трудно, что постоишь въ водѣ,» сказала Сосрыко. Онъ остановилъ коня и, доставъ изъ-подъ кинжала ножъ ^(***), сталъ тихонько срѣзать ногти, а Сырдонъ, стоя въ водѣ, готовъ былъ умереть съ досады, что такъ легко дался въ обманъ. Но дѣлать было нечего, — надо было стоять до-тѣхъ-поръ, пока Сосрыко не срѣзалъ всѣ ногти. Сырдонъ поклонялся въ душѣ отомстятъ за это. Переправились они черезъ рѣку и поѣхали далше, — ѣхали они долго. Наконецъ на ночь они остановились въ одномъ мѣстѣ. Когда они, усталые, заснули, Сырдонъ поворовалъ у нихъ кресала. Утромъ поѣхали они далше, — ѣхали опять

*) Обычай — быть сопровождаемымъ младшими во время странствія, обязанность которыхъ состоятъ въ услуженіи старшимъ, существуетъ и теперь.

**) Здѣсь Сырдонъ выражаетъ скрытую радость, именно: быть награждену именно такою скотиною, хотя выражаетъ ее въ смыслѣ нежеланія, ибо Нартовцы поступаютъ во всемъ совершенно противно желаніямъ и стремленіямъ Сырдона.

***) Ножи хранятся обыкновенно въ особыхъ чехлахъ подъ ножами кинжала.

долго. Къ вечеру они завернули въ одинъ дѣсь, съ цѣлью переночевать тамъ. Нужно было озаботиться имъ на счетъ ужина, — поэтому, одни пошли выгонять дичь, а другіе сдѣлали засаду. Какъ хорошіе стрѣлки, Нарты не дали, конечно, маху: убили большого оленя. Затѣмъ, хотѣли они развести огонь: одинъ хватится за кресало—нѣтъ его, другой — нѣтъ, третій—нѣтъ, и такъ ни у кого изъ нихъ не оказалось кресала, — всѣ сказали, что потеряли кресала. — «Ну, вы не младшіе!»¹³⁾ сдѣлалъ Урызмагъ укоръ своимъ товарищамъ: «вонъ, посмотрите, между подушкой и сѣдомъ должно быть у меня запасное кресало», продолжалъ Урызмагъ. Посмотрѣли—не оказалось его: Сырдонъ постарался пріупрятать и запасное кресало Урызмага. Нечего было дѣлать, стали они сидѣть безъ огня. Наконецъ, было уже около полуночи, какъ замѣтили они огонекъ вдали. Отправили они Сосрыко за огнемъ къ мѣсту, откуда свѣтился огонекъ, — это было жилище семи великановъ. Сталъ Сосрыко кливать хозяевъ. На кликъ его вышелъ одинъ изъ великановъ и пригласилъ его въ хадзаръ. Тамъ поставили ему вотъ этакое кресло, съ точеными ножками. Сосрыко сѣлъ въ кресло и не могъ уже встать: кресло полили великаны растопленнымъ воскомъ. «Да пусть не выпуститъ отсюда Богъ Сосрыко! Иди, Сосланъ, ты,—что онъ тамъ засидѣлся такъ долго! дивились Нарты и послали затѣмъ Сослана, когда Сосрыко не явился долго. Пришелъ къ великанамъ Сосланъ и тоже позвалъ хозяевъ. На зовъ его вышелъ одинъ изъ великановъ и пригласилъ войти въ хадзаръ. «Да пусть не выпуститъ тебя Богъ отсюда! Что ты сидишь, когда мы ожидаемъ тебя?» обратился Сосланъ къ сидѣвшему молча Сосрыко и самъ сѣлъ въ поставленное ему кресло. Онъ также не могъ встать. Когда Сосланъ не возвращался долго, явился къ великанамъ самъ Урызмагъ. Онъ сталъ бранить Сосрыко и Сослана: «чтобъ вамъ не выйти уже отсюда болѣе! пришли и сѣли себѣ, а тамъ ихъ ожидаютъ!» Онъ также сѣлъ въ кресло и не могъ встать. На мѣстѣ остался одинъ Сырдонъ. Онъ развелъ огонь и управился съ убитымъ оленемъ такъ, какъ ему было угодно. Когда насытился вдоволь, отправился онъ туда-же, привязавъ одну тре-

*) Въ кругъ обязанностей младшихъ при старшихъ входитъ также обязанность быть готовымъ на всякій случай и надобность: имѣть у себя запасы ремня, шило, огниво, и проч. Слѣдовательно, послѣ этого понятенъ укоръ Урызмага.

бушину къ одному усу и другую—къ другому ⁴²). «Доброй ночи вамъ, мои господа Нарты и великаны! Что, Нарты, вѣдь олень-то былъ очень хорошъ, а вы здѣсь засѣлись». Между-тѣмъ онъ хорошо зналъ, почему они сидятъ; внутренно радовался нашъ Сырдонъ, что отомстилъ Нартамъ. Завелъ онъ потомъ бесѣду съ великавами: «А вы, великаны, вы глядите кузнецами?— «Да, мы кузнецы», отвѣтили они.— «Какой изъ инструментовъ лучше всего: молотъ-ли, щипцы-ли или наковальня?», продолжалъ Сырдонъ, стараясь поспорить ихъ между собой. Одинъ говоритъ—молотъ, другой говоритъ: «нѣтъ, щипцы лучше всего», третій: «нѣтъ, наковальня», и такимъ образомъ они заспорили между собою; споръ перешелъ у нихъ отъ слова до дѣла: вступили онъ въ рукопашный бой и уничтожили другъ друга. «Ну, Нарты, какъ и съ вами поступилъ?» спросилъ Нартовъ Сырдонъ, смѣясь.— «Хорошо», отвѣчала Сосрыко: «какъ поступаетъ мужъ». — «А если я освобожу васъ отсюда, — хорошо-ли будетъ это»? Тогда Нарты взмолились Сырдоу, чтобы онъ освободилъ, избавилъ-бы ихъ отъ постигшей напасти. Сырдонъ сдѣлалъ имъ укоры, что они обижаютъ и унижаютъ его и что потомъ таки при надобности просятъ его помощи; затѣмъ взялъ кипятокъ и разлилъ его подъ нимк. Тогда они вскочили съ своихъ мѣсть, такъ-какъ были приклеены къ кресламъ желтымъ растопленнымъ воскомъ, который размягчился отъ кипятка. Забрали они все добро великановъ и подбѣляли поровну между собою. «Но, господа мои Нарты, мнѣ-бы слѣдовало еще доли младшаго», сказала Сырдонъ.— «Правда, правда, Нарты: ему слѣдуетъ еще доли младшаго», поддержалъ Урызмага и сейчасъ-же сдѣлилъ въ вторую часть своей доли и передалъ ее Сырдоу. Примѣру Урызмага, какъ старшаго, послѣдовали всѣ другіе.

Гатагъ и его сыновья.

Гатагъ былъ отецъ Сырдона и Цаугара. Умирая, Гатагъ позвалъ сыновей и сказалъ: «Сыновья мои! чѣмъ буду доволенъ

*) Очевидно, этимъ онъ хотѣлъ подразнить Нартовъ, которые все время оставались голодными.

вами на томъ свѣтѣ? Сырдонъ отвѣчалъ: «Если умрешь, отъ меня будетъ тебѣ хорошая могила, хорошее одѣяніе погребальное и хорошія похороны; цѣлый годъ по субботамъ буду справлять по тебѣ поминки, поставлю Нартамъ въ память твою хорошій *кабакъ* *) и выставлю быка; а также въ день твоей смерти справлю по тебѣ поминки, изъ *Дзилатъ* **) пуцу скачку. Если надую теби въ чемъ-нибудь изъ этого обѣщаннаго, да буду тебѣ конемъ на томъ свѣтѣ». — «Ну, Цаугара, вотъ Сырдонъ обѣщаетъ похоронить меня хорошо, въ день смерти устроить хорошія поминки, поставить *кабакъ*, цѣлый годъ по субботамъ дѣлать поминки, — а ты что обѣщаешь мнѣ?». — «Я», отвѣтилъ Цаугара, «буду стрѣлять хорошо въ *кабакъ*, буду участвовать на скачкѣ, сдѣлаю толстую липовую палку и сяду съ тѣми ***)», которые соберутся на поминки. Если надую тебя въ чемъ-либо изъ этого обѣщаннаго, то пусть на томъ свѣтѣ будетъ тебѣ конемъ Цаугара» ****).

Отецъ умеръ. Сырдонъ, что обѣщалъ отцу, все исполнилъ, какъ слѣдовало: сдѣлалъ въ самомъ дѣлѣ поминки, гдѣ сидѣлъ и Цаугара, устроилъ скачку, гдѣ участвовалъ и Цаугара, поставилъ хорошій *кабакъ*, въ который стрѣляли три знаменитыя Нартовскія фамиліи: Ахсартакката, Алагата и Бората. Нарты смѣялись надъ Цаугара: «у Цаугара умеръ отецъ, а онъ садится на поминкахъ и участвуетъ въ скачкѣ! Какъ ни много стрѣляли Нарты въ *кабакъ*, однако никто не попадалъ въ него. Цаугара смотрѣлъ долго на все это, — наконецъ, побѣжалъ домой и взялъ ружье. «Что имъ давать еще бычка, мы сами съ Сырдономъ зарѣжемъ его».

*) *Кабакъ*—это длинный щель, водруженный въ землю однимъ концомъ и съ досчатой цѣлюю на другомъ, выставляемый въ память усопшаго родственника обществу для состязательной пальбы; сбившій цѣль или попавшій въ нее получаетъ премию изъ быка или барановъ. Обычай этотъ впрочемъ поддерживается еще только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Горной Осетіи, на плоскости-же вездѣ оставленъ.

**) *Дзилатъ* — это минаретъ, что на лѣвой сторонѣ р. Терека между стан. Николаевской и Змѣйской, почти противъ аула Элхота

***) По обычаю осетинъ, ближайшіе родственники покойника, по которому справляютъ поминки, не имѣютъ права садиться съ приглашенными на поминки лицами. Цаугара-же, очевидно, идетъ противъ этого обычая, обѣщая отцу сдѣлать услугу, что сидеть съ приглашенными.

****) *Имя—Цаугара*—кажется, происходитъ отъ словъ: *цауга*—идти и *арра* — дуракъ, еумасшедшій, безумный, т. е. *шляющийся дуракъ*; наконецъ, на это указываетъ отчасти и роль его въ сказаніи, которая во многомъ, впрочемъ, рисуется его и умнымъ.

сказалъ онъ, прицѣлился и пули его унесла куда-то дощечку. Быкъ остался у него. Сырдонъ ежесубботно справлялъ поминки, Цаугара-же, взявъ толстую липовую палку, садился на почетномъ мѣстѣ съ приглашенными и ѣлъ съ ними, не обращая никакого вниманія на упреки и смѣхъ людей. Когда кончился годъ обязательствъ Сырдона относительно завѣщанія отца, приходитъ къ Сырдону Цаугара и говоритъ ему: «Ну, что и какъ намъ дѣлать теперь?»—«Что можешь, дѣлай для себя, иди куда можешь, со мною ты ничего не имѣешь», отвѣтилъ Сырдонъ.—«Ну, такъ нечего съ-губой дѣлать, можетъ быть и я гдѣ-нибудь найду житье», сказалъ Цаугара и, взявъ свою большую палку, отправился. Пришелъ онъ въ одинъ большой городъ и прямо къ кузнецамъ, на краю города. «Добрый день!» привѣтствовалъ онъ кузнецовъ.—«Здравствуй, и да будетъ тебѣ милость божья!» отвѣтили радушно кузнецы.—«Не возьмете-ли къ себѣ ученика?» спросилъ Цаугара.—«Мы давно уже ищемъ его, возьмемъ, отчего не взять!»—«Къ какому времени выучите меня?» спросилъ Цаугара.—«Къ слѣдующему году», былъ отвѣтъ кузнецовъ.—«Ахъ, вы, собачьи сыны! и къ вамъ на годъ поступлю развѣ! выучите меня въ одинъ мѣсяцъ». За такую ругань они начали бить и колотить его горячими молотами, и онъ, поколоченный сильно, бѣжалъ оттуда. Пошелъ онъ далѣе по улицѣ и встрѣтилъ одного добраго человѣка. «Да будетъ прямъ путь твой!» привѣтствовалъ добрый человѣкъ Цаугара.—«Да будетъ прямо дѣло твое», отвѣтилъ Цаугара.—«Не наймешься-ли ко мнѣ, добрый человѣкъ?» былъ спрошенъ Цаугара.—«Для чего нанимаешь меня?» спросилъ Цаугара.—«Есть у меня немного гусей; ты могъ-бы стеречь ихъ: ты выглядишь хорошимъ малымъ».—«Собачій сынъ! да развѣ ты не знаешь, что я Нартовецъ? На тебѣ-бы слѣдовало изломать вотъ эту большую палку за это», отвѣтилъ Цаугара. Человѣкъ этотъ оторопѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать, поэтому поскорѣй пошелъ своей дорогой. Цаугара вышелъ изъ этого города, пришелъ въ другой, еще большій, чѣмъ первый, городъ и прямо къ серебрякамъ. Онъ очень обрадовался, про себя говоря: «это славное занятіе для меня, спокойное!»—«Не возьмете ли ученика?» спросилъ онъ серебряковъ.—«Какъ не возьмемъ: мы давно ищемъ ученика!» отвѣтили радостно серебряки.—«Къ какому-же времени выучите меня?» спросилъ Цаугара.—«Къ слѣдующему году», отвѣтили они.—«Ахъ, вы, собаки! да останусь-ли и у васъ на годъ?»—«А какъ же?» спросили они.—«А такъ, что выучите меня, собаки, въ одинъ

мѣсяцъ». Они напали на него и давай бить его, кто чѣмъ попадѣ. Отправился онъ и оттуда, пришелъ ужъ на этотъ разъ въ столицу, да къ мастеру, который вытачивалъ деревянные затычки для бурдюковъ. «Отличное занятіе для меня», подумалъ Цаугара и спросилъ: «Нельзя-ли и мнѣ научиться у тебя этому занятію?»—«Очень хорошо», сказалъ токарь и сейчасъ-же засадилъ его за токарный станокъ. Онъ началъ точить и въ самомъ дѣлѣ выучился хорошо этому дѣлу. У хозяина сталъ онъ какъ родной. Однажды, наконецъ, онъ обратился къ хозяину: «Какъ-бы ты познакомилъ меня со всѣмъ, что есть у васъ въ городѣ, а то и еще ничего не видѣлъ здѣсь»? Хозяинъ долго водилъ его по городу, показывая достопримѣчательности городскія. Проходи мимо царскаго казнохранилища, Цаугара спросилъ: «А это что?»—«Это казнохранилище царское», отвѣтилъ хозяинъ. День былъ базарный,—поэтому Цаугара сталъ просить хозяина идти съ нимъ на базаръ. «Идемъ», отвѣтилъ старикъ, и пошли на базаръ. Цаугара купилъ тамъ двѣ лопаты. «Теперь мы повозимся около казнохранилища царскаго», сказалъ Цаугара.—«Охъ, губишь ты бѣднаго человѣка!» сопротивлялся-было хозяинъ.—«Не бойся: я не погублю тебя,—а ты и я будемъ богаты!» завѣрялъ старика Цаугара. Онъ согласился. Начали они подкапываться подъ казнохранилище; подкопались, наконецъ. Цаугара забрался въ казнохранилище и вынесъ оттуда много денегъ. Тогда, ночью, конечно, имъ легко было припрятать ихъ подалеже. На другой день, когда сторожа хватились, увидѣли, что кто-то обокралъ царскія сокровища. Донесли объ этомъ царю. Онъ разгнѣвался и разослалъ всюду извѣщеніи о покражѣ и приказалъ найти воровъ. Гдѣ-же можно было подозрѣвать бѣдныхъ затычечниковъ?! Сторожа-же положили, что вору, должно быть, еще посѣтить казнохранилище. Поэтому они вырыли глубокую яму въ мѣстѣ прокопа и прикрыли ее слегка, чтобы вору провалились въ нее. Цаугара, въ самомъ дѣлѣ, ободренный успѣхомъ, еще хотѣлъ захватить изъ царскихъ сокровищъ и присталъ къ хозяину съ просьбой отправиться еще съ нимъ къ казнохранилищу. Хозяинъ, нечего было дѣлать, согласился, только на этотъ разъ выговорилъ себѣ право—войти въ казнохранилище. Онъ пошелъ дѣйствительно благополучно въ казнохранилище: не упалъ въ яму. Набралъ много денегъ, столько, что подъ тяжестью присѣдалъ. Только хотѣлъ онъ перешагнуть черезъ яму, какъ вдругъ провалился туда. «Ахъ, бѣда теперь!» возопилъ старикъ.—«Ничего! дай только мнѣ»

сюда», сказала Цаугара. Онъ подалъ ему мѣшокъ. «Дай и книжаль сюда!» Онъ и книжаль подалъ ему. Цаугара сръзалъ старику голову, бросилъ ее въ мѣшокъ и пустился бѣжать. «Гдѣ нашъ старикъ?» спросила хозяйка Цаугара. — «Сейчасъ придетъ», отвѣтилъ онъ, и стали они вдвоемъ убирать деньги. Она стала рыдать, когда увидѣла голову мужа. Цаугара пригрозилъ ей, и она замолчала: не стала плакать. Убрали между тѣмъ и голову, и деньги. Сто-рожа и царская прислуга утромъ нашли тѣло безъ головы и мно-го дивились; дивился и самъ государь, говоря: «человѣкъ безъ головы обокралъ мои сокровища!» Поставили тѣло на базарѣ, полагая, что кто-нибудь да опознаетъ его. Никто однако не опозналъ его. Жена, между-тѣмъ, стала опять плакать, и когда она не переставала, Цаугара посоветовалъ ей: «Иди къ рѣкѣ, намери въ эти кувшины воды и пройдишь около того мѣста, гдѣ поставленъ безголовый. Когда ты дойдешь до него, то упади, будто спотыкнулась; кувшины твои побьются, и ты можешь плакать, сколько тебѣ вздумается. Тогда будетъ у тебя причина плакать; можешь разодрать щеки, изорвать волосы, и говори, что боишься, что тебя будутъ ругать дома за кувшины». Женщина послушалась его: взяла кувшины, отправилась по воду и, когда дошла до того мѣста, гдѣ было тѣло, упала и разбила свои кув-шины. Стала она плакать и рыдать: «теперь меня и въ домъ не пустятъ», кричала она. Она долго тамъ плакала. Люди подумали, что это должно быть мужъ ея, что она оплакиваетъ его. Спросили ее, ея-ли мужъ это. «Нѣтъ, не мой», отвѣчала она: «я несла воду, испугалась его и уронила кувшины, поэтому и плачу». Не повѣрили ея словамъ и засадили ее въ тюрьму. Цаугара *привѣсилъ се-бя на шею камень*^{*)} и *отправился къ царю жаловаться*. «Что я, бѣдный человѣкъ, сдѣлалъ? Жена моя пошла по воду, взявши кувшины, и теперь, какъ оказывается, засадили ее въ тюрьму, — за что обижаютъ бѣдныхъ людей, царь?» Царь велѣлъ выпу-стить женщину изъ тюрьмы. — Цаугара купилъ осла и отпра-

*) Это оригинальный юридическій обычай въ прошлой жизни осетинъ: въ былые времена (впрочемъ, это сохранялось и до 40-хъ годовъ настоящ. столѣ-тія), обиженный привѣшивалъ къ шеѣ камень и шелъ жаловаться къ подлежащей власти. Символическое значеніе этого обычая понятно: навѣшивание камня на шею означаетъ тяготѣніе несправедливости, обиды. Этотъ оригинальный обы-чай замѣчательнъ еще тѣмъ, что онъ указываетъ, что въ прошломъ осетинъ существовали и власти, къ которымъ можно было обращаться съ надеждой найти помощь противъ обиды.

вился въ дѣсь, выжегъ тамъ два куля угля и, навьючивши на осла, привезъ домой. На другой день сталъ онъ возить кули эти по городу, приглашая жителей продавать ему все, кто что захочетъ, такъ-какъ онъ имѣетъ два куля денегъ. Повозилъ ихъ до вечера по городу; никто къ нему не подходилъ. На ночь не у кого было остановиться ему. «Иди, бѣдный человѣкъ, я тебѣ *фисымъ*^{*)}»,— вотъ и безголового отдалъ мнѣ царь на сохраненіе», пригласилъ его богатый купецъ, который въ самомъ дѣлѣ взялся сохранить безголового, когда царь спрашивалъ своихъ подданныхъ, кто возьмется сохранить безголового подъ отвѣтственностью головой. «Какъ! ты называешь бѣднымъ человѣкомъ того, который имѣетъ два куля денегъ и осла?! Мнѣ пойти къ тебѣ, чтобы этотъ безголовый и у меня похитилъ два куля денегъ и осла! Очень хорошо,—какъ бы не такъ!»—«Ничего, заплачу, если похитить», отвѣтилъ купецъ и повелъ его къ себѣ. На деньги, которыя имѣлъ при себѣ, Цаугара началъ покупать напитки и угощать купца, угостилъ его дотога, что купецъ опьянѣлъ совсѣмъ. Тогда онъ отперъ тѣ двѣ двери, за которыми былъ безголовый, взялъ его, взвалилъ вмѣстѣ съ кулями на осла и повезъ домой. Привезши домой, онъ похоронилъ его, предупредивъ жену, чтобы она не проболталась никому о видѣнномъ. Была еще ночь, такъ онъ возвратился назадъ къ купцу и легъ спать. Утромъ, когда встали, увидѣли, что двери отперты, осель уведенъ, кулей не оказалось тоже, но, самое главное, не оказалось также безголового. Когда уведомили объ этомъ гостя, онъ началъ плакать и рвать на себѣ волосы, что потерялъ все, чѣмъ онъ жилъ и что составляло утѣху его жизни: «говорилъ я тебѣ, что этотъ безголовый, котораго никто не принялъ къ себѣ изъ другихъ людей, учинить мнѣ какую-вѣбудь бѣду!» Когда купецъ отказался удовлетворить его, онъ пошелъ жаловаться царю: «Всесильный государь! я, бѣдный человѣкъ, купилъ осла, который составлялъ поддержку и утѣху моей жизни; на немъ я привезъ тѣ деньженки, какія имѣлъ, на базаръ для покупокъ. Богатый купецъ зазвалъ меня на вочлегъ къ себѣ, у него-же былъ тотъ безголовый, который обокралъ твой сокровища. Напился пьянымъ хозяинъ мой; этимъ воспользовался безголовый, разломалъ двери и скрылся съ моимъ добромъ. Чѣмъ мнѣ прикажешь жить теперь? Теперь и просто погибъ!» Царь велѣлъ произвести слѣдствіе, и дѣйствительно

*) Хозяинъ гостя называется—*фисымъ*.

оказалось такъ. Онъ велѣлъ (да будетъ такъ и съ врагомъ твоимъ!) сослать купца, заставивъ его прежде уплатить за весь вредъ, какой онъ причинилъ Цаугара. А онъ заплатилъ Цаугара много денегъ, потому-что Цаугара увѣрилъ царскихъ служителей, что два куля были съ деньгами. Пошелъ онъ потомъ опять къ царю и говорить ему: «Вѣдь ты—всесильный царь,—какъ же ушелъ отъ тебя тотъ безголовый, который обокралъ сокровища твои? Какъ тебѣ послѣ этого не бояться и за дочь? Царь испугался въ самомъ дѣлѣ за дочь и потому отправилъ ее къ архіерею въ Тифлисъ, съ просьбой, чтобы онъ приберегъ дочь его, такъ-какъ къ нему, къ царю, повадился какой-то странный безголовый человѣкъ. Когда Цаугара узналъ объ этомъ, онъ поскакалъ въ Тифлисъ, явился къ архіерею, поклонился ему низко и сказалъ: «Архіерей, да съѣмъ болѣзни твои! къ тебѣ шлетъ царь свою дочь; но зачѣмъ ручаться тебѣ за благополучіе ея? Ты погубишь себя, если примешь ее; этотъ страшный человѣкъ, если угрожаетъ царю, который зовется у насъ всесильнымъ, который имѣетъ войско, то развѣ на найдетъ тебя здѣсь? Онъ пріѣхалъ уже сюда, какъ я слышалъ, и будетъ преслѣдовать тебя. Вотъ, посади ее въ этотъ сундукъ». Архіерей испугался и посадилъ царевну въ сундукъ, который Цаугара взвалилъ себѣ на спину и привнесъ обратно къ царю. «Вотъ дочь твоя единственная, береги ее самъ: какъ ты полагаешься на архіерея? ты самъ царь, и лучше убережешь свою дочь», сказалъ Цаугара.—«Такъ я возвожу тебя въ цари, что ты такъ честно соблюдаешь мой интересъ!» обрадовался царь.—«Не хочу быть царемъ,—за исключеніемъ этого чѣмъ наградишь, буду благодаренъ».—«Ну, такъ она должна быть твоею женою!» сказалъ царь. «Вотъ, дарю тебѣ землю съ людьми и живи тамъ», продолжалъ царь. Въ самомъ дѣлѣ, царь подарилъ ему большую землю; Цаугара поселился тамъ, женившись на дочери царя; жилъ тамъ, нажилъ большое потомство, а потомъ куда дѣлся—одинъ Богъ знаетъ.

Хатагъ-Барагъ^{*)}.

Красавица Балсу, не хотѣла ни за кого выходить замужъ, кромѣ Хатагъ-Барага^{**)}). Сколько къ ней являлись свататься! Всѣмъ отказывала. Поэтому, оставили ее. У одной одиночной вдовы былъ сынъ, который, какъ видно, уродился молодцомъ. У мальчика заговорило сердце къ Балсу, которая сидѣла обыкновенно на седьмомъ этажѣ мѣдной башни. Онъ смастерилъ скрипку, на которой на удивленіе всѣхъ игралъ такія пѣсни, какихъ не слышалъ еще ни одинъ изъ смертныхъ; пошелъ и, сѣвши подъ окнами Балсу, игралъ на ней свои удивительныя пѣсни. Красавицѣ Балсу пріятно было слушать такія пѣсни: она оставляла работу и высовывалась въ окно, слушала долго-долго, потомъ осыпала руганью мальчика: «А-а, ты, собачій сынъ, садишься играть подъ моими окнами! Ты до-тѣхъ-поръ будешь играть, *пока не велю продать тебя, когда пріѣдетъ Хатагъ-Барагъ*, на разныхъ шелковыхъ матеріяхъ для исподней и рубахъ^{***)}»).

Мальчикъ ударилъ скрипку о мѣдную башню, которая отъ удара задрожала. Скрипка, конечно, разсыпалась въ дребезги. На другой день онъ тоже сдѣлалъ скрипку, но лучшую, на которой сталъ играть и лучшія пѣсни подъ окнами Балсу^{****)}). Она опять, оставивъ работу, цѣлый день слушала его; наконецъ, вечеромъ, когда смеркалось, она опять осыпала его бранью: «Подожди, подожди, — недолго будешь играть у меня подъ окнами! Когда пріѣдетъ Хатагъ-Барагъ, онъ покажетъ тебѣ!» Онъ опять ударилъ скрипку въ сердце о башню, которая задрожала отъ могучаго удара, и ткнулъ въ землю палочкой, которая ушла въ нее по самый конецъ, и сказалъ: «Ты думаешь, что нѣтъ ужъ мужа, кромѣ Хатагъ-Барага?! На третій день, онъ, сдѣлавъ

*) Это сказаніе тоже относятъ къ циклу нартовскихъ сказаній.

**) Хатагъ-Барагъ значитъ собственно «странствующій наѣздникъ».

***) Здѣсь, очевидно, намекъ на ничтожное происхожденіе и состояніе мальчика: онъ черезъ свое одиночество, непринадлежность къ могущественному роду, который охранялъ-бы его, какъ своего сочлена, отъ всякаго насилія, и возрастное безсиліе, представляя собою добычу для всякаго лихого наѣздника, который могъ продать, промѣнять его гдѣ-нибудь на товары, какъ угрожаетъ здѣсь Балсу.

****) Игра на скрипкѣ подъ окнами Балсу мальчикомъ живо напоминаетъ намъ средневѣковыхъ серенадниковъ у оконъ своихъ возлюбленныхъ. Въ новыхъ осетинскихъ сказаніяхъ мы нигдѣ не видимъ подобной манеры объясненія въ любви.

скрипку, опять играть неслыханныя пѣсни подъ окнами Балсу. Она опять слушала его, а вечеромъ осыпала бранью: «Я тебѣ покажу, когда прїѣдетъ Хатагъ-Барагъ! продамъ теби на матерїи!»— «Ну, пусть ужъ не будетъ другого мужа на свѣтѣ, кромѣ него!»—отвѣтилъ обиженный мальчикъ. Между тѣмъ показался Барагъ; весь свѣтъ заблесталъ и засіялъ отъ него. «Вотъ, теперь и покажу тебѣ! видишь: онъ возвратился?»! угрожала Балсу. — «Да будетъ мнѣ въ удѣлъ гвѣвъ твоего Хатагъ-Барага: я не боюсь его нисколько; не будь я рожденъ отъ отца своего, если испугаюсь его»,—былъ смѣлый отвѣтъ мальчика. На третій день по прїѣздѣ, Хатагъ-Барагъ, подстрекаемый Балсу, крикнулъ къ мальчику: «Выходи-ка изъ дому, поросенокъ! гдѣ ты?»! — «Я не поросенокъ, но, клянусь именемъ отца, я выйду къ тебѣ!» отвѣтилъ мальчикъ и сталъ сѣдлатъ коня и нацѣплять оружіе на себя.— «Что-же ты пропалъ, или не выйдешь?» кричалъ сердито Хатагъ-Барагъ.— «Что? не дашь собраться мнѣ?»! отвѣтилъ мальчикъ и, собравшись советѣмъ, выѣхалъ скоро. Поѣхали они въ поле; здѣсь они начали драться. Хотя Хатагъ-Барагъ и похвалялся, что хочетъ унести поросенка и продать на матерїи, но однако во всемъ одерживалъ верхъ мальчикъ. Поѣхали затѣмъ они къ морю. Стали соперничать теперь на морѣ. Но море чуть было не унесло Хатагъ-Барага, который сталъ кричать мальчику: «Эй, спася меня! посибаю!» — «А-а-а! ты кричишь и просишь о спасенїи своемъ меня, котораго ты хотѣлъ продать!» засмѣялся мальчикъ, ринулся въ море и вытащилъ за воротъ Хатагъ-Барага вмѣстѣ съ конемъ. «Ну, такъ не спорь-же со мною! не спорь, если не можешь спорить!» сказалъ мальчикъ. «Балсу же не твоя, а моя», продолжалъ мальчикъ и, выхвативши шашку, отрубилъ ему голову. Потомъ, снѣ надѣлъ ее на палку и поѣхалъ домой къ Балсу. «Балсу? не хочешь-ли отвѣдать головы?» крикнулъ онъ къ Балсу и бросилъ голову къ ней въ окно. «Она, говорятъ, очень вкусна!» продолжалъ мальчикъ. Балсу плакала и рыдала, но дѣлать было нечего: должна была перестать плакать. Она стала сама напрашиваться мальчику взять ее за себя. Но онъ сначала гордо отказывался, и, когда порядочно помучилъ ее, взялъ ее себѣ въ жены.

Джантемиръ Шанаевъ.

СКАЗАНИЕ О СВ. УАСТЫРДЖИ *).

Въ одномъ зажиточномъ осетинскомъ горномъ аулѣ жили три брата-бѣдняка. Они трудились и работали изъ всѣхъ силъ, но провидѣніе, какъ-бы съ намѣреніемъ, не благословляло всѣ ихъ добрыя начинанія: благосостояніе ихъ не только не улучшалось, но видимо съ каждымъ днемъ приходило въ упадокъ. Обстоятельство это, однако, не уменьшало усилій трехъ братьевъ; напротивъ, они съ особеннымъ, лихорадочнымъ жаромъ продолжали неутомимо работать, и такимъ образомъ въ потѣ лица коротать свой вѣкъ—то на покосахъ, то въ нахотѣ. Не только односельцы сожалѣли о бѣдной долѣ трехъ братьевъ, но, казалось, неприступныя вершины горъ, вѣчно холодныя и безмолвныя свидѣтели человѣческихъ дѣлъ, досадовали, глядя на жалкую долю бѣдныхъ тружениковъ. Было время покосное. Три брата, по обыкновенію, находились на работѣ. Въ полдень, во время отдыха отъ работъ, когда братья сѣли за скудную свою трапезу, мимо ихъ проѣзжалъ на бѣлой лошади какой-то незнакомецъ. Одинъ изъ братьевъ, увидѣвъ всадника, обратился къ остальнымъ съ такими словами: «предложимъ путнику божій хлѣбъ и соль!»—На это одинъ изъ братьевъ отвѣтилъ: «что его приглашать на черствый хлѣбъ и воду? Если-бы мы могли предложить ему, какъ другіе, чашку браги и жирный кусокъ баранины, то это конечно было-бы пріятно для него и не стыдно намъ; еслп-же мы этого не можемъ сдѣлать, то что за охота выставять на показъ свою бѣдность?» — «Во время голода и жажды не только хлѣбъ, но и вода находка не послѣдняя!» отозвался тотъ, который хотѣлъ предложить путнику гостепріимство. Тогда три брата, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, разсудили, что если путникъ и откажется отъ скромной ихъ пищи, отъ хлѣба и воды, то и тогда

*) Уастырджи — покровитель Осетии. Нѣкоторые христіане изъ осетинъ Уастырджи переводятъ: св. Георгій.

они исполнили обычай своихъ предковъ, которые считали стыдомъ ѣсть тайкомъ божій хлѣбъ. Послѣ такого рѣшенія братьевъ, одинъ изъ нихъ обратился къ пробѣжавшему съ привѣтствіемъ: «счастливый путь» (да будетъ прямъ путь твой)! Затѣмъ, не дождавшись отвѣта, взялъ у путника лошадь подъ уздцы и предложилъ ему отвѣдать то, что Богъ послалъ; но въ то же время предупредилъ, что, кромѣ воды, хлѣба и соли, они не имѣютъ ничего. Путникъ принялъ предложеніе одного изъ братьевъ съ большою радостью; потому-что, какъ онъ объяснилъ, ѣхалъ онъ издалека и ему именно предлагаютъ то, въ чемъ онъ больше всего нуждается, т. е., онъ жаждетъ и умираетъ съ голоду.

Утоливши голодъ и жажду, незнакомецъ началъ говорить съ братьями и во время разговора высказалъ имъ, что другими кочевцами, мимо которыхъ приходилось ему пробѣжать, онъ не такъ доволенъ, потому-что никто изъ нихъ не предложилъ своего гостепріимства такъ, какъ предложили они ему. — «Вы, говорилъ незнакомецъ, не смотря на бѣдную трапезу, все-таки охотно ее со мною раздѣлили». При этомъ незнакомецъ выразилъ мысль, что Богъ навѣрно не лишитъ ихъ своихъ щедротъ и навѣрно поможетъ имъ во всѣхъ дѣлахъ. На это одинъ изъ братьевъ отозвался: «Гость — божій даръ. Какъ ты видишь, божій человекъ, мы всегда поступаемъ такъ со всѣми, т. е. даемъ наше гостепріимство каждому страннику, какъ завѣщали намъ наши предки; кромѣ того, мы трудимся и работаемъ въ потѣ лица; но Богъ насъ будто-бы забылъ: трудъ нашъ не вознаграждается, живемъ въ такой бѣдности, въ какой живутъ лишь лентяи и дармоѣды». Тогда гость обратился къ братьямъ съ такимъ вопросомъ: «что, если-бы Богъ обратилъ на васъ Свои взоры, напр., помогъ-бы вамъ стать счастливыми и довольными жизнью, то въ чемъ именно и въ какомъ дѣлѣ вы полагаете ваше счастье: т. е. чего-бы вы у Него просили?»—Съ грустью отвѣтили братья: «Много мы молились, много мы говорили о нашихъ бѣдахъ, но видно не суждено было дойти нашимъ мольбамъ до неба; на голосъ нашъ только горы отзывались, и то лишь пустыимъ эхо!» При этомъ старшій братъ началъ говорить, что они устали, измучились за неблагодарнымъ трудомъ, убиваютъ ежегодно свои силы въ пахотѣ и въ косьбѣ, между-тѣмъ, осенью, когда добрые люди наполняютъ свои житницы, они съ полей своихъ едва собираютъ на сѣмена. Потомъ, тотъ-же старшій братъ, съ выраженіемъ на

лицъ полнѣйшаго невѣрія въ возможность осуществленія дѣяніи своихъ желаній увеличить свой достатокъ, продолжалъ говорить такъ: «для меня не было-бы другого счастья въ жизни, если-бы я, вмѣсто того чтобы убивать свои силы въ бесполезномъ трудѣ—какъ это дѣлаю теперь ежедневно—возвращался-бы домой усталый отъ работъ вслѣдствіе избытка хлѣба; если-бы я видѣлъ свой токъ полнымъ скирдами разнаго хлѣба; если-бы я уставалъ отъ молотбы и вѣянія этого хлѣба, — вотъ, какъ я полагаю, въ чемъ можетъ заключаться счастье каждаго человѣка! . . . Незнакомецъ, отозвавшись одобрительно о пожеланіяхъ старшаго брата, обратился между прочимъ съ вопросомъ къ слѣдующему за нимъ: «А ты-же въ чемъ полагаешь свое счастье?» На вопросъ этотъ средній братъ отвѣчалъ: «Надо-ло мнѣ таскаться и убивать время въ покупкахъ агнятъ и барановъ для жертвоприношенія во время (извѣстныхъ) праздничныхъ дней; но еще больше надо-ло это мнѣ потому, что за жертвы эти приходится потомъ расчитываться съ людьми своимъ потомъ, отчего у меня сильно уже бодитъ сердце и я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствую, какъ оставляютъ меня мои силы; поэтому, если-бы я просилъ Бога, то лишь объ одномъ: о такомъ количествѣ барановъ, что-бы я могъ приносить жертвы изъ своего стада, и ходя съ нѣсколькими пастухами за своими баранами, безопасно посвистывалъ-бы на своей свирѣли?» Въ то время когда гость обратился къ третьему брату и хотѣлъ его спросить, чего-бы онъ желалъ отъ Бога, послѣдній, не давъ ему сдѣлать вопроса, въ свою очередь обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Братья мои рассказываютъ тебѣ каждый о своихъ желаніяхъ и нуждахъ такъ много и подробно, что какъ будто-бы Богъ вотъ-вотъ дастъ имъ все то, чего они только желаютъ». — «Очень можетъ быть!» отвѣтилъ путникъ. «Нѣтъ ничего удивительнаго, если и вправду исполнятся желанія твоихъ братьевъ. Вѣдь Богъ милостивъ и блага Его безпредѣльны; что-же тутъ труднаго для него исполнить такіа незатѣйливыя желанія?»—«Въ такомъ случаѣ», прибавилъ третій братъ, нѣсколько ободренный послѣ минутнаго сомнѣнія, «я все-таки, не посовѣтовавшись, не могу высказать своихъ желаній; потому-что я такъ еще молодъ, такъ мало жилъ еще на своемъ вѣку, что у меня, конечно, не можетъ быть ни такпхъ сильныхъ желаній, какъ у братьевъ, ни такого разумнаго выбора, какой они способны сдѣлать. И такъ, сознавая, что я далеко не могу спорить съ братьями въ

способности правильно смотрѣть на жизнь и на блага міра, и прошу у тебя, дорогой гость, дозволенія сбѣгать за совѣтомъ къ братьямъ моей матери *), отъ которыхъ только отъ однихъ и можно получить истинный родственный совѣтъ». На это путникъ замѣтилъ: «хотя я и не дождусь сегодня твоего возвращенія, однако—дѣлать нечего—пожду до завтра. Вы люди добрые, я васъ полюбилъ отъ души, потому съ большой радостью готовъ перечитать съ вами до другого дня, чтобы, дождавшись возвращенія меньшого брата вашего, узнать за одно и его желанія».

Побѣждалъ меньшей братъ за совѣтомъ къ братьямъ своей матери. Встрѣтивъ меньшого дядю, сѣдого, но совершенно бодрого и свѣжаго еще мужчину, онъ тотчасъ передалъ ему до мельчайшихъ обстоятельствъ свое знакомство съ загадочнымъ путникомъ и затѣмъ въ концѣ концовъ предложилъ ему такой вопросъ: «Чего я долженъ желать просить у Бога для своего счастья? Это неотступно хочеть знать нашъ гость». Похвалилъ дядя поступокъ своего племянника, что онъ не забываетъ старшихъ и, не положившись на свой умъ, пришелъ посоветоваться къ старику.^{ff} «Старика» — говорилъ дядя—«молодые люди не должны избѣгать, не должны брезгать имъ лишь за то, что онъ не выглядываетъ уже, какъ это бываетъ обыкновенно въ молодости, такимъ щеголемъ, что онъ такъ неопрятенъ, что ему подчасъ приходится даже утирать носъ; но за то — продолжалъ дядя—старикъ холоднымъ своимъ разсудкомъ можетъ дать и даетъ трезвый совѣтъ молодости, способной всегда увлекаться». Затѣмъ меньшей дядя, не давъ племяннику положительнаго отвѣта на предложенный ему вопросъ, посоветовалъ ему отправиться къ среднему брату. Пришелъ племянникъ къ среднему брату, кото-

*) Чтобы понять, почему дается такая вѣра совѣтамъ братьевъ со стороны матери, для этого надо знать, что, по обычному праву осетинъ, открывшееся наследство есть достояніе того рода, въ которомъ оно открывается. Такимъ образомъ, женщина, поступившая изъ одного рода въ другой и принесшая съ собою въ родъ этотъ какую-нибудь имущественную цѣнность, никогда по смерти своей не передаетъ имущество это въ прежній родъ. Если такъ строго проводится теорія родового начала въ отношеніи женщинъ, поступившихъ изъ другихъ родовъ, то еще строже таже теорія примѣняется къ самымъ родовичамъ, по смерти которыхъ наследниками ни въ какомъ случаѣ не могутъ являться члены другихъ родовъ, какъ-бы они ни были близки по вровнымъ связямъ. И такъ, если въ данномъ случаѣ племянники ссылаются на безкорыстность совѣтовъ дядей со стороны матери, то въ этомъ вполнѣ отразилась особенность духа осетинской правоспособности.

рый хоть не былъ такъ сѣдъ, какъ меньшей, однако на лицо былъ нѣсколько старѣе. Племянникъ передалъ ему все, что говорилъ младшему его брату, потомъ сказалъ, что его прислали просить совѣта. Но средній братъ тоже не далъ отвѣта и послалъ племянника къ старшему своему брату. Этотъ послѣдній съ виду былъ какъ будто-бы совершенно молодымъ человѣкомъ: у него не было еще ни одной сѣдинки въ бородѣ. Такъ-какъ во дворѣ и въ кунацкой не было никого, кто-бы могъ доложить о намѣреніи племянника видѣться съ дядей, то первый прямо отправился въ комнату послѣдняго. Войдя въ комнату, племянникъ увидѣлъ, что дядя спитъ, а жена вѣточкою отгоняетъ отъ него мужа; пола отъ длиннаго бешмета жены находилась подъ головою мужа. Хотя, по обычаю, тетка должна была привстать при появленіи племянника, однако она это сдѣлала не тотчасъ и видимо въ ней происходила борьба между чувствомъ страха нарушить обычай предковъ и боязнью потревожить своего мужа. Наконецъ, послѣ нѣкотораго замѣшательства и борьбы—между необходимостью нарушить обычай страны или нарушить сонъ мужа—она рѣшилась на послѣднее, т. е. выдернула полу изъ-подъ головы мужа и этотъ послѣдній сейчасъ-же проснулся; между тѣмъ жена привстала и любезно привѣтствовала своего племянника. Мужъ, не замѣчая присутствія гостя, выразилъ неудовольствие на жену, что она, причиняя ему безпокойство, увеличиваетъ этимъ число сѣдинъ въ его бородѣ. Затѣмъ, увидѣвъ своего племянника, онъ довольно нѣжно обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: «что тебѣ надо, мое солнышко»? Тогда, на вопросъ дяди, племянникъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ объяснилъ ему причину своего прихода. Дядя, подумавъ нѣсколько минутъ, добродушно произнесъ: «Вмѣсто того, чтобы навязывать тебѣ свои убѣжденія; вмѣсто того, чтобы учить тебя смотрѣть на жизнь, какъ я смотрю, и желать отъ жизни того, чего я желаю, мнѣ прежде всего хочется обратить твое вниманіе на то обстоятельство, которое произошло за нѣсколько минутъ до моего пробужденія. Если-бы ты могъ хорошенько подумать о той нѣжной заботливости и привязанности, которыя питаетъ ко мнѣ жена моя; если бы при этомъ сообразилъ ты и оцѣнилъ ту счастливую и беззаботную жизнь, которой, опять-таки, благодаря своей жевѣ, я живу, то ты-бы, и безъ моего совѣта, пожелалъ лишь одного: имѣть хорошую жену! Но все-таки ты, мое солнышко, поступилъ весьма хоро-